

ЛЕДЯНОЙ ПОХОД ГЕНЕРАЛА КОРНИЛОВА

XX военные
тайны
века

А.Ю. ПЕТУХОВ

Annotation

Новая книга А.Ю. Петухова рассказывает о 1-м Кубанском походе Добровольческой армии, из-за труднейших условий названном Ледяным. Под командованием генерала Л.Г. Корнилова Добровольческая армия с тяжелейшими боями прошла из Ростова до Екатеринодара, дав надежду всем противникам большевистских преобразований. Именно Ледяной поход генерала Корнилова стал символом доблести и сопротивления большевизму. Об этом и многом другом рассказывает предлагаемая читателям книга.

- [Андрей Петухов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть третья](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Часть четвёртая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)

- [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
- [Часть пятая](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
- [Приложения](#)
- [Примечания](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
 - [63](#)
-

Андрей Петухов

Ледяной поход генерала Корнилова

Предисловие

Воскрешение памяти

22 февраля 2018 г. минуло 100 лет со дня выступления четырёхтысячной Добровольческой армии генерала Л. Г. Корнилова из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Около 1050 вёрст прошли добровольцы за 80 дней, из них 44 дня вели бои. Поход называли Кубанским, потому что проходил он в основном на кубанской земле, или Корниловским, поскольку большую часть похода Добровольческую армию возглавлял генерал Л. Г. Корнилов, а Ледяным – за взятие станицы Новодмитриевской в исключительно тяжёлых погодных условиях.

Внешне являясь региональной операцией небольшой боевой части, Ледяной поход феноменальным образом оказал колоссальное влияние на ход всей Гражданской войны в России. Для Белого движения он приобрёл значение Эвереста духа, символа подвига и эталона преданности Белой идее. В дальнейшем в белоэмигрантской среде он всегда оставался предметом идеологической ценности. Свой нравственный смысл Ледяной поход не исчерпал и по сей день.

По его итогам разрозненные контрреволюционные отряды на Юге России сплотились вокруг Добровольческой армии, став организованной силой, способной влиять на ход событий в масштабах всей страны. Добровольчество из стихийного антисоветского протеста небольшой части офицерства и штатской интеллигенции выросло в заметное общественно-политическое течение.

Первопоходники стали кадровой основой для последующего развёртывания белогвардейских частей. Из их среды вышло много крупных военачальников и политических деятелей. В ходе Гражданской войны на Юге России они занимали немало ключевых постов в командных высотах белых армий.

Учреждённый 21 сентября (4 октября) 1918 г. генералом А. И. Деникиным знак Ледяного похода стал наиболее почитаемой наградой Белого движения, а изображённый на знаке клинок светлого меча, объятый терновым венцом, – его эмблемой.

Благодаря участию в походе значительного числа представителей военной и штатской интеллигенции, оставившей богатое литературное наследие, Ледяной поход обернулся легендой Белого движения.

Однако, если в белоэмигрантской литературе Ледяному походу отводилось почётное место, то в Советской России о нём было мало что известно широкой общественности. Идеологически выверенная, завуалированная ложь или завеса молчания долгие десятилетия окружали эти события, когда сквозь хор советской историографии не могли пробиться голоса белоэмигрантов-мемуаристов. Их труды ничтожными тиражами издавались за рубежом, в основном в 20-х – 50-х годах XX века, и выборочно переиздавались в России, по большей части в постсоветское время.

Книга «Ледяной поход генерала Корнилова» освещает ряд ключевых событий в канун ухода Добровольческой армии из Ростова и подробно рассматривает период самого похода. Пристальное внимание автор уделял детальному описанию всех походных боевых действий добровольцев. Значительное место в материале отводится вождям Добровольческой армии генералам Л. Г. Корнилову и М. В. Алексееву и их ближайшим помощникам генералам А. И. Деникину, И. П. Романовскому, С. Л. Маркову и А. П. Богаевскому. Но главные герои книги – рядовые добровольцы: молодое офицерство, юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, простые казаки и горцы. Отдельная глава посвящена обстоятельствам гибели генерала Л. Г. Корнилова. В качестве источников использовались воспоминания участников описанных событий с обеих сторон конфликта, но в большей степени белоэмигрантская литература, малоизвестная широкому кругу любителей отечественной истории.

Из-за немногочисленности Добровольческой армии, насчитывавшей в то время в своих рядах от 3–4 до 6–7 тысяч бойцов, и будучи изолированной от внешнего мира кольцом революционных войск, добровольцы не могли в феврале – апреле 1918 года существенно влиять на развитие военно-политических событий в общероссийских масштабах. Однако авторитет крупных военачальников Русской Императорской армии, генералов Л. Г. Корнилова и М. В. Алексеева, возглавивших добровольцев, уже тогда ставил Ледяной поход в разряд заметных событий.

Ещё на этапе обороны Донской области, с ноября 1917 г. по начало февраля 1918 г., Добровольческая армия стала самой организованной, боеспособной и непримиримой контрреволюционной организацией в казачьих землях. В то же время силы были слишком неравны, и петля революционных войск стремительно сжималась вокруг добровольческих частей. До первых дней февраля у генерала Л. Г. Корнилова ещё теплилась надежда удержаться в Ростове, однако стремительное наступление двадцатитысячной армии Р. Ф. Сиверса и разгром Батайского добровольческого отряда частями А. И. Автономова развеяли последние надежды.

Остаться в Ростове для добровольцев означало обречь себя на гибель в уличных боях, и генерал Л. Г. Корнилов 9 (22) февраля увёл Добровольческую армию из города. Войска А. И. Автономова замитинговали и не выполнили указание В. А. Антонова-Овсеенко закрыть дорогу на станицу Ольгинскую, что спасло добровольцев от полного окружения и разгрома.

Так начинался легендарный Ледяной поход Добровольческой армии, на 80 % состоявшей из офицеров, юнкеров, кадет и студентов. За что они воевали? Разумеется, у них имелась идейно-политическая платформа. В основном это были республиканцы и монархисты. Остро переживая слом векового социально-политического уклада страны, они воевали против революционного беззакония и шли за тем вождем, которому доверяли.

Для многих первопоходников Добровольческая армия являлась ковчегом в бурном океане революционного безвременья. Доверившись генералу Л. Г. Корнилову, они не знали, выплывет ли их корабль из штормового смерча Гражданской войны и к каким берегам его прибьет. С отчаянием обречённых пробивались добровольцы от станицы к станице. О победе они не помышляли; она если и виделась, то в отдалённом будущем. Да было бы и странно предаваться думам о ней, когда вся страна признала советскую власть. И лишь в казачьих землях сохранились крохотные островки контрреволюции...

Повествуя о Гражданской войне, невозможно обойти тему её невиданной кровожадности. В книге приводятся свидетельства участников Ледяного похода с описанием нескольких наиболее трагических эпизодов и сделана попытка их анализа.

Сможем ли мы когда-нибудь по-настоящему прозреть весь ужас Гражданской войны, весь её исполинский размах, всю людоедскую глубину падения?.. Для этого мало к очередной крупной исторической дате наспех пролистнуть учебник истории, чтобы в общих чертах освежить в своём сознании картины былого лихолетья.

Труден путь воскрешения памяти об этом времени. Давно нет в живых свидетелей событий, а их воспоминания часто не свободны от личных пристрастий, многие документы той эпохи утрачены, а иные до сих пор недоступны для исследователя. Сто лет минуло с тех пор, всего сто, а мы так многое уже забыли, почти забыли... А ведь были реки крови, океаны слёз, многолетние страдания народов России... И нет меры весов, способной оценить величину этих скорбей!

Чтобы обличить Зло до самых его корней, чтобы никогда впредь не повторилась братоубийственная бойня начала XX столетия, автор книги попытался, бережно прикасаясь к материалу, последовательно и честно рассказать о драматических событиях вековой давности.

Автор выражает благодарность Игорю Борисовичу Иванову и Михаилу Евгеньевичу Никишину за помощь в сборе материала для этой книги, а также военному консультанту капитану 2-го ранга запаса Н. Е. Комарову.

Часть первая

Последние дни обороны Ростова

Глава первая

Батайский отряд

Выходу Добровольческой армии генерала Корнилова из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход предшествовала череда драматических событий и неудач на фронте.

29 января (11 февраля) 1918 года в Новочеркасске, в атаманском дворце, после заседания войскового правительства застрелился атаман Всевеликого Войска Донского генерал-лейтенант Каледин. Многие высказал он этим выстрелом...

Призванный управлять Донской областью в период революционного лихолетья, он не сумел поднять Тихий Дон на борьбу с советской властью и объединить вокруг себя контрреволюционные силы. Защита казачьей области держалась лишь на малочисленных добровольческих формированиях и на небольших партизанских отрядах. Фронт под Новочеркасском агонизировал, и, считая положение безвыходным, атаман свёл счёты с жизнью. Генерал Корнилов с четырёхтысячной Добровольческой армией ещё надеялся удержать Ростов, но надежды эти таяли с каждым днём...

В середине января для наступления на Ростов с юга красное командование собрало крупный отряд под командованием А. И. Автономова, по разным данным силой от 2,5 до 5–6 тысяч пехоты с артиллерией. В отряд вошли части ставропольского гарнизона, в основном чины бывшего 112-го запасного полка. По пути к ним присоединились части бывшей 39-й пехотной дивизии.

В 12 верстах южнее Ростова располагалась крупная узловая железнодорожная станция Батайск и большое селение, где жили в основном железнодорожники. В массе своей они сочувствовали большевикам и готовили восстание в помощь революционным войскам.

До второй половины января от Добровольческой армии в Батайске стоял лишь усиленный караул. В двадцатых числах из Ростова прибыл спешенный ударный кавказский кавалерийский дивизион полковника Ширяева и 10 пехотных офицеров из 2-го офицерского батальона. Дивизион насчитывал около 120 человек и располагался в

железнодорожном эшелоне. Он нёс дозорную службу на станции Батайск, которая имела 5–6 железнодорожных путей и множество мастерских и складов. Полковник Ширяев находился в здании вокзала, поддерживая телефонную связь с Ростовом и постами, выставленными на юг, вплоть до станции Каяла, которую вскоре пришлось оставить ввиду приближения красных войск.

Со станции в селение Батайск полковник Ширяев время от времени отправлял патрули. Накануне восстания железнодорожников, 29 января (11 февраля), патруль из девяти человек подвергся вооружённому нападению. На станции слышали сильную стрельбу. «Высланный туда взвод нашёл на месте стычки весь состав патруля лежащим на земле в обезображенном виде от пулевых и штыковых поражений и ударов прикладами. Восемь было убито; девятый тяжело ранен и впоследствии выздоровел»^[1]. Нападавших найти не удалось. Белые взяли заложников и потребовали выдать виновных, однако дальнейшие события ближайших дней коренным образом изменили фронтную обстановку, и расследование инцидента пришлось прекратить.

Полковник Ширяев немедленно сообщил о случившемся в Ростов, и на другой день в Батайск приехал генерал Марков, назначенный руководить обороной Ростова на Южном фронте. Он ознакомился с обстановкой, как мог, приободрил добровольцев и пообещал прислать подкрепление.

Изуродованные тела убитых в Батайске добровольцев отправили в Ростов. По требованию донских властей, опасавшихся новой вспышки волнений в городе, хоронили погибших скромно, почти тайком.

31 января (13 февраля) на станцию Батайск прибыла обещанная генералом Марковым помощь – морская рота, численностью от 60 до 80 человек. Командовал ею герой Цусимы, кавалер Георгиевского оружия, решительный и храбрый офицер капитан 2-го ранга Потёмкин. Костяк роты составляли человек 30 морских офицеров и гардемарин, остальные – гимназисты и воспитанники Ростовского мореходного училища. Моряки имели свою отличительную форму одежды. «Мы носили обыкновенную сухопутную форму с морскими погонами – золотыми и черными просветами, – вспоминал один из участников событий В. С. Эльманович, – и добровольческий трехцветный шеврон на рукаве, сверх которого находился

Андреевский флаг, размером $11/2 \times 2$ дюйма»[2]. С моряками приехали 2 орудия юнкерской батареи, установленные на железнодорожных платформах. Для лучшего управления действиями морской роты в пехотных операциях в неё передали несколько офицеров кавалерийского дивизиона.

Так за день до массированного наступления красных окончательно сформировался в Батайске отряд полковника Ширяева общей численностью около 200 человек при 4 пулемётах и 2 трёхдюймовых орудиях. Он разместился у здания вокзала, в южной части станции. Дозоры и посты охраняли эшелоны и станцию, а на платформах у орудий находились дневальные.

Наступила тревожная ночь на 1 (14) февраля. На улице стоял трескучий мороз. Ледяные степные ветры пробирали до костей. Люди в дозорах и на постах быстро замерзали, и приходилось проводить частые смены. В сторону Ростова на версту тянулись погружённые во тьму забитые вагонами железнодорожные пути, мастерские и электрическая станция – вокруг них ни души. Лишь в помещениях депо виднелись огни, рядом с ними изредка появлялись железнодорожники, шипели паровозы, выпуская дым и пар.

В южном направлении, откуда ожидали красных, тоже царила жутковатая тишина. Боевые действия тогда велись в основном вдоль железной дороги, и, пока оставалась связь с ближайшей станцией, положение считалось надёжным. Той ночью связь оборвалась... Полковник Ширяев немедленно отправил в разведку к станции Каяла паровоз с дозором во главе со старшим лейтенантом Потоловым[3]. Он вскоре вернулся с плохими новостями – станция занята красными, которые обстреляли дозорный паровоз.

Рассвело. Мороз не унимался. Шквальный ветер стучался в окна вокзала. Внезапно вой паровозных свистков и гудков мастерских взорвал тишину, возвещая о восстании железнодорожников. Зловещий гул продолжался несколько минут, за ним последовал треск винтовочных выстрелов. Между вагонами засвистели пули. Дозоры сообщили, что из села Батайск показались вражеские цепи.

Готовые к такому повороту событий, части отряда стали разворачиваться для отражения атаки. Морская рота расположилась у вокзала. Два пулемёта установили на перроне за баррикадами, выстроенными из тяжёлых багажных вагонеток, остальные

пристроили в окнах здания вокзала. У окон расположились и стрелки. По линии железной дороги, прикрываясь вагонами, развернулся ударный дивизион. Но его цепь в 120 бойцов могла держать фронт не более 500 метров. Командир отряда понимал, что в такой ситуации окружение неизбежно.

Полковник Ширяев связался по телеграфу с Ростовом. В ответ на доклад о положении на фронте поступил приказ – держаться до подхода подкрепления. Затем связь оборвалась... Понимая, что вражеское кольцо вот-вот сомкнётся, командир отряда решил отправить артиллеристов в тыл. Как только состав с двумя орудиями тронулся, выяснилось, что все стрелки на пути переведены. Под градом пуль штабс-капитан Межинский бросился к стрелкам и открыл путь составу. Вскоре артиллеристы сумели вырваться из района станции на безопасное расстояние.

Имея не менее чем десятикратное превосходство в живой силе, красные окружили отряд полковника Ширяева, теснили его, пытались сжать огневое кольцо, но атаковать не решались. Шла интенсивная перестрелка. Во время отхода добровольцев к зданию вокзала погибли лейтенант Адамиди[4] и мичманы Петров и Мельников[5]. «Я, мичман Тихомиров и еще несколько человек из дивизиона защищали наш левый фланг станции, стреляя по наступающим и прикрываясь вагонами, – вспоминал начало боя А. П. Ваксмут, – но в 9 часов утра я уже тащился на станцию с повисшей рукой – разрывная пуля раздробила мне левое плечо, а за мною сейчас же притащился и Тихомиров с простреленной в двух местах ногой. В дивизионе был врач, который и перевязал нас. Потеряв много крови, я не мог уже ходить, и пришлось улечься на носилки»[6]. От жестокого огня красных дивизион нёс ощутимые потери и постепенно стягивался к вокзалу. Раненые заполнили помещения 1-го и 3-го класса, располагаясь на полу.

Около 11 часов от станции Каяла подошли три поезда и остановились в 2–3 верстах от Батайска. Из двух эшелонов высадилось не менее 1500 пехоты. И по численности, и по качественному составу это был серьёзный противник, способный вести боевые действия по всем правилам военной науки. Выше отмечалось, что отряд состоял в основном из нижних чинов бывшего 112-го запасного полка и бывшей 39-й дивизии. В рядах отряда находилось и несколько офицеров.

Главные силы прибывшего с эшелонами отряда густыми цепями пошли на селение Батайск, охватывая станцию с юго-запада и соединяясь с восставшими в селении Батайск. Теперь силы красных удвоились, и они готовились к решительной атаке.

Вдруг на вокзале раздался телефонный звонок. Полковник Ширяев взял трубку. На другом конце провода – красные.

– Кто у аппарата? – спросил командир отряда.

– Сдавайтесь! – последовал ультимативный ответ. – Сдавайтесь! Или мы придём и всех перевешаем!

– Приходите... – резко оборвал разговор полковник Ширяев и бросил трубку.

И красные пошли. Они обрушились всей своей пятитысячной массой на позиции добровольцев. Их головной блиндированный поезд при поддержке 500 штыков пехоты медленно двинулся вперёд, стреляя из пулемётов и установленного на нём орудия. Выждав, когда вражеские цепи подошли на расстояние менее версты, морская рота открыла по ним убийственный огонь из пулемётов. Красноармейцы заметались, остановив наступление, и залегли. Их бронепоезд тоже встал и усилил артиллерийскую стрельбу, пытаясь подавить пулемёты белых.

Пули вкруговую били в стены вокзала. Кирпичи, штукатурка и стёкла обильно сыпались на многочисленных раненых, умножая их страдания. Один из снарядов угодил в здание, перебив и переранив несколько человек. «Здесь был ранен капитан 2-го ранга В. Потёмкин, которому картечь выбила правый глаз и застряла в мозгу, – свидетельствует В. С. Эльманович. – Когда бронепоезд подходил, то наши пулеметы открывали ураганный огонь, и он принужден был отступать»^[7].

В это время, пользуясь удобным моментом, красные цепи вновь поднялись и бросились вперёд. Снаряды разбивали в щепы вагоны, которыми прикрывались моряки, но они продолжали вести нещадный ружейный и пулемётный огонь. Не доходя до вокзала всего 200 или 300 шагов, упираясь в стену огня, красные цепи вновь встали. Затем, не выдержав накала боя, они в беспорядке откатились версты на две назад. В то же время бронепоезд по-прежнему находился на расстоянии полуверсты от вокзала и продолжал артиллерийским огнём безнаказанно громить позиции ударного дивизиона и морской роты.

«Красные обошли нас со всех сторон, – писал А. П. Ваксмут, – и в течение дня их броневик с одной пушкой подходил вплотную и громил нас. Сыпались кирпичи и стекла, и пули бились в стены со всех сторон. Таких атак в течение дня было четыре...»^[8] Во второй половине дня и на фронте морской роты и с флангов, где держал оборону ударный батальон, наступление красных захлебнулось.

Хотя все атаки добровольцам удалось отбить, их положение оставалось отчаянным – вражеское кольцо сжалось, патроны на исходе, потери в отряде неуклонно росли. Он оказался заперт на крохотном пятачке вокруг здания вокзала. Добровольцы ожидали новых атак, уповая на обещанную помощь из Ростова. И с каждым часом их надежды таяли... «Но вот, около красного бронепоезда стали рваться снаряды: это стреляли орудия отошедшего к Ростову взвода юнкерской батареи, наблюдатели которого заметили бронепоезд. Несколько разрывов и... прямое попадание в паровоз...^[1]»^[9] Пользуясь удачным моментом, морская рота немедленно организовала вылазку с целью утолить патронный голод и заставить замолчать оставленный без прикрытия отступившей пехотой, подбитый красный бронепоезд.

Добровольцы сумели подобраться к паровозу на довольно близкое расстояние и внезапно ударили в штыки. Закипел упорный рукопашный бой. В жестокой схватке белые моряки перекололи всех артиллеристов и пулемётчиков, а паровоз бронепоезда привели в негодность. В отряд они вернулись с богатой добычей – увешанные пулемётными лентами и с приличным запасом винтовочных патронов. На вокзале их встретили с нескрываемой радостью. Однако положение добровольцев оставалось критическим. Они продолжали надеяться на спасительную помощь.

Пока Батайский отряд в полном окружении отбивал яростные атаки красноармейцев, шедший ему на выручку юнкерский батальон во главе с генералом Марковым пытался прорвать красный фронт со стороны Ростова. Но жидкая цепь юнкеров натолкнулась на густые массы красной пехоты и, получив фланговый удар со стороны селения Батайск, отошла назад.

Вскоре юнкера сами вынуждены были перейти к глухой обороне. Генерал Марков долго не выводил их из-под огня, надеясь, что Батайский отряд, правильно оценив обстановку, пойдёт на прорыв и

надеялся поддержать его. Но полковник Ширяев весь день оставался на вокзале, выполняя полученный накануне боя приказ – держаться до подхода подкрепления. В конце дня, во избежание лишних потерь, генерал Марков всё же отвёл юнкеров за реку Бейсужок. Теперь Батайский отряд и юнкерский батальон разделяло вёрст пять и несколько тысяч красной пехоты.

К вечеру стала меняться погода. Угомонился степной ветер и смягчился мороз. Выпал снег, бережно покрывая землю белым саваном. Разгулялась позёмка, замечая следы дневного боя, воронки от разрывов артиллерийских снарядов, искорёженные обломки железнодорожных вагонов, многочисленные тела убитых...

Наступила ночь на 2 (15) февраля, а с нею пришла зловещая тишина на всём батайском фронте. Полковник Ширяев выставил посты и дозоры и собрал остатки отряда в здании вокзала, чтобы дать измотанным за боевой день людям пищу и отдых.

Командир отряда собрал всех начальников. На повестке совещания – оценка обстановки. Как всегда, главный вопрос – что делать? Остаться на своей позиции на вокзале имело смысл лишь в том случае, если необходимо овладеть всем железнодорожным узлом и селением Батайск. Для этого требовались крупные силы почти всей Добровольческой армии, а не помощь в 200–300 штыков. Патронов, с учётом трофейных, явно не хватало на отражение нескольких атак. «Потери отряда за день боя – до 35 человек, – отмечал В. Е. Павлов, – из которых 6 человек убитых и 5 тяжело раненных... В отряде всего 140 бойцов. Настроение бодрое, но силы противника подавляющие: их насчитывают не менее, как в 3000 человек»[\[10\]](#). Удерживая вокзал во второй день боёв, отряд обрекал себя на агонию и, в конечном счёте, на разгром. Оставшихся в живых добровольцев неминуемо ожидали жестокий плен и мученическая смерть. В близкую помощь командир отряда больше не верил. На совете решили под покровом ночи пробиваться в наименее опасном восточном направлении на станицу Ольгинскую.

Оставался самый трудный вопрос – как вывести раненых, особенно носилочных. «Я был тяжело ранен и лежал внутри вокзала и обязан своей жизнью полковнику Ширяеву, – писал А. П. Ваксмут. – С наступлением темноты было решено пробиваться. Нас, носилочных раненых, было человек 8–9, и мы были большой обузой для

остальных. Зная бесчеловечную жестокость, издевательства и пытки, которым подвергались попавшие в плен к красным раненые добровольцы, кто-то предложил из милосердия нас добить. Услышав это, полковник Ширяев заявил, что либо все выйдем, либо все останемся»^[11].

Полковник Ширяев считал, что наибольшая опасность находилась в северной части станции. Согласно плану прорыва, отряд разделили на три группы. Первой группе в 40 человек ударного дивизиона под командованием ротмистра Дударева отводилась роль прикрытия с севера, «...ротмистр Дударов^[2] (убит летом 1918 г.), – отмечал В. С. Эльманович, – очень спокойный, храбрый офицер и прекрасный стрелок»^[12]. Выходя со станции на дорогу к станице Ольгинской, в случае тревоги у противника, группе этой следовало отвлечь внимание красных от главных сил отряда. Через полчаса после выступления группы ротмистра Дударева, 50 человек во главе с полковником Ширяевым выносили раненых. Им намечался путь от вокзала прямо на восток, в степь. Ещё через 30 минут морской роте в 40 человек под командованием штабс-капитана Фёдорова предписывалось уходить наиболее безопасным путём, действуя по обстановке. Всем группам предписывалось следовать к разъезду Заречная самостоятельно. В случае серьёзного боя авангарда остальным группам следовало оказать ему поддержку.

Во время совещания на погружённой в темноту станции вдруг зажглись фонари. Добровольцы немедленно разбили их ружейными выстрелами. Вражеское расположение оставалось освещённым, что облегчало наблюдение.

Главный расчёт полковника Ширяева на слабую бдительность красных и на удачу полностью оправдался. Высланные на разведку добровольцы вскоре сообщили о незначительном охранении противника. Более того, несколько разведчиков, встретив вражеский дозор, выдали себя за «товарищей». В ходе разговора они выведали расположение красных постов. Узнав об этом, отряд воспрянул духом. Шансы на благоприятный исход операции существенно возросли.

Ротмистр Дударев вывел своих людей из вокзала в 22 часа. Его группа скрытно проследовала вплотную к Батайску, где столкнулась с вражеским дозором. Добровольцы не растерялись и выдали себя за отряд, высланный красным командованием на восточную окраину

станции. Красные поверили. Удача вновь улыбнулась добровольцам, и они бесшумно проскользнули на указанную им дорогу.

Ночь оставалась тихой – ни винтовочного выстрела, ни пулемётного всполоха. В намеченное время выступила группа полковника Ширяева. От станционного перрона по направлению на станицу Ольгинскую ей следовало пересечь десяток железнодорожных путей, забитых товарными составами. Первыми вышли два морских офицера, братья Борис и Сергей Ильвовы с пулемётами, за ними потянулись остальные. С большим трудом добровольцы протаскивали под вагонами носилочных раненых. При этом образец мужества и благородства показал капитан 2 ранга Потёмкин «...раненный в голову, лишившись глаза, преодолевая головную боль, он, когда люди выбивались из сил, неся раненых, сам помогал нести их. Несколько часов до этого, он, раненный на вокзале, хотел застрелиться, но у него отобрали револьвер. Теперь он спасал других»[\[13\]](#). Линию железной дороги от степи отделяла каменная стена, у которой добровольцы спугнули вражеский караул. Но и тут им повезло – тревоги не последовало, и через пролом в стене группа спокойно вышла в степь. Шёл спасительный снег, лёгкая метель быстро заметала их следы.

Тревожно вслушиваясь в гнетущее безмолвие ночи, на вокзале оставалась ещё морская рота. К счастью вокруг всё было спокойно. Однако после кошмара дневного боя от физической усталости и психического перенапряжения у некоторых добровольцев стали сдавать нервы. Один из офицеров 2-го офицерского батальона резко отвергал утверждённый план движения и предлагал выходить в направлении на Нахичевань. Несколько человек его поддержало. Возник конфликт в самое не подходящее для этого время.

Касался ли спор только маршрута движения или поднимались и другие чувствительные темы, например судьба раненых? Согласно описанию событий в книге «Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов» отряду полковника Ширяева удалось спасти всех раненых. В. Е. Павлов отмечал: «На вокзале были оставлены тела убитых, вынести которых не представлялось возможным»[\[14\]](#). Однако участник батайских боёв в рядах морской роты В. С. Эльманович, в те дни мичман, в своих воспоминаниях свидетельствует об обратном – часть раненых всё же оставили на вокзале, обрекая их на пытки и страшную смерть. В этой ситуации

самоотверженно повела себя женщина-врач. Из милосердия к раненым она не пожелала уходить и разделила с ними их жуткую участь. Вскоре добровольцам открылись леденящие душу подробности плена. «Как мы узнали потом, – с болью писал В. С. Эльманович, – оставшиеся наши раненые были убиты, а женщина-доктор, по долгу службы оставшаяся с ними, была зверски изнасилована и сошла с ума»[\[15\]](#).

Прошло полчаса после выхода группы полковника Ширяева. Вокруг вокзала висела ненадёжная тишина. Дальнейшее промедление могло дорого обойтись морской роте. Понимая это, несмотря на разногласия среди офицеров и общую нервную обстановку, штабс-капитан Фёдоров смог вовремя вывести из вокзала свою группу. Он двинул её сначала в южном направлении, но затем решил обойти станцию с востока. Пять офицеров, затеявших спор на вокзале, откололись от группы и ушли в направлении на Нахичевань. В пути морская рота натолкнулась на охранение юнкерского батальона. Юнкера приняли их за красных и открыли огонь, ранив двух моряков.

Люди полковника Ширяева, вынося раненых, шли всю ночь по заснеженной степи. Двигались медленно. К счастью, красные их не преследовали, что вызывало недоумение у многих добровольцев. «Совершенно непонятно, почему красные за нами не следили и так легко нас выпустили»[\[16\]](#), – удивлённо отмечал А. П. Ваксмут. Горсть голодных, замёрзших, выбившихся из сил людей на открытой местности являлась компактной целью. Вероятно, ожесточённое сопротивление Батайского отряда и тяжёлые потери красноармейцев заставили красное командование дать добровольцам возможность уйти в степь. Несмотря на колоссальное превосходство в численности и в огневой мощи, за разгром Батайского отряда красные заплатили бы красную цену.

К утру 2 (15) февраля, измученная тяжёлым переходом и нервной обстановкой, группа полковника Ширяева достигла большого армянского хутора. В пути от неё отстало четыре человека. Из хутора отправили верхового в станицу Ольгинскую. Вскоре за добровольцами примчались казаки на розвальнях и во второй половине дня доставили их в свою станицу. Немного передохнув и дождавшись утра, добровольцы решили двигаться к парому напротив станицы Аксайской.

Метель заметно усилилась, заметая дорогу, и возник риск сбиться с пути и заблудиться, а раненых, для оказания им квалифицированной медицинской помощи, требовалось отвезти в Ростов без промедления. Кроме того, надолго оставаться в станице было небезопасно – в любое время могли появиться красные. Одна молодая казачка-учительница вызвалась сопровождать добровольцев, поскольку хорошо ориентировалась на местности и много раз ездила из станицы в Ростов и обратно. Она благополучно вывела отряд полковника Ширяева к парому и 3 (16) февраля приехала с ним в донскую столицу на поезде.

По возвращении в Ростов остатки морской роты вошли в состав 4-й роты Офицерского полка, которую возглавил ротмистр Дударев.

Двое суток, 2 (15) и 3 (16) февраля, при поддержке артиллерийского взвода юнкерский батальон отбивал атаки красных частей, неоднократно наступавших со стороны Батайска. В ночь на 3 (16) февраля генерал Марков отвёл юнкеров ближе Ростову за мост через Дон, на более выгодную позицию.

Погода не жаловала. После короткого потепления вновь крепчал мороз и набирали силу ледяные степные ветра. Спасаясь от зимней стужи, немногим юнкерам удавалось укрыться на речных барках или в немногочисленных береговых строениях. Большинство сидело в заснеженных и обледеневших окопах. За три дня из строя было около 40 человек, половина из них – заболевшие.

Генерал Марков понимал, что юнкеров необходимо сменить на позиции, и вытребовал из Ростова 2-й офицерский батальон полковника Лаврентьева. Батальон состоял из двух рот в 40 и 47 штыков с двумя пулемётами Льюиса под командованием полковников Семёнова и Зудилина, с запасом винтовочных патронов по 150 штук на человека.

Из донской столицы батальон шёл пешком. Морозный ветер не унимался. Колючий снег бил офицерам в лицо. 4 (17) февраля, во второй половине дня, уже в сумерках, батальон прибыл на позицию. Для встречи с начальством он построился у эшелона, где в вагонах у маленьких костров грелись юнкера.

После короткого приветствия генерал Марков сказал: «Перед вами бывший начальник штаба Юго-Западного фронта – генерал-лейтенант Марков. Вас я призвал сюда, чтобы сменить юнкеров: они не втянуты в боевую жизнь, им тяжело и ещё в такую погоду. По другую сторону

моста стоят 5000 человек большевистской сволочи. Уверен, что вы с ними справитесь и удержите позиции»[\[17\]](#).

Офицеры быстро сменили юнкеров на позициях, а двухорудийный офицерский взвод сменил юнкеров-артиллеристов. Трое суток, с 5 (18) по 8 (21) февраля, батальон полковника Лаврентьева сдерживал ежедневные атаки красноармейцев со стороны Батайска, пресекая все попытки врага овладеть мостом.

Глава вторая

Зверево

Зверево. Именно вблизи станции с таким ёмким названием в середине января 1918 года произошли события, поражающие воображение своей бесчеловечностью. Они стали яркой иллюстрацией взаимной ненависти и непримиримости обеих сторон конфликта. В названии маленькой станции словно бы отразилась суть братоубийственной бойни... Конечно, это простое совпадение, но в нём маячит кошмарная гримаса одной из самых тяжёлых страниц российской истории. А ведь это было только начало междоусобицы...

С первых дней января над донской казачьей столицей сгустились тучи. «Прикрытие Новочеркасска лежало всецело на состоявшем по преимуществу из учащейся молодёжи партизанском отряде есаула Чернецова, – отмечал А. И. Деникин. – В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то умиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров... Между тем 11 января большевики берут станицу Каменскую, создают военно-революционный комитет и объявляют его правительством Донской области»^[18]. Спустя несколько дней после создания военно-революционного комитета в станице Каменской его председатель донской урядник Подтёлков^[3] отправился в Новочеркасск с ультиматумом к донскому правительству о передаче ему власти. Несколько вернувшихся с фронта донских полков примкнули к красноармейцам. У красного казачества появились свои вожаки. Кроме Ф. Г. Подтёлкова, среди них тогда выделялись Ф. К. Миронов, Н. М. Голубов и М. В. Кривошлыков.

Во второй половине января малочисленные отряды партизан-добровольцев полковника Чернецова, войскового старшины Семилетова, есаула Карпова, войскового старшины Мартынова и другие небольшие партизанские формирования едва сдерживали

натиск красноармейских частей на разных участках фронта, и атаман Каледин забил тревогу, требуя помощи от генерала Корнилова.

Фронт Добровольческой армии тоже трещал по швам. Затыкая бреши в обороне Ростова, с одного участка на другой лихорадочно перебрасывались поредевшие, уставшие от нескончаемых боёв добровольческие части. Однако для защиты Новочеркасска всё же направили 1-й офицерский батальон полковника Борисова.

В батальоне находилось всего около 150^[4] человек. Пополнение его рядов шло крайне медленно – с 1 (14) января записалось всего 10–12 офицеров, поскольку добровольцам стало почти невозможно пробраться через кольцо фронтов. Лишь немногим смельчакам удавалось просочиться в Ростов, и то с огромным риском для жизни.

Для прикрытия тыла отряда есаула Чернецова и охраны железнодорожного моста с 15 (28) января на узловой станции Звереве обосновался добровольческий взвод. Пост у моста всё время находился под прицелом красных. За снежной равниной, приблизительно на двухвёрстном расстоянии, они установили два пулемёта. Не жалея патронов, они открывали огонь по любому человеку, появившемуся на мосту. «Два пулемёта, и около них маячит всё время человек десять, – писал С. М. Пауль^[19]. – Моим товарищам по оружию, это, наконец, не понравилось. Прапорщик Паслин вторым выстрелом на прицеле “3200” сбил одного из “товарищей”. Моментальная фотография! Все “товарищи” бросаются на землю, лежат, не поднимаясь, с полчаса, потом ползут назад, утаскивают с собою пулемёты и исчезают за бугорками»^[20].

16 (29) января с запада, по Харьковской ветке со стороны станции Гуково, красные перешли в наступление. Их разведку боем добровольцы отбили с большим трудом. В тот же день, совместно с подошедшей на станцию группой чернецовцев, взвод предпринял вылазку, потеряв при этом убитым поручика Арбатского.

Разведка донесла, что на станции Гуково красные накапливали крупные силы, готовясь атаковать Звереве. Ударить они могли в любой момент. Командир взвода срочно связался с Новочеркасском и запросил подкрепление. Время поджимало, однако 17 (30) января, ввиду забастовки железнодорожников, 1-й офицерский батальон выехать не смог. Машинисты сбежали с паровоза. Их поиски не

увенчались успехом, и полковнику Борисову пришлось искать людей, способных управлять паровозом, среди своих подчинённых.

По счастливой случайности нашлось несколько офицеров, имевших необходимые знания, и лишь утром 18 (31) января состав смог покинуть Новочеркасск. Набрав максимальную скорость, с короткой остановкой на станции Сулин, всего за 66 минут поезд преодолел расстояние в 95 вёрст до станции Зверево, где его с тревожным нетерпением ожидал добровольческий взвод.

Утром 19 января (1 февраля) выставленная батальоном застава спугнула красных разведчиков, после чего полковник Борисов решает перейти к активным действиям. Он приказал командиру 2-й роты штабс-капитану Добронравову внезапным ночным налётом выбить красных со станции Гуково. По разведанным, отряд красноармейцев насчитывал многие сотни бойцов, но полковник Борисов посчитал, что 35 штыков 2-й роты будет вполне достаточно для успеха дела. Добровольцы недоумевали по этому поводу, но приказ есть приказ...

В степи не на шутку разыгралась метель, затрудняя видимость. Считалось, что это поспособствует внезапности операции. Примерно в 15 часов штабс-капитан Добронравов повёл свою роту вдоль железнодорожного полотна, и вскоре она исчезла в снежной круговерти. Часа через три дежуривший на телеграфе старший портупей-юнкер Козлов уличил телеграфиста в тайных сеансах связи со станцией Гуково. Выяснилось, что уже в момент выхода на задание 2-й роты он сообщил об этом красным. Предателя расстреляли и немедленно отправили связных во 2-ю роту, чтобы вернуть её. Но тщетно – рота словно исчезла. Проплутав некоторое время среди непроглядной метели, связные вернулись ни с чем. А к ночи на станцию Зверево вышло 7 офицеров – это всё, что осталось от 35 душ 2-й роты.

Согласно их рассказу, чтобы не сбиться с пути в метельной степи, первые семь вёрст штабс-капитан Добронравов вёл роту вдоль железнодорожного полотна. Когда же до станции Гуково оставались последние три версты, рота приняла влево к оврагу и двинулась к станции с дозорами впереди и по бокам. В метельных сумерках видимость почти нулевая. Передние дозорные внезапно в упор столкнулись с красными. Грянул винтовочный выстрел. Тут же рота развернулась в цепь. Но огонь с фронта мгновенно поддержали

вражеские пулемёты с обоих флангов, взяв добровольцев в огневые клещи. Им стало ясно, что рота угодила в ловушку. Штабс-капитан Добронравов командовал отход. Но не тут-то было! Снежная вьюга мгновенно превратилась в свинцовую. Добровольцы метались из стороны в сторону в непроглядной мгле, ища лазейку в западне.

Прапорщик Пауль, в дни боёв у станций Звереве и Гуково офицер 1-й роты, впоследствии вспоминал: «...наша вторая рота, идя в атаку, попала под заградительный огонь из пулемётов, установленных на мельницах и крышах домов, и отступила, понеся большие потери»[\[21\]](#).

Один за одним, как подкошенные, падали в снег убитые и раненые офицеры. Вражеская пуля нашла и штабс-капитана Добронравова. Его подняли и попытались вынести, но он отказался от помощи. Не желая быть обузой, в резких выражениях он приказал оставить его и уходить.

История разгрома 2-й роты вызвала волну возмущения всего батальона. Никто не сомневался, что участь оставшихся у красных 28 офицеров была ужасной, что те из них, кто попал в плен живым, завидовали павшим. Их мученическую кровь в батальоне всецело возложили на совесть полковника Борисова, пославшего 35 душ на авось, в непроглядную метель, на десять вёрст, разбить многие сотни красноармейцев.

20 января (2 февраля) в батальон поступили сведения, что красные продолжают интенсивно наращивать силы на станции Гуково. Получив подкрепление, их отряд теперь насчитывал до 2000 бойцов, большей частью латыши, при 13 пулемётах. Не дожидаясь наступления противника и несмотря на неудачу 2-й роты, полковник Борисов не отказался от активных действий. Для ликвидации угрозы он вновь решил действовать не всем батальоном, а направил 1-ю роту – 94 офицера с двумя пулемётами под командованием подполковника Плохинского.

Метель утихла. Ударил сильный мороз. Около 22 часов 1-я рота двинулась вдоль железной дороги. При слишком неравном раскладе сил добровольцы уповали на внезапность. Впереди цепью шли разведчики – 6 офицеров, за ними на вагонетках везли пулемёты и двигалась рота. За 5 часов преодолели все 10 вёрст и под утро, после 3 часов ночи, вышли к станции Гуково.

Уже чуть-чуть начало светать, когда шедшие по леску справа от железнодорожного полотна разведчики у станционной сторожки наткнулись на часового. Прапорщик Пауль стал с ним переговариваться, прося пропустить на станцию погреться. Его напряжённый голос и незнание пропуска насторожили часового. Разговор оборвался. Справа, согнувшись, красные стали рассыпаться в цепь, стремясь обойти разведчиков. Как добровольцы узнали впоследствии, их заранее предупредили об опасности. Двое офицеров поползли к часовому, который, почуяв неладное, молясь и осеняя себя крестом, пошёл на них. Раздался выстрел – и часовой упал замертво. Грянули ответные выстрелы. Разведчики подались назад и попали в сферу огня чужих и своих. Схватившись за ногу, с криком упал поручик Кабуц. Прапорщик Пауль что есть мочи прокричал подполковнику Плохинскому, сообщая о раненом. Офицерская цепь поднялась и одним броском оказалась на линии разведчиков.

«Заработал наш пулемёт, но в землю: не установили подъёмного винта, – описывал бой под станцией Гуково С. М. Пауль. – Через минуту бойко застучали два пулемёта. Стрельба продолжалась минут десять. Встаём и идём в атаку. “Товарищи” бросают винтовки и бегут. В канаве перед будочкой, где стоял часовой и находился караул, два брошенных пулемёта. Спокойно расстреливаем мятущихся большевиков»[\[22\]](#). В пылу атаки подполковник Плохинский поднял на штык пулемётчика. Раненный в правую руку штабс-капитан Згривец перехватил винтовку левой рукой и заколол другого. Повалился на снег смертельно раненный командир 3-й роты штабс-капитан Пейкер.

За железнодорожным полотном суетился красноармеец, наводя станковый пулемёт «Кольт-Браунинг» на наступающих офицеров. Метким выстрелом его снял штабс-капитан Некрашевич[\[23\]](#). Пуля сбила мушку и угодила наводчику прямо в лоб. Прапорщик Пауль тут же разворачивает и устанавливает захваченный «Кольт-Браунинг», готовясь открыть огонь по бегущим в разные стороны красноармейцам.

В считанные минуты офицерская цепь захлестнула спящую станцию. Попытки оказать сопротивление жестоко пресекались. К такому стремительному развороту красные явно не были готовы и в панике спасались кто как мог. Одни вскакивали в стоявший под парами поезд, другие врассыпную разбегались по окрестностям. Состав

тронулся и стал медленно набирать ход. Бежавшие по перрону красноармейцы лихорадочно цеплялись за поручни, пытаясь втиснуться в вагоны, где и без них царила сплошная давка. Кто-то из красноармейцев достал гранату и хотел бросить её на перрон из окна, но она взорвалась в вагоне, сея смерть и доводя панику до запредельного градуса. Всё же эшелон смог развить скорость и оторвался от преследования. Подоспевший пулемёт проводил его длинной очередью. Готовились уйти ещё два состава. Но их остановили офицеры, вовремя вскочившие на паровозы.

Добровольцы быстро подавили разрозненные очаги сопротивления. На вокзале свирепствовала мясорубка. Приклад и штык соревновались в жестокости. Свистели пули, довершая расправу. «Врываемся на станцию, – писал С. М. Пауль. – Раненого начальника отряда – латыша взяли в плен. “Товарищи” попрятались под скамейки, забились в углы. Повыволокли всех на перрон и тут же расстреляли. Кто-то из них вступает в разговор, размахивает руками и развязно говорит: “Да я, «товарищи», не виноват, я...” Кто-то из офицеров бьёт его по лицу. Вытягивается. “Виноват, ваше высоко-дие”. Отдельные выстрелы, и жизни потухают. Кто-то из “товарищей” даже бросается на нашего командира роты. Раскроили череп. Кровь широкой струёй заливает перрон»^[24].

Около двадцати минут продолжался бой. Он словно смерч пронёсся по станции Гуково. «В несколько минут весь перрон усеян трупами красных, – описал кульминацию боя В. Е. Павлов. – Красные бегут в беспорядке к своим эшелонам, к двухэтажному зданию, из окон которого стреляют по перрону. За ними в здание врываются офицеры. Груды убитых покрывают полы. Вскоре в здании не остаётся ни одного живого большевика»^[25].

Ускользнувший со станции эшелон красных, в версте-двух за ней, на всех парах проскочил железнодорожный мост, где его в упор обстреляла донская офицерская дружина. Мост был заминирован, но мины не сработали и эшелон избежал разгрома и умчался проч.

По сведениям В. Е. Павлова^[5], при взятии станции Гуково ранним утром 21 января (3 февраля) 1-й офицерский батальон потерял 7 офицеров убитыми и 20 ранеными, а трупов красноармейцев на путях, на перроне, в железнодорожных вагонах и в станционных зданиях

насчитывалось более 500. Кроме того, офицеры захватили 13 пулемётов и около 300 человек.

Добровольцам досталась богатая добыча. «На станции брошенный состав – пять товарных вагонов. В одном вагоне обмундирование: шинели, брюки, ботинки и обмотки. Один вагон, полный чернослива (конечно, уже не на полный груз). В третьем вагоне груды белого хлеба, мешка два с сахаром, два бочонка с маслом и сырое мясо. В четвёртом – походная печь, брошенная кухонная посуда и кое-какая одежда и, между прочим, совершенно новый комплект германского обмундирования. В пятом – две свиньи и пять барашков»[\[26\]](#). По перечню трофеев видно, что красные готовились к наступлению на Новочеркасск основательно.

От пленных добровольцы узнали, где они зарыли убитых накануне офицеров. Яму нашли и раскопали. То, что открылось глазам, заставило содрогнуться выдавших виды фронтовиков. Изуродованные тела офицеров 2-й роты красноречиво говорили о чудовищных предсмертных пытках, которым подвергли их красные. Но и этого им оказалось мало – раненого штабс-капитана Добронравова, после нечеловеческих издевательств, бросили в ледяную яму ещё живым.

«Взятые в плен, убитые и раненые офицеры были раздеты, – свидетельствовал о запредельной жестокости красноармейцев С. М. Пауль, – и над ними надругались: выкалывали глаза, отрезали языки, вместо погон вбивали гвозди и чуть ли не живых ещё закапывали. И мы мстили за это... Я останавливаюсь подробно на первом сражении, так как оно как-то запечатлелось, а потом был уже угар, туман какой-то»[\[27\]](#). Увиденный кошмар решил участь пленных красноармейцев – всех их расстреляли.

Акты садизма по отношению к пленным офицерам не являлись редкостью, но этот случай запомнился добровольцам особенно изуверским. Возможно, он врезался в их сердца потому, что случился одним из первых, на заре вооружённой борьбы. Потом пролились реки крови, океаны слёз, многими людьми овладело помрачение, одурь братоубийственной бойни, и большинство её кровавых эпизодов их память уже не сохраняла... «Большевики с самого начала определили характер Гражданской войны. Истребление... – высказывался А. И. Деникин. – Выбора в средствах противодействия при такой системе ведения войны не было. В той обстановке, в которой

действовала Добровольческая армия, находившаяся почти всегда в тактическом окружении – без своей территории, без тыла, без баз, представлялись только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или “не брать пленных”... Когда во время боёв у Ростова от поезда оторвалось несколько вагонов с ранеными добровольцами и сёстрами милосердия и покатило под откос в сторону большевистской позиции, многие из них, в припадке безумного отчаяния, кончали самоубийством. Они знали, что ждёт их. Корнилов же приказывал ставить караулы к захваченным большевистским лазаретам. Милосердие к раненым – вот всё, что мог внушить он в ту грозную пору»[28].

Днём 21 января (3 февраля) добровольческий отряд подполковника Плохинского сдал станцию Гуково Донской офицерской дружине, сформированной генералом Назаровым, в которой на самом деле из 200 человек личного состава, офицеров насчитывалось не более 20, а остальные – старики-казаки и молодёжь. Вечером того же дня, взяв с собой убитых и раненых и погрузив в эшелон богатую добычу, добровольцы отправились на станцию Зверево.

В пути неопытные офицеры-машинисты сожгли котёл паровоза, поэтому 1-й офицерский батальон смог покинуть станцию Зверево лишь на следующий день, 22 января (4 февраля). Спас положение бывший инженер-путеец поручик Лысенко. В недрах зверевского депо, в деревянном сарае, он обнаружил старинный паровоз на четырёх маленьких колёсах и конусовидной трубой. Этот архаичный экземпляр топился дровами. В старину в России его называли «Танькой». Офицеры любовно окрестили свою необычную находку «Танюшей». Она-то и дотащила эшелон до станции Сулин, где для дальнейшего пути нашёлся современный исправный паровоз.

На перроне Новочеркасского вокзала добровольцы выгрузили своих павших боевых товарищей и оставили взвод для достойного погребения и отдания им должных воинских почестей, а главные силы батальона, не задерживаясь в Новочеркасске, отправились прямо в Ростов.

Неизгладимое впечатление произвела на добровольцев мученическая смерть офицеров 2-й роты и особенно раненого штабс-капитана Добронравова. Отдав категорический приказ офицерам,

выносившим его из боя, оставить своего командира и спастись самим, он обрёк себя на пытки и жуткую смерть. «И тогда решили, – писал В. Е. Павлов, – никогда не оставлять врагу своих раненых и убитых. Это было суровое внутреннее решение, молчаливое взаимное обязательство, ставшее неписанным законом, традицией»[\[29\]](#). Однако в будущем добровольцам не раз ещё пришлось нарушить эту клятву.

Глава третья

Агония фронта на Таганрогском направлении

В конце января погода не баловала – суровая зима вступила в свои права. Ударили трескучие морозы. Ледяные ветра хозяйничали в степи. Фронт на всех направлениях неуклонно откатывался к Ростову. Сжималась петля революционных войск вокруг Добровольческой армии.

Особенно опасная ситуация сложилась на Таганрогском направлении, где в то время действовал отряд полковника Кутепова численностью около 300 человек. Он состоял из сводных рот формировавшихся частей^[6]. Отряд с боями постепенно отходил вдоль железной дороги к Ростову. На добровольцев наседали многотысячные части красных под командованием Р. Ф. Сиверса.

Красное командование имело точные сведения о количественном и качественном составе Добровольческой армии, о чём В. А. Антонов-Овсеенко в своих воспоминаниях писал: «На Таганрогском направлении против нас действовали, исключительно, части, так называемой, Добровольческой армии. Состав этой армии, по сведениям нашей разведки, определялся в начале января в 3–4 тысячи штыков – Корниловский полк, три отдельных батальона (офицерский, юнкерский и Георгиевский) 4 батареи, один эскадрон и технические части. Большая доля этих сил расположена была в Ростове... Но все усилия “спасателей России” оставались тщетными. Их ничтожная армия состояла исключительно из барских сынков, офицеров да юнкеров. Дрались эти господа умело и нагло. Но против них была сокрушающая сила массы, сознавшей свою правду»^[30].

Уже в первых числах января, по данным В. А. Антонова-Овсеенко, 3-я колонна Р. Ф. Сиверса включала в себя: «...стрелковый полк 4-й кавдивизии, штурмовой батальон 17-го корпуса (400 штыков), отряд Петроградцев Трифонова – 900 штыков. Отряд в 300 штыков красногвардейцев из Екатеринослава с бронеплощадкой (2 орудия), 2 эскадрона драгун из 3-й кавдивизии и отряд Нежинских гусар. Харьковская батарея (4 орудия), батарея 17-го корпуса и батарея 3-й кавдивизии. Всего 700 солдат, 1200 красногвардейцев до 500 сабель, 20

орудий. Кроме того, в резерве до 4-х тысяч местной красной гвардии из Никитовки, Юзовки и других районов (1 Донецкий кр. гв. полк 3 бат. и отдельные дружины на рудниках)»[\[31\]](#). В общей сложности около 6400 штыков и сабель при 20 разнокалиберных орудиях и бронепоезде. Правда, значительную часть группировки составляли разношёрстные отряды красной гвардии, боеспособность которых была значительно ниже, чем бывших регулярных армейских частей.

Слева фронт упирался в Азовское море. Несколько раз под покровом ночи красные крупными отрядами пытались обойти левый фланг добровольцев, но неизменно все их вылазки на лёд Азовского моря заканчивались поражением. Притягательная для красного командования идея скрытного обхода позиции белых кратчайшим путём имела ряд существенных изъянов: на зеркальной поверхности даже в темноте хорошо были видны фигуры людей, далеко разносились слова команд; кроме того, ледяная гладь не давала никакого укрытия от пуль. Береговые наблюдатели добровольцев всякий раз засекали движение неприятеля со стороны моря, а пулемётные команды, подпустив врага поближе, перекрёстным огнём выкашивали его ряды до последнего человека. После нескольких неудачных экспедиций красные отказались от этой идеи.

С фронта, вдоль железной дороги, основной ударной силой являлись бронепоезда красных, на которых были установлены морские дальнобойные орудия. «Имевшиеся в отряде трехдюймовые пушки не могли состязаться с шестидюймовыми морскими дальнобойными орудиями бронепоездов, – отмечал А. Ф. Долгополов. – При отступлении подрывной взвод Корниловцев методично взрывал все мосты, водосточные трубы, рельсы и стрелки. Красные, заняв местность, в спешном порядке чинили мосты, заменяли рельсы. Ночью небольшие отряды добровольцев пробирались в тыл большевиков и взрывали все исправленное»[\[32\]](#). Быстро оценив обстановку, красные стали организовывать засады у мостов. Неудачные вылазки в свою очередь заставили добровольцев изменить свою тактику. Перед порчей железной дороги и мостов они сначала выявляли и уничтожали вражеские заставы.

Таким образом, фронтальные удары добровольцы отбивали, однако слишком неравный расклад сил не оставлял им шансов на успех, хотя и давал возможность выиграть время в надежде получить

новое подкрепление из Ростова. Но время шло, а помощь не приходила. Измотанные в бесконечных боях одни и те же малочисленные добровольческие части пожарным порядком перебрасывались на наиболее опасный участок фронта – то под Новочеркасск, то в Батайск, то на Таганрогское направление. Возвращавшиеся с фронта казачьи полки чаще всего держали нейтралитет или переходили на сторону революционных войск. Казачьи дружины, сформированные в станицах, как правило, не проявляли стойкости. После первого же неудачного боя они, как правило, бросали фронт и расходились по домам.

Правый фланг добровольцев, ввиду малочисленности отряда, оказался почти совершенно открытым. Этим и воспользовались Р. Ф. Сиверс и В. А. Антонов-Овсеенко. План их действий сводился к следующему – крупными кавалерийскими частями глубоко обойти правый фланг полковника Кутепова и отрезать его части от Ростова, затем общими усилиями армии намертво прижать добровольцев дугой фронта к Азовскому морю и сбросить на лёд.

Стараниями В. А. Антонова-Овсеенко части Р. Ф. Сиверса активно пополнялись всё новыми и новыми отрядами солдат-фронтовиков, рабочих центральных районов страны и местных красноармейских формирований. «Я был весьма озабочен скорейшим сосредоточением сил для стремительного удара к Ростову, – свидетельствовал В. А. Антонова-Овсеенко, – пока каледонщина не выпуталась из внутридонских смут. Всюду разослал я требования о спешной присылке подкреплений... Всего от Кудинского явились – отряд Московской красной гвардии (д-ра Знаменского) до 200 чел. с парой пулемётов, Рославльский отряд (до 200 чел. при 2 орудиях), “Железный батальон” и мортирная батарея (в 2 орудия) ... Куда большее значение имели подкрепления, прибывающие с Северного фронта. Прибыли к 1 февраля 435-й Ямбургский пехотный полк, 2 февраля 3-й латышский Вяземский полк (до 400 штыков), 3 февраля 18-й Сибирский стрелковый полк, затем 13-й тяжёлый артдивизион (3 батареи по 4 орудия) и 5-я Сибирская артбригада (4 батареи), последняя подтянулась только к 20 февраля. Из технических частей прибыли 2 роты 12 железнодорожного и одна 24-го батальонов, прожекторная команда (направлена к Сиверсу), под конец – даже понтонный батальон, так и не использованный»[\[33\]](#). В середине

января белые оценивали силы противника уже в 10 000 бойцов. Продолжая их наращивать для удара по Ростову, к началу февраля красное командование по некоторым оценкам довело численность войск Р. Ф. Сиверса до 20 000 штыков и сабель.

«С северо-запада двигалась армия Сиверса (бывшего прапорщика), – писал А. Ф. Долгополов, – состоявшая из: 3-го Курземского и 6-го Тукумского латышских стрелковых полков; двух Интернациональных бригад, в которые входили военнопленные немцы и мадьяры, китайцы, латыши и балтийские матросы; отрядов петроградских рабочих; кавалерии – 1000 сабель; двух бронепоездов – 10 тяжелых и 32 легких орудия. 10 000 вооруженных рабочих присоединились к Сиверсу после захвата Таганрога»[\[34\]](#).

Этой группировке противостоял всё тот же отряд полковника Кутепова. Если силы красных постоянно наращивались, то численность добровольцев практически не менялась. На это указывает одна из сводок полковника Кутепова в штаб Добровольческой армии: «Наличный состав отряда – 265, убитых 2, раненых 6; немедленно прислать трехдюймовых снарядов, патронов и динамита. Красные непрерывно заходят с севера. Идут упорные бои»[\[35\]](#).

Весь отряд помещался в одном поезде, состоявшем из 12 пассажирских вагонов, нескольких товарных и одной платформы с двумя трёхдюймовыми орудиями. В поезде находились все запасы оружия и продовольствия. Ели и спали добровольцы в вагонах. Кормили их экономно – продовольствия не хватало. Утром чаепитие с двумя кусками сахара и ломтем хлеба, в обед – борщ с мясом, а вечером чай с хлебом. Поезд и железнодорожная станция являлись главными целями красной артиллерии, но, к счастью, не случилось ни одного попадания.

Лобовые массированные атаки не приносили красным заметного успеха. У красных появилась регулярная конница, крупные части бывшей 4-й кавалерийской дивизии. Слабые партизанские отряды и сотня полковника Гершельмана в 50 шашек, прикрывавшие правое крыло, не могли противостоять этой силе. Используя преимущество в кавалерии, красные легко обошли добровольческий отряд с северо-востока и заставили полковника Кутепова, избегая глубокого охвата, к 27 января (9 февраля) оставить линию станции Бессергеновки и отойти на 10 вёрст на восток, к станции Морская.

При отходе со станции Бессергеновка весь отряд полковника Кутепова чуть было не погиб из-за предательства машиниста. Перед бегством с паровоза он потушил огонь в топке и испортил тормоз Вестингауза. Однако среди добровольцев нашлось несколько человек, кое-что понимавших в деле управления паровозом. Кое-как они развели огонь в топке, бросив в неё горящую паклю. Раздался хлопок, сопровождавшийся вспышкой. При этом экспериментаторы отделались лёгким испугом и обожжёнными руками и бровями. Но на этом их приключения не закончились.

Развели пары, и выяснилось, что на исходе вода и нефть – паровоз ходил на нефти. Испорченные тормоза не позволяли правильно пристроиться к водоналивному крану. После многих попыток всё же наполнили бак водой. Гораздо сложнее оказалось восполнить потребность в нефти. Приспособлений для её наливки на станции не оказалось, ведь паровозы Юго-Восточной железной дороги двигались на угле. Разыскали на запасном пути полную цистерну с нефтью. Человек сорок облепили её и перекатили на соседний с паровозом путь.

Наступила ночь. Из штаба то и дело прибегали адъютанты с требованием ускорить подготовку к отступлению. Нефть наливали вручную, передавая вёдра по цепочке. Уже глубокой ночью осторожно стали подгонять паровоз к поезду для прицепки вагонов. Из-за испорченных тормозов и неопытности «механиков» не обошлось без курьёза, «...как ни старались “механики”, – отмечал А. Ф. Долгополов, – паровоз с такой силой ударил стоящий поезд, что порвались телефонные провода; спящие попадали с верхних полок; многие, решив, что это нападение большевиков, выскочили из вагонов в одном белье с оружием в руках. Из Штаба прибежал адъютант с револьвером в руке, грозя застрелить виновных; ему было любезно предложено управлять паровозом, если он хочет»[\[36\]](#).

Ряд неудачных попыток прицепить к паровозу состав завершился, наконец, удачей, и поезд потихоньку двинулся к станции Морская. Вскоре среди офицеров нашёлся бывший студент-политехник, изучавший железнодорожное дело. Ему с нескрываемой радостью и вручили управление паровозом.

Развивая успех, 27 января (9 февраля) красные вновь повели массированное наступление вдоль железной дороги. Понимая всю

тяжесть ситуации, штаб Добровольческой армии прислал полковнику Кутепову подкрепление – роту Корниловского полка в 100 штыков при двух орудиях 1-й Юнкерской батареи. Помощь пришла вовремя – целый батальон латышей 6-го Тукумского стрелкового полка по льду Азовского моря зашёл в тыл отряду полковника Кутепова, угрожая отрезать ему пути отхода. Прицельный пулемётный огонь добровольцев уничтожил весь батальон латышей. Лишь двое из них попали в плен.

Это были молодые рослые блондины, бывшие петроградские рабочие. Одеты в кожаные куртки, в офицерских сапогах, они держались хладнокровно и не просили о пощаде. Во время допроса пленные не скрывали, что они коммунисты, а к командиру отряда обращались подчёркнуто вежливо:

– Господин полковник...

Понимая, что перед ним убеждённый в своей правоте враг, полковник Кутепов закончил короткий допрос, резко повернулся и ушёл, махнув рукой.

Перед расстрелом пленные попросили закурить. Не обращая внимания на вопросы присутствующих и не выказывая волнения на своих побледневших лицах, они жадно курили взятую. Не докурив папирос, решительно отбросили их...

27 января (9 февраля) красные, безуспешно наседавая пехотными частями с фронта, кавалерией повторили обход правого фланга добровольцев и вновь заставили полковника Кутепова пятиться назад на десять вёрст, теперь к станции Синявской. Отходя, добровольцы взорвали мост у станции Морская, основательно разворотили железнодорожные пути разрушили водокачки и сожгли дотла станционные здания. 29 января (11 февраля) Р. Ф. Сиверс телеграфировал В. А. Антонову-Овсеенко, что мост будет восстановлен только через 4 дня. Несмотря на это, его войска продолжали наступать по намеченному маршруту и завязали перестрелку с белыми уже у Синявской. Кроме того, он остро поставил вопрос о скорейшем подходе частей 4-й кавдивизии, чтобы очередной раз осуществить излюбленный манёвр – глубокий охват правого фланга противника. Белые по-прежнему не имели кавалерийских частей, способных противостоять 4-й кавдивизии красных.

Готовясь к масштабным боям на Ростовском направлении, В. А. Антонов-Овсеенко вызвал из Мариуполя часть 2-й воздушной эскадрильи лётчика Н. А. Ласкина. Она перебралась в Таганрог 1 (14) февраля. 4 (17) февраля из Мариуполя лётчик Рябов совершил налёт на Ростов и сбросил у вокзала несколько бомб. Н. А. Ласкин развернул в Таганроге бурную деятельность. На авиационном заводе В. А. Лебедева нашлось совершенно исправных 3 двухместных биплана Сопвича, которые славились своими аэродинамическими качествами и маневренностью. Красные лётчики произвели на этих аппаратах разведку в сторону Ростова, осуществили бомбометание и сбросили агитационную литературу. Во время полётов они зафиксировали подготовку обороны противника. Впереди станиц Синявская и Гниловская обнаружили линии окопов, оборудованные проволочным заграждением.

28 января (10 февраля) В. А. Антонов-Овсеенко телеграфировал в Петроград, в Совет народных комиссаров, о положении дел на фронте: «После разгрома калединцев у Матвеева-Кургана и тщетной попытки сдержать нас у Ряженое, калединцы выдержали двухдневный бой под самым Таганрогом, но под угрозой обхода правого фланга со стороны Дежниковки отошли, разрушая дороги и станции. Путь к Таганрогу очищен. Таганрог в руках красной гвардии. Таганрог свободен от калединцев. Наши продолжают наступление к Ростову. Калединцы пытались окопаться между станцией Морской и Синявской. С казачьей деревни казаки воспрепятствовали, калединцы сожгли деревню. Морская нами занята»[\[37\]](#).

Продолжая наступление, 31 января (13 февраля) войска Р. Ф. Сиверса после упорного боя заняли хутор Недвиговка и сразу же ощутили прилив крепко сколоченных, свежих сил у белых. «У противника обнаружился приток подкреплений, – отмечал В. А. Антонов-Овсеенко, – подошли незначительные, но бойкие отряды Назарова и Ильина, исключительно смелые части Корниловского полка (их отличие – на левом рукаве голубая нашивка с белым черепом и двумя костями накрест под ним), и сильные казачьи дружины станицы Гниловской»[\[38\]](#). Особенно В. А. Антонов-Овсеенко торопил кавалерию, и к 1 (14) февраля передовые части 4-го уланского Харьковского полка вошли в село Генеральский мост, 2 эскадрона

Новотроицкого драгунского полка заняли Султан-Салы, а 4 эскадрона с артиллерией того же полка взяли Петровскую.

Становилось ясно, что дни белого Ростова сочтены, хотя штаб Добровольческой армии ещё надеялся удержать город в своих руках. На рубеже станции Синявской к добровольцам пришло неожиданное подкрепление – около 200 казаков станицы Гниловской. К этому времени отряд пополнился ротой корниловцев в 100 штыков и двумя орудиями – взводом 1-й Юнкерской батареи.

31 января (13 февраля) добровольческие части полковника Кутепова перешли в контрнаступление у станции Синявской и отбросили красноармейский отряд Трифонова. Во фланг белым вышел латышский полк и вернул оставленные прежде позиции. Вслед за этим левый фланг красного фронта неожиданно атаковала казачья дружина станицы Гниловской. С распятым на груди с ними в бой шёл священник^[7]. Казаки потеснили у Ханженково стрелковый полк 4-й кавдивизии и захватили до 10 пулемётов и 7 походных кухонь. Тут же им во фланг зашли эскадроны 4-й кавдивизии и отбросили казаков. Добровольческий отряд вновь был вынужден поспешно отвести свои части ещё на 20 вёрст к востоку. Теперь фронт проходил вблизи станции Хопры у села Чалтырь.

«Поднялись казаки ближайших станиц (вернее, их искусственно подняли, так как настроение казаков было неуверенное), – писал Р. Б. Гуль^[39] об итогах неудачного боя, – и хорунжий Назаров, начальник партизанского отряда, решил ударить с ними на село Салы... Разведки достаточной не было. Хорунжий бросился “на ура” и налетел на значительные силы большевиков с артиллерией. Казаков разбили. Они в беспорядке бежали, оставив под Салами раненых и убитых... Казаки разошлись. Их выступление только обострило положение»^[40].

Серьёзно поредевший и уставший в череде боёв отряд полковника Кутепова продолжал цепляться за каждый хутор, за каждую станцию, но вести активные боевые действия он уже не мог. На станции Хопры его сменили части генерала Черепова, с 2 орудиями 2-го офицерского батальона и бронепоездом. По данным А. Н. Черепова^[8], они включали в себя: Офицерский отряд полковника Симанского – около 200 штыков, Корниловский ударный полк – 200 штыков, 300 казаков

станции Гниловской и партизанский отряд сотника Грекова в 120 человек.

Несмотря на распутицу и порчу мостов, 3 (16) февраля разъезды 4-й кавдивизии установили связь с правым флангом отрядов Ю. В. Саблина. Таким образом, красные установили сплошной фронт, неудержимо надвигавшийся на Ростов и Новочеркасск.

В то же время революционные войска под командованием Ю. В. Саблина и части Донревкома на Новочеркасском направлении практически топтались на месте. К ним подошёл боеспособный отряд черноморских матросов под командованием А. В. Мокроусова, силой около 400 штыков при четырёх орудиях, расположенных на двух железнодорожных площадках. По настойчивому совету В. А. Антонова-Овсеенко, моряков сразу же направили на фронт и утром 26 января (8 февраля) они овладели станциями Лихая и Зверево.

Однако в целом действия частей Ю. В. Саблина и казачьего Донревкома не отличались решительностью. Не торопил их и В. А. Антонов-Овсеенко. Он намеревался занять Ростов прежде Новочеркасска, поскольку справедливо считал Добровольческую армию главным оплотом контрреволюции на Дону. Кроме того, Донревком явно без энтузиазма смотрел на присутствие революционных войск на территории Донской области. Отношения у красного командования с его лидерами складывались очень непросто, о чём следует сказать отдельно.

Ещё 7 (20) января революционеры попытались открыть в Воронеже так называемый «съезд трудового населения Дона». Однако, несмотря на энергичные усилия революционных активистов, прибывшего из Ростова С. И. Сырцова и приехавшего из станции Каменской Е. А. Щаденко, привлечь в Воронеж представителей казачьих частей не удалось. Из сотни делегатов казаков оказалось всего около десяти.

Почти одновременно с этим событием, 10 (23) января в станице Каменской состоялся съезд фронтового казачества, на котором присутствовали представители 21-го полка, пяти батарей и двух запасных полков, о чём на следующий же день стало известно в Воронеже. Участники Воронежского съезда постановили объединиться с фронтовиками, и группа в 70 человек под руководством С. И. Сырцова и Е. А. Щаденко отправилась в путь.

Однако значительная часть воронежцев отстала, и в Каменскую приехало около 30 человек.

Казачий съезд предстал перед ними в самом разгаре. Председательствовал на нём урядник гвардейской батареи Ф. Г. Подтёлков. Фронтовики горячо обсуждали политическую обстановку на Дону. Они подвергали резкой критике атамана Каледина и Войсковое правительство, но разжигать гражданскую войну явно не стремились, а склонялись к мирному решению конфликта с Новочеркасском. Такая внятная, миролюбивая позиция съезда не устраивала большевиков, которые составляли меньшинство среди делегатов, но голоса их активистов звучали наиболее громко. Особенно лютовали Кудинов и Стерхов. Распалая страсти воинственными речами, они призывали казаков взяться за оружие, а не вступать в переговоры с властями. Атмосфера накалялась, но подавляющее большинство фронтовиков хотело мира, а не войны.

«Решение съезда приблизительно намечалось в сторону господствовавшего среди фронтовых казаков стремления мирно поладить и с “большевиками” и с правительством Каледина, избегнув гражданской войны, – писал В. А. Антонов-Овсеенко. – Это требование и предъявлял съезд правительству Каледина. В приветственных речах воронежские делегаты весьма осторожно пытались склонить казачий съезд к захвату власти»[\[41\]](#). Выступил приехавший из Москвы большевик А. В. Мандельштам, с партийной кличкой «Одиссей». В своей горячей речи он сделал упор на взаимовыгодную экономическую связь Центральной России и Дона. Но и его призывы не тронули сердца казаков.

Основной причиной резкой перемены настроения делегатов стало оглашение перехваченного распоряжения атамана Каледина об их аресте. Выяснилось, что, узнав о съезде, он решил применить силу и двинул на станицу Каменскую 10-й полк. Большевики вновь воспрянули духом и развернули агитацию за решительные действия, и подавляющее большинство совещания приняло резолюцию о войне с атаманом Калединым. Избранному делегатами Донскому казачьему Военно-Революционному Комитету во главе с Ф. Г. Подтёлковым съезд поручил добиться от Войскового правительства прекращения боевых действий с советскими войсками, удалить с Дона Добровольческую армию и сложить полномочия.

В тот же день в Каменскую прибыл 10-й полк и после переговоров подчинился Ревкому.

«Большинство членов Ревкома, отражая устремления средняцкого казачества, весьма недружелюбно относились к притязаниям “иногогородних” крестьян на общий раздел Донской земли и совсем не собирались кончать с общеказачьими привилегиями, – отмечал В. А. Антонов-Овсеенко. – Конечно, эти представители средняцкого казачества были настроены против казаческих верхов, хотели их свержения, но свои непосредственные чаяния стремились осуществить исключительно мирными путями»[42].

Постепенно выстраивая непростые отношения с Донревкомом, В. А. Антонов-Овсеенко всячески подталкивал Р. Ф. Сиверса к развитию наступательных действий против Добровольческой армии. Несмотря на её малочисленность, красный главком резонно видел в ней главного врага. Социально-политическая карта Дона и Кубани могла стремительно поменяться. И, в случае перемены симпатий казачества, численность добровольческих отрядов могла многократно возрасти. Кроме того, в стане контрреволюции не было более масштабной личности, чем генерал Корнилов. Сделав Ростов своей базой, он вполне мог превратить его в столицу контрреволюции. Поэтому В. А. Антонов-Овсеенко стремился как можно быстрее лишить Добровольческую армию этого фундамента.

4 (17) февраля войска Р. Ф. Сиверса возобновили наступление. Получив небольшое подкрепление в виде казачьей дружины станицы Аксайской, отряд генерала Черепова оказал сопротивление, но угроза охвата правого фланга конницей заставила его отойти за реку Сухой Чалтырь. Генералу Черепову нечего было противопоставить коронному приёму красных. Заметные потери понесли корниловцы. Красные заняли село Чалтырь и станцию Хопры, захватив 1 орудие, 6 пулемётов и 3 походные кухни.

На другой день, 5 (18) февраля, из Никитовки В. А. Антонов-Овсеенко телеграфировал В. И. Ленину, что после пятичасового боя на северном участке Донского фронта он овладел станцией Каменоломня, а на пути к Ростову взял селения Султан-Салы, Крым, Чалтырь и станцию Хопры. Упомянул о неудачной мобилизации, проводимой атаманом Назаровым, и о разгроме отряда казаков станицы Гниловской, сообщил о взятии 31 января (13 февраля) Батайска

частями А. И. Автономова, завершившего стратегическое окружение Добровольческой армии.

Глава четвёртая

Штурм Ростова войсками Р. Ф. Сиверса.

События, решившие исход боя

Почему исход из Ростова не готовой к походу Добровольческой армии произошёл именно 9 (22) февраля, а не позже, как планировалось штабом генерала Корнилова? Не только рядовые участники Ледяного похода, но и А. И. Деникин, А. С. Лукомский, А. П. Богаевский, а также другие представители генералитета в своих воспоминаниях не дают ясного ответа на поставленный вопрос. Они ограничились лишь констатацией необходимости оставления Ростова и описанием трагических картин последних дней перед началом восьмидесятидневных скитаний Добровольческой армии.

А между тем была конкретная, вполне осязаемая, причина исхода – прорыв фронта утром 9 (22) февраля двадцатитысячной «Социалистической армией» Р. Ф. Сиверса на Таганрогском направлении, между станицами Хопры и Гниловской...

В Новочеркасске, в доме № 36 по улице Барочной, ставшей колыбелью Добровольческой армии, к последним числам января сформировался партизанский отряд численностью 73 человека, в основном состоявший из учащейся молодёжи. Сколотил его решительного нрава, деятельный, лично храбрый и склонный к авантюре кубанский сотник Греков. Возвращаясь с фронта в родные края, он оказался в Новочеркасске, где со свойственным ему рвением развернул организационную деятельность. В отряде находилось 65 семинаристов, 5 девушек-гимназисток и 3 начальствующих лица – командир, начальник подрывной команды подпоручик Гернберг и студент-вольноопределяющийся, урядник Егоров, рубаха-парень, как охарактеризовал его в своих воспоминаниях С. Н. Гернберг.

За неуёмный характер и абсолютно белый цвет волос сотника Грекова прозвали «белым дьяволом». «В момент самоубийства Каледина отряд был готов к походу, – писал С. Н. Гернберг. – В первые часы после самоубийства не нашлось ни одного казака для почётного караула у тела. Вызвали наших мальчиков-партизан. Впрочем, возможно, что они были казаками. Через два часа их сменили

настоящие часовые, а отряд ночью вышел в степь. Как в московских боях, так и при поступлении в Добровольческую Армию офицерство держалось странной политики сидения по домам, в кладбищенских склепах и даже в Чрезвычайках, куда оно покорно шло на регистрации и расстрелы, в Армию же шли очень немногие, по большей части приезжие извне. В этом основная причина неудач – как московского восстания, так и первой защиты Дона от красного наводнения»[\[43\]](#).

Пятеро суток партизаны сотника Грекова находились в заснеженной степи под Ростовом, с её бурными ночными метелями. Необходимых припасов для жизнеобеспечения отряда почти не было. Не дожидаясь решения вопроса штабом армии, сотник Греков рьяно занялся самоснабжением продовольствием и лошадьми в районе пребывания. Вскоре, в результате бурной деятельности партизан, их отряд стал конным.

После очередной жалобы на него от населения по поводу незаконных реквизиций генерал Корнилов вызвал сотника к себе в штаб, устроил ему разнос, пригрозил расстрелом и отправил на фронт на Таганрогском направлении. «Отряд сотника Грекова имел в это время до 150 штыков и сабель, – писал В. Е. Павлов, – и отличную боевую репутацию: красные называли его отрядом “Белого Дьявола”; но за ним была и другая “слава” – слава диких реквизиций. Генерал Корнилов хотел расстрелять всех офицеров, расформировать отряд, но тяжёлое положение на фронте побудило его отправить его под Хопры, с тем, чтобы искупил свою вину»[\[44\]](#).

Вечером 3 (16) февраля партизаны сотника Грекова погрузились в теплушки поезда и отправились в путь. Утром, проехав станицу Гниловскую, поезд встал всего в 15 верстах от Ростова, не доезжая несколько вёрст до станицы Хопры, занятый крупными силами красных под командованием бывшего прапорщика Р. Ф. Сиверса. Их так называемая «Социалистическая армия» насчитывала до 20–25 тысяч штыков и сабель с артиллерией и несколькими бронепоездами и готовила решительный бросок к Ростову.

Оборону здесь держал небольшой отряд генерала Черепова. «В Хопрах стояла многотысячная красная гвардия под начальством Сиверса, – отмечал С. Н. Гернберг, – наш же фронт, верстах в 4-х от Хопров, был занят тонкой ниточкой Корниловского полка, человек в

120. Наш отряд в 70 человек и Морская рота человек в 20 являлись сменой и резервом Корниловскому полку»[\[45\]](#).

Только что сформированный из необстрелянной учащейся молодёжи отряд сотника Грекова и два десятка чинов морской роты, обескровленной после тяжёлых боёв за Батайск, около сотни бойцов – это всё, что смог дать белый Ростов в помощь отряду генерала Черепова, который встал на пути «Социалистической армии». Силы несопоставимые!..

Покинув вагоны и выгрузив лошадей, партизаны двинулись вперёд по железнодорожному полотну. Пройдя около версты, они круто свернули влево. В каких-нибудь трёхстах шагах от железной дороги над высоким спуском к Дону находился хутор, где отряд и расположился. С обрывистого речного берега, за скованной льдом рекой и заснеженными плавнями, виднелся Ростов. Впереди и позади, насколько хватало взгляда, простиралась укрытая глубокими снегами степь. Находившийся в версте от хутора фронт ничем себя не обнаруживал.

Когда партизаны немного отдохнули и привели в порядок имущество, сотник Греков, желая реабилитироваться в глазах генерала Корнилова, задумал авантюру – в ночь на 6 (19) февраля внезапно ударить на станицу Хопры. О численности войск Р. Ф. Сиверса точных сведений не имелось, но это не останавливало командира партизан.

Вечером 5 (18) февраля никто в отряде спать не ложился. Среди молодёжи царило приподнятое настроение, пели бравые военные песни. Всех веселили незамысловатые и бодрые куплеты армейского «журавля», особый восторг вызвал экспромт:

«Белый дьявол» под Хопром,
Красным предстоит разгром.

К полуночи, взяв с собой два ручных пулемёта Льюиса, 50 бойцов двинулись в путь. Поскольку степь покрыл глубокий, непроходимый снег, идти пришлось исключительно по железнодорожной насыпи.

Подморозило. Ночь стояла лунная, светлая. Пройдя около версты, отряд миновал линию фронта корниловцев. Главный козырь партизан – внезапность, поэтому дальше они двигались с максимальной

осторожностью – до вражеской позиции оставалось не больше 4 верст. Недалеко от станции в пустой железнодорожной будке неистово лаяла обезумевшая от одиночества собака, создавая жутковатую атмосферу. Командир распорядился оставить у будки сестёр милосердия и двух бойцов.

Дальше полотно железной дороги стало сильно возвышаться над местностью, и слева от него показалось пристанционное здание, у которого дремал часовой. Партизаны притаились на насыпи, а вниз пошёл сам командир. Он бесшумно подкрался к часовому и заговорил с ним, спросив, какой он части.

– Рабочий полк московского пролетариата, – ответил тот и тут же замертво повалился на снег, повиснув на штыке «белого дьявола».

Командир подал знак, что дорога открыта, партизаны мигом спустились с насыпи и бросились к ближайшим домам, где ночевали красноармейцы. Как стая голодных волков врывается в спящую овчарню, так, почуяв кураж, горсть партизан ринулась в ночное становище «Социалистической армии». Наверху остались пулемётчики и ещё несколько бойцов. «Человек 30 партизан сбежали вниз с насыпи и в ближайших 3–4 домиках кололи штыками обалдевших от неожиданности и сна большевиков, – описывал кульминацию лихой ночной вылазки её участник С. Н. Гернберг. – Остальные остались на насыпи и стреляли по другим домикам, откуда стали в массе выскакивать раздетые и полуодетые фигуры, которые, впрочем, довольно быстро опомнились от неожиданности и открыли сильный огонь по отходящим к насыпи партизанам и по нам, лежавшим между рельсами, четко вырисовывавшимся на светлом от луны небе. Наши пулеметчики не могли выправить пулеметный диск, и наш пулемет упорно молчал как раз тогда, когда он был нам столь действительно нужен»[\[46\]](#).

Дав волю штыку, партизаны перекололи около двухсот красноармейцев и уже под вражеским огнём быстро взбежали на железнодорожную насыпь к группе прикрытия, чьи «льюисы» безнадёжно молчали – в обоих пулемётах заклинило диски. Покровительница смельчаков и авантюристов, военная удача показала свой капризный характер.

Отряд залёг между рельсами, по которым с характерными фосфорическими искрами ударил град разрывных пуль. Ружейный

огонь красных нарастал. Вскоре запели и их пулемёты. Свинцовый вихрь вжал партизан в землю, не давая поднять головы. Нагайка и ругань сотника Грекова оказались бессильны заставить молодёжь продолжать бой. Не обстрелянных ещё, вчерашних гимназистов охватил панический ужас.

Не сумев справиться с заклинившими дисками «льюисов», первыми отошли пулемётчики. Стало ясно, что отряд либо сметут с насыпи свинцовые струи красных пулемётов, либо раздавит бронепоезд. Поспешное отступление партизан больше напоминало бегство. Трёх убитых или раненых оставили на насыпи, не зная о том до возвращения на хутор, ещё двоих с трудом сумели вынести из-под огня. Легкораненые, как могли, выходили сами. Возле железнодорожной будки, где всё ещё бешено голосила собака, их встретили сёстры милосердия и перевязали.

Едва переведя дух, отряд торопливо двинулся дальше. У будки задержался подпоручик Гернберг. Он тревожно всматривался и вслушивался в ночь, ожидая преследования, но кругом стояла тишина, нарушаемая лишь лаем собаки. «Большевики, переоценивая наши силы, – вспоминал он впоследствии, – на преследование, которое было бы для нас роковым, не решились. Двух раненых понесли на руках, и не более, как через час, отряд был снова на хуторке»[\[47\]](#). Удача вновь благосклонно улыбнулась бойцам сотника Грекова.

Наутро в Ростов полетела бодрая реляция о смелой вылазке, и генерал Корнилов не замедлил передать сотнику Грекову благодарность.

Надо признать, что в целом дерзкий налёт крохотного отряда «белого дьявола» на двадцатитысячную «Социалистическую армию» Р. Ф. Сиверса удался. По данным С. Н. Гернберга, во время вылазки партизаны потеряли 8 человек убитыми и ранеными, красные же недосчитались не менее 200 бойцов, заколотых в домах и сражённых в ночной перестрелке.

Однако командование белых не придало ночному переполоху в Хопрах большого значения, а С. Н. Гернберг прямо высказался, что «пользы фронту и Ростову наша вылазка не принесла, конечно, никакой...»[\[48\]](#). Между прочим, А. И. Деникин совсем не лестно отзывался о сотнике Грекове, даже не упоминая о его боевых заслугах: «Около штаба кружились авантюристы, предлагавшие формировать

партизанские отряды. Генерал Корнилов слишком доверчиво относился к подобным людям и зачастую, получив деньги и оружие, они или исчезали, или отвлекали из рядов армии в тыл элементы послабее нравственно, или составляли шайки мародеров. Особенную известность получил отряд сотника Грекова – “Белого дьявола” – как он сам себя именовал, который в течение двух, трёх недель разбойничал в окрестностях Ростова, пока, наконец, отряд не расформировали. Сам Греков где-то скрывался и только осенью 1918 года был обнаружен в Херсоне или Николаеве, где вновь по поручению городского самоуправления собрал отряд, прикрываясь добровольческим именем. Позднее был пойман в Крыму и послан на Дон в руки правосудия»[\[49\]](#).

В. Е. Павлов, напротив, дал высокую оценку действиям партизан сотника Грекова: «В первую же ночь отряд произвёл налёт на станцию, нанёс красным большие потери, а главное, расстроил их подготовку к наступлению наутро»[\[50\]](#).

Судя по воспоминаниям противоположной стороны конфликта, шума партизаны действительно наделали много. Случай этот даже описан в четырёхтомнике «Записки о Гражданской войне» В. А. Антонова-Овсеенко. 6 (19)^{[\[9\]](#)} февраля он приехал на дрезине в штаб Р. Ф. Сиверса на станцию Чалтырь, чтобы лично проконтролировать подготовку к решающему наступлению на Ростов. По дороге он встретил несколько групп деморализованных красноармейцев, на все вопросы отвечавших, что их часть разбита и они отступают. Разбиты они были минувшей ночью ничтожным по численности отрядом сотника Грекова. От командующего «Социалистической армии» В. А. Антонов-Овсеенко узнал о ночном инциденте следующее: «Как всегда, педантично аккуратен в сообщениях. Рассказывает об удачном бое за Хопры и Чалтырь. Рассказывает и трагикомический инцидент этой ночи. Второй Петроградский занимал х. Недвиговский, выдвинув сторожевое охранение на его околице. Ночью несколько десятков партизан из отряда “Белый дьявол” сотника Грекова, с трещотками и Льюисами, открыв адский шум, напали на нашу сторожку. Услышав “пулемётную стрельбу” на околице, отряд пришёл в страшное смятение и бросился из села, во главе с комиссаром, который почти в одном белье примчался на орудийном передке в штаб Сиверса с

донесением о нападении “превосходных сил противника”. С трудом удалось успокоить отряд и вернуть большую часть его в село. И то лишь благодаря тому, что сторожевое охранение, не растерявшись, отбило партизан Грекова»[\[51\]](#).

Отнюдь не стараясь преувеличивать значение ночного налёта сотника Грекова, поставившего под сомнение боеспособность некоторых частей «Социалистической армии», вспомним в общих чертах, с какими трудностями столкнулось в те февральские дни красное командование на Ростовском фронте.

После тяжёлых, кровопролитных боёв, с малочисленными, но сплочёнными и стойкими отрядами полковника Ширяева, капитана 2-го ранга Потёмкина и юнкерами, 2 (15) февраля пятитысячная «армия» А. И. Автономова овладела Батайском и остановилась. Понесла большие потери, её бойцы замитинговали. Вероятно, именно поэтому в ночь на 2 (15) февраля они позволили находившимся в полном окружении остаткам добровольческих отрядов беспрепятственно уйти из Батайска и даже не организовали преследование. Более того, В. А. Антонов-Овсеенко не мог добиться от А. И. Автономова, чтобы тот занял своими частями станицу Ольгинскую и отрезал Добровольческой армии путь отхода на Кубань.

Таким образом, не исключено, что смелые действия партизан сотника Грекова в совокупности с другими факторами заставили Р. Ф. Сиверса на день или два отодвинуть срок генерального наступления на Ростов.

Однако ночной бой преподавал и партизанам суровый урок. Все они осознали, что в случае ранения могут оказаться в руках красных, на милосердие которых рассчитывать не приходилось. Кроме того, история с заклинившими дисками «льюисов» красноречиво говорила о слабой подготовке пулемётчиков.

6 (19) февраля, ночь и следующий день на фронте стояла тишина, из Ростова вестей тоже не поступало. Противники ограничились наблюдением и охраной своих флангов, не проявляя серьёзной активности. Командование Добровольческой армии готовилось к активной обороне, стремясь выиграть время для подготовки к походу. Но перед самым наступлением частей Р. Ф. Сиверса в стане белых произошло событие, серьёзно повлиявшее на боеспособность отряда генерала Черепова.

«Приблизительно числа 6-го февраля ко мне в Хопры^[10] приехал Командующий Армией генерал Деникин. Ознакомившись на месте с обстановкой, он сказал мне: “Продержитесь ещё день-два. Я соберу всё, что можно, в Ростове, сниму все караулы и ударю по их левому флангу”. К сожалению, этому плану не суждено было исполниться...»^[52] А на другой день, 7 (20) февраля, 300 казаков станицы Гниловской, державшие правый фланг белого фронта, на глазах у противника бросили свою позицию и разошлись по домам со словами:

– Мы будем только свои хаты защищать!

Генерал Черепов бросился их уговаривать, но всё было тщетно – казаки стояли на своём. Бесполезными оказались и уговоры их станичного священника. Он с крестом в руках попытался остановить уходивших с позиций казаков. «Они разошлись по домам и обнажили наш правый фланг, закрыть который у нас не было уже сил, – подвёл итог случившемуся генерал Черепов. – Я немедленно донёс генералу Деникину о создавшемся положении и получил приказ: сдерживая наседающего противника, отходить на “Лазаретный городок” – участь Ростова была решена»^[53].

Другим негативным для белых событием стал скандал, разразившийся вокруг георгиевского кавалера полковника Симановского, подорвавший его репутацию в глазах всего штаба Добровольческой армии. До этого скандала генерал Корнилов очень тепло относился к командиру офицерского партизанского отряда, прилюдно называя его «особенным», за что того невзлюбили штабные генералы.

Однако прежде чем описать случай, ставший причиной скандала, следует в общих чертах осветить обстоятельства, породившие его. Накануне инцидента офицерский отряд полковника Симановского много дней находился на передовой, по большей части в поле. Стояли сильные морозы, не хватало продовольствия. Несмотря на многочисленные уверения штаба армии, что имущество отправлено на фронт, тёплая одежда и продукты питания в необходимом количестве в отряд не поступали. В результате постоянно росли небоевые потери в виде больных и обмороженных. Измотанные боями и морозами, полуголодные фронтовики обвиняли штаб в нераспорядительности и лжи. Наступала апатия. Падала боеспособность частей.

Один из офицеров отряда, Р. Б. Гуль, впоследствии вспоминал о фронтовых тяготах, голоде и морозах: «...некоторых оттирают, других еле-еле ведут под руки.

– Господа, капитан в поле остался, – кричит кто-то.

...Поверка людей – трёх недостаёт. В поле едет подвода и два офицера: искать. Из ста двух человек 60 обморозились. Тяжело обмороженных отправляют на Хопры и в Ростов.

Полковник С.^[11] доносит, требует тёплых вещей. “Выслано, выслано”, – отвечают из штаба, и мы ничего не получаем по-прежнему. Весь отряд обвязан бинтами, платками, тряпками...»^[54]

Вскоре прапорщик Гуль по поручению полковника Симановского приехал в Ростов и отправился с докладом к генералу Корнилову. «С обвязанным обмороженным лицом, в холодных сапогах, в холодной шинели я пришёл в штаб армии... – писал Р. Б. Гуль. – “Ну, как у вас дела?” – любезно спрашивает адъютант. Я рассказываю: “...Не ели почти три дня... Обмёрзли все... Под Хопрами пришлось туго... Корниловцы на станции раненых своих бросили...” Он смотрит мимо меня: “Да, да... ужасно, но, знаете, у нас тоже здесь каторга...” – в чём-то оправдывается адъютант. В кабинете смолкли голоса, в комнату вошёл Корнилов. Я передаю записку полковника С. и докладываю. “Столько обмороженных! Не получили консервов?! До сих пор нет тёплого! – кричит Корнилов, хватаясь за голову. – Идёмте сейчас же за мной”. ...Мы входим в кабинет начальника снабжения – генерала Эльснера.

– Генерал, выслушайте, что вам доложит офицер отряда полковника С., – грубо говорит Корнилов, поворачивается и уходит.

Я докладываю. Эльснер нетерпеливо морщится: “Это не верно, всё было выслано...” – “Не могу знать, ваше превосходительство, мы не получили. Мне приказано доложить вам”»^[55].

В то же время один из самых авторитетных летописцев Белого движения А. И. Деникин в книге «Борьба генерала Корнилова», не стесняясь в эпитетах, безапелляционным тоном заклеил полковника Симановского: «...бестолковый и недалёкий, игравший на аракчеевском “без лести предан” и льстивший до приторности командующему, графоман и кляузник, – негодовал А. И. Деникин, – в течение трех недель безнадёжно путал в деле командования отрядом, пока случай не избавил нас от него: после одного тяжёлого боя он

уехал в Ростов и оттуда послал своему заместителю на позицию распоряжение присылать ежедневно по 15–20 человек под видом обмороженных; таким образом соберётся весь отряд и отдохнёт... А в эти дни поредевший фронт еле держался. Письмо попало в руки генерала Корнилова и решило участь писавшего: он был уволен в резерв. Корнилов привязывался к людям, верил им и страдал, когда обнаруживалась ошибка»[56].

И хотя Антон Иванович не называет фамилии провинившегося полковника, из воспоминаний генерала Черепова становится ясно, на кого он обрушил свой беспощадный гнев. «Однажды полковник Симановский уехал по делам в Ростов, – писал об этом инциденте А. Н. Черепов. – Через некоторое время его заместитель, полковник Мухин[57], пришёл ко мне и дал прочесть письмо полковника Симановского, в котором тот писал, чтобы полковник Мухин, под разными благовидными предложениями, снимал с позиции людей своего отряда и отправлял их в Ростов в его, Симановского, распоряжение. Я, конечно, строжайше запретил полковнику Мухину исполнять распоряжение Симановского. Зная большое расположение генерала Корнилова к Симановскому, я лично поехал в Ростов и, после доклада о положении дел на позиции, вручил упомянутое письмо генералу Корнилову. Прочтя его, генерал стукнул кулаком по столу и воскликнул: “Кому же тогда верить можно?”»[58].

Да, полковник Симановский покривил душой, отчаявшись получить необходимое для голодных и замёрзших офицеров. О, как тонка бывает грань между обманом, достойным порицания и ложью во благо... Поэтому, справедливости ради, хотелось бы более пристально, чем А. И. Деникин и А. Н. Черепов, взглянуть на описанный в их воспоминаниях инцидент. Ведь произошёл он накануне штурма Ростова и мог повлиять на моральное состояние и боеспособность фронтовых частей, измотанных боями и морозами.

Вероятно, во многом причиной злополучного письма полковника Симановского послужило бессилие интенданта армии генерала Эльснера обеспечить фронт продуктами питания и тёплой одеждой, а также череда бюрократических штабных отписок, в ответ на многочисленные рапорта строевого начальника о нуждах его подчинённых, о количестве небоевых потерь. Вспомним, что Р. Б. Гуль свидетельствовал: «из ста двух человек 60 обмороженных, и в ответ на

очередную просьбу прислать продовольствие и тёплую одежду “Выслано, выслано”, – отвечают из штаба, и мы ничего не получаем по-прежнему». Насколько тяжёлым оказалось положение отряда полковника Симановского из-за отсутствия тёплой одежды, видно из воспоминаний и другого его офицера, когда он описывал переход со станции Чалтырь на станцию Хопры: «Был сильный мороз и поднялась метель с ветром, ничего не было видно, и примерно через минут двадцать мы сбились с пути. Тут-то и начался “поход”. Все стали кричать, полковник Симановский ползал по земле, ища телефонный провод, соединявший деревню со станцией. Бывший в нашей роте полковник Мухин сел на землю и кричал: “Господа офицеры, я замерзаю, спасите!” ... было смешно видеть раздувшиеся носы и уши. Пострадал особенно поручик Лихушин, у него уши приняли такие невиданные размеры, что нельзя было предполагать, что природа может подобное “изобразить”. Такую форму ушей можно было видеть разве лишь в паноптикуме!...»[\[59\]](#)

В этой истории вопросов больше, чем ответов. Если генерал Эльснер отправлял необходимое фронту имущество, то почему фронт не получал его или получал не всё, что отправлялось? Конечно, в условиях боевых действий интендантские подводы могли погибнуть в пути, например от артиллерийского огня неприятеля, или могли быть разграблены бандитами. Но об этом не упоминают А. И. Деникин, А. Н. Черепов, Р. Б. Гуль, С. М. Пауль, С.Н Гернберг и другие авторы мемуаров. Получается какое-то «зазеркалье»...

Правда, некоторая критика личных качеств генерала Эльснера допускалась А. И. Деникиным, но лишь в оправдательном ключе: «Действительно суровое время требовало и других людей, – справедливо отмечал он, а затем многократно оправдывал начальника снабжения Добровольческой армии. – Эльснер был выдающимся начальником снабжения Юго-Западного фронта, а здесь нужен был просто хороший, крепкий интендант, умеющий найти и купить. Эльснер был добросовестен, медлителен и трудолюбив, несколько придавлен бердичевским и быховским сидением, состарившим его, и слишком добр, тогда как требовалась исключительная энергия, порыв и безжалостность. Наконец, Эльснер был честен, тогда как подлое время требовало, очевидно, и подлых приёмов»[\[60\]](#). Таким образом, соблюдая корпоративную этику по отношению к генералу Эльснеру,

А. И. Деникин не стеснялся в выражениях, называя полковника Симановского «бестолковым», «недалёким», «льстившим до приторности командующему», «графоманом» и «кляузником», вероятно намекая на то, что уличённый во лжи однажды, он мог систематически обманывать штаб армии, присылая многочисленные доклады о плохом снабжении его отряда.

Однако объявлением строевого командира и боевого офицера самым виноватым, по сути, за вынужденный проступок, проблема снабжения фронта не решалась. Вместо того чтобы рубить сплеча, не следовало ли сначала разобраться в истинных причинах происшедшего и, как минимум, вместо генерала Эльснера подобрать более подходящую кандидатуру на высшую интендантскую должность армии? Будучи, по мнению А. И. Деникина, «выдающимся начальником снабжения Юго-Западного фронта» в период Великой войны, в новых условиях гражданского конфликта генерал Эльснер оказался не способным стать «просто хорошим, крепким интендантом, умеющим найти и купить» и вовремя доставить на фронт необходимое имущество.

Позже вступился за генерала Эльснера и генерал Алексеев, говоря, что «начинали мы работу с грошами, а главное совершенно не имели времени и возможности готовиться к походу...», признав при этом, что «нет энергичного интенданта – толкового и дельного, нет других сотрудников, могущих честно и продуктивно работать в области хозяйства».

Что могли думать о положении дел на фронте и о подобных инцидентах рядовые добровольцы?

Вспомним, что офицер составлял основной кадр Добровольческой армии, являлся её опорой и стержнем. Во имя общего дела офицер, как правило, не считал зазорным для себя находиться в строю на положении рядового. Вряд ли он помышлял о скорой победе. Она, если и представлялась ему, то в очень отдалённом будущем, когда поднимется Дон и восстанет Кубань. Записываясь в Добровольческую армию, он был морально готов к тяготам и лишениям походной жизни и не роптал, столкнувшись с бытовыми трудностями, соблюдал привычную для него воинскую дисциплину. При этом офицер-доброволец хотел знать, что в штабе армии помнят о нём, что для

генералов его часть – не просто флажок на карте с пометкой о количестве штыков и сабель.

Офицеры отряда полковника Симановского видели, что из-за доверительного отношения к их командиру генерала Корнилова штабное начальство общалось с ним подчёркнуто холодно и придиристо и, вероятно, не упустило бы случая развенчать его авторитет в глазах командующего. И вот случай такой представился... Фронтовые офицеры болезненно переживали несправедливое, по их мнению, отношение генералов к их командиру. Они усматривали в нём давнюю нелюбовь между чинами штаба и строевыми начальниками. Как «родимое пятно», перекочевало оно из Императорской армии в Добровольческую.

В итоге инцидента штабные генералы убрали из окружения генерала Корнилова неудобного для них полковника Симановского^[12] и частично признали недостатки интендантской службы. А в это время на фронте, не имея тёплой одежды и продовольствия, мёрзли полуголодные добровольцы, обильно пополняя ростовские госпитали больными и обмороженными. В истории со злополучным письмом полковника Симановского как в зеркале отразился клубок противоречий, существовавший внутри добровольчества и ставший в дальнейшем одной из причин его военных поражений.

Подобные истории подрывали веру рядовых добровольцев в штабных начальников, раздували вражду между строем и штабами, разъедали добровольчество изнутри, разрушали его в зародыше, ещё на заре его существования.

Вернёмся к описанию событий на фронте частей генерала Черепова накануне падения белого Ростова. 7 (20) февраля погода выдалась хорошая. Снег искрился на солнце и местами начинал подтаивать. Настроение у партизан снова поднялось, а сотник Греков даже задумался о новой авантюре. Бойцы отряда тоже были не прочь повторить вылазку, не подозревая, что участь белого фронта в это время была уже решена.

Около 16 часов тишину нарушил первый пушечный выстрел и над головами добровольцев засвистели вражеские гранаты. Они падали в степь недалеко за хутором, вздымая целые фонтаны земли и снега. Обстрел продолжался несколько часов и резко прекратился. Не причинив никому вреда, сотни снарядов перепахали голое поле.

8 (21) февраля прошло в тишине. В конце дня партизаны получили приказ – вечером 9 (22) февраля выдвинуться на фронт в помощь вмерзшему в снега Корниловскому полку. Однако в 6 часов утра на тылы фронта обрушился ураганный артиллерийский огонь красных батарей.

Массированный артобстрел являлся предвестником решительного наступления «Социалистической армии» Р. Ф. Сиверса от станции Хопры и Генеральского моста на Ростов. 9 (22) февраля наиболее ожесточённые бои завязались неподалёку от хуторов Олимпиадовки и Куренева.

Красный главком В. А. Антонов-Овсеенко трезво оценивал численность и качественный состав сил своего главного противника – Добровольческой армии. «Усиленная работа по её формированию довела численность её до 4000 штыков, 200 сабель, 12 орудий, – писал В. А. Антонов-Овсеенко. – К этому надо присоединить различные партизанские отряды (Грекова, Семилетова и т. д.) и казачьи дружины (Гниловскую, Аксайскую, Старочеркасскую). Особенной стойкостью отличались – Корниловский ударный полк, три офицерских батальона, юнкерский батальон и добровольцы Семилетова. Георгиевский полк был слабоват. Артиллерия действовала превосходно. Но противник сильно страдал от недостатка патронов и особенно артснарядов. Громадным нашим преимуществом являлось превосходство в артиллерии, хорошо руководимой и не терпевшей нужды в снарядах. Серьёзнейшее значение имела также обеспеченность нашего тыла, в изобилии пополнявшего наши потери. Корниловцы же должны были немало сил уделять на удержание в страхе и трепете большого рабочего города – на караулах в Ростове они держали “Ростовский Добровольческий полк”, пару батальонов (офицерский и корниловский) и разные мелкие части»[\[61\]](#).

Белым стало ясно, что бой партизанам придётся принимать на линии хутора или отойти. «Этому последнему предположению категорически воспротивился Греков, – отмечал С. Н. Гернберг. – Он, с присущей ему горячностью, упрямством и позой, заявил: “Кто бы мне ни отдал приказания отступать, я с партизанами погибну, но не сделаю и шага назад!” Обещание это он, может быть, и сдержал бы, но более благоразумное начальство передало его решение по телефону из железнодорожной будки в Ростов, и оттуда было получено приказание:

“Глупостей не делать, а подчиняться всем распоряжениям начальника участка...”»[62].

Половина отряда выдвинулась вперёд на линию фронта корниловцев и у железнодорожного переезда рассыпалась в цепь. Остальные партизаны сопровождали лошадей и обоз, отходивший в Ростов по блестящему льду Дона. Далеко не все из них добрались до спасительного берега. Несколько очередей вражеских гранат в разных местах вздыбили лёд. Под завязку гружённая патронами, тяжёлая повозка провалилась в чёрную дыру, образованную взрывом. Спасти никого не удалось, повозка с патронными ящиками, люди и лошади – всё затащило под сверкающий на солнце лёд.

Артобстрел без перерывов продолжался несколько часов. Красные артиллеристы не жалели гранат и методично перепахивали прифронтовое пространство и сам добровольческий фронт. «Снаряды, падавшие в поле, сзади фронта, стали ложиться все ближе и ближе к нашему переезду, – вспоминал С. Н. Гернберг, – и, наконец, одна очередь легла прямо среди нас, попав в шлагбаум и железнодорожные пути... Вторая и следующие попали туда же, и воздух сделался смрадным и тяжелым, солнце для нас совершенно померкло, в воздух летели куски дерева, железа, земли, стекла и кирпича, а все наши мысли сосредоточились на желании вратиться или вкопаться в эту мёрзлую, твёрдую землю. Слышались крики и стоны раненых, которые или сами, или с помощью своих друзей торопились подняться и идти в тыл, к спасительному, как казалось, Ростову, чтобы выйти из фронтового ада...»[63]

Огонь красных батарей не прекращался ни на минуту, выхватывая из добровольческих рядов всё новых бойцов. В какой-то момент заговорили и красногвардейские пулемёты. Их огонь прижимал добровольцев к земле, не давая им поднять голову. Лишь изредка гремели разрозненные ответные ружейные выстрелы по ещё невидимому наступающему противнику.

Вскоре глазам добровольцев открылась тревожная картина – впереди и справа от них на расстоянии не более полутора вёрст показались густые вражеские цепи. Пехота красных молча, без единого выстрела охватывала правый фланг добровольцев, заходя далеко в тыл. Лишь глубокий снег мешал красным осуществить этот манёвр быстро и захлопнуть ловушку.

Добровольцам следовало поторопиться, чтобы вырваться из приготовленной западни. Они поднялись и под пулемётным огнём стали отходить по железнодорожной насыпи. «Греков снова пытался кричать о том, что отступление позорно, что он застрелится, но не отступит; гимназистка Ася, стоя в положении “с колена”, спокойно посылала пулю за пулей в красных, какой-то черкес или кубанец, офицер, взявшийся неизвестно откуда, втащив свой тяжелый пулемет Максима на крышу небольшого железнодорожного строения, тщетно звал опытных пулеметчиков и угрожал отступающим плетью»[\[64\]](#). Несмотря на грозившую им опасность, добровольцы время от времени останавливались и посылали несколько пуль в наступающего тесными цепями врага.

Белые упорно сопротивлялись. На помощь к ним подошли немногочисленные свежие силы – ростовские формирования и Старочеркасская казачья дружина, но фронт уже неудержимо покатился к городу.

«Наша тяжёлая била по кирпичному заводу у Ростова, – отмечал В. А. Антонов-Овсеенко, шедший в то время вместе со штабом Р. Ф. Сиверса. – Лёгкие батареи громили Гниловскую, оплачивая станичникам за попытку поддержать Корнилова. В особый раж впадали наши наводчики, при виде гордо высившегося над станицей церковного купола. По “куполу” шла азартная стрельба. Корниловская артиллерия скупно отвечала»[\[65\]](#). Почему-то именно купол православного храма не давал покоя красным артиллеристам, вызывая какую-то особенную ненависть...

Во время боя днём 9 (22) февраля в станице Гниловской произошёл жестокий случай. Глубокий след оставил он в памяти многих добровольцев. А. И. Деникин с болью писал о нём: «...от поезда оторвалось несколько вагонов с ранеными добровольцами и сёстрами милосердия и покатило под откос в сторону большевистской позиции, многие из них, в припадке безумного отчаяния, кончали самоубийством. Они знали, что ждёт их»[\[66\]](#).

Но далеко не все раненые добровольцы таким образом свели счёты с жизнью. Большинство из них предпочло погибнуть в перестрелке или в последней рукопашной схватке. С отчаянием обречённых отстреливались они от наседавшего врага, а напоследок

нашлось у них и несколько гранат. Ворвавшись в вагоны, красные никого не оставили в живых. Не пощадили они и сестёр милосердия...

История эта отражена в воспоминаниях главнокомандующего красными войсками В. А. Антонова-Овсеенко: «На путях – разгромленный санитарный поезд корниловцев. Он было уходил от нас к Ростову, но состав оторвался и пошёл под уклон навстречу нашим цепям. Санитарный персонал и раненые встретили наших выстрелами и гранатами и все были перебиты. Тут же у вагонов, на снегу валялись они – две женщины, несколько мужчин, и люди-гиены копошились около них»[\[67\]](#). До Ростова от станицы Гниловской оставалось не более семи вёрст. После 15 часов красные полностью заняли станицу Гниловскую, затем взяли кирпичный завод, а по цементному заводу продолжала работать их артиллерия.

По сведениям воздушной разведки в штабе Р. Ф. Сиверса знали, что противник лихорадочно готовился к эвакуации из города – аэрофотоснимок ростовского вокзала отчётливо показывал скопление составов на путях в сторону станицы Аксайской. В. А. Антонов-Овсеенко был раздосадован из-за медлительности частей 4-й кавдивизии, которые по глубокому снегу совершали охват Ростова с севера, стремясь перерезать пути отхода Добровольческой армии у станицы Аксайской и Кизитеринки.

В то же время расположенным в Батайске войскам А. И. Автономова красный главком передал распоряжение немедленно занять станицу Ольгинскую, чтобы не дать генералу Корнилову уйти на Кубань. Сначала от А. И. Автономова долго не поступали известия, а затем выяснилось, что подчинённые ему Ставропольский и 153-й Бакинский пехотные полки замитинговали и отказались идти на фронт. Таким образом, для Добровольческой армии сложилась благоприятная обстановка. Она смогла в ночь на 10 (23) февраля беспрепятственно покинуть город и уйти на переправу через Дон у станицы Аксайской.

Весь день 10 (23) февраля в Ростове шли бои, особенно ожесточённые столкновения произошли на кирпичном заводе и в районе Темерника. Городская Дума отправила в штаб Р. Ф. Сиверса делегацию, которая сообщила, что Добровольческая армия покидает Ростов без боя, и просила не обстреливать город артиллерийскими орудиями.

Вечером 10 (23) февраля В. А. Антонов-Овсеенко получил короткую телеграмму с приказом В. И. Ленина: «Экстренно. Антонову. Сегодня во что бы то ни стало взять Ростов. Ленин»[\[68\]](#). 11 (24) февраля в городе то и дело слышалась стрельба, но к концу дня город был прочно занят красными. Красным достались 3 исправных броневика и 8 орудий. Однако части Р. Ф. Сиверса и 4-я кавдивизия так переутомились после двухдневного боя, что оказались не способны на преследование Добровольческой армии.

Не оставляя надежду двинуть на части генерала Корнилова митингующие войска А. И. Автономова, красный главком отправился в Батайск. На шестой версте от Ростова мост через Дон оказался взорван, и В. А. Антонову-Овсеенко пришлось переходить через реку по льду.

В Батайске выяснилось – штаб А. И. Автономова потерял управление войсками, которые разваливались на глазах. Их численность ежедневно таяла.

После долгих лет Великой войны солдаты-фронтовики стремились побыстрее разъехаться по домам, а революционные агитаторы под разными предлогами втягивали их в новую кровавую бойню. Согласившись атаковать Батайск, где, как им говорилось, засели банды «барских сынков», мешавших их продвижению в Центральную Россию, полки А. И. Автономова крепко получили по зубам от добровольцев отряда полковника Ширяева и моряков капитана 2-го ранга Потёмкина, что подействовало на фронтовиков отрезвляюще. Многие из них прозревали и явно не торопились умирать за идеалы революции.

Солдаты проводили время в шумных собраниях. Многие части наотрез отказывались воевать, а некоторые самовольно покидали Батайск. Ушёл в тыл весь Ставропольский полк. Оценив обстановку и видя бессилие штаба А. И. Автономова навести порядок, В. А. Антонов-Овсеенко отправился на митинг Бакинского полка, где произнёс горячую речь, убеждая полк наступать на станицу Ольгинскую. Выслушав главкома, солдаты сочувственно поутихли, но после отъезда высокого начальника так на фронт и не выступили. Вскоре большая часть Бакинского полка отбыла из Батайска в Ставрополь, где демобилизовалась.

Часть вторая

От Ростова до Лежанки

Глава первая

Выступление в Ледяной поход

4 (17) февраля от Екатеринослава в Новочеркасск походным порядком пришёл 6-й Донской полк, казалось, абсолютно не тронутый революционной агитацией. В полку царило полное чинопочитание.

Возвращаясь с фронта домой, казаки 6-го полка не пожелали разоружиться по требованию командования красных и, выгрузившись из эшелонов, решили пробиваться на Дон с оружием в руках. «Особенные хлопоты нам причинил 6-й Донской генерала Краснощёкова полк, – писал об этом В. А. Антонов-Овсеенко. – После короткого сопротивления у Пятихатки этот полк отбился от остальных казачьих эшелонов, согласившихся сдать оружие, и направился походным порядком к Новочеркасску. Только 4-я сотня этого полка заявила, что идёт в распоряжение Донревкома и пропущена нами беспрепятственно к Миллерово. Появление сильной казачьей группы в наших тылах внесло порядочную суматоху в среду рудничных ревкомов, да и в штаб Сиверса. Я немедленно предписал комиссару Изюмского уезда товарищу Шарову выступить против казачьего отряда»[\[69\]](#).

31 января (13 февраля) красноармейский отряд под предводительством Шарова настиг 6-й Донской полк у железнодорожной станции Межевая, но казаки и здесь отказались подчиниться. После непродолжительного боя они вновь оторвались от преследователей. Через шесть дней, 6 (19) февраля, у селения Ряженое им преградил дорогу другой отряд красноармейцев, руководимый Шимановским. И опять фронтовики открыли себе дорогу силой оружия. На следующий день у станции Матвеев Курган произошла ещё одна стычка 6-го Донского полка с отрядом Шарова, после чего большая часть фронтовиков проскочила на Дон.

Представитель Добровольческой армии при донском атамане генерал Лукомский изумлённо отмечал: «Просто не верилось глазам. Все офицеры на местах, полная дисциплина, никаких комитетов. Полк заявил, что он хочет сейчас же идти на фронт. Полку была устроена торжественная встреча. После молебствия на соборной площади

атаман и председатель донского правительства благодарили полк, прибывший в таком блестящем виде. Трогательно было видеть, как глубокие старики подходили к полку и, кланяясь до земли, благодарили славных станичников за то, что они поддерживали честь и славу Дона и не поддались искушению большевистской пропаганды»[\[70\]](#).

На фоне почти повального среди казачества безверия в дело вооружённой борьбы с красными образцовый вид 6-го Донского полка многим представителям казачьей власти казался настоящим чудом. Но их надежды быстро рассеялись, словно утренний туман. Отправленный на фронт 6 (19) февраля, уже через два дня, под влиянием революционных агитаторов, 6-й Донской полк отказался вести боевые действия...

К этому времени окончательно прояснилось настроение подавляющего большинства донских казаков. «Определилось яснее настроение донских казаков, – отмечал А. И. Деникин. – Не понимают совершенно ни большевизма, ни “корниловщины”. С нашими разъяснениями соглашались, но как будто плохо верят. Сыты, богаты и, по-видимому, хотели бы извлечь пользу и из “белого”, и из “красного” движения. Обе идеологии теперь еще чужды казакам, и больше всего они боятся ввязываться в междоусобную распрю... пока большевизм не схватил их за горло»[\[71\]](#).

История эта поставила жирный крест на деле обороны Новочеркаска регулярными казачьими частями. Стало очевидно, что дни казачьей столицы сочтены. Сжалось кольцо фронтов и вокруг Ростова. Генерал Корнилов стягивал к нему все добровольческие части, готовясь оставить город.

В предместье Ростова Темернике под руководством местных большевиков вспыхнуло восстание рабочих. Они интенсивно обстреливали вокзал. В Нахичевани тоже шёл бой. Город обстреливался тяжёлой артиллерией со стороны Батайска. На разных окраинах города время от времени трещали пулемёты.

Остаться в Ростове означало для добровольцев быть раздавленными огромным числом революционных войск. Днём 9 (22) февраля генерал Корнилов отдал приказ об оставлении Ростова и движении на станицу Аксайскую, затем, переправившись через Дон, идти в станицу Ольгинскую. Куда потом? Этот вопрос оставался

открытым – или в зимовники, в Сальский округ Донской области, и там дожидаться, когда донское казачество опомнится и поддержит армию, или идти в Екатеринодар на соединение с кубанцами, которые, по имевшимся сведениям, уверенно удерживали кубанскую столицу. На подготовку к походу войскам отводилось всего несколько часов.

«Рано утром 9 февраля 1918 года, когда мы ещё спали, – вспоминал Р. Б. Гуль, в то время офицер отряда полковника Симановского, – в казармы вбежал взволнованный полковник Назимов: “Большевистские цепи под Ростовом!” – “Как? Не может быть?” – “Мои студенты и юнкера уже в бой пошли... Приказ: никому не отлучаться, быть в полной боевой готовности... С каждым часом стрельба близится. На дворе около казармы уже рвутся снаряды. Артиллерия гудит кругом и в три часа дня получен приказ: оставляем город, уходим в степи... Мы назначаемся в арьергард”»[\[72\]](#).

Офицеры отряда побросали в большой комнате вещи, которые нельзя взять в поход: бельё, бекеши, галифе, выходные сапоги, шапки. Кто-то взял себе лучшее из выброшенного, остальное порубили шашками.

Настроение у всех гнетущее – петля вокруг армии затягивается, дело к ночи и никто не знает, сможет ли армия вырваться. О худшем старались не думать. В ожидании выступления, молчаливо сидели офицеры по комнатам казармы. Все в шинелях, с патронташами и винтовками, с вещевыми мешками за плечами.

На пустынных улицах города быстро темнело. «Откуда-то привели в казармы арестованного, плохо одетого человека, – писал Р. Б. Гуль. – Арестовавшие рассказывают, что он кричал им на улице: “Буржуи, пришёл вам конец, убегаете, никуда не убежите, стойте!” Они привели его к командующему участком, молодому генералу Б[\[13\]](#). Генерал сильно выпивши. Выслушал и приказал: “Отведите к коменданту города, только так, чтоб никуда не убежал, понимаете?” На лицах приведших лёгкая улыбка: “Так точно, ваше превосходительство”. Повели... Недалеко в снегу расстреляли...”[\[73\]](#) Вскоре в казарму вбежала растрёпанная женщина с грудным ребёнком на руках. С большими умоляющими глазами она выпрашивала о своём муже. Оказалось, что это была жена только что расстрелянного...

Коннице приказано произвести разведку выходов из города. Почти вся кавалерия армии – это 1-й кавалерийский дивизион лейб-гвардии Уланского Его Величества полка полковника Гершельмана, численностью около 130 сабель. Он располагался в «лазаретном городке» на южной окраине Ростова. Но и эта конница не была регулярной в полном смысле этого слова. Дивизион состоял из двух эскадронов. Если в 1-й офицерский эскадрон подполковника Селиванова, где офицеры находились на положении рядовых добровольцев, был укомплектован опытными кавалеристами, то во 2-м эскадроне находились почти сплошь студенты, гимназисты, кадеты и юнкера, никогда не служившие в коннице. При таком положении дел о серьёзном противостоянии многочисленной регулярной коннице красных не могло быть и речи. Однако патриотизм, задор и молодость брали верх над холодным расчётом, и белые кавалеристы не унывали.

«Накануне этого исторического дня штаб-ротмистр князь Химшиев, офицер 2-го эскадрона, решил устроить маленький разворот по случаю его обручения с одной барышней из города Ростова на Дону, из зажиточной семьи, – вспоминал А. Н. Глушков, в описываемые дни корнет, командир взвода 2-го эскадрона. – Это пиршество было устроено в лазаретном городке. Привезли много всяких закусок, водку, вино и прочее. Князь Химшиев познакомил нас со своей невестой и ее подругой – обе очень милые и хорошенькие барышни. Время провели весело, шумно. Легли спать в три часа утра. Что день грядущий нам готовит? Не спалось, и мы тихо переговаривались с моим командиром»[\[74\]](#). Как только забрезжил рассвет столь памятного для добровольцев 9 (22) февраля, кавалеристы, как всегда, направились к конюшням, чтобы покормить и привести в порядок своих коней. Они стояли в деревянных бараках за обширной площадью.

Было тихо. Город спал и видел сны. Мирно похрустывал под ногами снег. Иней ажурно украсил деревья, похожие на диковинные кораллы. Ещё не рассеялся зыбкий, предутренний туман... Внезапно всё ожило! Где-то совсем рядом бухнули орудия. С визгом рассекая морозный воздух, стали падать на площадь снаряды. От разрывов вздыбилась мёрзлая земля. Сигнал тревоги запела труба. Раздались отрывистые фразы команд. Мир кончился – теперь не будет покоя никому, ни белым, ни красным, ни тем, кто хотел остаться в стороне.

– По коням!

Дивизион выехал за город и разослал разъезды для разведки дорог. Корнет Глушков с 15 юношами-добровольцами и старшим унтер-офицером получил задание осветить центральную дорогу на юг от Ростова, что вела к селению Малые Салы.

Уже рассвело, когда отряд корнета Глушкова, выслав вперёд дозоры, по глубокому снегу медленно двинулся в указанном направлении. Прошли совсем немного и попали в засаду. Неожиданно застучали вражеские пулемёты, а над головами добровольцев засвистели пули, не причинив никому вреда. У красных пулемётчиков не выдержали нервы, и они раньше времени открыли огонь, сидя с обеих сторон дороги в старательно закамуфлированных снежных окопах. Корнет Глушков не растерялся, развернул свой разъезд лавой и поспешил откатиться назад к расположению дивизиона, по которому уже была вражеская артиллерия со стороны Армянского монастыря и дачи датского консула.

Приблизившись к Армянскому монастырю, корнет Глушков увидел у себя на левом фланге группу красных кавалеристов регулярной конницы, которые резали белым пути отхода. Позже стало известно, что там действовали драгуны 4-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка. И хотя командир дозора имел приказ в бой не вступать, ситуация диктовала иное решение: «Скомандовал: “Шашки вон!” – и пошли полевым галопом на сближение, – писал он в своих воспоминаниях. – Но, увы! Один, а потом другой, взывая о помощи, валятся с лошадей, некоторые еле держатся в седле. Пришлось остановиться и посадить их на коней. О боевом столкновении нечего было и думать, это были мальчики с большим порывом и жертвенностью, но которые, за неимением времени, совершенно не были обучены строю. К счастью, удалось проскочить раньше драгунского довольно сильного разъезда, а то душа сжималась за моих “бойцов” – изрубили бы нас в котлеты»[\[25\]](#).

Устремившись в сторону кирпичного завода, корнет Глушков заметил россыпь кавалеристов, скачущих за перевал, чтобы скрыться от беглых выстрелов артиллерии. Разъезд торопился догнать своих, и сам попал в сферу оружейного огня. Неопытные юные всадники шарахались от каждого разрыва и невольно сбивались в кучку, создавая компактную цель, вместо того, чтобы рассыпаться по полю

как можно дальше друг от друга. Но удача и на этот раз не покинула их. Лёгкое осколочное ранение получила лишь лошадь корнета Глушкова. Она повалилась на снег, но быстро поднялась, мотая окровавленной мордой.

Догнав дивизион, бойцы узнали горькую новость – погиб командир их эскадрона, блестящий офицер-фронтовик, подполковник Балицкий. Он неосторожно задержался на железнодорожном переезде, желая рассмотреть в бинокль, кто ведёт по ним огонь. Стрельба велась с того места, где на возвышенности проступал силуэт дачи датского консула, а справа от дороги среди поседевших от инея деревьев тёмным пятном маячил Армянский монастырь. Там стояла казачья донская батарея. Подполковник Балицкий не хотел верить, что стреляют донцы^[14]. Граната угодила под его коня. Пробив ему живот, осколки гранаты ударили командиру 2-го эскадрона в голову.

«Прекрасный он был человек, блестящий офицер и командир эскадрона, отец солдату... – сердечно писал о нём А. Н. Глушков, близко знавший А. Ф. Балицкого по совместной службе в 4-м гусарском Мариупольском полку во время Великой войны. – Мне передали на память его часы-браслет, а я не мог даже проститься с ним, так как меня послали с другим разъездом, на этот раз боевым, т. е. состоявшим из солдат и юнкеров – на левый фланг Добровольческой Армии, которая покидала Великий Дон»^[76]. На похороны павших времени не было, и тело подполковника отнесли в «лазаретный городок». Добровольцы оставили его на операционном столе, предварительно срезав погоны и другие знаки отличия, помня, что красные могут надругаться и над телами убитых офицеров.

В ночь на 10 (23) февраля, обойдя Нахичевань, дивизион полковника Гершельмана вышел на большую дорогу к станции Аксайской и догнал Добровольческую армию.

Поздним вечером в лазаретном городке собрались войска и беженцы. Все его улицы заполнили люди, повозки, пролётки и артиллерийские орудия. Нетерпеливо ожидавшие выступления в поход, гражданские лица сидели со своим нужным и ненужным скарбом на подводах и нервно переговаривались. С армией из Ростова уходило до 1000 беженцев, по разным причинам не пожелавших остаться под властью красноармейцев. Ко дню выхода в поход в армии насчитывались многие сотни больных и раненых, прикованных к

постели добровольцев. Многих из них удалось пристроить по домам сочувствовавших им горожан, рисковавших при этом жизнью. Однако около 200 раненых не имели пристанища, и они следовали с армией в обозе.

По мрачным, неосвещённым улицам негостеприимного города стекались на сборный пункт отдельные люди и повозки. Вдалеке слышалась перестрелка.

Генерал Корнилов вышел из флигеля, и взоры собравшихся на улице людей обратились к нему. Конвой командующего – текинцы вскочили на коней. Один из них держал в руке трёхцветный национальный русский флаг.

– С Богом!

Постепенно ветер стих. Прекратился снег. Ночь выдалась звёздная. После четырёхчасового перехода впереди наконец показались огоньки станицы Аксайской. Добровольцы ускорили шаг в надежде побыстрее найти место, где можно согреться и отдохнуть, но, не доходя 2–3 вёрст до Аксайской станицы, колонна встала среди снежной степи. Оказалось, что высланных вперёд квартирьеров местные казаки встретили недружелюбно: опасаясь мести большевиков, они отказывали Добровольческой армии в ночлеге. «Вышли на дорогу в Аксайскую станицу, – вспоминал А. И. Деникин. – Невдалеке от станицы встречает квартирьер:

– Казаки держат нейтралитет и отказываются дать ночлег войскам.

Корнилов нервничает.

– Иван Павлович! Поезжайте, поговорите с этими дураками.

Не стоит начинать поход усмирением казачьей станицы»[\[77\]](#).

Развернув встречные сани, генералы Романовский и Деникин отправились на переговоры с аксайцами.

«Казаки, оказывается, политически весьма преуспели, прозрели и образовались, – саркастически подмечал участник 1-го Кубанского похода И. А. Эйхенбаум[\[78\]](#), – со слабыми и приличными людьми они говорят сильными и почти что неприличными словами. Нас они не боятся, и отсюда это неприличие и отказ в приюте.

– Мы держим нейтралитет, а потому убирайтесь, пока целы, – говорят они»[\[79\]](#).

Почти два часа тянулись утомительные разговоры, то сдержанные, то на повышенных тонах, «...сначала со станичным атаманом (офицер), растерянным и робким человеком; потом со станичным сбором: тупые и наглые люди, бестолковые речи... Думаю, что решающую роль в переговорах сыграл офицер-ординарец, который отвёл в сторону наиболее строптивного казака и потихоньку сказал ему:

– Вы решайте поскорее, а то сейчас подойдёт Корнилов – он шутить не любит: вас повесит, а станицу спалит»[80]. Такой поворот охладил пыл наиболее крикливых казаков-переговорщиков. В итоге станичный сбор дал согласие на ночёвку Добровольческой армии в Аксайской, но при условии, что добровольцы утром уйдут дальше и не примут бой в станице, если противник подойдёт ночью.

А в степи в это время с нетерпением ожидали решения вопроса о ночлеге 5000 добровольцев и беженцев, иззябших и голодных, уставших физически и морально от нервной обстановки минувшего дня и ночного перехода. Наконец поступила команда идти в станицу, и, утомлённые переживаниями дня и ночным походом, люди быстро разбрелись по домам.

«Кое-как, вповалку, на холодном полу, провели мы тревожную первую ночь похода, – писал о “гостеприимстве” местных казаков А. П. Богаевский, – ожидая возможности наступления красных, и рано утром двинулись дальше на станицу Ольгинскую»[81]. Красные не преследовали армию, и остаток ночи прошёл спокойно.

Отдых добровольцев охранял офицерский партизанский отряд имени генерала Корнилова полковника Симановского. Он остался под самой Нахичеванью. Заслон малочисленный, а ответственность велика. Со стороны Ростова доносились одиночные выстрелы, однажды прозвучало громкое «ура» – красные хозяйничали в городе. Долго тянулась по заснеженной дороге длинная вереница беженцев. «Едут подводы с женщинами, с какими-то вещами, – вспоминал один из участников похода, Р. Б. Гуль. – На одной везут ножную швейную машину, на другой торчит граммофонный рупор, чемоданы, ящики, узлы. Все торопятся, говорят вполголоса, погоняют друг друга. Одни подводы застревают, другие с удовольствием обгоняют их. Арьергард волнуется. Хочется скорее уйти от Ростова: рассветёт, большевики займут город, бросятся в погоню, нас всего 80 человек, а тут бесконечно везут никому не нужную поклажу»[82].

Казачество считалось опорой Добровольческой армии в недалёком будущем, поэтому генерал Корнилов требовал не применять реквизиции, что нередко ставило в тупик чинов, ответственных за снабжение армии всем необходимым. «Мы просили крова, просили жизненных припасов за дорогую плату, – сокрушённо отмечал А. И. Деникин, – не могли достать ни за какую цену сапог и одежды, тогда ещё в изобилии имевшихся в станицах, для босых и полуодетых добровольцев; не могли получить достаточного количества подвод, чтобы вывезти из Аксая остатки армейского имущества. Условия неравные: завтра придут большевики и возьмут всё – им отдадут даже последнее беспрекословно, с проклятиями в душе и с униженными поклонами»[\[83\]](#).

Техническая рота проработала на переправе всю ночь, устраивая деревянный настил с берега на лёд, рассыпая песок. По обледенелой земле стучали кирки, из-под топоров летели щепки. Ещё затемно Дон перешёл кавалерийский дивизион полковника Гершельмана с задачей прикрыть армию с востока, одновременно с ним переправился партизанский отряд сотника Грекова, отправленный заслонить добровольцев со стороны Батайска. Над их головами иногда посвистывали пули – так местные молодые казаки-фронтовики выказывали своё отношение к добровольцам.

К утру погода поменялась к лучшему. Ветер утомился, перестал идти снег, небо прояснилось, и смягчился мороз. С первыми петухами 10 (23) февраля началась переправа через Дон по льду, а лёд местами подтаял, потрескался. Переправу основных сил начал генерал Алексеев. Он пешком перешёл реку, опираясь на палку и словно бы проверяя ею лёд на прочность.

Главные опасения у добровольцев были за артиллерию, но подполковник Миончинский[\[84\]](#) предусмотрел всё возможное для благополучной переправы. С большим трудом ему удалось раздобыть в станице подводы. Из эшелона и из ящиков на них перегрузили снаряды, а также всё, что можно было снять с орудий, чтобы облегчить их. Переправлялась артиллерия осторожно, по частям. Лошади шли выпряженными, по одному на руках катили орудия, по одной переезжали неперегруженные подводы. Под тяжестью орудий лёд трещал, но не ломался. Последнее орудие юнкера катили бегом уже по

воде, выступившей на поверхность льда. К общей радости артиллеристов, всё имущество удалось перетащить без потерь.

На всякий случай, пока армия переправлялась, два орудия поставили на позицию на противоположном берегу. Командующий армии с конвоем и с начальником штаба переехали Дон и стояли на берегу, пропуская войска, обозы и беженцев. В какой-то момент во время переправы появились два боевых аэроплана красных и стали кружить на большой высоте над колоннами добровольцев. Они сбросили на лёд несколько бомб, которые не причинили войскам никакого вреда, и улетели.

Уже при свете дня 10 (23) февраля арьергард вошёл в станицу Аксайскую и расположился по хатам. Сразу же от станичного атамана в письменном виде поступило требование немедленно покинуть селение, чтобы не провоцировать красных завязать бой. Полковник Симановский ответил резко и проигнорировал решение местной власти. В ответ ночью станичники обстреляли офицерские посты, на что взбешённый полковник Симановский пригрозил атаману вызвать артиллерию и спалить станицу. Угроза подействовала. Арьергард сутки охранял переправу через Дон, затем, подорвав железнодорожное полотно, вместе с технической ротой ушёл вслед за армией к станице Ольгинской, до которой было всего 8 вёрст. Погода стояла хорошая – яркий солнечный день с лёгким морозцем.

Так начался первый поход Добровольческой армии, ставший легендой Белого движения. В дальнейшем он получил название 1-й Кубанский, Корниловский или Ледяной.

О первых его днях поэт-белоэмигрант донской казак Н. Н. Туроверов^[15] написал пронзительные строки:

Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою...

Глава вторая

Реорганизация добровольческой армии в станице Ольгинской

К вечеру 10 (23) февраля вся Добровольческая армия сосредоточилась в станице Ольгинской, где её встретил отряд генерала Маркова – он пробился мимо Батайска по левому берегу Дона. Противник армию не преследовал.

Не тронутая войной, богатая казачья станица непрошенных гостей встретила радушно. Добровольцы выставили вкруговую сторожевые заслоны из партизанских отрядов и расположились на отдых на широких квартирах. Неприятеля поблизости не было, лишь на другой день дальнобойные орудия красных со стороны Нахичевани дали несколько выстрелов, однако снаряды легли в землю с большим недолётом. Тогда же немногочисленная кавалерийская часть атаковала партизанский отряд сотника Грекова, который отбил атаку, потеряв 1 бойца убитым и 3-х ранеными.

С утра 11 (24) февраля погода стояла солнечная, ветер стих и значительно потеплело. В тот же день в станице Ольгинской генерал Корнилов приступил к реорганизации Добровольческой армии, насчитывавшей в своих рядах около 3500–4000 бойцов и состоявшей из множества различных по численности, в основном мелких, частей. Их насчитывалось около 25 – отдельных батальонов, рот, отрядов и один полк – Корниловский ударный. Некоторые отряды имели в своих рядах всего несколько десятков человек. С армией в поход вышли 130 гражданских лиц и 154 женщины, в основном сёстры милосердия, русские женщины-офицеры и доброволицы-ударницы, защищавшие в день октябрьского переворота Зимний дворец.

Всю пехоту свели в три пока: Корниловский ударный, Сводно-Офицерский и Партизанский, а также Юнкерский батальон, чехословацкий инженерный батальон с галицийско-русским взводом и техническую роту, общей численностью около 3000 бойцов.

В некоторых современных изданиях, посвящённых Ледяному походу, приводится точное число его участников со ссылкой на белоэмигрантскую литературу. Однако следует отметить, что в период

похода списки личного состава армии если и велись, то не могли быть полными. Состав армии менялся почти ежедневно, кто-то поступали в её ряды, кто-то по разным причинам выбывал. Гибель в бою, плен, ранение или болезнь являлись не единственными на то причинами. Немало добровольцев оставило армию, не выдержав тягот похода или разуверившись в его идее, а мобилизованные в станицах казаки нередко вскоре расходились по домам. Особенно массовый уход из армии был замечен в период неудачных боёв под Екатеринодаром и во время днёвки в немецкой колонии Гнадау. Кроме того, многие походные документы уничтожались из соображений безопасности добровольцев, ведь попав в руки противника, они могли стать причиной преследования бывших чинов армии. По той же причине некоторые добровольцы скрывали свои фамилии под псевдонимами.

Одно время служивший при штабе армии первопоходник С. Н. Гернберг писал: «Каждую годовщину, 9 февраля, повторяется в печати почти одно и то же... Даются и точные числа участников с распределением по чинам. К этим сведениям я лично отношусь крайне скептически. Жалованье не платилось до конца похода, снабжение шло своими средствами, списков никаких не велось»^[85]. Поэтому говорить о численности различных частей армии приходится осторожно...

Корниловский^[16] Ударный полк развернулся в три батальона и пулемётной роты, и насчитывал в своих рядах 1100 человек при 12^[17] тяжёлых пулемётах. В него вошли и некоторые прежде отдельные части. Георгиевская рота полковника Кириенко вошла в 3-й батальон полка, а личный состав партизанского офицерского имени генерала Корнилова батальона полковника Симановского четырёхротного состава, численностью около 500 штыков, образовал 1-й батальон корниловцев.

Возглавил полк любимец генерала Корнилова, Генерального штаба полковник Неженцев, его помощник – капитан Скоблин, адъютант – поручик князь Ухтомский. Связистами руководил капитан Морозов, а хозяйственную часть возглавил капитан Гавриленко.

1-м, самым многочисленным, батальоном корниловцев командовал бывший начальник Павловского военного училища, полковник Булюбаш. Ротами в нём командовали: 1-я офицерская рота – капитан Миляшкевич, 2-я офицерская рота – штабс-капитан князь

Чичуа, 3-я офицерская рота – штабс-капитан Пух, 4-я офицерская рота – капитан Пиотровский.

2-й батальон трёхротного состава возглавлял полковник Мухин, соответственно 5-ю роту – штабс-капитан Томашевский, 6-ю роту – штабс-капитан Петров[86], а 7-ю – поручик Салбиев.

3-й батальон корниловцев под командованием полковника Индейкина имел лишь две роты: 9-ю капитана Лызлова и 10-ю штабс-капитана Мамыкина.

Пулемётная рота в 12 тяжёлых пулемётов подчинялась есаулу Милееву и его помощнику капитану Рябинскому.

За время обороны Ростова измотанные в непрерывных боях корниловцы понесли большие потери – свыше ста человек убитыми и ранеными. О боевом духе корниловцев перед выходом в 1-й Кубанский поход ярко написал М. Н. Левитов: «Свой шкурный вопрос давно был решён Корниловцами словами своего девиза: “Лучше смерть, чем рабство”. Нейтралитет многих тысяч офицеров, скопившихся на Дону, сильно огорчал нас, но наших убеждений не поколебал. Враждебные нам силы Дона и дивизия латышей Сиверса сильнее сплотили нас вокруг нашего Вождя Генерала Корнилова, превратив нашу преданность ему в болезненно обострённую обречённость. Это выражалось прежде всего в ясности понимания каждым своего назначения: находящийся в строю должен поражать своего противника, что неминуемо влекло нас к смерти, а потому – выполняй свой долг без колебаний, с расчётом нанести противнику возможно больший урон»[87].

Во второй половине февраля завершилась реорганизация Сводно-Офицерского полка генерала Маркова, с обозом и лазаретом насчитывавшего приблизительно 800 человек. Она свелась к следующему:

1-я рота подполковника Плохинского, численностью около 200 человек при 4-х пулемётах, была сформирована из чинов бывшего 1-го офицерского батальона.

2-я рота полковника Лаврентьева, также приблизительно в 200 человек, с 2 пулемётами, имела в своих рядах бойцов 2-го офицерского батальона, школы прапорщиков, Ростовской офицерской роты, а также некоторых мелких отрядов и команд.

3-я рота полковника Кутепова – примерно 200 человек и 3 пулемёта – состояла из людей 3-го офицерского батальона.

4-я рота в 110 человек с 4 пулемётами появилась после расформирования Батайского отряда. Из-за болезни полковника Ширяева возглавил роту ротмистр Дударев.

Отдельная команда связистов и подрывников имела численность 28 человек.

Кроме того, при полку находились боевой и хозяйственный обозы, где на положении санитаров и конюхов находились в основном пожилые офицеры. За походным лазаретом с сотней раненых и несколькими сёстрами милосердия во главе с Пелагеей Осиповой наблюдал доктор Родичев.

Днём 12 (25) февраля на станичной площади собрались на первый полковой смотр офицерские батальоны. Генерал Марков обратился к ним с речью: «Не много же вас здесь! По правде говоря, из трёхсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь! Я глубоко убеждён, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела. Не спрашивайте меня, куда и зачем мы идём... Теперь скажу только, что приказом Верховного Главнокомандующего, имя которого хорошо известно всей России, я назначен командиром Офицерского полка, который сводится из ваших трёх батальонов, роты моряков и Кавказского дивизиона. Командиры батальонов переходят на положение ротных командиров, ротные командиры на положение взводных. Но и тут вы, господа, не огорчайтесь: здесь и я с должности начальника штаба фронта фактически перешёл на батальон!»[88]

Едва генерал Марков закончил свою короткую речь, как командир 1-го батальона полковник Борисов громко возмутился, что он не желает с командира полка переходить на роту.

– Полковник! Вы мне не нужны! – резким тоном ответил генерал Марков и, обращаясь к подполковнику Плохинскому, добавил. – Назар Борисович, примите роту!

«Назар Борисович Плохинский, – писал о нём С. М. Пауль, – всегда молчаливый, спокойный и очень уравновешенный человек...»[89]

Генерал Марков окинул пристальным взглядом строй добровольцев.

– Вижу, что у многих нет погон. Чтобы завтра же надели, – строго бросил он и, смягчившись, добавил. – Сделайте хотя бы из юбок ваших хозяек.

В штаб генерал Марков взял на должность своего помощника, бывшего командира Георгиевского батальона при Ставке Верховного Главнокомандующего, полковника Тимановского, а доктора Родичева – казначеем. Со дня формирования полка над его штабом развивался полковой флаг – черное полотнище с белым Андреевским крестом.

Рослый, могучего телосложения, полковник Тимановский неизменно опирался на длинную и толстую палку. Его офицерская папаха, романовский полушубок, очки и широкая, ниспадавшая на грудь борода, которой он обзавёлся, пробираясь на Дон, создавали образ солидного сорокалетнего мужчины, хотя полковнику было всего 29 лет.

Человек кипучей энергии и большой трудоспособности, доктор Родичев возглавил полковой лазарет. Он же отвечал за казначейскую часть, за все расчёты с населением за продукты и услуги. Вся канцелярия и деньги полка находились у доктора в походной сумке и за голенищами сапог.

«За короткий ростовский период некоторым офицерам приходилось слышать о генерале Маркове, как о начальнике беспощадном, жестоком, резком, грубом: недаром он всегда с плёткой в руке! – отмечал В. Е. Павлов. – Но теперь судили о нём иначе: он энергичен, распорядителен – качества положительные и одаб्रиваемые всеми... Генералу Маркову было чуждо чувство тщеславия, и он не признавал его у других»^[90]. Свой полк он свёл в батальон, что оправдывалось походной обстановкой и упрощало управление: между штабом полка и ротами – никаких промежуточных инстанций, все люди в строю, на передней линии. В штабе полка всего три человека, включая командира, да 5 офицеров – конных ординарцев. Такая организация полка гарантировала быстроту решений в боевой обстановке и тесную связь с каждым офицером.

Слияние мелких частей больно ударило по самолюбию смещённых начальников.

Партизанский полк, численностью около 800 человек, возглавил генерал Богаевский. В него вошли главным образом донские партизанские отряды полковника Краснянского, есаула Лазарева^[91],

есаула Бокова, есаула Власова, сотника Грекова, небольшая часть китайского отряда сотника Хопёрского, остатки Ростовского студенческого полка и некоторые другие, более мелкие части. Основу этих отрядов составляли донские казаки и учащаяся молодёжь. К Партизанскому полку также был присоединён отряд киевских юнкеров во главе с полковником Дедурой.

Организационно полк состоял из трёх пеших сотен. 1-й сотней командовал полковник Краснянский, основу которой составили люди его партизанского отряда. 2-ю сотню возглавил есаул Лазарев, где костяком являлись бойцы созданного им отряда. В 3-й сотне находились преимущественно партизаны погибшего полковника Чернецова.

12 (25) февраля во время смотра всех частей армии, в присутствии генерала Корнилова, часть юнкеров школы прапорщиков, Юнкерский и Студенческий батальоны были объединены в Особый Юнкерский батальон трёхротного состава общей численностью около 400 человек. Его командиром стал генерал Боровский. В 1-ю роту преимущественно входили юнкера и кадеты, 2-я и 3-я состояли из учащейся молодёжи.

При сведении бывшего Юнкерского батальона в роту его командир штабс-капитан Парфёнов не захотел переходить на положение ротного командира и вообще не пожелал оставаться в батальоне, говоря, что соединение юнкеров и студентов неизбежно приведёт к столкновению их политических взглядов. Юнкера считали студентов «социалистами». Штабс-капитан Парфёнов даже убедил генерала Алексеева, что страсти в батальоне накалены до предела и в любой момент дело может дойти до вооружённого конфликта. Когда же основатель Добровольческой армии поделился своими опасениями с генералом Деникиным, то получил ответ:

– Ничего, Михаил Васильевич. Всё обойдётся. Волнуется больше Парфёнов, чем батальон.

Действительно в Добровольческой армии собрались люди разных политических взглядов, что остро ощущалось многими добровольцами. Однако и монархисты, и республиканцы, и социалисты понимали, что оказались в одной лодке. Перед лицом смертельной опасности многие из них справедливо видели спасение только в единстве. Огромную роль играло и то, что в Добровольческой армии не было людей, призванных в её ряды по набору или по

принуждению. Части пополнялись исключительно на добровольческих началах, при этом каждый доброволец давал подписку прослужить четыре месяца с обещанием беспрекословного повиновения командованию.

Для поднятия настроения и боевого духа в рядах молодёжи в тот же день, 12 (25) февраля, всех юнкеров, находившихся в армии, генерал Корнилов произвёл в прапорщики, а кадетам старших классов присвоил новое звание – походные юнкера. После объявления приказа о производстве юнкеров в офицеры, за Россию, за генерала Корнилова, воздух неоднократно сотрясало искреннее, молодецкое:

– Ура!

Прямо на смотру на станичной площади легендарный полководец лично вручал юнкерам офицерские погоны, заготовленные для этого торжественного случая ещё в Ростове. Произведённые в походные юнкера кадеты на свои погоны по нижнему ранту нашили ленточки национальных цветов.

И хотя всем юнкерам офицерских погон не хватило, они с юношеским задором изготовили их из солдатских. «В тот же день юнкерские погоны были сняты, – вспоминал своё производство в офицеры В. А. Ларионов, – и так как офицерских галунных достать было, конечно, невозможно, на солдатских суконных погонах химическим карандашом проводили по середине погона черту и рисовали звёздочку. Впрочем, весь Кубанский поход все старшие офицеры продолжали считать нас за юнкеров и командовали как батарейнными солдатами»[\[92\]](#).

Хуже всего дело обстояло с кавалерией. В армии сформировалось всего три небольших конных отряда общей численностью около 300 шашек. Отряд полковника Глазенапа, созданный путём слияния малочисленных донских казачьих партизанских отрядов. Дивизион регулярной конницы полковника Гершельмана. Конный отряд подполковника Корнилова, состоявший из бывших частей полковника Чернецова.

В станицу Ольгинскую артиллерия пришла в следующем составе: 1-я юнкерская батарея подполковника Миончинского с 5-ю орудиями, 2-я офицерская батарея, не имевшая орудий, и 3-я офицерская батарея с двумя пушками. Ещё одно орудие находилось при одном из партизанских отрядов.

После реорганизации артиллерийский дивизион состоял из четырёх батарей по два трёхдюймовых орудия в каждой. Командовали батареями опытные артиллеристы, настоящие профессионалы своего дела. 1-й батареей – георгиевский кавалер подполковник Миончинский, 2-й батареей – подполковник Шмидт, 3-й батареей – георгиевский кавалер подполковник Ерогин и 4-й – бывший командир лейб-гвардии Стрелковой артиллерийской бригады, георгиевский кавалер полковник Третьяков.

О мастерстве подполковника Миончинского генерал Деникин восхищённо писал: «Миончинский – этот виртуоз артиллерийского боя, живший, горевший и священнодействовавший в музыке смертоносного огня...»^[93] Но подполковник Миончинский, прошедший всю Великую войну с августа 1914-го, был не только прекрасным артиллеристом, но и опытным организатором. Его 1-я офицерская^[18] батарея численностью около 100 человек под его началом превратилась в отдельную боевую часть, способную самостоятельно решать некоторые боевые задачи. В неё входили: орудийный взвод, команда связи, команда конных разведчиков, пулемётный взвод с 2-я пулемётами и пеший взвод, численностью около 50 бойцов.

Артиллерийских снарядов у добровольцев было немного, не более 600–700. Поэтому в походе оставался лишь один род снабжения – добывать боеприпасы ценой крови. Ружейных патронов тоже было немного. Тощей оказалась и казна армии, находившаяся в ведении генерала Алексеева. Все денежные средства, около 6 миллионов, носили на себе три офицера: полковник Трескин, ротмистр Апрелев и ротмистр Шапрон дю Ларре. Каждый нёс по 2 миллиона, которыми он был забинтован.

О настроениях в рядах добровольцев в те дни ярко написал И. А. Эйхенбаум: «Кто же в армии? Порывная жертвенная молодёжь обоего пола, убеждённые, бескомпромиссные офицеры, готовые платить за своё достоинство, за честь Родины своей головой... Наверное, всё же никакого чуда не будет, и возвращения в нормальную жизнь тоже не будет, поэтому – да поможет Бог дойти до Его порога твёрдым шагом»^[94].

Назревшая реорганизация армии являлась далеко не основной причиной длительной стоянки в станице Ольгинской. Прежде всего,

следовало поставить точку в главном вопросе о конечной цели похода и выработать маршрут движения. По этому вопросу мнения старших начальников резко разошлись. Даже для опытных, прославленных военачальников, стоявших во главе добровольческой организации, решение давалось необычайно трудно.

Выступая в поход, генерал Корнилов намеревался вести добровольцев в Сальский округ Донской области, в район зимовников, к северо-западу от станицы Великокняжеской, где армия могла отдохнуть, пополнить конский состав и, находясь в районе, пока ещё не охваченном революционными настроениями, принять взвешенное решение по поводу продолжения вооружённой борьбы. Главнокомандующий всё ещё надеялся, что донцы и кубанцы стоявших на пути армии станиц откликнутся на его призыв и пополнят кавалерию, а неказачьи селения дадут пехоту. На основании своей позиции главнокомандующий отдал некоторые предварительные распоряжения. Таких же взглядов придерживался и генерал Лукомский.

Генерал Алексеев имел совершенно иную точку зрения, считая, что армию необходимо вести на Кубань для соединения с казачьими и добровольческими формированиями Екатеринодара. Обеспокоенный решением генерала Корнилова, из-за сложных с ним личных отношений и в силу исключительной важности вопроса, днём 12 (25) февраля он обратился к главнокомандующему в письменном виде.

Обозначив вес краеугольного вопроса о направлении движения добровольческих частей и коротко обрисовав сложившуюся вокруг армии обстановку, он подверг критике мнение генерала Корнилова. «Из разговоров с генералом Эльснером и Романовским я понял, что принят план ухода отряда в зимовники, к северо-западу от станицы Великокняжеской, – писал, по свидетельству А. И. Деникина, генерал Алексеев. – Считаю, что при таком решении невозможно не только продолжение нашей работы, но даже при надобности и относительно безболезненная ликвидация нашего дела и спасение доверивших нам свою судьбу людей. В зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны распутившейся рекой Доном, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск, при чем все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты большевиками, что лишит нас совершенно возможности получать

пополнения людьми и предметами снабжения, не говоря уже о том, что пребывание в степи поставит нас в стороне от общего хода событий в России»[\[95\]](#). В заключение письма генерал Алексеев настаивал на немедленном созыве совещания лиц, стоявших во главе добровольческой организации, и их ближайших соратников.

Кроме того, в ближайшие сутки ожидалось прибытие в станицу Старочеркасскую 1,5—2-тысячного отряда походного атамана генерала Попова, который покинул Новочеркасск в день занятия его красными. Перед переговорами с командованием казачьего отряда о взаимодействии руководителям Добровольческой армии следовало окончательно выработать план действий.

Вечером того же дня состоялся военный совет. Мнения генералов разделились. Главнокомандующий по-прежнему настаивал на движении в зимовники. Часть присутствующих лиц разделяла его мнение. Другая часть старших начальников во главе с генералами Алексеевым и Деникиным горячо отстаивала поход на Екатеринодар.

Дислокация армии в зимовниках представлялась им не только невыгодной стратегически и политически, но и рискованным предприятием в чисто военном отношении. «Степной район, пригодный для мелких партизанских отрядов, представлял большие затруднения для жизни Добровольческой армии с ее пятью тысячами ртов, – утверждал А. И. Деникин. – Зимовники, значительно удаленные друг от друга, не обладали ни достаточным числом хилых помещений, ни топливом. Располагаться в них можно было лишь мелкими частями, разбросанно, что при отсутствии технических средств связи до крайности затрудняло бы управление. Степной район, кроме зерна (немолотого), сена и скота, не давал ничего для удовлетворения потребностей армии. Наконец, трудно было рассчитывать, чтобы большевики оставили нас в покое и не постарались уничтожить по частям расплывенные отряды»[\[96\]](#).

Генерал Алексеев выдвинул ещё целый ряд доводов в пользу своего мнения. В частности, он отмечал, что, в отличие от Дона, Кубань – край не только богатый, но и сочувствующий Добровольческой армии, что, однако, в скором будущем оказалось весьма преувеличенным молвой. Он считал, что, двигаясь на Кубань, легче всего прорвать кольцо революционных войск, а в случае несчастья армия будет в силах добраться до Кавказских гор, где можно

будет её распустить, снабдив добровольцев деньгами. Весомым доводом в речи основателя добровольческой организации стало наличие крупных контрреволюционных сил в Екатеринодаре, которые вместе с Добровольческой армией могли стать центром объединения всего контрреволюционного ополчения края, а кубанская столица – его материальной базой.

В итоге дискуссии главнокомандующий согласился с мнением идти на Кубань. Но и это решение оказалось не окончательным...

На следующий день, 13 (26) февраля, в станицу Ольгинскую приехал генерал Попов со своим начальником штаба полковником Сидориным. В полдень вновь собрался военный совет. На нём присутствовали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Романовский, Лукомский, Богаевский, Марков и Попов, а также полковник Сидорин и ещё несколько строевых офицеров, приглашённых на совещание главнокомандующим.

Совещание началось с доклада генерала Попова о положении дел в Новочеркасске. Он сообщил, что около часу дня 12 (25) февраля его кавалерийский отряд силой до 2000^[19] бойцов при 5 орудиях и 40 пулемётах покинул казачью столицу Дона. В момент оставления им города, красные входили в него с другой стороны. Донской войсковой атаман генерал Назаров с большей частью войскового Круга остался в Новочеркасске. Атаман был арестован и расстрелян в ночь на 13 (26) февраля.

Позднее генерал Богаевский дал этому событию следующую оценку: «Если бы во главе верных долгу донцов стал бы сам донской атаман генерал Назаров, популярный среди казаков и имевший большой боевой опыт, то, вероятно, результаты действий «степняков» были бы более значительны. Но, к глубокому сожалению, хотя всё было готово к его выступлению из Новочеркасска, атаман остался с Войсковым Кругом, чтобы разделить с ним его унижение изменником Голубовым и принять смерть. Царство ему небесное. Рыцарский, но бесполезный для Дона подвиг... Мужественно умер молодой атаман, сам скомандовав назначенным для его расстрела красноармейцам: “Сволочь, пли...” Но не лучше ли было бы, как это сделал в свое время старый сербский король Петр, уйти с верными казаками в степь и затем вернуться, когда наступит благоприятное время, и продолжать борьбу»^[97].

На предложение присоединиться к Добровольческой армии генерал Попов заявил, что его отряд не покинет территорию родной области и твёрдо намерен уйти в зимовники. Труднопроходимый в весеннюю распутицу Дон, прикроет район его дислокации, что позволит переждать неблагоприятное для вооружённой борьбы время. Кроме того, в зимовниках много хлеба, фуража, скота и лошадей. Выждав удобный момент, в дальнейшем казачьи части оттуда смогут действовать в любом направлении.

Генерал Корнилов колебался. Крупный кавалерийский отряд донцов мог серьёзно усилить Добровольческую армию, почти не имевшую собственной конницы. Учитывая позицию генерала Попова, главнокомандующий предложил собравшимся военачальникам ещё раз обсудить вопрос направления движения армии.

Генерал Алексеев, коротко повторив свои выкладки, твёрдо стоял на одном – Екатеринодар, и вообще не считал нужным возобновлять вчерашние дебаты. Вслед за ним высказался генерал Лукомский. Не возражая по сути против сказанного генералом Алексеевым, он заострил внимание присутствующих на насущных проблемах добровольцев: «...уже теперь при нашей армии, или, правильней сказать, при нашем небольшом отряде, – говорил он, – более двухсот раненых и чрезмерно большой обоз с боевыми припасами и ружьями, который бросить нельзя. Обозные лошади, набранные главным образом в Ростове, уже теперь имеют жалкий вид и еле тянут свои повозки и сани; что при наступлении на Екатеринодар нам нужно будет два раза переходить железную дорогу: в первый раз в районе близ станции Кагальницкой, второй раз где-нибудь около станции Сосыка; что большевики там преградят нам путь и подведут к месту боя бронированные поезда; что трудно будет спасти раненых, которых будет, конечно, много»[\[98\]](#).

Опытный и авторитетный генштабист твёрдо и аргументированно отстаивал свою позицию. Он усомнился в достоверности сведений о положении на Кубани, отметив, что расчёт на помощь кубанских казаков может быть ложным и добровольцы вполне могут встретить враждебное к себе отношение. Подводя итог своим доводам, генерал Лукомский предложил идти вместе с донским походным атаманом в зимовники, где, прикрытые с севера Доном, находясь вдали от железных дорог, добровольцы в спокойной обстановке смогут

пополнить конский состав, отдохнуть и выждать удобный момент для активной вооружённой борьбы. По его мнению, красные по крайней мере месяца два не будут тревожить армию, а если дерзнут, то будут разбиты.

После речи генерала Лукомского дебаты возобновились с новой силой. Генерал Алексеев уверял, что единственно правильное решение – идти на Екатеринодар. Его поддержал генерал Романовский, сказав при этом, что замечания, высказанные оппонентом, следует учесть и по возможности исправить во время похода на Кубань.

Закончил совещание главнокомандующий. Он согласился с доводами генерала Лукомского, но решил идти не на северные зимовники у Дона, а в район к западу от станицы Великокняжеской, который тоже богат лошадьми, скотом и зерном, чтобы после отдыха повести армию к Екатеринодару. По окончании совещания генерал Попов и полковник Сидорин уехали в распоряжение своих частей в станицу Старочеркасскую.

Вскоре после отъезда представителей донского отряда генерал Алексеев потребовал вновь собрать старших начальников у главнокомандующего. Вечером того же дня в доме, занятом генералом Корниловым, в столовой комнате, уже в третий раз в том же составе заседал военный совет. Открыл совещание генерал Алексеев, упорно настаивая на походе к Екатеринодару. С ответным словом выступил генерал Лукомский. «Я сказал, что не могу прибавить ни единого слова к тому, что было мною сказано днём, – вспоминал А. С. Лукомский, – и просил бы генерала Алексеева объяснить, в чём же он со мной не согласен. На этот вопрос я ответа не получил»[\[99\]](#).

Короткие прения завершились словами генерала Корнилова, что решения своего он пока не меняет, однако при подходе к станице Егорлыкской, где имелись необходимые армии склады артиллерийских припасов, будет понятно, стоит ли идти на Великокняжескую или свернуть на Екатеринодар. Кавалерийскому авангарду, стоявшему у станицы Кагальницкой, штаб армии приказал было следовать на восток, но затем отменил своё решение из-за трудности размещения по квартирам обоих отрядов и снабжения их продовольствием и фуражом. Штаб постановил пока идти параллельными дорогами и поддерживать с донским отрядом тесную связь.

За время стоянки в станице Ольгинской в армии происходил как приток, так и отток людей. Уехал находившийся при генерале Алексееве малочисленный отряд «особого назначения» полковника Лебедева. Ему поручили установить связь с Заволжьем и Сибирью. Несколько офицеров по личным мотивам решило не связывать свою судьбу с судьбой армии, но не всем удалось пробраться в безопасное место сквозь враждебное кольцо революционных войск. Некоторых из ушедших вскоре ожидала трагическая участь, например, Генерального штаба генерала Складовского и капитана Роженко. «Оба они в Великокняжеской были убиты большевиками исключительно за “буржуйский” вид, – отмечал А. И. Деникин, – и тела их бросили в колодец»^[100].

Узнав от начальника штаба армии генерала Романовского, что главнокомандующий хочет командировать какое-нибудь авторитетное лицо в Екатеринодар для установления связи с кубанским атаманом и добровольческими формированиями, генерал Лукомский предложил свою кандидатуру. Утром следующего дня, 14 (27) февраля, переехав вместе с Добровольческой армией в станицу Хомутовскую, переодетые в штатское, генералы Лукомский и Ронжин отправились в крайне рискованное путешествие. Переночевав в станице Кагальницкой, ранним утром 15 (28) февраля они продолжили путь. Не доезжая около десяти вёрст до слободы Гуляй-Борисовка, они остановились передохнуть и покормить уставших лошадей в придорожном хуторе, где их арестовал отряд красноармейцев. Не помогли им ни маскарад, ни подложные документы. После долгих допросов и мытарств, сначала в селе Глебовка, затем на станции Степная, и суда, затем случайной встречи с самим Р. Ф. Сиверсом и нового суда в Батайске 18 февраля (3 марта), им чудом удалось избежать расстрела^[20], но до Екатеринодара добраться не удалось...

Из ростовских лазаретов прибывали на извозчиках легкораненные и выздоравливающие добровольцы, которым в Ростове негде было укрыться от красноармейцев. Опасаясь, что их не возьмут в поход, они старательно притворялись здоровыми.

Глава третья

В станице Хомутовской. Первый бой

Ночь прошла спокойно. Перед самым рассветом – подъём. Впереди тяжёлый переход. У многих на устах все последние дни главный вопрос:

– Куда идём?

Никто достоверно ничего не знает. На этой почве порою возникали фантастические слухи. Но молодость и задор берут верх над унынием.

– Мне достоверно известно от штабного приятеля, что мы направляемся в Мервский оазис, – пряча улыбку, авторитетно заявляет озорник-поручик, стремясь поддеть излишне серьёзного командира взвода.

– Это где? – поинтересовался доверчивый взводный, произведённый в офицеры из солдат и не слишком разбиравшийся в географии, чем вызвал бурный смех своих починённых.

Небо посветлело, когда на южной окраине станицы построились части Офицерского полка. Спокойно и твёрдо отдавал распоряжения полковник Тимановский.

Ранним солнечным утром 14 (27) февраля Добровольческая армия покидала станицу Ольгинскую, двигаясь по направлению к станице Хомутовской, до которой следовало пройти около 20 вёрст. Сначала тронулся в путь авангард – Офицерский полк, за ним следовала 1-я батарея подполковника Миончинского, затем техническая рота. За авангардом вытягивалась колонна главных сил с обозом – под общим командованием генерала Боровского. В арьергарде следовал Партизанский полк генерала Богаевского.

На тощем, коренастом коне, неестественно вытянувшись и вытянув вперёд длинные ноги, выехал в голову колонны генерал Марков. На нём белая высокая папаха, чёрная куртка с белыми генеральскими погонами и штаны русского покроя. Он повёл колонну, и добровольцы то и дело посматривали на него: «Резкие русские черты лица и такая же резко определённая речь, – рисовал в своих

воспоминаниях портрет генерала С. М. Пауль, – на слова не скупился и чисто по-русски»[\[101\]](#).

Увязая по щиколотку в грязи, медленно брели добровольцы по широкой улице богатой и просторной казачьей станицы. Пёстро и бедно одетые, разных возрастов, с котомкой за плечами и с винтовкой на плече, бойцы не создавали вид подтянутой воинской части.

В штатском костюме и в старых сапогах с порванными подошвами пришлось идти в поход и генералу Деникину. «На беду, у меня вышло недоразумение ещё в Ростове с вещами, – писал он в своих воспоминаниях, – чемодан с военным платьем был отправлен вперёд в Батайск еще тогда, когда предполагалось везти армию по железной дороге, и там во время захвата станции попал в руки большевиков»[\[102\]](#). Благодаря чему, после двух пеших переходов, Антон Иванович долго страдал тяжёлой формой бронхита. Из-за привязчивой болезни на днёвках он вынужден был лежать в постели.

«Больно было видеть уходящую куда-то в неведомую даль нищую Добровольческую армию и тут же рядом стоящих у своих домов почтенных, хорошо одетых казаков, окруженных часто 3–4 сыновьями, здоровыми молодцами, недавно вернувшимися с фронта, – сокрушённо писал А. П. Богаевский. – Все они смеялись, говорили что-то между собой, указывая на нас...»[\[103\]](#)

– Ну что ж, станичники, не хотите нам помогать – готовьте пироги и хлеб-соль большевикам и немцам, – в сердцах крикнул одной из многочисленных казачьих семей генерал Богаевский. – Скоро будут к вам дорогие гости!

– На всех хватит, – при общем бурном смехе, не пряча улыбку в усы, громко ответил ему пожилой бородатый казак – глава семейства.

Авангард вышел за околицу и поднялся на возвышенность. Позади за Ольгинской виднелась станица Аксайская, а левее, в дымке, маячили Нахичевань и Ростов. Впереди открывалась взору ровная белая степь с большими чёрными пятнами проталин. День выдался весенний. На голубом небосводе ярко блистало большое солнце, разогревая степные просторы.

Обгоняя войска, в голову колонны крупной рысью проскакал генерал Корнилов «...на светло-буланом английском коне. Маленькая фигура генерала уверенно и красиво сидит в седле, кругом него толпой скачут текинцы в громадных чёрных, белых папах...»[\[104\]](#).

Поравнявшись с корниловцами, генерал слегка откинулся в седле, сдерживая поводьями коня.

– Здравствуйте, молодцы, корниловцы! – резким голосом басил генерал.

– Здравия желаем, ваше высок-дит-ство!.. – нестройно, но восторженно и звучно прокатилось по рядам полка.

В какой-то момент в белёсой дали замелькал табун диких лошадей. Группа кавалеристов метнулась им наперерез, но тщетно – дикие лошади помчались в разные стороны, а кавалеристы на взмыленных конях вскоре вернулись к дороге ни с чем...

Целый день, с небольшими остановками на отдых, добровольцы месили грязь. К вечеру авангард подошёл к Хомутовской и стал медленно втягиваться в станицу. За ним потянулись главные силы армии и разношёрстный обоз. Измотанные переходом лошади медленно тянули повозки по глубокой грязи, поэтому возницам не хотелось ехать в глубь селения. Забегали по станице квартирьеры, переругиваясь друг с другом из-за помещений. Хат на всех не хватало.

Со дня ухода армии из Ростова не было соприкосновения с противником, что притупляло бдительность. Поэтому на ночлег части разместились широко и даже беспечно, словно поход совершался не в кольце вражеских войск, а в мирное время. Обоз обосновался на въезде в станицу, на северной её окраине. Неподалёку, в крайних домах встало и сторожевое охранение, не разместив посты даже на гребень возвышенности. Хомутовская лежала в котловине, и не занятые добровольцами господствующие высоты давали шанс врагу для внезапного нападения.

Ночь прошла тихо. Однако утро 15 (28) февраля преподнесло добровольцам жестокий урок за их неосторожность. Они проснулись под грохот артиллерийских орудий, треск пулемётных строчек и винтовочных выстрелов. Сторожевое охранение прозевало появление неприятеля.

Это налетел кавалерийский отряд Шарова, силой около 200 шашек, бывшей 1-й бригады 4-й кавдивизии с 2 или 3 орудиями и при 4 пулемётах. Он действовал вместе с пехотным отрядом Шимановского, численностью до 300 штыков, выделенного Р. Ф. Сиверсом для преследования Добровольческой армии.

Первым попал под обстрел обоз. Поднимая суматоху, возницы громко кричали от страха и в панике бессмысленно метались по станции в разных направлениях. Напуганные внезапной стрельбой, люди и лошади не знали куда бежать. У страха глаза велики! Возницы очертя голову гнали своих лошадей, сталкиваясь, корёжа повозки, сбрасывая с подвод поклажу и загромождая дорогу на Кагальницкую. В угаре дикой паники добровольцы лишились всех запасов сахара и сала, собранных отделом снабжения.

– Куда скачешь?! – кричали им вслед пехотинцы, прибавляя в сердцах: – Эта сволочь обозная всегда панику сеет!..

Вылетали из ворот обозные телеги и повозки с ранеными. Отовсюду доносились команды:

– В ружьё!

К северной окраине селения на коляске с парой вороных коней подъехали встревоженные генералы Эльснер и Деникин. Им навстречу вышел главнокомандующий, окружённый адъютантами.

– По обыкновению наши разъезды прозевали, – невозмутимо пояснил он твёрдым голосом, – ничего серьёзного, будьте спокойны, господа.

Штаб армии и строевые начальники быстро водворили порядок и организовали бойцов. Каждая часть по тревоге выслала заслон. Отряд из марковцев и юнкеров, а также 3-я офицерская рота корниловцев спокойно рассыпались в пехотную цепь и пошли в наступление. Раздались редкие винтовочные выстрелы. Встала на позицию 1-я батарея подполковника Миончинского. Хладнокровно командуя артиллеристами, он расчётливо выпустил по врагу несколько снарядов, заставив замолчать вражеские орудия. Кавалеристы полковника Глазенапа нависли над флангом красных, и те поспешили ретироваться, прекратив огонь. «Офицерский полк понёс первые за поход потери: одного зарубленным и другого тяжело раненным в щёку сабельным ударом»[\[105\]](#), – подвёл итоги боя В. Е. Павлов.

Утренний сумбур послужил прекрасным уроком для обозных команд – впредь не расслабляться и не паниковать при первом же выстреле. Боевое охранение тоже намотало на ус – не терять бдительность в любой обстановке. Добровольцы втягивались в походную жизнь постепенно.

Кроме эмоций, связанных с трудностями походной жизни и налаживанием боевой спайки, у добровольцев проявлялись переживания иной природы, к которым многим из них бывало трудно привыкнуть. Известие, что Хомутовскую атаковали эскадроны 1-й бригады 4-й кавдивизии, в душе генерала Богаевского подняло тревожную волну смешанных чувств. Дело в том, что в конце 1914 года под Ломжей он командовал 4-м гусарским Мариупольским полком этой дивизии и хорошо знал многих её офицеров и нижних чинов. От сердца отлегло, когда выяснилось, что бывшие его подчинённые в деле под Хомутовской не участвовали.

Стрельба ещё не стихла, когда обоз начал вытягиваться из Хомутовской вслед за авангардом. Короткий боевой эпизод несколько задержал выступление частей на станицу Кагальницкую, до которой следовало пройти около 20 вёрст. Уже издали красные напоследок выпустили по добровольческой колонне несколько снарядов. По крайней мере один из них достиг цели. По свидетельству замыкавшего со своим полком колонну армии генерала Богаевского, он заметил в одном месте дороги воронку от снаряда и лужу крови.

Обращает на себя внимание опубликованный в воспоминаниях В. А. Антонова-Овсеенко фантастический доклад Шарова о его бое с частями Добровольческой армии под станицей Хомутовской. Чтобы оценить его запредельную мифологию, приведём полный текст описания боя. «Вёл бой под Хомутовской с четырёхтысячным отрядом “Белого Дьявола”, который был под командой Корнилова, — докладывал, по свидетельству В. А. Антонова-Овсеенко, Шаров. — Потерь у меня нет, а за время девятичасового боя убита у меня лошадь, четыре пулемёта расплавились в бою. Участвовали пехота, в составе 40 человек, кавалерия и 3 орудия моего отряда. Противник переходил несколько раз в контратаку, его артиллерия с такими колоссальными пехотными и конными силами побита мною здорово. Потерь у него около 600 человек; преследовать его я не мог, мои лошади двое суток были в упряжи, таская артиллерию 36 вёрст, измучились, как и пехота и артиллеристы. Я вернулся в Ольгинскую и мобилизовал казаков за 4 года переписи, которые могут быть нашим оплотом здесь на месте. Я получил предписание с Шимановским двинуться по направлению в Кучевский походным порядком. Я не могу, так как был два дня в боях без всяких подкреплений... Прошу также сказать, в какой колонне я

нахожусь, и от кого я должен получать распоряжения, ибо я вступаю в бой самостоятельно, а подкрепления просить не от кого. Хорошо, что я и так захватил 4 трёхдюймовых орудия»[\[106\]](#).

Нетрудно догадаться – зачем потребовалось Шарову так помюнхгаузеновски исказить результаты боя. Получив от наркома В. А. Антонова-Овсеенко категорический приказ не пускать генерала Корнилова на Кубань и будучи осведомлённым о численности и боеспособности добровольцев, он понимал невыполнимость поставленной задачи силами лишь своего отряда. Занявшие Ростов войска Р. Ф. Сиверса не спешили покидать тёплые квартиры богатого города, а следовательно, серьёзных подкреплений не ожидалось.

Вспомним, что в распоряжении Шарова и Шимановского было около 200 кавалеристов и 300 пехотинцев при одной 2-3-орудийной батарее, призванных действовать против 4000 добровольцев, в большинстве своём военных профессионалов, закалённых в боях и преданных своему вождю. Атаковать Добровольческую армию такими ничтожными силами для красных было равноценно самоубийству, к тому же неподалёку находился сильный отряд генерала Попова в 1500 сабель.

Поэтому, во исполнение приказа наркома, Шаров ограничился коротким кавалерийским набегом, обстрелял боевое охранение и обоз добровольцев, и, как только обозначился ответный артиллерийский огонь противника и началась контратака, он быстро увёл свой отряд из-под огня. Затем, чтобы оправдаться перед высоким начальством, он сочинил пышную реляцию с такими перлами, как «за время девятичасового боя убита у меня лошадь» и «четыре пулемёта расплавились в бою», далее, не стесняясь, нарисовал грандиозные потери противника «около 600 человек» (?) и пленение половины всей его артиллерии – «захватил 4 трёхдюймовых орудия», отметив при этом, что «потерь у меня нет». Такой итог боя означал бы почти полный разгром Добровольческой армии. Однако В. А. Антонов-Овсеенко не пишет, что доклад Шарова смутил его подробным описанием своих подвигов...

Красный нарком развернул кипучую деятельность, пытаясь организовать крупные силы для преследования Добровольческой армии. И хотя в те дни она являлась небольшим отрядом, кочующим по казачьим степям в отрыве от материальных баз, но В. А. Антонова-

Овсеенко прекрасно понимал её значение в стане контрреволюции и масштаб личности её вождя, прославленного полководца Великой войны, известного всей России. Маятник народных настроений в любой момент мог качнуться в опасную для красных сторону, и тогда под трёхцветное национальное русское знамя генерала Корнилова могли встать многие тысячи новых бойцов.

Р. Ф. Сиверсу В. А. Антонова-Овсеенко предписал основательно занять войсками Батайск и станцию Куцевскую и далее двигаться на Тихорецкую, чтобы отрезать Добровольческую армию от Екатеринодара. 14 (27) февраля нарком направил Р. Ф. Сиверсу следующее распоряжение: «Прибыли: Макеевский отряд 250 штыков, батарея 5 орудий и 25 пулемётов; Таганрогский сводный – 200 штыков 4 пулемёта, они посылаются на ту же железную дорогу. Примите на себя командование всеми силами, сосредоточиваемыми в районе железной дороги до Тихорецкой. Вам, помимо частей, которые уже получили предписание туда идти (то есть это два отряда и 3-й Латышский), будут подчинены 2 батальона бакинцев и батарея 39-й дивизии»[\[107\]](#).

Подтянув такие серьёзные подкрепления к многотысячной Ростовской группе войск, В. А. Антонов-Овсеенко вполне резонно рассчитывал, что Р. Ф. Сиверс не даст Добровольческой армии прорваться на Кубань на соединение с белым Екатеринодаром. Одновременно красный нарком стремился тревожить добровольцев набегами красноармейских отрядов, шедших по пятам Добровольческой армии, изматывая её силы. В этом смысле, пригодились действия отрядов Шарова и Шимановского.

Считая, что направление движения Добровольческой армии определилось, В. А. Антонов-Овсеенко писал о своих планах: «Я решил, ограничиваясь преграждением Корнилову пути на Кубань, сосредоточить усилия против Екатеринодара, закрепить Советскую власть на Кубани, а затем уже прикончить и Корнилова, отброшенного в Юго-Донские степи»[\[108\]](#).

Глава четвёртая

Путь от Кагальницкой до Егорлыкской

Весь день 15 (28) февраля Добровольческая армия пробиралась по бескрайней бело-серой степи. Солнце разогревало землю, и она слегка дымилась в местах чёрных проталин, где уже проглядывала ржавая зелень. Грязь засасывала обувь, и некоторые бойцы буквально её потеряли, продолжая путь босиком. В сравнении с морозами во время ростовских боёв это им казалось невеликим испытанием. «В колонне опять веселое настроение; смех и шутки, даже среди раненых, которых уже без боев набралось более шестидесяти, – восстанавливал в памяти картину походного дня А. И. Деникин. – Удивительны эти переливы в настроении – быстро меняющиеся и тот огромный импульс жизни у наших добровольцев, благодаря которому малейший проблеск среди тяжелой, иногда удручающей обстановки, дает душевное спокойствие и вызывает подъем» [\[109\]](#).

Иногда бойцы бодрыми голосами запевали песню, которая широко разливалась над привольной донской степью.

Пусть вокруг одно глумленье,
Клевета и гнёт, —
Нас – корниловцев, презренье
Черни не убьёт...

Преодолев около 20 вёрст по весеннему бездорожью и благополучно перейдя железную дорогу, к вечеру 15 (28) февраля добровольцы подошли к станице Кагальницкой. На окраине селения, в окружении штаба при конвое генерал Корнилов впервые пропускал войска. Проходя мимо своего вождя, старшее поколение подтягивалось, а у молодёжи загорались глаза. «В Корнилове не было ни тени, ни намёка на бурбонство, так часто встречаемое в армии, – передавал своё впечатление от встреч с Лавром Георгиевичем Р. Б. Гуль. – В Корнилове не чувствовалось “его превосходительства”, “генерала от инфантерии”. Простота, искренность, доверчивость

сливалась в нём с железной волей, и это производило чарующее впечатление. В Корнилове было “героическое”. Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и воду»[\[110\]](#).

16 февраля (1 марта) армия провела в Кагальницкой, а на следующий день, преодолев 27 вёрст, перешла в Мечетинскую, где провела днёвку 17–18 февраля (2–3 марта). За время движения от станции Ольгинской штаб армии получил дополнительные сведения о районе северных зимовников, располагавшихся западнее Великокняжеской. Они подтвердили опасения командования – зимовники оказались бедны на продовольствие, топливо и жилые помещения, к тому же разбросаны на большие расстояния, что осложняло связь.

На основании полученных уточняющих сведений главнокомандующий принял окончательное решение идти прямо на Екатеринодар и отправил генералу Попову предложение присоединиться к Добровольческой армии. Через 2–3 дня донской отряд ответил отказом, мотивируя его стремлением донцов не покидать пределы Донской области и дожидаться пробуждения казачества на зимовниках.

Отказ этот произвёл на многих добровольцев удручающее впечатление. Дробление и без того немногочисленных сил значительно ослабило лагерь контрреволюции. К тому же без 1500 шашек донцов почти не имевшая кавалерии Добровольческая армия в значительной степени лишалась возможности маневрировать, превращаясь в прикрытие своего многочисленного обоза. К тому же 5 орудий и 40 пулемётов «степного отряда» существенно увеличивали шансы генерала Корнилова пробиться к Екатеринодару до ухода из него Кубанской армии. В этом случае добровольцам не пришлось бы штурмовать столицу Кубани, избегнув многих жертв.

Некоторые добровольцы считали, что не последнюю роль в отказе донцов сыграло честолюбие генерала Попова. Конечно, во имя общего дела и азбучной военной истины – единоначалия рано или поздно генерал Корнилов потребовал бы подчинить себе «степной отряд». В итоге отказа донцов в дальнейшем оба отряда потеряли связь друг с другом и действовали полностью самостоятельно.

Решение генерала Корнилова идти на Кубань в добровольческой среде считалось наиболее целесообразным, и уход в сторону отряда

генерала Попова впоследствии часто вспоминался добровольцами недобрым словом. Приведём мнение на этот счёт первопоходника-корниловца М. Н. Левитова: «...что мог сделать генерал Попов со своих зимовников и без базы? Действительность показала, что морально он, быть может, на какую-то часть Дона повлиял, но активности не проявил, потому что просто не мог её проявить. И выступил только тогда, когда “товарищи” допекли казаков»[\[111\]](#). А в случае согласованных действий донцов и добровольцев под единым командованием генерала Корнилова «...Дон безболезненной сбросил бы с себя иго красных, а нам при обратном наступлении оказал бы неоценимую услугу полного разгрома армии красных, представляя собой враждебно-активный их тыл»[\[112\]](#).

В Мечетинской генерал Корнилов собрал всех командиров отдельных частей, чтобы сообщить о своём решении. Особенно его волновало настроение донских казаков Партизанского полка. Многие партизаны хотя и расстроились, что вынуждены покинуть пределы Донской области, но остались верны своему выбору – идти с Добровольческой армией.

В южных донских станицах казаки встречали добровольцев доброжелательно. Они ещё не знали бесчеловечных уроков гражданской войны, уроков мести, когда за радушный приём хлебосольные сельчане могли поплатиться не только имуществом, но и жизнью. Очень скоро кочующая армия столкнулась с этим диким явлением междоусобицы, «...за время похода много было пролито крови тех, кто так или иначе помогал “кадетам”, – с горечью свидетельствовал А. И. Деникин. – В станице Успенской, например, в апреле большевики повесили после нашего ухода хозяина одного дома только за то, что я – тогда уже командующий Добровольческой армией – останавливался у него»[\[113\]](#). Вести о чинимых красными расправах быстро разлеталась по станицам, и, опасаясь навлечь на себя их гнев, казаки стали встречать добровольцев более сдержанно.

Несмотря на сочувствие большинства казаков добровольцам, в ряды Добровольческой армии они вступать не спешили. В каждой станице штаб армии на площади собирал станичный сход для разъяснения политической обстановки в России и на казачьих землях, призывал с оружием в руках выступать против революционных частей.

Обычно на сходе выступали генералы Алексеев и Корнилов, затем речь держал профессиональный оратор матрос 2-й статьи Баткин, феерическая личность – порождение революции. «По происхождению – еврей; по партийной принадлежности – эс-эр; по ремеслу – агитатор, – охарактеризовал его А. И. Деникин. – В первые дни революции поступил добровольцем в Черноморский флот, через два, три дня был выбран в комитет, а ещё через несколько дней ехал в Петроград в составе так называемой Черноморской делегации. С тех пор в столицах – на всевозможных съездах и собраниях, на фронте – на солдатских митингах раздавались речи Баткина. Направляемый и субсидируемый Ставкой, он сохранял известную свободу в трактовании политических тем и служил добросовестно, проводя идею “оборончества”. В январе Баткин появился в Ростове и приступил снова к агитационной деятельности за счет штаба Добровольческой армии»[\[114\]](#).

В добровольческой среде матроса Баткина многие офицеры недолюбливали – слишком явно он напоминал им пресловутых революционных агитаторов. Однако генерал Корнилов сам не отличался красноречием и ухватился за идею привлечь на свою сторону оратора-профессионала. На этой почве у группы добровольцев возникло некоторое недовольство и генералом Корниловым. Накануне выхода Добровольческой армии из Ростова этот глухой протест вылился в заговор с целью убить Ф. И. Баткина. Исполнить «приговор» офицерам помешал генерал Деникин, случайно узнав о нём. История с заговором заставила генерала Корнилова отдать матроса Баткина под защиту своего конвоя, но от услуг матёрого агитатора главнокомандующий не отказался.

Особенно запомнился добровольцам общий сход в Егорлыкской. В тот день генерал Алексеев оказался в ударе, блеснув ораторским искусством. Он проникновенно говорил о роли казачества в российской истории, о Великой войне, об опасностях революционного времени и о задачах Добровольческой армии. Слушая его речь, казаки расчувствовались. На глазах многих из них блеснули слёзы. Увлажнился взгляд и самого генерала. Затем недолго и невыразительно говорил генерал Корнилов, обрушив свой гнев на большевиков. В заключении экзальтированно выступил матрос Баткин. Но, по мнению А. И. Деникина, речи его не производили глубокого впечатления.

Пышные общие слова во вступлении, возможно, уместные для митингов рабоче-солдатской среды, и отсутствие знания казачьей жизни и быта – не находили отклика в душах казаков.

«По пути от Ольгинской раз нам пришлось остановиться на привал в хуторе, приютившемся в степной балке. В бедной хате, где я остановился, суетился вдовец старик-крестьянин, принося нам молоко и хлеб. Один из моих офицеров спросил его: “А что, дед, ты за кого – за нас, кадет, или за большевиков?” Старик хитро улыбнулся и сказал: “Чего ж вы меня спрашиваете... Кто из вас победит, за того и будем”. Дед, по-видимому, верно определил отношение к нам русского народа»[\[115\]](#).

Лошадей хронически недоставало, и на походе почти все шли пешком. Старшие начальники тоже нечасто садились в седло, ведь рядом в общем строю шли с винтовкой на плече заслуженные и израненные генералы и полковники. Пример подавал и сам главнокомандующий – с сумрачным и спокойным лицом, в полушубке с белым воротником и высокой папахе, он чаще всего шёл со своим штабом с палкой в руке.

Ночь на 19 февраля (1 марта) и следующие два дня армия провела в станице Егорлыкской, находившейся у станции Атаман на линии железной дороги Батайск – Торговая. На станции в сторожевом охранении стояла техническая рота, в которую после переформирования вошёл отряд сотника Грекова.

От Ольгинской до Егорлыкской армия шла медленно – за 6 дней добровольцы преодолели 88 вёрст, подолгу останавливаясь в каждой станице. За это время бойцы привыкали к новому составу частей и их взаимодействию, заводили обоз и налаживали походный быт. При условии следования в донские зимовники такая скорость движения являлась допустимой, но поход на Екатеринодар требовал других скоростей, чтобы как можно быстрее соединиться с Кубанской армией и обрести новую материальную базу в кубанской столице. Медлительность движения объяснялась главным образом тем, что генерал Корнилов тщательно взвешивал преимущества и недостатки обоих вариантов движения, а также надеялся договориться с генералом Поповым о слиянии отрядов и о совместных действиях. Но в силу различных причин, изложенных выше, этого не произошло...

Неторопливому движению армии способствовала и относительно спокойная обстановка. Противники вели интенсивную разведку и копили силы для будущих сражений. Однако временная передышка не давала право добровольцам расслабляться, ведь враг шёл по пятам, буквально дышал им в спину, хотя и не решался на крупный бой. После короткой стычки при выходе из Хомутовской противник ещё раз попытался осуществить налёт на добровольческий обоз, но попал в засаду, устроенную кавалеристами из дивизиона полковника Гершельмана, силами которого с 10 (23) февраля поддерживалась связь со «степным отрядом».

Дороги заметно подсыхали, что радовало добровольцев, а огорчала неопределённость, что ожидала их впереди. За Егорлыкской заканчивалась Донская область с богатыми хлебосольными станицами и открывалась Ставропольская губерния. Она бурлила революционными настроениями. «По слухам, здесь будет нам тяжело: местные жители-крестьяне уже охвачены большевизмом, – отмечал А. П. Богаевский, – и хотя он еще не принял определенного характера, но уже есть его преддверие – местные советы, тупая, бессмысленная ненависть к нам, “кадетам”, которую раздувают части 39-й пехотной дивизии, недавно ушедшие с Кавказского фронта и расположившиеся в Ставропольской губернии, терроризируя население»[\[116\]](#).

Путь Добровольческой армии лежал через большое село Лежанка, имевшее и другое название – Средний Егорлык. Оно располагалось на месте впадения речки Молоканки в реку Средний Егорлык. Разведка донесла, что Лежанка занята красными, и в частности там стояли части 154-го Дербентского полка 39-й пехотной дивизии с артиллерией. «Мужицкие сёла и хутора, и иногородние жители казачьих станиц относятся к нам враждебно, – писал И. А. Эйхенбаум, – так как большевики им наговорили, что мы за “старый прижим” и за их мужицкие грехи разделяемся с ними петлёй и пулей»[\[117\]](#).

Встревоженные приближением «кадет» жители села прислали на переговоры в Егорлыкскую своих делегатов. Генерал Корнилов заверил их, что если сельчане пропустят армию, то добровольцы им ничего плохого не сделают, а в случае вооружённого сопротивления – крепко накажут. Делегаты заверили штаб армии в своей лояльности. Известие о благоприятных результатах переговоров быстро облетело

все части армии. За одиннадцать дней без боёв, если не считать короткий эпизод у Хомутовской, добровольцы стали привыкать к тишине, такой желанной и такой обманчивой. Однако присутствие в Лежанке красных частей говорило о том, что трудно будет избежать боя.

Добровольцы готовились к следующему походному дню, отдыхали. Многие любили петь бравые военные и мелодичные старые русские песни. Особенной любовью у добровольцев пользовался цыганский романс «Мы живём среди полей... [\[21\]](#)»

Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Но счастливей, веселей
Всех вельмож могучих...

Видимо, песня о кочевой цыганской жизни оказалась особенно созвучной их душевному состоянию. В природе царило умиротворение. Солнечным вечером 20 февраля (5 марта) в Егорлыкской было совсем тихо, тихо, как перед грозой...

Глава пятая

Бой у села Лежанка

Тихим солнечным утром 21 февраля (6 марта) Добровольческая армия вышла из Егорлыкской. До Лежанки следовало пройти около 22 вёрст. Лёгкий морозец и ясная, безветренная погода действовали умиротворяющее. В широких чёрных полях почти не было снега. Плодородная земля ожидала тёплого дыхания близкой весны. Дороги подсохли. Остались позади непролазная грязь и усталость первых дней похода. Отдохнувшие за время стоянки в Егорлыкской добровольцы шли бодро. Они уже успели втянуться в походную жизнь.

В авангарде двигался Офицерский полк, конный дивизион полковника Гершельмана, 1-я батарея подполковника Миончинского и техническая рота, во главе с генералом Марковым, следом в главных силах шли корниловцы и юнкера, затем вытянулся обоз с Партизанским полком в арьергарде. По пути к Лежанке сделали два небольших привала.

На расстоянии трёх-четырёх вёрст от села раскинулся широкий и плоский бугор. На подходе к нему генерал Марков собрал ротных командиров. После короткого совещания части выслали вперёд походные заставы.

Передняя 4-я рота свернула влево от дороги. Один из взводов 1-й роты ушёл по дороге вперёд, другой двинулся вправо на топографический гребень бугра, вдоль которого тянулась дорога. Влево свернул дивизион полковника Гершельмана и пошёл рысью, вскоре скрывшись из глаз за чередой курганов. Когда походные заставы отошли примерно на версту, остальная часть полка продолжала движение в колонне. Она представляла необычную картину: в рядах шло много безусой, жизнерадостной молодёжи, а на взводах иногда стояли седые полковники. 3-ю роту вёл лейб-гвардеец с 1906 года, герой двух войн, георгиевский кавалер, бывший командир Преображенского полка полковник Кутепов. «Сухой, крепкий, с откинутой на затылок фуражкой, подтянутый, краткими отрывистыми фразами отдаёт приказания» [\[118\]](#), – таким запомнил его в тот день А. И. Деникин.

Офицерский полк поднялся на плоский бугор – впереди замаячила верхушка сельской колокольни. В это время тишину оборвал далёкий глухой выстрел, и высоко над головами добровольцев безвредно разорвалась шрапнель со стороны Лежанки. Характерное бело-розовое облачко красиво поплыло по бледно-синему небосводу. Началось! За первой шрапнелью полетела вторая, третья... «Знакомое, несколько забытое чувство жуткой бодрости, подтянутости и жгучего любопытства охватило всех нас, – отразил этот момент в своих воспоминаниях А. П. Богаевский. – Будет бой... Вот за этим спокойным голым бугром, может быть, ждет смерть. Рука крепко сжала винтовку, каждый мысленно пересчитал и запас своих патронов. Взоры всех невольно обращаются на начальника»[\[119\]](#). Вскоре всё небо покрылось розоватыми облачками от высоких разрывов – красные артиллеристы неизменно «давали журавлей». Как выяснилось позже, огонь двух красных батарей с вышки над сельским правлением неудачно корректировал мужик маханием картуза.

Разгоралось первое крупное сражение похода. Чтобы уверовать в свои силы, добровольцам требовалась решительная победа. Поэтому, не имея опасности с флангов и тыла, штаб армии решил ввести в дело почти все свои силы и выработал план боя: корниловцы, юнкера и чехословаки пойдут на правый фланг, Партизанский полк должен действовать слева, а в лоб ударят марковцы. Генерал Богаевский получил приказ подтянуть партизан вперёд на плоский бугор и, развернув полк, атаковать правый фланг неприятеля.

Оставшийся без прикрытия обоз стал суетливо сворачиваться в вагенбург. И не напрасно – вскоре справа за лощиной, далеко, почти на горизонте, замаячил кавалерийский отряд. Начальник обоза спешно собрал всех имеющих оружие и способных его держать, и двинул их к лошине. Кавалеристы неспешно приближались, делая короткие остановки, а разглядев обозную цепь, повернули назад и вскоре скрылись из виду.

Тем временем разгорался бой у Лежанки. Офицерский полк развернулся и быстро пошёл вперёд. На его левом фланге двигалась техническая рота. Едва заметив с расстояния около двух вёрст марковские цепи, красные суетливо открыли ружейный и пулемётный огонь, хотя с такого расстояния стрельба неэффективна.

Там, где расположился обоз, не доходя несколько сот метров до холма, стояла тишина, а стоило подняться на его плоскую вершину, и слух наполнялся стуком пулемётных очередей, треском винтовочных залпов и громом орудийных выстрелов. С холма, с широким углом обзора и глубиной обозреваемого пространства, добровольцам открылась панорама местности – залитая солнечным светом, обширная пологая равнина. На её скатах и вдоль лощины виднелись снежные полосы. «Видна вьющаяся в извилистых берегах речка, местами выбившаяся из льда темною лентой, местами покрытая снежным покровом, – наблюдал картину боя Н. Н. Львов, – а на той стороне за речкой огромное селение, серая масса кустов и деревьев и среди них белые домики. Ясно выступает здание ближней церкви, а там еще купол и колокольня и ряд ветряных мельниц на горизонте. И вся эта долина, залитая солнечным светом под голубым небом, оживлена шумом, грохотом, вспыхивающими клубками дыма, движеньем людей. Простым глазом видно в кустах по берегу речки какое-то движение, на мосту скопление какой-то кучки, темная полоса окопов ясно выделяется на белом покрове снега»[\[120\]](#).

Участник боя в рядах 1-й роты марковцев С. М. Пауль в воспоминания так рисовал картину сражения: «Подходим. Рассыпаемся в цепь. Ещё есть снег. Местность отлогая вниз, река, снова подъём, и на возвышении село. Мы как на ладони. Справа мельницы; уже заняты нашими. Большевистские батареи открывают огонь, одна даёт перелёт, другая – недолёт. Идём вперёд в сфере ружейного огня. Идём шагом, выровнявшись, винтовки у ноги, как на параде. Смотрю в сторону. Очень красивая картина. Больше похожа на парад, чем на сражение»[\[121\]](#).

С бугра местность понижалась к неширокой реке Средний Егорлык, с топкими берегами заросшими камышом. Река всё ближе и ближе, а роты продолжали идти красиво, не снимая винтовок с ремней и не прибавляя шага. В прошлом израненный, в том числе в позвоночник, опираясь на палку, спешил по дороге вперёд полковник Тимановский, попыхивая трубкой в зубах. И вот начались перебежки частями, но по-прежнему офицеры двигались шагом. Генерал Марков занервничал. Несколько раз присылал в цепь ординарца и, не выдержав, прибежал сам.

– Когда же вы, наконец, будете делать перебежки бегом! – нервно крикнул он, мол, не время сейчас для плац-парадных красот.

Корниловский полк и юнкера, скрываясь по балкам, двинулись вправо, в обход левого фланга красных. За ним поскакал отряд всадников с развёрнутым трёхцветным знаменем.

– Корнилов! – пронеслось по цепям.

Подполковник Миончинский хладнокровно и быстро, на открытом месте, на главной дороге развернул два орудия. Вчерашние юнкера, новоиспечённые прапорщики, с маленькими чернильными звёздочками на солдатских погонах, слаженно и бесстрашно под пулями готовили батарею к стрельбе. Несколько точных выстрелов, направляемых рукой мастера своего дела, и красные артиллеристы стали стрелять заметно реже, а одно их орудие, стоявшее у моста, было и вовсе выведено из строя прямым попаданием снаряда.

Под нестройным, но жестоким ружейным и пулемётным огнём, недалеко от реки марковцы залегли. Для устрашения изображая броневик, по главной дороге с грозным рёвом рванул к ним автомобиль. Наступая уступом на правый фланг противника, примерно в версте за цепью марковцев, Партизанский полк уверенно шёл вперёд по вспаханному полю. Под ногами бойцов чуть-чуть зеленели первые всходы. Стоявшая у церкви батарея красных перенесла свой неточный огонь на партизан, но донские казаки спокойно продолжали наступать в полный рост. Одним из снарядов убило двоих – офицера и казака, единственные потери партизан в том бою.

Марковцы залегли, ожидая удобный момент для решающего броска. Впереди, совсем близко, несла свои воды река Средний Егорлык, окаймлённая поясом камышей в 5–6 метров шириной. За рекой подъём с огородами, где в линии окопов засела вражеская цепь. За огородами начиналось село. Хорошо видны перебегающие между хатами фигуры. Единственный мост заперт пулемётным гнездом. Туда соваться – последнее дело.

Бой шёл уже часа два. Обоз уже тревожился за исход сражения... Длительная задержка равносильна катастрофе! Нужна только победа, быстрая, решительная победа... Взводу поручика Кромма приказано открыть пулемётный огонь и подавить огневые точки красных. Как только заговорили пулемёты марковцев, взвод накрыл ответный свинцовый дождь. Взвод понёс потери убитыми и ранеными. В это

время подполковник Миончинский заставил красных вжаться в землю. Посланные с ювелирной точностью, несколько его шрапнелей низко рванули над вражескими окопами. Огонь красных стал беспорядочным и заметно ослаб. Используя момент, головные взводы марковцев бросились вперёд к спасительным зарослям, но пули и там стригут верхушки камышей.

Командир Офицерского полка занервничал – по его мнению, атака затянулась. Желая использовать пик эмоционального накала своих частей, генерал Марков и полковник Тимановский нацелили 2-ю роту на молниеносный штурм моста, левее атакует 4-я рота, правее – 3-я и 1-я.

Не дожидаясь команды, по личному почину штабс-капитан Згривец повёл свой 3-й взвод 1-й роты через камыши к чистой воде. Офицеры 1-го взвода капитана Сидорова тоже бросились в заросли, раздвигая их руками. За ротным командиром подполковником Плохинским к воде кинулись и другие взвода. Ширина реки всего шагов двадцать. Ледяная вода – по пояс, но по колено – глубокий ил, идти бесконечно трудно. Местами ещё стоял подтаявший лёд. Его взламывали прикладами. Кое-кто из офицеров попытался плыть с винтовкой над головой, «...с удивлением и восторгом неожиданно увидел, – восхищённо писал А. П. Богаевский, – как марковцы, которым, видимо, надоело открыто лежать на другой стороне речки под бестолковым, но всё же горячим огнем врага, вдруг вскочили и бросились – кто через мост, а кто в воду – в атаку на окопы красных. Последние совсем не ожидали этого и, даже не сопротивляясь, бежали»[\[122\]](#).

Увидев идущих по воде «кадет», красные запаниковали, но отдельные выстрелы ещё раздавались с их стороны из окопов, вырытых в десяти метрах от берега. В 1-м взводе 1-й роты дважды ранен прапорщик Бут. Чуя смерть, с дикими воплями, красноармейцы в ужасе заметались между хатами, унося ноги – кто куда, но поздно...

Мокрые по пояс, в грязи по колено, с окаменевшими, жестокими лицами офицеры 1-й роты выскочили из камышей и рванулись вверх. Блеснули на солнце штыки. Мгновение – и они обагрились кровью. Молнией рота проскочила огороды и брошенные красными окопы. Прокладывая дорогу, офицеры кого-то пригвоздили к забору, кого-то к стене. До кого не дотянулся штык, того достала пуля. С дикими

воплями красноармейцы толпами, сломя голову мчались в село, но их нагоняли марковцы, устилая свой путь трупами. Шанс уйти имел лишь тот, кто в числе первых бросил окопы и пустился наутёк. Лишь один из пулемётчиков не побежал, а остервенело, в упор продолжал поливать из пулемёта. Его взяли на штык...

Среди первых хат навстречу марковцам прискакали двое верховых в офицерских погонах.

– Товарищи! Собирайтесь на соборную гору! Кадеты штурмуют мост, – истошно прокричал один из них, прапорщик^[22], и тут же заорал душераздирающим голосом, поняв роковую ошибку.

Обоих убили на месте. Всё дальше и дальше 1-я рота гнала толпы красных, охваченных паникой. Выбежав на дорогу, офицеры разделились. Одни продолжали гнать врага в глубь села, другие взяли влево, навстречу бегущим от реки. Красноармейцы не ждали встретить «кадет» у себя в тылу, и, столкнувшись с ними лоб в лоб, окончательно пали духом, сдаваясь, моля о пощаде.

Одновременно генерал Марков атаковал мост 2-й ротой. Со стороны красных раздавались лишь отдельные беспорядочные выстрелы. Лихо проскочив мост, офицеры полковника Лаврентьева ворвались в почти пустые окопы. Слева 4-я рота во главе с ротмистром Дударевым перешла Средний Егорлык вброд и опрокинула врага. Справа от моста наступала 3-я рота. Офицеры полковника Кутепова разыскали несколько лодок и частью переправились на них, оставшись сухими, остальные бросились в воду. Брод в том месте оказался ненадёжным. По пояс в воде, офицеры шли друг за другом, нащупывая удобный проход. Неосторожный шаг в сторону и можно было провалиться по горло и глубже. Капитан Зейме свалился в глубокую яму и чуть не захлебнулся, но офицеры вовремя его подхватили и вытащили на берег.

Центр обороны красных прорван. В пылу атаки с головным взводом 2-й роты генерал Марков мчался среди хат и с удивлением наткнулся на офицеров своей 1-й роты.

– А вы откуда здесь?! – изумлённо воскликнул он, не ожидая от них такой прыти и не зная о смелом почине их 3-го взвода.

Генерал распорядился не тратить время на пленных, а без задержки продолжать атаку. Полковник Кутепов обходил Лежанку справа, 2-я и 4-я роты зашли слева, прямо ринулась 1-я рота. На

соборной горе посреди площади стояла церковь. Около неё – 4 горных орудия красной батареи продолжали вести огонь. Возле пушек суежилась прислуга.

Первым на площадь ворвался поручик Успенский и метнулся к орудиям, за ним ещё несколько офицеров 1-й роты. Обалдевшие от неожиданности и ужаса красноармейцы не стали сопротивляться и разбежались в разные стороны. Несколько красных артиллеристов застыли на месте и с помертвевшими лицами тут же сдались в плен, среди них стояли трое в офицерских погонах.

На правом фланге атаки, у ветряных мельниц, продолжала стрелять ещё одна батарея красных. Офицеры полковника Кутепова не успели её пленить. Увидев стремительно приближающихся «кадет», батарея своевременно снялась с позиции и помчалась прочь из Лежанки, бросив лишь зарядный ящик. Левое крыло Офицерского полка тоже не встретило сопротивления, и 2-я и 4-я роты быстро вошли в село, собирая толпы пленных и отстреливая одиночных убегающих красноармейцев. Ещё левее энергично обтекали село конная лава полковника Гершельмана и конные разведчики 1-й офицерской батареи.

Пока марковцы входили в Лежанку в центре фронта армии, чехословацкий и юнкерский батальоны и Корниловский полк наступали на левое крыло обороны красных. Генерал Корнилов подъехал к строю юнкеров и осадил коня. Он не умел произносить пышные речи и, пристально вглядываясь в лица юношей, громко сказал:

– Лежанку надо взять! Возьмите Лежанку!..

Этих нескольких слов, сказанных с чувством, хватило, чтобы все присутствующие поняли важность поставленной задачи.

Корниловцы развернулись в боевой порядок. «Мы идём цепью по чёрной пашне, – нарисовал картину атаки Р. Б. Гуль. – Чуть-чуть зеленеют всходы. Солнце блестит на штыках. Все веселы и радостны – как будто не в бой...

Расходились и сходились цепи,
И сияло солнце на пути.
Было на смерть в солнечные степи

бьётся и беспрестанно повторяется у меня в голове.

Вдали стучат винтовки, трещат пулемёты, рвутся снаряды. Недалеко от меня идёт красивый князь Чичуа, в шинели нараспашку, следит за цепью, командует: “Не забегай вы там! Ровнее, господа”. Цепь ровно наступает по зеленеющей пашне...»[\[123\]](#)

Далеко влево прокатилось решительное «ура». Канонада боя в Лежанке стала резко смолкать. Когда корниловские цепи подошли к плотине, сопротивление красных было уже сломлено напором Офицерского полка. Раздавались лишь редкие, беспорядочные винтовочные выстрелы, а пулемёты красных упорно молчали, что вселяло в души некоторых корниловцев тревогу. «С приближением к гати и кирпичным печам с их громадными складами закрадывалось предположение, что товарищи подпустят нас к самой реке и перестреляют, как куропаток»[\[124\]](#), – вспоминал участник боя, корниловец М. Н. Левитов.

Центром на гать развернулся 1-й офицерский батальон корниловцев. У самой плотины передовые цепи заметно прибавили шаг и стали сгущаться – купаться в ледяной воде без нужды никому не хотелось. Первой бросилась на переправу 3-я офицерская рота и в мгновение ока проскочила на другой берег реки, к кирпичным печам. Её порыв поддержали пулемёты. К счастью, красных там уже не было. В противном случае под огнём на узком открытом месте корниловцам пришлось бы туго... Перед плотиной тянулась линия свежевырытых пустых окопов и пулемётное гнездо. Повсюду виднелись следы спешки – брошенные винтовки и патронташи. Красные бежали, как только центр их обороны оказался прорван Офицерским полком.

На левом фланге общей атаки не потребовалось вводить в дело Партизанский полк. «Я отчетливо видел, как беглецы быстро движущимися чёрными точками усеяли всю возвышенность за слободой, за которой бешено скакали повозки с “товарищами” и батарея, – отмечал А. П. Богаевский. – Марковцы и корниловцы настойчиво преследовали бегущих. Конница Глазенапа охватила часть их обоза. Партизанам уже делать было нечего. Противник исчез. Я приказал свернуть полк и повел его в Лежанку»[\[125\]](#). В Лежанке

добровольцы захватили в плен несколько сотен красноармейцев, большинство из которых расстреляли. Кроме того, им досталась богатая военная добыча – четырёхорудийная батарея, несколько пулемётов, большое количество винтовок и патронов к ним, а также много амуниции и повозок. Правда, все трофейные артиллерийские орудия оказались горного образца той модификации, снаряды которой не подходили к трёхдюймовым орудиям добровольцев.

Генерал Марков на коне объехал свои части, широко разбросанные по селу. В расположении 4-й роты он увидел скопление пленных.

– На кой ляд вы их взяли?! – раздражённо прокричал он и, развернув коня, умчался дальше.

Посетив 2-ю роту, генерал поскакал к церковной площади. Подъезжая к церкви, он услышал у себя за спиной беглую винтовочную стрельбу и отправил ординарца узнать – в чём дело. Вскоре тот вернулся с докладом:

– Стрельба по вашему приказанию, ваше превосходительство!..

Сергей Леонидович остался крайне недоволен действиями технической роты, особенно её перебежками в боевой линии и задержкой во время атаки моста. За это командира сместили с должности, и роту принял полковник Бонин.

Корниловцы 2-й роты встретили в селе около дюжины пленных австрийцев, которых красные заставили рыть окопы. Офицеры их отпустили, а чехи отловили и всех расстреляли. Они лютовали особенно и косили пленных из пулемёта.

Выпустив самые тяжёлые пары эмоций в первые часы после боя, добровольцы потихоньку стали остывать и относиться к пленным более разборчиво. Например, группу молодых солдат и мобилизованных красными сельчан отпустили, предварительно крепко, до крови, выпоров нагайками.

На площади, у дома, отведённого под штаб, под охраной двух часовых стояла шеренга пленных офицеров-артиллеристов. Проходившие через площадь добровольческие части выказывали пленным своё презрение. В глазах добровольцев читалась нескрываемая ненависть, слышались угрозы и гневная брань. Лишь близость штаба спасла пленных от жестокой расправы. Артиллеристы

готовы были провалиться сквозь землю. Их лица – белее мрамора, спины сгорблены, глаза опущены.

Проходивший мимо генерал Алексеев остановился и разразился фонтаном упреков, завершив свою грозную речь грубым бранным словом.

К пленным подъехал пышущий гневом генерал Марков.

– Да какой ты капитан! – дико заорал он на пленного, в его голосе катились громы и сверкали молнии. – Расстрелять, и точка!

Но главнокомандующий воспретил:

– Всех офицеров предать полевому суду! Сергей Леонидович, офицер не может быть расстрелян без суда.

Случилось так, что семьи пленных офицеров проживали в том же доме, где разместился штаб армии. Их жёны со слезами на глазах неоднократно умоляли штаб и главнокомандующего о помиловании и отмене полевого суда. «Но генерал Корнилов этого сделать не мог, – вспоминал С. М. Трухачёв. – Если бы он это сделал, то больше ни одного пленного к нему бы не привели, и ценою этого суда покупалось доверие к словам командования и гарантия от самосудов в будущем»[\[126\]](#).

Полевой суд состоялся той же ночью. Участие в нём принял и Н. Н. Львов, много сделавший для оправдания подсудимых. На допросе пленные артиллеристы отрицали, что участвовали в бою по доброй воле, и заявили, что красные держали их семьи заложниками. Кроме того, они утверждали, что плохая стрельба красной батареи – дело их рук. «Оправдания обычны: “Не знал о существовании Добровольческой армии”... “Не вёл стрельбы”... “Заставили служить насильно, не выпускали”... “Держали под надзором семью”... Полевой суд счел обвинение недоказанным. В сущности, не оправдал, а простил, – писал А. И. Деникин. – ...Итак, инертность, слабоволие, беспринципность, семья, “профессиональная привычка” создавали понемногу прочные офицерские кадры Красной армии, подымавшие на добровольцев братоубийственную руку»[\[127\]](#). Решение суда добровольцы приняли сдержанно, хотя и двойственно. Все оправданные артиллеристы поступили в ряды армии. В частности, троих из оправданных судом офицеров 39-й артбригады, штабс-капитана Шпилиотова, поручиков Парфёнова и Руссецкого, зачислили

в ряды 4-й батареи. Жена одного из офицеров пошла работать в походный лазарет сестрой милосердия.

После перехода и боя армии требовался хотя бы кратковременный отдых. Ещё не все втянулись в походную жизнь. Давало о себе знать физическое и нервное напряжение, пережитое во время сражения.

Добровольцы широко расположились на отдых по всей Лежанке. То и дело то в одном, то в другом конце села раздавались сухие винтовочные выстрелы – так вершилась расправа над пойманными красноармейцами. Как правило, пленных расстреливали в садах, но иногда и прямо на улице. «Одиночные выстрелы не смолкают, – вспоминал И. А. Эйхенбаум. – Может быть, это охотятся за курами, а может быть, достреливают обнаруженного в подвалах и чердаках врага... Брать в плен мы ещё не научились... Во дворе, у коновязей, вижу штук шесть-семь свиней, выедающих мозги с ещё не остывших трупов»[\[128\]](#).

Расстрелы продолжались и на следующий день. Немало офицеров изъявляло желание участвовать в них. К удивлению многих, в расстрельную команду пришла и юная баронесса София де Бодэ. Двадцатилетняя, стройная, красивая девушка, с круглым лицом и голубыми глазами, в нарядном, хорошо подогнанном мундире прапорщика – она жутковато смотрелась в этой роли. Во время расстрела лицо её становилось каменным, а взгляд ледяным. «Люди падали друг на друга, а шагов с десяти, плотно вжавшись в винтовки и расставив ноги, по ним стреляли, торопливо щёлкая затворами, – описывал свидетель расстрела Р. Б. Гуль. – Упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отходили. Некоторые добивали штыками и прикладами ещё живых. Вот она, гражданская война; то, что мы шли цепью по полю, весёлые и радостные чему-то, – это не война... Вот она, подлинная гражданская война... Расстреливавшие офицеры подошли. Лица у них бледны. У многих бродят неестественные улыбки, будто спрашивающие: ну, как после этого вы на нас смотрите?»[\[129\]](#)

Ехавший в обозе известный политик^{[\[23\]](#)} и общественный деятель Н. Н. Львов вышел в поход вслед за двумя своими сыновьями, офицерами-лейбгвардейцами. Они служили в 3-й роте Офицерского полка. Прослышав, что у полковника Кутепова есть раненые, а, возможно, и убитые, Н. Н. Львов бросился искать хаты, где

квартировала гвардейская рота. Добравшись до них, он с облегчением узнал, что его родные целы и невредимы. «От сердца отлегло, – описывал он свою радость. – Как весело и радостно было увидеть своих. У младшего оказалась легкая царапина на верхней губе от осколка снаряда. Какое счастье. На волосок, и молоденькое лицо его было бы навсегда обезображено. Теперь с повязкой под носом он забавно, по-детски смеялся»[\[130\]](#). Молодые офицеры весело говорили о перипетиях минувшего боевого дня и сушили промокшую насквозь одежду.

Великовозрастный капитан Зейме, которого офицеры прозвали «папашей», со смехом рассказывал, словно про забавный случай, как во время переправы соскользнул на глубину и начал «пускать пузыри». А ведь у него пошаливало сердце и всё могло кончиться трагически. Но, стоя босиком в одной рубашке у растопленной печи, капитан весело приговаривал:

– Удовольствие, скажу, не из приятных – утонуть в речке под Лежанкой!

Продрогшие после купания в ледяной воде, молодые офицеры как дети радовались теплу печи, нехитрой походной пище. Они где-то раздобыли ведро водки и спасались ею от простуды. По рукам гуляла хмельная кружка, а с уст не сходила улыбка. И трудно было поверить, что всего лишь несколько часов назад они шли в цепях на пулемёты, под пулями вязли в илистом дне реки, взламывая лёд прикладами винтовок...

Радостным оптимизмом заразился от молодёжи и Н. Н. Львов, писавший: «Всё это выносилось легко. После тяжёлых дней Ростова, когда чувствовалось, как верёвка все более и более сжимала горло, победа над большевиками вливала столько бодрости и уверенности в своих силах. Казалось, весь поход мы сделаем, как военную прогулку»[\[131\]](#).

К всеобщему удовольствию, на площади устроили джигитовку. Едва касаясь копытами земли, летала по кругу маленькая белая лошадь, а на ней лихо джигитовал удалой текинец. Мелькала его малиновая черкеска, то на скаку свешивалась до земли, то взлетала вверх, то снова падала.

Вечером 22 февраля (7 марта), в присутствии главнокомандующего, генерала Алексеева, штаба армии и других

старших начальников убитых отпевали в церкви. Добровольцы провожали в последний путь своих погибших боевых товарищей: 4^[24] офицера из Офицерского полка, все четверо из взвода поручика Кромма 1-й роты, и двоих донцов из Партизанского полка, офицера и казака. «Мы проводили их с воинскими почестями до их могилы на сельском кладбище, – описывал похороны добровольцев В. Е. Павлов. – Отслужена была последняя лития, а потом генерал Алексеев сказал со слезами на глазах о наших первых жертвах похода, о нашей обречённости в дальнейшем»^[132]. В обозе шрапнелью убило старого полковника. По возрасту он уже не мог идти в строй, но подрядился возчиком и доставлял пулемётные ленты в цепь. Шальной снаряд разорвался над самой повозкой, буквально изрешетив шрапнельными пулями полковника и его лошадь... Раненых, по разным данным, насчитали от 12 до 20 добровольцев. Потери красных составили свыше 500^[25] человек убитыми, по большей части расстрелянными.

Большое, богатое село оказалось полупустым. Значительная часть жителей, поверившая рассказам о бесчинствах, чинимых «кадетами», оставила свои дома и ушла. «Обычно, если нет хозяев, то в печке всегда есть горшок со щами или жареное мясо – страховка против разграбления и уничтожения со стороны противника, – вспоминал днёвку в Лежанке А. И. Эйхенбаум. – Здесь всё пусто. Ещё мрачнее кажется село, не соблюдающее боевых традиций»^[133]. К удивлению сельчан, добровольцы не отбирали, а просили и за всё просимое платили.

На другой день после боя многие из сбежавших вернулись в село и с изумлением нашли свои хаты целыми и неразграбленными. Не вернулись в основном сельчане призывного возраста, опасаясь, что добровольцы их мобилизуют, и те, кто служил у красных. «Обширные владения, как говорили, до 100 тысяч десятин, принадлежали сельскому обществу, – свидетельствует Н. Н. Львов о достатке сельчан в Лежанке. – Лишь меньшая часть земли была под пашней. Необъятные пространства оставались под залежами, ковыльными и пырьевыми степями. На них паслись гурты скота. Урожай снимали до 200 пудов пшеницы. В редком дворе не стояли скирды немолоченного хлеба. Повсюду сытость и довольство. Для тех, кто видит в русской революции социальную, вызванную крестьянским малоземельем, есть

над чем задуматься... А между тем, это богатейшее ставропольское селение было гнездом большевизма»[\[134\]](#).

Оставшиеся в селе жители принимали добровольцев хлебосольно, но сдержанно выказывали свои симпатии, опасаясь мести ушедших с красными односельчан. Опираясь на свидетельства местных жителей, типичный рассказ о становлении новой революционной власти в Лежанке привёл в своих воспоминаниях Н. Н. Львов: «...в Лежанке большевиками оказались солдаты, ушедшие с кавказского фронта и застрявшие в Ставропольской губернии. К ним тотчас примкнул весь сброд бездомных, воров и конокрадов, выпущенных из тюрем и вернувшихся в село... Прежде всего произошёл бабий бунт. Бабы разгромили лавки и растащили мануфактурный товар. Высокая цена на ситец вызвала бабий бунт. Потом принудили мельников даром молоть зерно. Учинили разгром винных лавок. Убили волостного старшину. Образовался революционный комитет. Какой-то солдат встал во главе. В большом здании школы происходил суд и приговорённых расстреливали тут же у забора»[\[135\]](#). После первых же расстрелов недовольные новыми порядками сельчане вынуждены были покориться революционной власти.

С приближением к селу Добровольческой армии, красноармейцы несколько раз митинговали. Застрельщиками на митингах были артиллеристы и солдаты 154-го Дербентского полка. «Им сказано, что “корниловцы”, они же “кадеты” и “белобандиты” – разрушили железные дороги и поэтому-де дербентцев нельзя демобилизовать и отправить домой.

– Уничтожьте их! – говорят дербентцам, – и вы сможете благополучно уехать домой...»[\[136\]](#) Активисты подбили остальных встретить добровольцев огнём, мобилизовали местных жителей, раздав им винтовки.

При примерном равенстве сил, красные с самого начала сражения выбрали оборонительную тактику, уповая на неприступность своей позиции, усиленной естественной преградой – рекой Средний Егорлык, и силу своего огня. Но они не учли профессионализм добровольцев. Инициатива оказалась в руках у Добровольческой армии, что и решило исход боя. Они применили несложный, но действенный приём: решительный удар с фронта с одновременным обходом фланга. «На большевиков, видимо, неотразимое впечатление

произвело спокойное, без всякой суеты, стройное, как на учении, развертывание армии, – подводил итоги сражения А. П. Богаевский, – смелый переход ее в наступление и атаку и меткий огонь. Добровольцы увидели перед собой многочисленного, хорошо вооруженного противника, занимавшего сильную позицию, но скоро убедились в отсутствии у него стойкости войск и толкового управления боем»[\[137\]](#). Успеху добровольцев способствовало отсутствие опасности в тылу и на флангах, в результате чего армия смогла сосредоточить почти все свои силы на переднем фронте.

Убедительная победа в бою за Лежанку имела огромное нравственное значение для добровольцев. Они поверили в свои силы, в полководческий дар своего вождя, в выдающиеся способности штаба армии и других строевых начальников. В дальнейшем большинство многочисленных боёв похода имели похожий план и характер.

Самым ощутимым из недостатков армии являлось почти полное отсутствие кавалерии, поэтому некому было производить разведку, особенно дальнюю, устраивать сложные манёвры и демонстрации, а также преследовать неприятеля. В связи с этим ещё не раз с упреком вспоминали добровольцы генерала Попова, не пожелавшего объединиться с армией, обрекая добровольцев в одиночку пробиваться к Екатеринодару. 1500 шашек донского отряда, ушедшего в зимовники, несомненно, значительно увеличили бы шансы объединённых сил вовремя выйти к кубанской столице.

Пережившая гибель вождя, Добровольческая армия до конца Ледяного похода не однажды находилась на грани разгрома, терпя большие лишения и неся огромные потери. Части из них, несомненно, можно было бы избежать, окажись генерал Попов и его штаб более сговорчивыми ради общего дела...

Но вернёмся в дивный солнечный день 22 февраля (7 марта), когда окрылённым блестящей победой добровольцам казалось, что им многое по плечу, ведь впереди Кубань – земля обетованная!

В бою под Лежанкой добровольцы несколько раз рисковали открыть огонь по своим. Чтобы избежать в боевой горячке таких потерь, требовался яркий знак отличия своих от чужих, и генерал Корнилов распорядился всем чинам армии нашить на папахи и фуражки полоску белой материи.

Часть третья

На Кубани

Глава первая

Кубань – земля обетованная!

Ранним утром 23 февраля (8 марта) Добровольческая армия оставила Лежанку и двинулась в пределы Кубанской области. На этот раз в арьергарде двигались Офицерский полк и 1-я батарея. Чуть раньше, для демонстрации, чтобы ввести красных в заблуждение по поводу направления движения армии, кавалерийский отряд полковника Глазенапа пошёл к селу Белая Глина.

Весна уверенно заявляла о своих правах. Погода стояла прекрасная. Чистое синее-синее небо, яркое солнце и молодая трава радовали глаз. Дороги совсем подсохли. Идти стало легко. Далеко позади остались душевные тревоги начала похода и непролазная грязь бескрайних равнинных просторов донских степей. В отличие от них, кубанские степи изгибались волнами, с холмами и перелесками.

Совершив двенадцативёрстный переход, армия вошла в первую кубанскую станицу Плоскую, небольшую и небогатую. Станичный атаман и казаки встречали добровольцев радушно. Настроение в армии резко поднялось. Всего 12 вёрст разделяло крестьянскую Лежанку от казачьей станицы Плоской, а отношение населения к добровольцам изменилось с точностью до наоборот. Если на Дону за жильё и питание добровольцам чаще всего приходилось платить, то кубанские казаки категорически отказывались от вознаграждения за постой и бесплатно чинили обувь.

Однако иногороднее население и здесь добровольцам не сочувствовало. У одного из таких сельчан остановился на ночлег прапорщик Гуль. Хозяин убогой хаты, столяр по роду занятий, затеял с ним разговор с недобрым подтекстом. В его вопросах явно сквозила неприязнь. Сначала он поинтересовался причиной боя под Лежанкой. На что офицер ему ответил, что жители их встретили огнём. Последовал вопрос о целях добровольцев в Гражданской войне. Прапорщик Гуль сказал, что воюет за Учредительное собрание, способное, по его мнению, обеспечить людям достойную жизнь, свободную, трудовую. «Хозяин недоверчиво смотрит на меня, – вспоминал Р. Б. Гуль.

– Ну, оно, конечно, может, вам и понятно, вы человек учёный.

– А разве вам не понятно? Скажите, что вам нужно? Что бы вы хотели?

– Чего?.. Чтобы рабочему человеку была свобода, жизнь настоящая и к тому же земля...

– Так кто же вам её даст, как не Учредительное собрание?

Хозяин отрицательно качает головой.

– Так как же? Кто же?

– В это собрание-то нашего брата и не допустят»[138].

Станичный сбор выразил преданность генералу Корнилову. Однако, несмотря на сочувственное отношение казаков к добровольцам, вступать в ряды армии они не спешили, резонно опасаясь мести красных. Многие сетовали на то, что генерал Корнилов не объявляет мобилизацию.

– Кто с вами добровольно пойдёт, у того большевики всё хозяйство разграбят, – говорили они. – А если мобилизуете, то скажут, что казаков силой в армию записали, а значит, семью и хату не тронут.

Отзывчивый характер кубанских казаков и казачек располагал к себе добровольцев, укреплял веру в успех похода. Станичники угощали постояльцев обильной и вкусной едой, категорически отказываясь брать за неё плату.

В Плоской добровольцев особенно развеселил необычный случай. В технической роте служил прапорщик Шмидт, имевший поразительное сходство с великим князем Николаем Николаевичем. Ему и его спутникам казаки оказывали повышенное почтительное внимание. Офицеры пробовали разубеждать станичников, но бесполезно – они не хотели верить, что обманулись в «августейшей особе», и продолжали распространять вздорный слух.

Один казачий офицер, подойдя к прапорщику Шмидту, смущённо и горячо шепнул ему на ухо:

– Ваше императорское высочество, я вас узнал!

– Ну и молчи! – сделав строгое лицо, ответил прапорщик.

Командование решило в Плоской не задерживаться надолго, как в Донской области. На следующий день, 24 февраля (9 марта), армия двинулась дальше к намеченной цели – Екатеринодару. До станицы Незамаевской, где предполагалось переночевать, – 24 версты.

Погода продолжала радовать душу и глаз. Тихие, мягкие, зеленеющие молодой порослью степи простирались вокруг на много вёрст. Во время двухчасового привала в хуторе Ново-Ивановском станичный атаман со стариками вышел встречать генерала Корнилова хлебом-солью, тут же в знак преданности поднесли ему национальный флаг. Настроение у всех праздничное. Хуторяне высыпали на улицу, казаки в нарядных, малиновых, коричневых и серых черкесках с газырями на груди, а казачки в красочных платках выносили из хат угощение – молоко, сметану, хлеб, тыквенные семечки.

Ещё лучше встречала добровольцев Незамаевская, где примерно полторы сотни пеших и конных казаков примкнуло к армии. Во всех станицах население просило оставить добровольческий гарнизон, но это истощило бы и без того небольшие силы армии. Отказы действовали на казаков угнетающе, и генерал Корнилов в ряде случаев оставлял станичникам часть трофейных винтовок для самообороны при налёте небольших отрядов красных.

На сходах всегда держал речь главнокомандующий, но не всегда это давало желаемые плоды. «К слову сказать, генерал Корнилов очень любил выступать с речами, но говорить он не умел, – отмечал С. М. Трухачёв. – Несколько раз приходилось замечать, что после схода, на котором выступал Корнилов, то приподнятое настроение, которое бывало в станице при нашем вступлении, сразу понижалось. До схода станица готова была идти на помощь всем, и даже выставять конные и пешие сотни, после же схода эти сотни так и оставались одним лишь обещанием. Некоторые даже обращались с просьбами повлиять на Корнилова, чтобы он не выступал, но это сделать было, конечно, нельзя»[\[139\]](#).

Армия приближалась к Владикавказской железной дороге, узлы которой – станции Тихорецкая и Сосыка были заняты крупными отрядами красноармейцев. Командованию пришлось ломать голову, как незаметно для неприятеля проскочить опасный участок пути. Следовало не только скрытно пересечь полотно, но и стать на ночлег на большом расстоянии от него, чтобы не навлечь на себя огонь бронепоездов и избежать атаки крупных сил красных, передвигавшихся в эшелонах.

Следующий большой переход, протяжённостью в 60 вёрст, завершался в станице Старо-Леушковской. Пересечь железную дорогу

из Ростова на Тихорецкую предполагалось в ночное время у Ново-Леуковской. После раздумий штаб армии решил так выстроить маршрут движения: станция Весёлая – хутор Упорный – Ново-Леушковская – Старо-Леушковская. Из осторожности войскам направление движения не сообщалось.

С утра 25 февраля (10 марта) армия вновь выступила в поход. На этот раз колонну замыкал чехословацкий батальон. Неожиданно на арьергард налетел кавалерийский отряд красных, но чехи не растерялись и отбили атаку, за что генерал Корнилов распорядился выдать батальону награду в 5000 рублей. Пройдя от Незамаевской всего 15 вёрст, уже вечером, около 17 часов, армия остановилась в станции Весёлая и расположилась по хатам.

Чтобы не делать колонну слишком громоздкой, обозы с незначительным прикрытием отправили вперёд до выступления армии. Начальник обоза полковник Кун получил приказ по прибытии в хутор Упорный резко свернуть на юг, остановиться и ждать подхода войск. Красные повсюду имели своих осведомителей, поэтому, чтобы спутать им карты, в минувший день у местных жителей добровольцы спрашивали дорогу на станцию Сосыка. Хитрость эта оказалась не напрасной.

Тёплый день сменяла морозная ночь. Около 21 часа главные силы армии пришли в движение, имея в голове колонны Офицерский полк, Юнкерский батальон, техническую роту и 1-ю батарею под общим руководством генерала Маркова. Приказано соблюдать тишину, громко не разговаривать и не курить.

Взяв направление на запад, на станцию Сосыка – станцию Павловскую, армия прошла вёрст десять и у хутора Упорный круто развернулась на юг. Но, миновав селение, на условленном месте она обоз не обнаружила. Расспрашивать местных жителей было опасно. Колонна встала, теряя драгоценное время. Все чины штаба разлетелись на поиски пропавшего обоза. Генерал Корнилов переживал – не проскочил ли он на Сосыку, в самое логово красных.

Ночные поиски затянулись. Наконец один офицер, отправленный по дороге на Новолеушковскую, вернулся с докладом, что наткнулся на обоз, который на тот момент взял верное направление. Позднее выяснилось, что он действительно сначала сбился с пути и оказался в каких-нибудь двух верстах от станции. Впереди уже мерцали огоньки

селения, но на развилке головные телеги почему-то повернули на спасительное направление. «Нас спас счастливый случай, – писал Н. Н. Львов, потрясённый случившимся. – Нет, спасло нас то, что среди наших людей была вот та напряжённость воли, которая одна только спасает из тысячи случаев. Кто-то, кто не свалился от усталости и не спал, остановил обоз и повернул его обратно, и то, что должно было послужить к нашей гибели, оказалось в нашу пользу»[\[140\]](#).

На станции слышали шум колес от приближающегося по обледеневшей дороге обоза и по телефону затребовали два бронепоезда. Обманный манёвр удался – красные поверили, что «кадеты» пошли на Сосыку. Подтянув бронепоезда к станции, красные тем самым открыли путь армии у разъезда в станице Ново-Леушковской.

Но на этом ночные приключения добровольцев не закончились. Обнаружив обоз, армия поспешила продолжить путь. По просёлочной дороге Офицерский полк спустился к реке Тихонькая и перешёл её по размытой и вязкой плотине. За ним двигалась батарея подполковника Миончинского. Для неё топкие берега реки и плотина оказались непроходимыми. Подполковник Миончинский мобилизовал все силы батареи на починку гати. Шанцевого инструмента и материалов под рукой не оказалось. В дело пошли кустарник, камыш, солома... Пришлось разобрать стоявший неподалёку сарай. На помощь подошла сапёрная рота чехословаков с инструментом. Руководил работой инженер Кроль. Застучали топоры. Спешно укладывались фашины, укреплялся мост. На починку плотины ушло 2–3 часа бесценного времени.

Начало светать. На краю горизонта появилась бело-синяя полоса, рассеивая мрак. В темноте стали проступать лица. Первое орудие с трудом переправилось на другой берег, а второе соскользнуло с плотины вправо и свалилось в воду, на глубину. Тащившие орудие лошади стояли по горло в ледяной воде. На плотине осталась часть уносов, перекрыв движение. Около полутора часов потребовалось артиллеристам на извлечение утонувшего орудия.

Колонна продолжила движение, когда набрал полную силу сырой, дождливый рассвет. План ночного перехода железной дороги полетел в тартарары. Мокнуть весь день под дождём в поле без жилья и полевых кухонь не имело смысла. К тому же красные в любой момент могли

нащупать местоположение армии и подогнать к Ново-Леушковской бронепоезда. Выход один – переходить железную дорогу при свете дня.

Небо прояснилось. Стало пригревать солнце. Около 9 часов утра 26 февраля (11 марта) армия подошла к Ново-Леушковской. Прежде всего, вперёд выслали два конных отряда подрывников, для порчи пути на шесть вёрст справа и слева от места перехода. Генерал Корнилов очень нервничал в ожидании взрывов и, лишь когда они прогремели, немного успокоился. Вернувшись с докладом подрывников главнокомандующий крепко отчитал, считая, что они мало взяли в сторону, особенно слева, и даже усомнился, что пути там действительно испорчены. Но подрывники выполнили свою работу хорошо.

Наконец начался долгожданный переход. 2-я рота корниловцев заняла станцию. Все повозки шли, строго выдерживая установленную дистанцию. В результате чего войска с обозами растянулись на четыре версты. Когда переправилось больше половины армии, справа показался вражеский бронепоезд и, уткнувшись в развороченные взрывом пути, открыл огонь. Его снаряды неизменно ложились с большим недолётом метров 400–500. Местность ровная, и бронепоезд отлично виден издалека.

Двухорудийная батарея выдвинулась на полверсты вправо и стала отвечать красным. «Красивейшая картина! Наш полк расположился у переезда, – описывал артиллерийскую дуэль С. М. Пауль. – Винтовки сложили. Лежим, курим. Мимо проходят обозы... Устанавливаются два наших орудия. Первый выстрел недолёт, второй в самый паровоз. Показывается дым. Поезд останавливается и уходит обратно. Всё это на очень далёкой дистанции. Подхожу к артиллерийскому офицеру и спрашиваю дистанцию. По восьмикратному артиллерийскому Цейсу 5,5 версты. Меткость очень хороша; недаром все, обслуживающие орудия, офицеры»[\[141\]](#). Подбитый бронепоезд скрылся из виду, но вскоре опять появился на горизонте. И вновь добровольческая батарея отогнала его своим точным огнём.

А через железные пути тянулась нескончаемая череда повозок, шли измотанные ночным походом части. Генерал Корнилов со штабом стоял у переезда, наблюдая за движением войск. Когда под прикрытием арьергарда переправлялись последние обозные повозки,

опять вдали задымил бронепоезд, теперь с левой стороны. «Снаряды рвутся кругом станции, бьют по обозу, – вспоминал свидетель переправы Р. Б. Гуль. – Видно, как чёрненькие фигурки повозок поскакали рысью. Но обоз уже переехал, и мы уходим от Леушковской по гладкой дороге меж зелёными всходами. Прорвались»[\[142\]](#).

Замыкали колонну Офицерский полк и батарея подполковника Миончинского. Убедившись, что ни одна повозка не отстала, тронулся в путь и штаб. Однако до отдыха в Старо-Леушковской надо пройти ещё вёрст 10 по открытой степи. Бронепоезда пытались достать артиллерийским огнём ускользнувших от них «кадет». То и дело справа и слева от дороги взмывали вверх чёрные султаны земли от разрывов гранат. Но вот армия скрылась за небольшим гребнем, рванули два посланных вдогонку снаряда, и стрельба прекратилась. Отошло многочасовое напряжение сил, и люди зашагали веселей.

На дороге добровольцев нагнала бричка с двумя пассажирами – мужчиной и женщиной. Офицеры приготовились их арестовать, но оказалось, что в бричке ехал генерал Гулыга, некоторое время командовавший кубанскими правительственными войсками. Точных сведений о положении дел в Екатеринодаре он не имел.

В Старолеушковскую авангард армии пришёл часам к 16. С одной четырёхчасовой остановкой в станице Весёлая, она прошла за 30 часов около 60 вёрст. Расположившись по квартирам, добровольцы валились с ног от усталости. Большинство из них, наспех поужинав, сразу же улеглось спать. Крепок и глубокий был их сон в ту ночь.

Но не всем пришлось отдохнуть. Арьергарду пришлось ждать в степи, пока вся армия втянется в станицу. Лишь глубокой ночью Офицерский полк и батарея разместились на ночлег. Всю ночь не смыкали глаз заставы, охранявшие армию. Полковника Биркина с отделением 4-й роты генерал Марков направил в дозор к мельнице, где, как выяснилось позже, уже располагалась застава корниловцев в 10 человек. Полковник Биркин нашёл их в крайне возбуждённом состоянии. «Оказалось, ночью на них натолкнулась колонна красных, – пояснял В. Е. Павлов, – шедшая в станицу, и они бесшумно разделились с нею: около сотни убитых лежало на дороге и стояло 5–6 захваченных подвод с оружием»[\[143\]](#). Не имея распоряжения от своих начальников, смениться корниловцы отказались.

Несмотря на походные трудности и непредвиденные задержки в пути, у добровольцев преобладало приподнятое настроение, ведь переход железной дороги равносителен крупной победе.

У корниловцев, во 2-й роте, офицеры раздобыли граммофон. Молодость и задор взяли верх над усталостью. Поставили пластинку «Дунайские волны». Грянул духовой оркестр и зазвучал знаменитый вальс.

Дунай голубой, ты течёшь сквозь века,
Плывут над тобой в вышине облака...

Два офицера галантно пригласили на танец сестёр милосердия Варю и Таню. И, отбросив усталость, взволнованные и юные, словно на балу, закружились по комнате две пары...

Рано утром 27 февраля (12 марта) генерал Корнилов повёл армию дальше, в станицу Иркиевскую. До неё следовало пройти 16 вёрст. Головные части, обоз и главные силы совершили переход спокойно. Уже при выходе из Старолеушковской арьергарда на него налетел кавалерийский отряд красных, но, получив отпор, быстро ретировался. Других боевых инцидентов за переход не случилось, и вечером армия втянулась в Иркиевскую, где провела и весь следующий день, восстанавливая силы.

Так началось движение армии по Кубанской области, которой суждено было сыграть одну из ключевых ролей в становлении Белого движения.

Хорунжий^[26]

Вчера ты лучшим был на джигитовке,
Теперь ведёшь под пули казаков.
В черкеске, при кинжале и винтовке,
Ты рвёшь кольцо будёновских полков.

Свинцом горячим срезало кубанку,
Ожгло ахалтекинского коня,
Но держишь офицерскую осанку

На фоне догорающего дня.

Горсть казаков и доблестных черкесов
Готова драться, каждый – за двоих,
Но враг теснит, обратный путь отрезав.
Хватило б сил пробиться до своих!

Идёшь вперёд, блеснув манёвром смелым,
Где узкий фронт безвыходно обжат...
Успеешь попросить перед расстрелом:
«Эй, комиссар, коня не обижай!»

Который год междоусобной брани?
Доколе жечь, корёжить и ломать?!..
А далеко-далёко на Кубани
Твою судьбу оплакивает мать.

Глава вторая

Выселки

Под Выселками ранним утром 3 (16) марта Партизанский полк умылся кровью. «За весь 2½-месячный “Ледяной поход” среди полсотни боев, которые нам пришлось вынести, бой за Выселки рано утром 3 марта оставил в моей памяти самые тяжкие воспоминания... – сокрушался А. П. Богаевский. – Селение мы взяли, но ценой каких отчаянных усилий и жертв!»[\[144\]](#)

Накануне жестокого боя за Выселки события развивались стремительно и благополучно для добровольцев. Ясным солнечным днём 1 (14) марта через станицу Ирклиевскую Добровольческая армия быстро наступала на станицу Березанскую, куда подошла после полудня. Из вырытых на гребне широкого холма в двух верстах от станицы окопов неожиданно раздались выстрелы. Но огонь, открытый с большого расстояния, не причинил добровольческому авангарду никакого вреда. Как выяснилось позже, вопреки мнению старых казаков, на станичном сборе молодёжь вместе с иногородними решила взяться за оружие и выступить против «кадет». «Сил у них было достаточно, – отмечал А. П. Богаевский, – но не было ни толкового руководителя, ни боевого опыта, ни достаточной стойкости. Для нас эта стычка обошлась без потерь убитыми, но известие, что против нас выступают уже казаки-кубанцы, тяжело отразилось на сознании добровольцев...»[\[145\]](#)

Корниловский полк ушёл с дороги влево и по зелёной пашне двинулся в обход – решено ударить в левый фланг. Как только роты корниловцев поднялись на гребень, то сразу попали в сферу ружейного огня красных. Оставив на поле несколько раненых, на попечение сестёр милосердия, цепи корниловцев безостановочно шли дальше. Среди немногочисленных потерь – убит шальной пулей командир 2-й роты, георгиевский кавалер, 24-летний штабс-капитан князь Чичуа. Свинец, уже на излёте, вошёл ему прямо в сердце.

Перед выдвиганием цепи полковник Булюбаш с князем Чичуа отправились осмотреть местность. «Расстояние до станицы было большое, – свидетельствовал Е. Г. Булюбаш. – Я и он, ведя коней в

поводу, пошли по позиции, которую предполагалось занять моим батальоном. Сначала мы шли рядом, а потом он оказался впереди меня шага на четыре. Мы шли вдоль позиции, а затем остановились и повернулись лицом к станице. Вот в этот момент случайная пуля на излёте и поразила его»[\[146\]](#).

Корниловцы уважали князя, как доблестного командира, и любили, как душевного боевого товарища.

– Вторая рота, снимайте шапки... Князь убит, – сообщил штабс-капитан Садовень.

– Князь убит, – пронеслась по залёгшей цепи скорбная весть.

Вывезти тело своего командира с поля боя вызвался прапорщик Гуль. «На зелёном поле под голубым небом лежал красивый князь, немного бледный, – вспоминал он впоследствии. – Левая рука откинута, лицо повёрнуто вполборота. Над ним склонилась сестра Дина Дюбуа[\[27\]](#).

– Убит, – говорит она тихо.

– Куда?

– Не могу найти – нигде нет крови.

Я смотрю на бледного князя и вспоминаю его радостным, танцующим лезгинку»[\[147\]](#). Штабс-капитан князь Чичуа был в числе первых добровольцев, пришедших к полковнику Неженцеву в 1-й Ударный отряд при 8-й армии. Князя положили поперёк седла, и прапорщик Гуль повёл коня под уздцы. Корниловцам не верилось, что свисающее с коня безжизненное тело – тот самый красавец-мингрелец, любивший лихо джигитовать и танцевать по кругу жаркую лезгинку.

Далеко по полю, грозно сверкая шашками, рассыпалась лавой кавалерия. Значит – быть рубке. На окраине станицы кавалеристы нагнали несколько беспорядочно отступающих красноармейцев и расправились с ними. «При въезде в станицу лежали зарубленные люди, – отмечал Р. Б. Гуль, – все в длинных красных полосах. У одного голова рассечена надвое»[\[148\]](#).

Пока корниловцы совершали обходной манёвр, вперёд устремились цепи марковцев. «Подходим к станице, – вспоминал участник боя С. М. Пауль. – На пригорках окопы и большевистская цепь. Окопы сделаны скверно, не на склонах, а на самом хребте, так что рельефно выделяются на горизонте. Два или три очень метких шрапнельных выстрела по самым окопам наводят смятение.

Рассыпаемся цепью и идём в штыки. “Товарищи” бегут, не встречая нас даже огнём. В окопах масса хлеба»[\[149\]](#).

Примерно в ста шагах за окопами текла илистая степная речка Бейсуг с топкими берегами. Идти в ледяную воду было незачем – на другом берегу никто не встречал. Марковцы спокойно переправились по переходу. За рекой на пути к станице виднелось ещё шесть рядов окопов, но и эти запасные позиции красные тоже бросили. На их плечах в селение ворвался Офицерский полк. Красные не успели ещё выйти за противоположную окраину селения, а по улицам в сопровождении трёх или четырёх ординарцев мчался всадник в белой папахе – генерал Марков.

С другой стороны станицы обозы красных нескончаемой вереницей тянулись на Выселки. Однако с ними ушли и разбежались по округе не все. Некоторые попрятались по укромным местам, амбарам, закопались в сено. Началась охота на них. «Есаул Х. ткнул штыком в копну сена, – писал С. М. Пауль. – Крик. “Вылезай!” Вылез. “Становись на колени... Молись...” Стал. Злыми, открытыми глазами, с глухой ненавистью смотрит в дуло винтовки. Молча умер. Оказался матросом. Тихо проходил нечеловеческий ледяной ужас. Поймали человек шесть и расставили их вдоль забора... Кто-то из приговорённых словчился и вмиг перемахнул через забор. Исчез, и так и не нашли. Это послужило сигналом для бегства остальных. Но далеко убежать не пришлось. Сразу же они были расстреляны... Когда минут через пять возвращался обратно, то наткнулся на картину. У одного из расстрелянных снесло череп. Какая-то большая свинья рылась в мозгу и пожирала их с громким чавканьем. Настроение сильно упало, и я три дня не мог есть мяса»[\[150\]](#).

Во взятой с боем станице голодные и уставшие марковцы и корниловцы обустроились на короткий отдых и ночлег. «На соседний двор въехали кавалеристы, – вспоминал Р. Б. Гуль, – стоят у просторного сарая, выводят из него лошадей. Около них плачет старуха, уверяя, что это кони не военные, а их, крестьянские... “Много не разговаривай!” – кричит один из кавалеристов. Я пробую им сказать, что кони действительно крестьянские. “Чёрт их разберёт! Здесь все большевики”, – отвечает кавалерист... По улицам идут конные, идут пешие, скрипят обозные телеги. По дворам с

клокотаньем летают куры, визжат поросята, спасаясь от рук победителей»[\[151\]](#).

Вечером в станичном правлении старые казаки пороли нагайками молодёжь обоего пола, сочувствующую большевикам.

Ночь выдалась холодная, ветреная. Наутро 2 (15) марта основные силы Добровольческой армии двигались на станицу Журавскую, а Корниловский полк атаковал станцию Выселки. Выжидая удобный момент для атаки, на правом фланге в лощине скрытно накапливалась добровольческая кавалерия. Полковник Неженцев уверенно двинул вперёд свои цепи. Красные их заметили издалека. Высоко рванули белые облака шрапнели и засвистел шальной свинец. От окраины станицы отделилась густая вражеская цепь. Корниловцы поднялись им навстречу. Ухнула добровольческая батарея. Несколько удачных попаданий – в рядах красной пехоты вздыбилась земля. Красноармейцы не выдержали натиска и стали поспешно отступать. Преследуя неприятеля, выскочила из лощины и рассыпалась по полю кавалерия. Засверкали на взмахе шашки.

Замолкла красная артиллерия, а орудия белых грохотали не переставая. Вскоре корниловцы ворвались в селение. «Пулемёт захлопал, рвётся вперёд, – писал участник боя Р. Б. Гуль. – Маленькие фигурки падают, бегут, ползут, остаются на месте... Мы на полотне. Кругом бестолково трещат выстрелы. Впереди взяли пленных. Подпоручик К-ой стоит с винтовкой наперевес – перед ним молодой мальчишка кричит: “Пожалейте! Помилуйте!”

– А... Твою мать! Куда тебе – в живот, в грудь! Говори... – бешено-зверски кричит К-ой.

– Пожалейте, дяденька!

Ах! Ах! – слышны хриплые звуки, как дрова рубят. Ах! Ах! – и в такт с ними подпоручик К-ой ударяет штыком в грудь, в живот стоящего перед ним мальчишку... Стоны... Тело упало... На путях около насыпи валяются убитые, недобитые, стонущие люди... Ещё поймали. И опять просит пощады. И опять зверские крики.

– Беги... твою мать! – Он не бежит, хватается за винтовку, он знает это “беги...”»[\[152\]](#).

На небольшой станичной площади столпились добровольцы. В центре их круга стояли два пленных комиссара. Оба сорокалетнего возраста, полувоенно одетые, похожие на солдат-комитетчиков, с

абсолютно затравленным и растерянным видом. Добровольцы осыпали их угрозами и ругательствами, а некоторые не гнушались и рукоприкладства. Особенно оживлённо они реагировали на обращение к ним – «товарищ».

«– Ты какой комиссар был? – спрашивает офицер одного из них.

– Я, товарищ...

– Да я тебе не товарищ... твою мать! – оглушительно кричит офицер.

– Виноват, виноват, ваше благородие... – и комиссар нелепо прикладывает руку к козырьку»[\[153\]](#).

Почти без потерь корниловцы отбросили крупный отряд красных и вечером продвинулись ещё на несколько вёрст дальше к хутору Малеванному, где и заночевали. Чернецовцы в тот день вышли к хутору Бейсужёк, где произошёл небольшой бой. Остальную измотанную за боевой день пехоту отвели на отдых в станицу Журавскую, а в Выселках в качестве заслона оставили кавалерийский дивизион полковника Гершельмана. Но, как только корниловцы покинули станицу и отошли от неё версты на четыре, им в спину неожиданно ударила вражеская артиллерия. Гранаты рвались среди обоза, и корниловцы поспешили укрыться за железнодорожной насыпью.

Оказалось, что кавалеристы полковника Гершельмана[\[28\]](#) по неизвестной причине без боя сдали Выселки красным. Их отряд теперь всерьёз угрожал флангу Добровольческой армии. Оценив обстановку, генерал Корнилов отдал приказ генералу Богаевскому с Партизанским полком и батареей ночной атакой Выселки взять.

Журавскую, где расположились на ночлег партизаны, и Выселки разделяли примерно семь вёрст – около трёх часов ходу, а солнце всходило около 6 часов утра. Во избежание больших потерь генерал Богаевский решил овладеть станицей до рассвета. Однако плану этому не суждено было сбыться...

В два первых весенних дня добровольцам сопутствовал успех, но Военная Удача – дама капризная, с переменчивым настроением и прескверным характером.

Наступила тёмная и холодная ночь. Желая дать партизанам хоть немного отдохнуть перед тяжёлым боем, генерал Богаевский намеревался выступить с полком не позднее трёх часов. Переживая за

день грядущий, сам он не сомкнул глаз ни на минуту – злая бессонница мучила его. В два часа ночи он приказал всех будить на построение. Задача эта оказалась не из лёгких. Нельзя было подавать ни сигналов, ни громких команд, а устроенные на ночлег по многим хатам и сараям, переутомлённые партизаны спали беспробудным сном. В ночной темноте не всех удалось разыскать, а многие из разбуженных, едва очнувшись, вновь проваливались в мертвецкий сон.

Шли драгоценные минуты ночи – безвозвратно исчезала надежда скрытно подойти к Выселкам и ударить внезапно. Для командира Партизанского полка наступила минута отчаяния. Под угрозой срыва находилась важная боевая задача. Ведь закрепившись в Выселках, красные могли накопить там силы и нанести фланговый удар, поставив всю Добровольческую армию в тяжёлое положение.

С большими усилиями, стараниями старых офицеров, генералу Богаевскому удалось-таки собрать большую часть полка. Не подошёл весь отряд есаула Лазарева, но дожидаться его прибытия не стали. Ночная мгла стала потихоньку рассеиваться. Около четырёх часов утра полк двинулся.

Быстро светало. Подморозило. Сонные и голодные партизаны по промёрзшей дороге спешили к цели. Утреннюю тишину прорезал грохот колёс батареи. Совсем рассвело, когда полк подошёл к западной окраине Выселок. Вдали отчётливо замаячили станичные постройки.

Не теряя времени, развернули в боевой порядок свои отряды капитан Курочкин, есаул Власов и полковник Краснянский, наступавший на левом фланге. Их редкие цепи без выстрела быстро и уверенно двинулись вперёд. Казачья батарея стала на позицию и открыла огонь. В ответ на первую гранату в станице громко заиграла тревогу и сбор кавалерийская труба.

Внезапно ожил длинный гребень холмов, примыкавших к селению, встречая партизан градом пуль. Но донские казаки безостановочно продвигались дальше. На правом фланге боевой линии чернецовцы ворвались в селение. Справа во фланг и тыл им ударил пулемётный огонь из окон укрытого в лощине каменного здания паровой мельницы.

Над горизонтом встало солнце. Оно предательски слепило глаза партизан, затрудняя прицел. В его холодных и ярких лучах в чистом

поле они оказались отличной мишенью. Красные методично расстреливали их из окопов и зданий.

Для управления боем генерал Богаевский и начальник штаба ротмистр Чайковский обосновались на кургане. На глазах у командира полка один за другим падали на мёрзлую землю его старые боевые товарищи. Скошенный пулей, погиб доблестный есаул Власов. При выходе из оврага к своей цепи сбоку в грудь был смертельно ранен полковник Краснянский. «Его смерть была большим горем для Донцов, – отмечал А. П. Богаевский. – Заботливый начальник, решительный и храбрый в бою, он пользовался искренней любовью и уважением всех, кто его знал»[\[154\]](#). Его отряд возглавил войсковой старшина Ермолов. Исключительно тяжело переживал командир полка гибель кадет и юнкеров из чернецовского отряда. «Особенно жалко мне было несколько мальчиков – кадет Донского Корпуса, погибших в этом бою... – вспоминал А. П. Богаевский. – Какими молодцами шли они в бой! Для них не было опасности, точно эти дети не понимали её. И не было сил оставить их в тылу, в обозе. Они всё равно убегали оттуда в строй и бестрепетно шли в бой»[\[155\]](#).

Поредевшие цепи партизан не выдержали силы огня, подались назад и залегли.

Началась изнурительная перестрелка в крайне невыгодном для белых положении. Поле боя – совершенно открытое место, где солнце било казакам в глаза, укрытием служили случайная кочка или тело убитого товарища – лопат под рукой не оказалось. Вскоре против левого фланга краснянцев нарисовался вражеский пулемёт с прикрытием и начал обильно поливать свинцом прижатых к мёрзлой земле казаков. Несколько партизан развернулось в его сторону для ответного огня. Фронт выгнулся дугой. Бой оказался намного серьезнее, чем предполагал штаб Добровольческой армии. На правом фланге из всех окон паровой мельницы на головы партизан не переставая бил свинцовый ливень. С каждой минутой положение партизан становилось всё более отчаянным.

Надежда взять Выселки одним Партизанским полком рассеялась быстро, как дым. Под рукой у генерала Богаевского оставался последний резерв – небольшой отряд георгиевского кавалера есаула Лазарева, подошедшего к полю боя с опозданием. Африкан Петрович отдавал себе отчёт в том, что сил этих не хватит даже для отражения

крупной контратаки противника. Поняли это и в штабе Добровольческой армии. «Бой оказался серьезнее, чем рассчитывали, – свидетельствует А. И. Деникин. – Пришлось выдвинуть новые силы. Из Малеванного направлен в обход батальон корниловцев, прямо на село двинут Офицерский полк Маркова»[\[156\]](#).

Генерал Богаевский с тревогой обернулся назад и увидел долгожданную помощь. Со стороны станицы Журавской по обе стороны дороги быстро приближались цепи марковцев. За ними виднелась кавалерийская группа с трёхцветным национальным русским флагом – сам генерал Корнилов со штабом армии. Вдали от хутора Малеванного во фланг и тыл неприятелю стремительно заходила густая цепь корниловцев.

Красные явно занервничали и стали разбрасывать огонь по всем направлениям, ослабив его плотность на фронте Партизанского полка. Настал удобный момент для общей атаки. Генерал Богаевский немедленно отдал распоряжение есаулу Лазареву совместно с краснянцами ударить красным в правый фланг, а остальным частям приказал атаковать одновременно с марковцами.

«Стройно, как на учении, повёл свой отряд Роман Лазарев, – писал А. П. Богаевский. – Через несколько минут его цепь уже ворвалась в селение. Сильный ружейный огонь, неистовая ругань и зычный голос Лазарева несутся оттуда. Одновременно с криком “ура” бросились в атаку все другие наши части. Большевики не выдержали и, не ожидая общей атаки, быстро отступили»[\[157\]](#). Захлебнулся и умолк пулемёт на паровой мельнице. Вскоре оттуда послышался треск сухих одиночных выстрелов – шла расправа с красногвардейцами, не успевшими уйти. В плен марковцы не брали...

А. П. Богаевский со своим штабом присоединился к группе генерала Корнилова, который крупной рысью въехал в станицу. Высоко колыхался на ветру трёхцветный флаг, фокусируя на себе внимание и белых, и красных. Вслед за командующим штабная группа быстро прошла Выселки и на противоположной окраине селения попала под град пуль. Одна из них легко ранила в ногу ротмистра Чайковского. Чины штаба и конвой командующего едва успели укрыться за железнодорожной будкой. Оказалось, что проскочили свою передовую цепь и впереди уже враг. Вскоре подошёл отряд партизан. «Начальник отряда, раненный в ногу, весь мокрый, ковыляет

бегом по неровному полю. Не то оправдывается, не то сердится, обращаясь к штабным:

– Зачем генерал срамит нас? Ведь он конный, а мы пешие – догнать трудно»[\[158\]](#). Цепь быстро пошла вперёд к роще и скрылась из виду. Штаб армии вернулся в Выселки, где собирались в колонны добровольцы. Генерал Корнилов объехал войска и поблагодарил за одержанную очередную победу.

Наибольший урон понёс Партизанский полк. Победа под Выселками для партизан оказалась поистине пирровой. Они потеряли более 80 человек, из них почти половина убитыми.

Немного отдохнув, партизаны оставили заслон в Выселках и возвратились в станицу Журавскую, чтобы похоронить павших в бою добровольцев и устроиться на ночлег. Раненых разместили в хуторской школе. «Я зашёл туда навестить тяжело раненного полковника Краснянского и своих партизан, – с тяжёлым сердцем вспоминал А. П. Богаевский. – Бедный Тихон Петрович умирал... Он с трудом дышал и мог сказать мне лишь несколько слов. Утром 4 марта он умер... Вместе с другими добровольцами, убитыми в бою 3 марта у этой станицы (36 человек), Т.П. был торжественно похоронен на местном кладбище в отдельной могиле и даже в гробу. Место погребения, без креста, было сравнено с землёю, как это мы делали везде во время похода»[\[159\]](#).

Погибших партизан похоронили вечером 3 (17) марта, перед заходом солнца. Окаймлённое валом и канавой кладбище располагалось на высоком месте. Вырыли глубокую братскую могилу и отслужили панихиду. Изготавливать гробы времени не было. Одетых в лохмотья покойников укладывали в несколько рядов – по семь тел в ряд, затем засыпали землёй, и вновь семь трупов поперёк первых. Всего братская могила приняла 33 убитых. Опасаясь, что красные осквернят могилу, казаки тщательно заровняли место захоронения, не оставив ни креста, ни холма.

Глава третья

Добровольцы идут на выручку кубанской армии

Бой за Выселки нежданно-негаданно обернулся для армии не только трагедией, но и удвоил лазаретный обоз. Из Ростова добровольцы вывезли примерно 150–200 раненых, за время до Выселок прибавилось ещё около 30, а к вечеру 3 (16) марта их насчитывалось уже до 400 человек. Сильно растянулся обоз, затрудняя маневренность армии, когда любая задержка в походе угрожала перерасти в катастрофу...

Тихим, ясным утром 4 (17) марта части генерала Корнилова подошли к станице Кореновской. До Екатеринодара оставалось всего около 65 вёрст. Малочисленная добровольческая кавалерия на плохих лошадях не могла далеко отрываться от ядра Добровольческой армии, поэтому своевременно произвести разведку не удалось.

Как только голова колонны в двух верстах от станицы поднялась на гребень и впереди замаячили церковные купола, неожиданно вокруг засвистели пули. На подступах к станице густые цепи красных засели в окопах. В авангарде шёл юнкерский батальон генерала Боровского. Он оказался под губительным пулемётным и ружейным огнём красных. Их главнокомандующий, бывший фельдшер, кубанский казак И. Л. Сорокин стянул к станице Кореновской, по разным оценкам, от 10 000 до 14 000 штыков и сабель при двух бронепоездах и артиллерии. У генерала Корнилова живой силы было в четыре или в пять раз меньше.

Штаб армии во главе с самим генералом Корниловым шёл в голове колонны. Воздух сотряс чей-то крик:

– Положите юнкеров!!

Однако генерал Боровский спокойно продолжал отдавать распоряжения. Под пристальным взглядом командующего юнкера рассыпались в редкую цепь и в полный рост энергично повели наступление. Стрельба стала ослабевать и приняла беспорядочный характер.

Левее юнкерского батальона Офицерский и Корниловский полки наносили главный удар на станцию Станичная. Красные встретили их стеной огня. Бесперывно бухала их артиллерия и брызгали свинцом пулемёты. Разгорался упорный бой. На главное направление перешёл и штаб Добровольческой армии, сразу попав в сферу сильного ружейного огня. «Все легли, – писал об этих минутах боя А. И. Деникин. – Пытаюсь убедить Корнилова отойти в сторону или, по крайней мере, лечь. Безрезультатно. Обращаюсь к Романовскому:

– Иван Павлович, уведите вы его... Подумайте, если случится несчастье...

– Говорил не раз – бесполезно. Он подумает, в конце концов, что я о себе забочусь...»[160]

Пренебрегая смертельной опасностью, с пригорка генерал Корнилов наблюдал в бинокль атаку Офицерского полка, который стремился овладеть железнодорожным мостом через реку Бейсузёк.

Боеприпасы на исходе. Снарядов почти нет, вот-вот начнётся патронный голод. Среди добровольцев распространилась суровая шутка: «Генерал Марков приказал пушки брать нагайкой и штыком».

Положение тревожное – наметился перелом боя. Весь фронт Корниловского полка откатывался назад. Впервые за почти месяц боёв корниловцы отступали, не успев даже подобрать всех раненых. На них наваливались нестройные линии красных. От их числа почернело поле у станицы. Красные артиллеристы не жалели снарядов. Залпы их орудий слились в единый рёв. Добровольцев накрыл град шрапнели. Юнкера генерала Боровского на своём участке дважды захватывали окраину станицы и, не сумев прочно зацепиться, дважды откатывались назад. Бой затянулся, перейдя в критическую фазу. Росли потери.

Генералу Корнилову донесли из обоза, что снаряды и патроны на исходе, а части боевой линии их требуют. Выдать ли им последнее?

– Выдать! – решает командующий, хладнокровно прибавив, что в станице найдётся много боеприпасов, – это видно по силе вражеских залпов.

Сам генерал Корнилов стоял под огнём в районе своего полка. Получив патроны, корниловцы остановились и через несколько минут вновь двинулись вперёд. Красные цепи отхлынули и залегли.

«Среди офицеров разговор:

– Ну и дерутся же сегодня большевики!..

– Ничего удивительного – ведь русские...

Разговор оборвался. Брошенная случайно фраза задела больные струны...»[\[161\]](#)

Со стороны красных явно ощущалось управление боем, порыв и стойкость частей.

Стало ясно, что нужно ударить в другом месте. В резерве оставались сильно поредевший накануне в бою за Выселки Партизанский полк и чехословацкая рота. Весь резерв под командованием генерала Богаевского направили в охват вражеской позиции с запада, оставив совершенно без прикрытия многочисленный обоз с сотнями больных и раненых добровольцев.

В это время в тылу замаячил кавалерийский отряд. Генерал Корнилов получил донесение, что обозу угрожает неприятельская конница. В помощи командующий отказал, напомнив начальнику обоза генералу Эльснеру, что у него есть два пулемёта и способные сражаться люди. Обоз из повозок стал строить вагенбург[\[29\]](#) и выставил вперёд жидкую цепь[\[30\]](#).

Чтобы приободрить партизан своим присутствием, весь штаб переехал на участок боевой линии генерала Богаевского. Партизаны и чехословаки рассыпались в цепи и уверенно пошли вперёд. Батарея полковника Третьякова наступала вместе с ними. Белые артиллеристы смело выезжали вперёд, быстро становились на позицию и открывали меткий огонь по юго-западной окраине станицы. После очередного особенно удачного выезда на позицию генерал Богаевский поскакал к ним и от всей души поблагодарил за слаженную работу. Дружно и бодро ответили артиллеристы своему командиру, а красные накрыли батарею тучей пуль. Но, по счастью, никто на батарее не пострадал, а генералу Богаевскому со своим штабом пришлось спешиться и, попав под перекрёстный огонь вражеских пулемётов, лёжа дожидаться подхода своих цепей.

Одновременно поднялись в атаку и юнкера генерала Боровского, в третий раз овладев окраиной станицы на своём участке. Батарея галопом понеслась по широкой улице и в упор ударила картечью по сгрудившимся у моста красным. С востока ударили корниловцы и Офицерский полк. Несмотря на ураганный огонь красных батарей и бронепоездов, они перешли реку по широкому броду. Офицерский полк захватил мост через реку Бейсужёк и ворвался на

железнодорожную станцию, чем окончательно решил исход боя. Общая атака длилась всего около полчаса.

Не обошлось без курьёзов. Командир 2-го взвода 6-й роты Корниловского полка поручик Мяч[162], стройный, высокого роста, атлетически сложенный блондин и большой щеголь, во время атаки подобрал брошенный отступившими красноармейцами чайник и нацепил его на пояс перед животом. Не прошёл он и десяти шагов, как в чайник ударила пуля, пробила переднюю стенку и закрутилась внутри. Тут же среди корниловцев громко прокатилась шутка: «Передай по цепи – поручик Мяч ловит пули!»

На окраине станицы добровольцев поджидали старик со старухой. «Старик держал в руке ведро, а старуха целую связку деревянных ложек, – вспоминал участник боя Н. И. Басов[163]. Они, пригибаясь, двинулись по цепи, предлагая горячий борщ:

– Родимые, борщок! – и старуха совала ложки.

Красные, залегшие за рекой, увидев маячащие фигуры, участили стрельбу. Не знаю, чем бы это кончилось, но появился командир роты капитан Петров и приказал старику и старухе немедленно обратиться из цепи»[164].

Главные силы красных поспешно отходили из станицы, однако немало красноармейцев засело в домах. Не желая сдаваться, они упорно отстреливались. Добровольцам пришлось пройти всю станицу, очищая её от остатков вражеского отряда.

Преследуя неприятеля, передовые части Партизанского полка вышли из станицы Кореновской, где наткнулись на крупный отряд красных. Увидев добровольцев, красноармейцы втыкали винтовки штыками в землю и поднимали руки вверх, всем своим видом говоря, что готовы сдаться в плен. Два десятка всадников – генерал Богаевский со своим штабом и конвоем – помчались принимать пленных. Красные же внезапно встретили их ружейными залпами и быстро отошли к лесу южнее станицы, вблизи железной дороги. Штаб генерала Богаевского поспешно вернулся к своим частям. Чудом обошлось без потерь. Утомлённые тяжёлым боем, партизаны не стали преследовать неприятеля.

Воспользовавшись затишьем, красные накопили силы в лесу. При поддержке бронепоезда они повели наступление на станцию Станичная, занятую Офицерским полком, который в это время

разбирался с захваченной добычей. Возвращение красного бронепоезда угрожало марковцам новыми потерями. Добровольцы бросились заваливать железнодорожные пути камнями и брёвнами, что вряд ли могло задержать поезд. Однако красные оказались не готовы к решительным действиям. Их бронепоезд сначала остановился всего в версте от станции, а затем повернул назад и ушёл к станции Платнировской. Вместе с ним отхлынула и красная пехота.

Генерал Корнилов не ошибся – военная добыча добровольцев оказалась внушительной: около 500 артиллерийских снарядов, большое количество патронов и винтовок, а также множество различных запасов – продовольствия, обмундирования и снаряжения, пополнивших хозяйственную часть армии. Однако победа досталась большой кровью. По данным, приведённым в воспоминаниях генерала Богаевского, потери добровольцев при взятии станции Кореновской составляли: 35 убитых и до 100 раненых^[31].

В станции Кореновской генерал Корнилов получил окончательное подтверждение слухов о том, что Кубанская армия оставила Екатеринодар. Найденная в окопах советская газета выпренными фразами описывала встречу передового отряда красных с делегатами Екатеринодарского Совета.

Стало ясно, что обозначали далёкие ночные зарницы и приглушённые раскаты грома в дневное время – это кубанцы с боями отходили за Кубань.

Весть эта для Добровольческой армии стала тяжёлым ударом. Терялся смысл всей операции, рушились планы, исчезала понятная и желанная цель обрести в Екатеринодаре прочную базу для продолжения борьбы и соединиться с кубанцами. После 300 вёрст изнурительного похода, нескончаемой череды кровопролитных схваток перед генералом Корниловым, словно в первый день операции при выходе из Ростова, вновь встал вопрос – куда вести свою измученную, поредевшую в боях маленькую армию. По сути, она стала немногочисленным прикрытием для огромного обоза с больными и ранеными, которых на тот момент насчитывалось уже около 500 человек^[32].

«В обозе – наша жизнь, наше страдание и страшные путы, сковывающие каждую операцию, – свидетельствовал А. И. Деникин, – вызывающие много лишних потерь, которые, в свою очередь,

увеличивают и оттягивают его. В нём всё материальное снабжение, в особенности драгоценные боевые припасы кочующей армии, не имеющей своей базы и складов... В обозе знают, что неустойка боевой линии грозит им гибелью. Оттого в нём повышенная впечатлительность и склонность к распространению самых страшных слухов. Но паники почти не бывало. Спасаться некуда: впереди бой, сзади бой, справа и слева маячат неприятельские разъезды... Не было надлежащей санитарной организации и почти не было ни инструментов, ни медикаментов, ни перевязочного материала и антисептических средств. Раненые испытывали невероятные страдания, умирали от заражения крови и от невозможности производить операции – даже легко раненные... Иногда обстановка слагалась особенно тяжело, и раненные, теряя самообладание, угрожали лазаретному персоналу револьверами. Начальство и армейский комендант принимали меры к успокоению. Одного только не решались сделать – отнять у раненых оружие; возможность распорядиться своей жизнью в последний роковой момент была неотъемлемым правом добровольцев...»[\[165\]](#)

Армии до крайности требовалась хотя бы короткая передышка. Красноречиво говорил об этом минувший штурм Кореновской, когда в критический момент боя Офицерский и Корниловский полки впервые не выдержали натиска красных и отошли. Стремление добровольцев к столице Кубани было так велико, что весть о падении белого Екатеринодара, полученная всего в двух-трёх переходах до него, действовала угнетающе на всех без исключения.

Куда идти теперь? На этот счёт мнения старших начальников разделились. А. И. Деникин писал о своей точке зрения: «Мне представлялось необходимым продолжать выполнение раз поставленной задачи во что бы то ни стало, тем более, что армия давно уже находилась в положении стратегического окружения и выход из него определялся не столько тем или иным направлением, сколько разгромом главных сил противника, который должен был повлечь за собою политическое его падение. А несравненные войска Добровольческой армии внушали неограниченное доверие и надежды...»[\[166\]](#) Такого же мнения придерживался и начальник штаба армии генерал Романовский.

Однако большинство старших начальников, в том числе командиры Офицерского, Корниловского и Партизанского полков – генерал Марков, полковник Неженцев и генерал Богаевский были категорически против наступления к столице Кубани. Они стояли на том, что людям необходим отдых, хотя бы передышка, от ежедневного напряжения сил и тягот походного лазарета, от стойкого ощущения близости огневого кольца, созданного красными частями.

«– Если бы Екатеринодар держался, – говорил Корнилов, – тогда бы не было двух решений. Но теперь рисковать нельзя. Мы пойдём за Кубань и там в спокойной обстановке, в горных станицах и черкесских аулах, отдохнём, устроимся и выждем более благоприятных обстоятельств»[\[167\]](#).

Больше всего добровольцев огорчала неопределённость обстановки. Почти полное отсутствие сведений о противнике и обстановке в близлежащих станицах. Ничтожное число кавалерии не давало возможности проводить дальние разведки, а самоотверженные и бесстрашные разведчики-одиночки, как правило, не возвращались. Почти всех вылавливали красные, одних после жестоких пыток убивали, других передавали чекистам, которые заключали их в свои подвалы и тюрьмы.

Считалось, что в горной местности за Кубанью обстановка относительно спокойная, хотя об истинном положении за пределами армейского района точных сведений не имелось, ведь были разорваны все связи – административные, технические и личные. «Питались только слухами, случайно найденной на убитом большевике газетой, – вспоминал А. П. Богаевский, – зная при этом, что большая часть написанного там – наглая ложь. Местные жители и сами пленные ничего не знали, а из наших разведчиков почти никто не возвращался...»[\[168\]](#)

5 (18) марта генерал Корнилов подписал приказ, согласно которому армия с наступлением темноты, резко изменив направление движения, скрытно выступила на юг через станицу Раздольную к Усть-Лабинской переправе через Кубань.

Вопреки мнению генерала Корнилова и большинства старших офицеров, за Кубанью Добровольческую армию ожидал не отдых, а череда кровопролитных боёв в охваченном революционными

волнениями районе. Первым испытанием стал жаркий бой на четыре фронта за станицу Усть-Лабинскую.

Выбитые из Кореновской части И. Л. Сорокина сосредоточились в следующей по направлению к Екатеринодару станице – Платнировской и готовились встретить Добровольческую армию во всеоружии. Но, неожиданно для них, холодной ночью на 6 (19) марта добровольцы незаметно прошли мимо многочисленных большевистских костров к станице Раздольной, где предполагали встать на большой привал.

На этот раз колонну замыкали части генерала Богаевского, прикрывая растянутый на 3–4 версты обоз. Как только перед рассветом Партизанский полк оставил Кореновскую, её тут же занял передовой отряд противника и вскоре начал преследование Добровольческой армии.

При поддержке артиллерии, с первыми лучами солнца красные значительными силами настойчиво атаковали малочисленный арьергард белых. К тому времени в распоряжении генерала Богаевского оставалось не более 400 штыков. Он развернул партизан в цепь и принял бой. Получив решительный отпор, красная пехота отхлынула и стала действовать более осторожно, не прекращая артобстрела. Отдельные снаряды рвались вблизи обоза, но обошлось без потерь.

Не задерживаясь в станице Раздольной, пока красные не подтянули подкрепление по железной дороге, генерал Корнилов решил атаковать Усть-Лабинскую с ходу. А. И. Деникин так описывал создавшуюся обстановку: «Наш манёвр отличался смелостью почти безрассудною. Только с такой армией, как Добровольческая, можно было решиться на него... Сзади напирал значительный отряд Сорокина, грозивший опрокинуть слабые силы Богаевского. Впереди – станица, занятая неизвестными силами, длинная, узкая дамба (2–3 версты), большой мост, который мог быть сожжён или взорван, и железный путь от Кавказской и Екатеринодара – двух большевистских военных центров, могущих перебросить в несколько часов в Усть-Лабинскую и подкрепления, и бронепоезда. Начался бой на север и на юг, всё более сжимая в узкое кольцо наш громадный обоз, остановившийся посреди поля и уже обстреливаемый перелётным огнём артиллерии Сорокина»[\[169\]](#).

О силах противника и о том, цел ли железный мост через широкую и глубокую с крутыми берегами Кубань, сведений не имелось. Не доходя около 4 вёрст до Усть-Лабинской, партизаны генерала Богаевского встали у хуторов и преградили дорогу войскам И. Л. Сорокина. Обоз остановился в ожидании итогов боя, оказавшись между двух линий огня. Генерал Эльснер разместил его более компактно в открытом поле.

Вскоре генерал Богаевский исчерпал весь свой резерв, отправив его в боевую часть, и остался один со штабом на открытом поле. Вокруг то и дело вздымались фонтаны земли от разорвавшихся снарядов. Молодой офицер на взмыленном коне доложил ему, что красные пошли в обход партизанских цепей, которые начали пятиться. Его тут же отправили в штаб армии – сообщить о тяжёлом положении арьергарда.

Через полчаса к генералу Богаевскому примчалась одетая в черкеску бесстрашная баронесса София де Боде с докладом, что главнокомандующий прислал ему свой последний резерв – два кавалерийских эскадрона. Понимая, что они нужнее под Усть-Лабинской, командир Партизанского полка отправил кавалеристов обратно, прибавив, что надеется удержать фронт своими силами.

Обоз волновался в ожидании новостей. Его население прекрасно знало, какая жуткая участь ожидала их, если партизаны дрогнут. На случай несчастья, у многих раненых под рукой револьвер и немой вопрос в глазах: «Что там, в боевой линии?.. Не пора ли стреляться?..»

Почти не охраняемый с флангов, обоз особенно ночью часто подвергался нападениям небольших кавалерийских отрядов. Во время налётов они громко кричали, стреляли и сеяли панику. Но раненые быстро приспособились отражать такие нападения метанием гранат, о чём вспоминал участник похода И. А. Эйхенбаум: «Я ещё инвалид, хотя левой рукой действую уже хорошо. Жалею, что, подобно японцам, не развивал обеих рук. В бросании ручных гранат есть результаты: двадцать шагов. Две гранаты, задержанные в руке три секунды, уже разорвались над головами наскочивших было конников. От неожиданности два красных конника были на земле, а ещё двоих на наших глазах дыбили лошади задними ногами, потому что те застряли в стремянах и мешали бежать перепуганным лошадям. Огонь красным

налётчикам воротил печёнки, и они при первых же потерях исчезают. Их лёгкие лавры победы в обозе кончились»[\[170\]](#).

В то же время головная колонна армии спешно разворачивалась для штурма станицы. Впереди уже гремели первые выстрелы – разгорался бой за переправу через Кубань, которую добровольцам надлежало взять во что бы то ни стало и как можно быстрее.

На правый фланг боевой линии быстро, без выстрелов выдвинулся Юнкерский батальон, направляясь к насыпи железной дороги из Екатеринодара. Красные встретили их ружейными залпами. С криками «ура!» юнкера ударили в штыки и, перемахнув через насыпь, обратили неприятеля в бегство.

Корниловский полк пошёл прямо на Усть-Лабинскую, выслав отряд в обход станции слева. Штаб армии двигался с корниловцами. В ожидании результатов обходного манёвра наступали тихо, без единого выстрела. В цепи, с винтовкой в руках шёл генерал Казанович и на шутливые вопросы с улыбкой отвечал, что ему совестно идти просто так, без дела.

От жителей иногороднего посёлка, который располагался у самой станицы, прискакал делегат с новостью, что они готовы пропустить добровольцев. Однако спокойно корниловцы прошли всего полверсты – Усть-Лабинская встретила их беспорядочными пулемётными очередями и ружейными выстрелами – подошло свежее подкрепление красных. В его среде не чувствовалось крепкой руководящей руки. Со стороны станции Кавказской прибыл бронепоезд и открыл огонь шрапнелью, но красноармейцы уже бросили наспех вырытые окопы – разнородные ямы на одного бойца – и быстро отошли.

Вновь главнокомандующий оказался в огне, и генерал Марков безрезультатно требовал у штаба, чтобы генерала Корнилова увели в безопасное место.

– Уведите вы его, ради бога, – негодовал он. – Я не в состоянии вести бой и чувствовать нравственную ответственность за его жизнь.

Явно обозначился левофланговый охват. С фронта корниловцы тоже бросились вперёд. Они ворвались в опустевшую станицу и на станцию, с ходу сбросили красных с крутой береговой скалы, открыв себе вход на дамбу и на мост через Кубань. В пылу атаки почти весь Корниловский полк перебежал через реку, не оставив прикрытия по направлению к станции Кавказской, а другие добровольческие части

оказались разбросаны по обширному пространству Усть-Лабинской. Кто-то задержался у лавки. Её хозяин бесплатно раздавал добровольцам табак, приговаривая: «Лучше услужить своим, чем красным. Все равно завтра они вернутся и все разграбят»[\[171\]](#).

Именно в этот момент победа чуть было не ускользнула из рук добровольцев. С востока, из Кавказской, пришёл большой эшелон с красноармейцами. Они выгрузились в поле и густыми цепями повели наступление. Красные артиллеристы бомбардировали шестидюймовыми снарядами станицу, вокзал и станичную площадь, где остановился на привал штаб армии, под защитой лишь конвоя. От штаба полетели ординарцы с распоряжениями – вернуть батальон корниловцев и направить часть Офицерского полка на восточную окраину.

К счастью, поблизости оказалась батарея полковника Миончинского, предотвратившая катастрофу. Она встала на станичной площади и, экономно расходуя снаряды, открыла меткий огонь. Её артиллеристы заставили замолчать красную батарею и, до подхода подкрепления, в течение 45 минут одни сдерживала натиск вражеских частей. Подошедший Офицерский полк опрокинул красных, несмотря на их превосходство в силе, и они, поспешно погрузившись в вагоны, умчались обратно к станице Кавказской.

В арьергарде генерал Богаевский на пределе сил удержал свою позицию. Трёхвёрстный обоз ликовал – путь расчищен. В войсках воодушевление – благополучно переправились через Кубань, значит, близится желанный отдых!

Генерал Корнилов приказал не задерживаться в Усть-Лабинской, а идти ещё вёрст десять до станицы Некрасовской и там заночевать. Наудачу, красноармейцы, стоявшие в Некрасовской, после воинственных речей на продолжительном митинге, не решились оборонять станицу и ретировались за реку Лабу.

На этот раз в арьергарде остался Корниловский полк. Пока армия и обоз переправлялись через Кубань, у корниловцев образовалась передышка. Выставив боевое охранение перед мостом, они разместились на ночлег в ближайших к мосту хатах. Под утро и они ушли за Кубань. Уже по дороге в Некрасовскую, в степи на привале спохватились – в Усть-Лабинской забыли двух офицеров – поручика Равинского[\[172\]](#) и прапорщика Крановского[\[173\]](#). «Оказалось, что в

Усть-Лабинской они остановились отдельно в одной из хат недалеко от того места, где расположилась рота, – писал об этом случае Н. И. Басов, – испросивши разрешение командира 2-го батальона полковника Мухина. Не помню, чтобы было что-нибудь предпринято для их освобождения. Как-то быстро примирились с совершившимся фактом. Правда, высказывали предположение, что они все равно оттуда вырвутся, потому что не все наши части еще вышли из станицы. Предположение, конечно, не оправдалось^[33]»^[174].

В тот день Добровольческая армия прошла 46 вёрст. Измученные огромным переходом, напряжённым двухсторонним боем и переправой, истощённые нравственно и физически, поздним вечером 7 (20) марта добровольцы достигли станицы Некрасовской. Колонны и обозы подходили всю ночь, запрудив улицы станицы. В ожидании квартирьеров люди валились с ног от усталости и дремали на порогах хат или прямо на земле. У всех в мыслях и на языке одно и то же – близок желанный отдых. Но этим чаяниям не суждено было сбыться...

Утром добровольцы проснулись от треска пулемётов и стука шрапнели по крышам хат. Ушедшие из Некрасовской за Лабу отряды красных, получив подкрепление, заняли левый берег реки и прилегающие хутора. С рассветом они открыли артиллерийский и пулемётный огонь по станице, расположенной на нагорном берегу.

В центре большой станичной площади находилась каменная церковь с колокольней, что возвышалась над южным берегом Лабы и была видна на много вёрст. Она стала удобным ориентиром для красной артиллерии. По периметру площади располагались – штаб армии, квартиры генерала Корнилова и других военачальников.

Весь день доносился грохот залпов вражеских батарей с севера от Усть-Лабинской – против неё в арьергарде действовали корниловцы, а с юга красные артиллеристы буквально засыпали снарядами Некрасовскую.

После короткого отдыха у генерала Корнилова состоялось совещание старших начальников. Они понимали, что дневная переправа через глубокую реку принесла бы измученным войскам новые значительные потери. Решили переправиться через Лабу ночью на 8 (21) марта. Оценка общей обстановки показала, что рассчитывать на отдых в Закубанье бессмысленно – район занят революционными частями. Согласно общему направлению движения армии, красные

ожидали добровольцев в Майкопе, куда спешно стягивали войска и боеприпасы. Первоначальным движением на юг решено было утвердить красных в этой мысли, потом, перейдя реку Белую, круто повернуть на запад и выйти в район дружественных армии черкесских аулов. По замыслу, манёвр вводил в заблуждение красное командование, позволяя избежать ряда тяжёлых боёв. Вместе с тем появлялась возможность, не отвлекаясь от направления на Екатеринодар, соединиться с Кубанской армией, по имевшимся сведениям отошедшей в направлении Горячего Ключа.

Следовало обезопасить тыл армии, затруднив переброску войск И. Л. Сорокина через Кубань. Для этого после 21 часа 6-ю роту Корниловского полка отправили к Усть-Лабинской с заданием захватить и подорвать мост. Кавалерийский разъезд из отряда полковника Корнилова узнал пароль для заставы красных. Пользуясь пропуском, группа корниловцев в итоге дерзкого налёта перебила охрану и овладела переправой, однако подрывная команда по какой-то причине не подошла, и мост остался цел. «Наша небольшая группа смельчаков захватила мост и расправилась с их заставой, – свидетельствовал Н. И. Басов. – Но подрывная команда, заслышав выстрелы, удрали. Поэтому мы так долго и стояли – в надежде, что она вернется. Она не вернулась, а нам без нее делать было нечего, поэтому мы идем в Некрасовскую»[\[175\]](#). Не выполнив задания, к утру 6-я рота корниловцев вернулась в станицу.

После полуночи в ночь на 8 (21) марта передовые части Добровольческой армии переправлялись через Лабу. С западной окраины станицы в авангарде шли юнкера генерала Боровского. Они решительно бросились в ледяную воду, но в глубоких местах, по ироническому слову их командира, «малыши пускали пузыри». В целом Юнкерский батальон переправлялся успешно, чего нельзя было сказать про Партизанский полк, который шёл на левый берег с восточной окраины Некрасовской. Там в результате инцидента произошла серьёзная заминка, что угрожала срывом всей ночной операции.

Дело в том, что подготовку переправы – разведку, постройку плотов и сбор лодок – генерал Богаевский поручил отличившемуся 3 (16) марта в бою за Выселки есаулу Лазареву, одной из самых колоритных личностей Партизанского полка. «Среднего роста,

полный, коренастый, с светлыми, слегка навывкате, глазами, с кинжалом на поясе и башлыком по-кавказски за спиной, георгиевский кавалер, живой и энергичный, он невольно внушал симпатию своей смелой удалью в бою и веселье, – с нескрываемой симпатией писал о нём А. П. Богаевский. – Под командой и надзором начальника, которого Р. Лазарев уважал или боялся, он вел себя сравнительно прилично, и его дебоши не выходили за пределы допустимого... Но когда он становился почему-либо самостоятельным, то его выходки граничили уже часто с преступлением... Очень характерный отзыв дал о нем кто-то из тыловых начальников на Кубани в феврале 1920 года, жалуюсь мне телеграммой на какую-то его проделку: “В бою незаменим, в тылу невыносим...” Кончил Роман трагически – по суду был расстрелян в Крыму»[\[176\]](#). Есаул Лазарев заверил своего начальника, что к полуночи задача будет выполнена. Когда же, немного отдохнув после предыдущей бессонной ночи, командир Партизанского полка около полночи вышел к реке, то на условленном месте никого из партизан не встретил. Выяснилось, что есаул Лазарев перебрал спиртного и уснул, проспала назначенное время для переправы и вся его сотня.

Выслушав от проштрафившегося есаула бессвязные оправдания, генерал Богаевский взял дело в свои руки. До рассвета оставалось не больше трёх часов. Лодок под рукой не оказалось. За час наспех смастерили плот на бочках, который развалился на середине реки. Шесть казаков, что плыли на нём, едва не утонули. Тем временем перешедшие на левый берег Лабы юнкера завязали бой. Красные начали постреливать и по партизанам. Генералу Богаевскому пришлось доложить в штаб армии о своей неудаче и переправляться вслед за юнкерами по налаженной ими переправе – телегам, поставленным в ряд поперёк реки.

Партизаны перетащили на левый берег батарею и повели решительное наступление на опорные пункты красных – хутора. Особенно энергично действовал есаул Лазарев, смело атакуя крупные части противника. К полудню Партизанский полк выполнил поставленную задачу. Довольный результатом боя, генерал Корнилов прислал генералу Богаевскому записку с благодарностью, и про ночной инцидент больше не вспоминали.

За авангардом шли марковцы. Они продвигались с трудом. У каждого хутора кипел ожесточённый бой. И неизменно на самом горячем направлении появлялся генерал Корнилов со своим штабом и конвоем.

«Видим у одного стога соломы штаб “Верховного”, – вспоминал И. А. Эйхенбаум. – Он сам, хан Хаджиев, человек двенадцать текинцев в больших лохматых шапках-папах, у одного в руках плещется трёхцветный русский флаг. Вот она – Россия, притаившаяся у стога соломы. Это ли не символ! Спирает дыхание, становится страшно: штаб и “Сам” – под стрелковым огнём. Мы кричим “ура” и погоняем возницу, тот – лошадей, это же по инерции делают ещё несколько подвод, и мы несёмся на хутор, перед которым задержалась цепь. Предполагая, что это выскочили вперёд пулемётные возы, цепь идёт на “ура” и врывается в хутор»^[177].

Добровольческие полки наступали по расходящимся направлениям и сразу попали в огневое кольцо. Коварный противник появлялся неожиданно и, получив отпор, быстро ускользал. Ушедшая в сторону команда или сбившаяся с пути повозка неизменно попадали в засаду. Лишь к вечеру 8 (21) марта добровольцам удалось несколько раздвинуть плотный круг вражеских частей.

Пока основные силы Добровольческой армии переправлялись через Лабу, её тылы надёжно прикрывал Корниловский полк. Корниловцы прочно заняли позицию вдоль Кубани и напротив моста, не давая сорокинцам подготовить удар в спину наступающим добровольцам. Долгими часами корниловцы вели редкую перестрелку с противником, окопавшемся на противоположном низком берегу реки. Лишь когда связные перебежали от укрытия к укрытию, красные усиливали огонь. Вскоре они пристрелялись, и корниловцы стали нести потери. Был тяжело ранен в живот один из номеров пулемётной команды. Во время перебежки из расположения 4-го взвода во 2-й взвод свинец ударил в сердце бывшему московскому гимназисту Александру Кореневу^[178]. Юный доброволец упал замертво со страшной раной на спине, где пуля вышла из тела.

Поручик Евдотьев^[34] решил внести оживление в скучную позиционную войну, придумав для себя опасное развлечение. Он то и дело вставал из-за укрытия, груды кирпичей, и, засучив рукава

черкески, выходил на открытое место. Затем он поднимал высоко над головой свой мексиканский карабин и что было мочи громко кричал:

– Сволочь! Перестать стрелять!

Немного постояв, он неторопливо возвращался за укрытие. Красные, конечно, отвечали на его «команду» сильной беспорядочной стрельбой, чем веселили непоседливого поручика. Как правило, корниловцы не отвечали на огонь – берегли патроны. На другой день, в бою за село Филипповское, поручик Евдотьев[179] был тяжело ранен в голову и скончался, не приходя в сознание...

В тот день особенно большие потери в 6-й роте корниловцев понёс 2-й взвод, занимавший позицию напротив моста. Уже под вечер в один из особенно горячих моментов боя командир взвода прапорщик Капранов[180] решил атаковать мост. Он первым бросился вперёд, за ним поднялась с земли его невеста, бывшая гимназистка 8-го класса Ростовской гимназии Вера Покровская[181]. Они никогда не разлучались, даже в боевой обстановке. Когда взвод наступал, Вера всегда шла рядом со своим возлюбленным, а когда цепь останавливалась, то она ложилась за его спиной. И в тот роковой для них обоих вечер Вера кинулась за любимым в атаку. Красные встретили их градом пуль. Под свинцовым ливнем взвод остался лежать и не смог поддержать своего командира. «Взвод понес большие потери за этот день, – отмечал Н. И. Басов, – но к их стыду надо добавить, когда поднялся прапорщик Капранов, то за ним поднялась только лишь его невеста. Пробежал он шагов двадцать и был сражен пулей в сердце. Невеста же его не добежала до него шагов пять, была тяжело ранена в лоб и, не приходя в себя, скоро скончалась. При отступлении, в темноте, с них срезали погоны и положили их рядом. Мы искренне оплакивали эти две молодые жизнерадостные и еще не успевшие пожить жизни, оставленные на поругание и издевательство красным»[182].

День клонился к вечеру. С наступлением сумерек корниловцы получили приказ скрытно отходить к Некрасовской. Когда они подошли к станице и заняли оборону на её северной окраине, значительная часть обоза всё еще не переправилась через Лабу. Телеги сгрудились под крутым берегом у перегруженного жиденького моста. Пришлось часть повозок с беженцами и ранеными направить к глубоким бродам.

Дул студёный ветер и хлестал дождь. В ледяную воду лошади шли неохотно. Несколько повозок течение опрокинуло или унесло на глубокое место, где тонул походный скарб, а раненые отчаянно бились в воде, пытаясь спастись. За Лабой обоз встал обширным табором в ожидании добрых вестей с фронта. А вести эти все не приходили...

Мечты добровольцев отдохнуть за Кубанью растаяли как дым. И хутора, и отдельные дома, и рощи, и каждая складка местности встречали их смертельной опасностью. Чтобы прорвать огневое кольцо вражеских войск, требовался отчаянный порыв. К ночи с 8 (21) на 9 (22) марта прочно закрепиться удалось лишь в двух хуторских посёлках, где армия и остановилась на отдых. Штаб армии заночевал в Киселевских хуторах, которые достались добровольцам в итоге особенно тяжёлого боя. Занятые ими селения были полупустынными. Враждебно настроенные жители покинули свои дома и угнали скот. Кое-где полыхали пожары. Всюду свистели пули. Ночью хутора тоже простреливались. Расставленные в поле аванпосты не спасали от этой опасности.

На тесных поселковых улочках громоздились многочисленные повозки и толпились люди. Многим не хватало крыш, и они пристраивались на отдых прямо на улице, под дождём. Но и под крышами не было покоя – опасались поджогов. Ночью полыхнул дом, где остановились генералы Деникин и Алексеев с конвоем и штабом. Всем удалось спастись. Едва не сгорел чемодан генерала Алексеева – скудная казна армии, что послужило поводом для остроты: «Казённое добро в воде не тонет, в огне не горит!» Но погорельцам было не до шуток...

Ранним утром 9 (22) марта – выступление. Ещё до рассвета на широком степном фронте завязался бой. В авангарде шли партизаны и Офицерский полк. Каждую версту они отвоёвывали с трудом и до полудня продвинулись мало. Но и на месте задерживаться нельзя – части Сорокина напирали с тыла и пытались охватить фланги. Неожиданно на окраине хутора затрещал пулемёт. Пули свистели между домами. Улочки забиты повозками. Обоз начал вытягиваться за околицу и намертво встал в версте от неё. Прикрывать тыл колонны в распоряжение коменданта штаба полковника Корвин-Круковского оставлена лишь охранная рота из офицеров-инвалидов. Оценив их

слабые возможности, генерал Корнилов прислал на поддержку свой конвой.

Все главные силы втянулись в бой. Офицерский полк раскинул по огромному полю свои редкие цепи. На них надвигались густые массы красной пехоты. «Отчётливо видны отдельные фигуры в цепях, – вспоминал А. И. Деникин. – Похаживает вдоль них небольшого роста коренастый человек. Шапка на затылке, руки в карманах – Кутепов, командир 3-й роты. В этот день три пули пробили его плащ, но, по счастью, не ранили»[\[183\]](#). Кое-где поднимались в рост группы офицеров, чтобы перетащить пулемёты на новую позицию. Шли или отползали в тыл раненые. Некоторых из них настигала пуля, и они снопом валялись на пашню. Вскоре поднялась и двинулась в атаку вся цепь. Красные не приняли штыковой бой и откатились назад.

Обоз и главные силы сразу же метнулись влево по направлению к селу Филипповское. Они прошли не больше трёх вёрст и вновь встали в ожидании вестей от полковника Неженцева, который с утра штурмовал это село – базу военной организации всего района, где красные окопались основательно. Здесь Корниловский полк понёс большие потери. Красные контратаковали. Почти весь их первый удар принял на себя второй батальон корниловцев. Погиб доблестный и хладнокровный командир батальона полковник Мухин, пал командир шестой роты капитан Петров, был смертельно ранен в голову поручик Евдотьев.

«Встает в памяти бесстрашный полковник Мухин, – писал Н. И. Басов, – который был недалеко от нашего взвода, с его хладнокровной командой, похожей больше на команду на учении, при учебной стрельбе, но не в цепи.

– По наступающему противнику, прицел постоянный... – оборачивается к нам и спокойным голосом добавляет: – Не волноваться, целиться, как следует, и внимательно слушать команду.

Пока идет все это объяснение, густые цепи противника быстро приближаются к нам. Стоишь, а в глазах рябит от этой сплошной черной тучи, движущейся на нас. Команда “Пли!” Раздается дружный залп. Идут частые, дружные залп за залпом, останавливающие эту лавину. Противник отступил и залег на бугре за рекой»[\[184\]](#).

Второй батальон корниловцев принял полковник Индейкин, а шестую роту возглавил полковник Томашевский. Вскоре на правом

фланге партизаны и юнкера овладели большим хутором, располагавшемся на открытом месте. «Жители бросили его, уведя лошадей и скот, – писал А. П. Богаевский. – От пуль нигде не было покоя. Одна из них пробила окно и впилась в крышку стола, за которым сидел за обедом я с офицерами штаба, едва не задев одного из них. Приехавший ко мне с приказанием от генерала Корнилова полковник Патронов был тяжело ранен в голову, потерял глаз»[\[185\]](#).

До самой темноты длился горячий бой за село Филипповское. Вражеское огневое кольцо то сжималось, то расступалось. Всё это время обоз стоял в поле. Уже спустилась на землю тихая, беззвёздная ночь, когда пришла добрая весть – Филипповское очищено от красных!

Со стороны Екатеринодара сумрачное небо прорезали бледные зарницы, и доносился едва слышный отдалённый гул артиллерийского боя. Где-то далеко-далеко, за несколько десятков вёрст, бухали орудия. И вся обозная колонна, затаив дыхание, стала всматриваться в отдалённые вспышки и вслушиваться в ускользающие звуки. Через месяц нескончаемых боёв в полном окружении вражеских войск многие добровольцы уже изверились встретить родственную силу...

После двухдневного непрерывного боя ночлег в брошенном жителями просторном селе Филипповском был настоящим блаженством. В ожидании квартирных районов в волостном правлении собрались начальники. «За стеной слышен громкий спор, – писал А. И. Деникин.

– Вы почему заняли кварталы правее площади?

– Да потому, что ваши роты явились с севера и дочиста обобрали наш район.

– Ну, знаете... кто бы говорил. Я вот сейчас заходил в лавку за церковью, видел, как ваши офицеры ящики разбивают...

Вот – обратная сторона медали. Подвиг и грязь. Нервно подёргивается Кутепов и куда-то уходит. Через четверть часа возвращается.

– Нашли сухари и рис. Что же, прикажете бросить и не варить каши?

Никто не возразил. Тяжёлая обстановка Гражданской войны вступала в непримиримые противоречия с общественной моралью. Интендантство не умело и не могло организовать правильной эксплуатации местных средств в селениях, которые брались вечером с

бою и оставлялись утром с боем... Голод, холод и рваные отрепья – плохие советчики, особенно, если село брошено жителями на произвол судьбы. Нужда была поистине велика, если даже офицеры, изранив вконец свои босые ноги, не брезговали снимать сапоги с убитых большевиков... армия состояла не из одних пуритан и праведников. Та исключительная обстановка, в которой приходилось жить и бороться армии, неуловимость и потому возможная безнаказанность многих преступлений давали широкий простор порочным, смущали морально неуравновешенных и доставляли нравственные мучения чистым. С явлениями этими боролись и Корнилов, и весьма энергичный комендант штаба полковник Корвин-Круковский, и большинство командиров – иногда мерами весьма суровыми. Искоренить своеволие они не могли, но сдерживали его всё же в известных рамках»[\[186\]](#).

Над смертельно уставшей армией витала одна лишь мечта – заснуть в мягкой постели в зажиточной хате. Красные в ту ночь не тревожили добровольцев, хотя, по утверждению генерала Богаевского, вполне могли бы вырезать их, спящих непробудным сном.

На рассвете 10 (23) марта головной батальон Корниловского полка переправился через реку Белую и двинулся по направлению на станцию Рязанскую. Дорога шла низменной долиной к высотам, что тянулись гребнем параллельно реке. Основные силы корниловцев только начали переправу, когда на гребне, на расстоянии около 800 шагов, показались густые цепи красных. Не жалея снарядов, заговорила их артиллерия, стремясь разбить мост. Завязался один из самых жестоких боёв Ледяного похода.

На переправе началась неразбериха. Под огнём красных батарей корниловцы шарахнулись с моста, некоторые попадали в воду, но вскоре полк оправился и завершил переправу. От близких взрывов над рекой то тут, то там поднимались султаны воды.

Вслед за корниловцами шёл чехословацкий батальон. Рассыпавшись в цепь, корниловцы и чехословаки взобрались на гребень, но понесли при этом ощутимые потери. С большим трудом им удалось закрепиться на высотах. Пользуясь численным превосходством, красные рвали фронт, пытаясь столкнуть белых обратно в долину. Чуть отступив, корниловцы залегли и окопались. На них накатывала сила, значительно превосходившая по численности

всю Добровольческую армию. Для прикрытия майкопского направления красные стянули сюда многочисленные части. Атакуемый ими гребень господствовал над местностью и позволял в случае успеха запереть добровольцев в узкой долине глубокой болотистой реки.

Вслед за корниловцами и чехословаками переправился Партизанский полк и сразу же втянулся в бой. Красные широким фронтом повели решительное наступление. Одновременно в тылу у белых с севера на Филипповское напирала другие части красных, взяв в клещи Добровольческую армию. Оставленные в арьергарде юнкера генерала Боровского с трудом сдерживали неприятеля.

Переправа обоза по единственному мосту шла крайне медленно, а те, кто переправился, пополняли обширный обозный табор, вставший в ожидании развязки. Многочисленные повозки с ранеными сбились в кучу на узком пространстве, прижимаясь к крутому скату правого берега.

Снаряды красных батарей ложились всё точнее и рвались в узкой долине, разбив несколько повозок и экипаж генерала Алексеева, смертельно ранив его кучера. Сам генерал Алексеев в это время находился где-то у передней линии. Люди в обозе сбивались в группы и странно перемещались по долине, пытаясь предугадать следующее направление шрапнельной очереди. «И когда сухой треск пулемётной стрельбы становится таким болезненно отчётливым и близким, – вспоминал А. И. Деникин, – на подводах с лежащими под жидкими одеялами беспомощными телами страдальцев заметно волнение. Слышится чей-то придавленный голос:

– Сестрица, не пора ли стреляться?..» [\[187\]](#)

На переправе давка. Генерал Корнилов со штабом подъехал к мосту и приказал раздать винтовки легко раненым. Из них сформировали два отряда по 50–60 человек и во главе с полковником отправили в переднюю линию на гребень в помощь Партизанскому полку, который шёл на усиление левого фланга корниловцев.

Бой не прекращался весь день без решающего успеха с той или с другой стороны. Село Филипповское, переправу, гребень и долину реки непрерывно крыли снаряды красных батарей. Орудия добровольцев отвечали редкими одиночными выстрелами. Снарядов и патронов осталось ничтожное количество. Резервы исчерпаны. Всё, что было под рукой, генерал Корнилов отправил в огонь.

Был момент, когда положение добровольцев заметно ухудшилось. Расстреляв все свои патроны, начал отходить чехословацкий батальон. В отчаянии командир батальона капитан Неметчик повалился на землю и, неистово размахивая руками, закричал:

– Дальше я не могу отступать: останусь здесь хотя бы один!

Возле него собралась группа чехословаков. Генерал Корнилов отправил к ним свой конвой, который снабдил их патронами. Чехословаки вновь рассыпались в цепь, залегли и открыли огонь.

В. А. Ларионов вспоминал: «Красные, бросив крупные силы в контратаки, несколько раз прорывали наш фронт. Генерал Корнилов остановил нашу батарею, направил её в прорыв и, стоя во весь рост на стогу сена, наблюдал, как наши орудия метким огнём остановили густые цепи красных, потеснивших кубанцев генерала Богаевского почти до батареи. С этого же стога, стоя под градом пуль, он бросил свой конвой в конную атаку влево от батареи, где красная пехота прорвала нашу редкую цепь»[\[188\]](#).

Чувствовалась усталость и у корниловцев. Войска слишком растянулись на широком фронте. Заколебался один из батальонов, потерявший своего командира. А красная пехота густыми массами с криками и руганью в адрес добровольцев вновь пошла в атаку. Командир Корниловского полка полковник Неженцев, чувствуя приближение катастрофы, нервно метался от одного батальона к другому. В критические минуты боя он послал генералу Корнилову просьбу о помощи, но помочь уже было нечем...

За левым флангом корниловцев сражался Партизанский полк. Стог соломы служил командным пунктом для генерала Богаевского. «Стоя на высоком стогу соломы за своими цепями, – отмечал А. П. Богаевский, – я хорошо видел все поле сражения: оно было непривычно широко для наших сил... У красных была видна почти сплошная линия цепей; у нас – коротенькие цепочки, такие маленькие и жалкие, с большими промежутками между ними. И всё же большевики не решались атаковать нас»[\[189\]](#).

К стогу подъехал генерал Корнилов и, примостившись на его вершине рядом с генералом Богаевским, завёл мирный разговор, спокойно рассматривая в бинокль поле боя. А вокруг стога бушевал свинцовый ливень. Свита генерала Корнилова в открытом поле являлась отличной компактной целью для красных стрелков. Их огонь

заметно усилился. Тяжело ранило офицера, приехавшего с докладом к командиру партизан.

Во второй половине дня на фронте образовалось шаткое равновесие. Обе стороны прекратили активные действия. Не жалея боеприпасов, красные продолжали обстрел долины реки Белой. Добровольческие части лишь изредка отвечали на огонь противника. У них остался ничтожный запас снарядов и патронов. Казалось, что для победы красным было достаточно малейшего порыва. Однако, несмотря на своё численное превосходство, они выдохлись. Стойкость добровольцев подорвала их уверенность в своих силах. Со стороны села Филипповского, где юнкера генерала Боровского словно выросли в землю, не отступая ни на шаг, красные тоже прекратили попытки прорвать их линию обороны.

К этому моменту Добровольческая армия ввела в бой всё, что имелось, даже конвой командующего, а боеприпасов почти не осталось. Но боевое счастье не отвернулось от добровольцев. Потеряв веру в успех, волны красной пехоты встали – для последнего рывка им не хватило решимости, у добровольцев она нашлась. Генерал Корнилов точно ухватил момент для общей атаки. И вот по приказу и без приказа измученные многочасовым боем редкие цепи добровольцев поднялись с земли и пошли вперёд на всём левобережном фронте. Неожиданно по их рядам пронеслась радостная весть – одни кричали, что полковник Покровский с Кубанской армией идёт на выручку, а другие передавали, что армия соединилась с конницей генерала Эрдели.

С правого фланга грянуло «ура!» и покатилося по атакующим цепям. Красные были отброшены и отошли в полном беспорядке. «Только тот, кто слышал тогда наше “ура”, может понять ту безумную радость, какая охватила всех нас при этом известии... – вспоминал А. П. Богаевский. – Сколько бодрости и светлых надежд влила эта весть в сердца утомленных бойцов... И когда долетела она до арьергарда, где Боровский со своими юношами, как лев, отбивал атаки красных, капитан Капелька в безумном восторге вскочил на бруствер окопа с криком: “Ура, кубанцы с нами...” – и пал, мертвый, с пулей в лоб...»^[190] И хотя на самом деле кубанцев поблизости ещё не было, добровольцы уверовали в соединение двух родственных сил.

Услышав радостную весть, обоз по несколько подвод в ряд помчался вперёд. Лошади шли крупной рысью, обгоняя атакующие передовые цепи добровольцев. Среди обоза рвались вражеские снаряды, создавая замешательство, но сзади напирали новые повозки. Они рвались вперёд.

– Передай! Обозу остановиться! Впереди никого наших нет! – кричали им вслед.

Но обозные возницы и не думали останавливаться – слишком долго ждали они этого радостного момента.

Открылся путь в западном направлении. Среди кавказских предгорий, по холмистым полям двинулась Добровольческая армия, извиваясь длинной лентой. Справа и слева её провожали далёкие залпы красной артиллерии, уже не причинявшие добровольцам никакого вреда. За боевой день красные войска понесли ощутимые потери, вымотались и отстали, не организовав преследование. Лишь отдельные их отряды иногда тревожили арьергард добровольцев.

Стало смеркаться, и в какой-то момент, словно по мановению волшебной палочки, красная артиллерия замолчала. Дорога вела то через степь, то через небольшие перелески. Настроение у добровольцев после одержанной победы было приподнятое. Всюду в колоннах слышались разговоры, шутки и смех. Как будто рукой сняло усталость от многочасового боя, когда вся армия находилась на грани разгрома.

Глава четвёртая

Накануне соединения с кубанцами

Поздним вечером 10 (23) марта штаб Добровольческой армии и арьергард расположились на ночлег в станице Рязанской. На рассвете надо было продолжить движение. Встречать генерала Корнилова местные жители отправили делегацию с белым флагом. Участники делегации всячески выражали покорность и, по свидетельству А. И. Деникина, «всё порывались стать на колени».

Накануне прихода добровольцев многие жители оставили свои дома и ушли. Неуютная атмосфера раболепства царила во всей станице. То же самое в своих воспоминаниях писал и А. П. Богаевский, отмечая, что в поведении населения «чувствовался страх и неискренность». Лишь на другой день, когда штаб армии перешёл в ближайший черкесский аул, выяснилась истинная причина такого поведения местных жителей.

«...рязанские имели основание опасаться суровой кары, – отмечал А. И. Деникин. – Станица одна из первых приняла большевизм, причем в практическом его применении трогательно объединились и казаки, и иногородние. Они разгромили совместно соседние мирные аулы, а в одном – Габукае – перебили почти всех мужчин-черкесов^[35]. Добровольцы в иных пустых саклях находили груды человеческих внутренностей. Несколько дней приезжали из Рязанской в аул с подводами казаки, крестьяне, женщины и дети и забирали черкесское добро... Аул словно кладбище. Среди добровольцев – разговоры:

– Если бы знали раньше, спалили бы Рязанскую.

Бедные черкесские аулы встречали нас, как избавителей, окружали вниманием, провожали с тревогой. Их элементарный разум воспринимал все внешние события просто: не стало начальства – пришли разбойники (большевики) и грабят аулы, убивают людей. В их настроениях нельзя было уловить никаких отзвуков революционной бури: ни социального сдвигания разрыва со старой государственностью, ни черкесской самостийности.

Был страх, и было желание вернуться к спокойным, мирным условиям жизни. Только»^[191].

Обоз и главные силы переправились через реку Пшиш и заночевали в одном из черкесских аулов. «Взошла луна и осветила отдалённые хаты и белую вышку – минарет аула, – вспоминал В. А. Ларионов. – Сакли были пусты, обитателей в них не было. Мечеть была осквернена большевиками: Коран порван на мелкие куски и затоптан, на полу – испражнения. Мы тут же узнали, что не успевшие убежать жители аула были отведены в овраг и там перебиты. Женщины и девушки перед этим изнасилованы»[\[192\]](#).

«Большевики зверски расправились с мирными черкесами, – возмущённо писал другой известный участник Ледяного похода, А. П. Богаевский. – Помимо беспощадного расстрела и насилий над женщинами они жестоко мучили их. В одном доме мы нашли умиравшего старика с обгоревшими ногами, которого они засунули в горевшую печь; в других видели груды человеческих внутренностей»[\[193\]](#).

В мемуарной литературе есть немало и других жутких свидетельств участников Ледяного похода. Читая их, кровь стынет в жилах и невольно приходит понимание, что запредельная, чудовищная, дикая жестокость, с которой разрастался революционный террор, не поддаётся логическому, научному объяснению. Словно бы какая-то необузданная, бешеная сила поднималась из самых глубин миров ада.

В душах добровольцев нередко возникало ответное беспощадное чувство. О нём ярко написал в своих воспоминаниях И. А. Эйхенбаум: «Мы – как звери. Нет, гораздо хуже: наш разум выдумал порох, наточил железо, зажёл огонь и теперь выдумывает покрепче, пострашнее дела... Не просто убить, разорвать, а заставить перед смертью помучиться, пожариться. Они забивают нам в плечи шпальные костыли (по количеству звёздочек) и такую же кокарду в голову, вырезают лампасы, плющат головы, ломают кости, под ногти забивают иголки, женщинам вырезают груди, сажают на кол. Мы рубим головы, разбиваем прикладом черепа, чтобы не видеть этих тёмных зверских глаз, уничтожаем воспалённые мозги; льётся чёрная кровь...»[\[194\]](#)

Так разгоралась беспощадная Гражданская война, война без привычных для военного человека законов и правил ведения боевых действий. Её людоедская суть расчеловечивала людей, не позволяя уже сто лет примирить белых и красных. Её угли тлеют в человеческих

душах и в наши дни. Они будоражат умы, накаляют страсти и раскалывают общество мировоззренчески, сохраняя почву для новых конфликтов. Думается, что сегодня настало время всенародно осудить революционеров всех мастей – кто столетие назад развязал Гражданскую войну в России!..

Продолжим наше повествование...

Один из разъездов, отправленных полковником Покровским на поиски Добровольческой армии, достиг цели. Штаб генерала Корнилова, наконец, получил достоверные сведения о местонахождении и действиях Кубанской армии, которая в те дни вела бои в районе аулов Шенджий и Гатлукай. Добровольческую армию от кубанцев по прямой отделяли всего около пятидесяти – шестидесяти вёрст.

Генерал Корнилов был хорошо осведомлён не только о тяжёлом положении Кубанской армии, окружённой превосходящими силами красных, но и о конфликте многих старших кубанских начальников с полковником Покровском. Усталость от боёв, исчезновение кавалерийского отряда полковника Кузнецова[195], неудачные поиски Добровольческой армии, постоянные изменения маршрута движения и возросшее среди кубанцев недоверие к командованию порождали в войсках упадок духа. Становилось ясно, что Кубанская армия находилась на краю гибели. Спасти её от развала и разгрома могло лишь соединение с войсками Добровольческой армии.

Надо было спешить, и генерал Корнилов повёл свою измученную армию по размытым весенними дождями дорогам и по бездорожью так быстро, как только позволял огромный обоз с ранеными и беженцами. Не разгружая походный лазарет, за два дня добровольцы прошли 40 вёрст от села Филипповского до аула Понежукай, а затем, после днёвки, ещё 40 вёрст до аула Шенджий.

Добровольцы не роптали, хорошо понимая необходимость таких тяжёлых переходов. Особенно трудно приходилось раненым. С переломленными костями и гноящимися ранами они тряслись на подводах по ухабистым дорогам. Без должного ухода, ночлега и покоя. В условиях нехватки медикаментов и перевязочного материала многих из них настигла мучительная смерть от воспалённых ран. И жертва добровольцев оказалась не напрасной – в первой половине дня 11 (24)

марта передовой корниловский разъезд^[36] достиг аула Шенджий, где добровольцы узнали от горцев местоположение Кубанской армии.

Уже в сумерках в тылу кубанцев появился разъезд в полтора десятка всадников. Сначала их приняли за красных, но вскоре на фуражках кавалеристов стали отчётливо видны белые повязки. Толпы особенно взволнованных людей бросились им навстречу, окружили их и наперебой принялись горячо расспрашивать.

Однако многие кубанцы настолько изверились в возможности соединения с Добровольческой армией, что, глядя на приближающихся кавалеристов, ожидали какого-нибудь подвоха. Событие было слишком радостным, чтобы все сразу поверили в него.

Для выяснения обстановки от обозного прикрытия направили сотника Пухальского. «Когда я, исполняя приказание, перевалил возвышенность и отъехал некоторое расстояние от сотни, – вспоминал Ф. В. Пухальский^[196], – то слышал крики “Ура!” Еще не зная причины победного крика, я на пути встретил председателя Государственной Думы Родзянко, который остановил меня и сказал дословно:

– Не верьте, что это Корнилов. Большевики уже раз нас спровоцировали! – и тронулся дальше в тыл»^[197].

Некоторые старшие офицеры тоже смотрели на происходящее с недоверием.

– Это провокация! Большевистские штучки! – утверждали они.

Вызвали пулемётную команду с целью арестовать разъезд и учинить допрос. «Больше всех горячился начальник войскового штаба полковник Гаденко, – отмечал Д. Е. Скобцов^[198]. – Это он потребовал строить пулемётчиков против разъезда»^[199].

Несколько наиболее экспансивных осведомителей то и дело перебегали то к прибывшему разъезду, то к своему начальству. Видно было, что их терзали сомнения в подлинности корниловцев, которых вскоре привели и построили для представления атаману. Выяснять их личности взялись Л. Л. Быч^[200] и П. Л. Макаренко.

Разъезд был смешанным взводом кавалеристов и донских казаков. Стоя под дулами пулемётов, чувствуя недоверие кубанцев, они отвечали на вопросы с неприветливыми и серьёзными лицами. П. Л. Макаренко принялся расспрашивать о пути их следования на Кубани. Узнав, что они побывали в станице Незамаевской Ейского

отдела, где он проходил службу, на корниловцев посыпались вопросы о расположении улиц, церквей, школы... Ответы звучали правильные. Чтобы прекратить тяжёлую для всех присутствующих процедуру допроса, атаман подошёл к корниловцам и приветствовал каждого крепким рукопожатием.

«Сомневаться в их подлинности было смешно, – писал А. П. Филимонов[201]. – Итак, в момент, когда всякие надежды на встречу с Корниловым были утрачены, когда мы должны были, как затравленные звери, искать спасения в неприветливых, занесённых снегом ущельях гор с малочисленным и бедным населением, когда мы должны были броситься в тяжёлое, полное неизвестности странствование, корниловский разъезд 11 марта, вечером, привёз нам весть о спасении. Все были взволнованы, на глазах многих были видны слёзы»[202].

Полковник Покровский отправил в станицу Калужскую только кавалерию. Штаб решил, что слишком опасно занимать её всеми силами, поэтому обоз и остальные части Кубанской армии задержались на соседних хуторах. В домах в первую очередь разместили раненых и многие кубанцы остались под открытым небом. Погода стремительно портилась. К ночи ветер усилился и превратился в бурю. Пошёл дождь со снегом.

Атаман с женой, штаб армии и генерал Эрдели заночевали на маленьком хуторе, в комнате с одной кроватью и столом. Ночью подходили продрогшие и промокшие люди. К утру в комнату набилось 30 человек. «Шесть человек офицеров лежали под моей кроватью, – вспоминал ту ночь А. П. Филимонов. – Снятое платье моё и моей жены было использовано нижними квартирантами для изголовья. Пробуждение было шумное, сумбурное, но весёлое»[203].

Под утро снег и дождь прекратились, и на улице воцарилась слякоть. Чтобы поднять дух кубанцев, полковник Покровский в сопровождении корниловского разъезда объезжал войска. Ещё до полудня в хутор прибыл другой более крупный корниловский отряд, который привёл подполковник Генерального штаба Барцевич. В тот же день вся Кубанская армия расположилась на квартирах в станице Калужской.

Полковник Покровский и Л. Л. Быч разместились в одной комнате, где мирно, по-приятельски прожили вместе целую неделю.

Удача в минувшем бою и радость от соединения с Добровольческой армией заставили многих кубанцев забыть недавнее недовольство командующим войсками.

Атаман, председатель правительства и их ближайшие соратники понимали, что спасительное соединение с частями генерала Корнилова одновременно могло привести к значительному снижению их самостоятельности и роли в управлении войсками. Опасение это послужило одной из главных причин производства В. Л. Покровского в генерал-майоры 13 (26) марта, что, по мнению кубанских руководителей, должно было поднять престиж командующего Кубанской армией в глазах ближайшего окружения генерала Корнилова. У многих рядовых кубанцев приказ этот вызвал удивление, ведь совсем недавно им казалось, что карьере В. Л. Покровского наступает конец.

Как видно из воспоминаний А. П. Филимонова, и для него такая стремительная перемена во взгляде на личность В. Л. Покровского стала неожиданностью: «Утром полковник Савицкий (назначенный в станице Пензенской 5 марта членом правительства по военным делам вместо полковника Успенского[204]) принес мне приказ о производстве полковника Покровского в генерал-майоры в воздаяние “за умелую эвакуацию армии из Екатеринодара, приведшую к соединению с Корниловым”. Приказ был скреплен не только Савицким, но и Бычом... Я также охотно подписал этот приказ, так как полагал, что на этом будут закончены мои официальные отношения к Покровскому, что роль его, как командующего армией, с прибытием Корнилова и “настоящих боевых генералов” должна пасть, а также потому, что Покровский был единственным, который в решительную для кубанцев минуту предложил свои услуги...»[205]

На следующий день, 14 (27) марта, новоиспечённый генерал Покровский с полковником Науменко и чинами своего штаба, в сопровождении двух сотен казаков и черкесов, отправился в аул Шенджий на встречу с генералами Корниловым и Алексеевым.

При въезде отряда в аул добровольцы встретили их радостным громким «Ура!». У дома главнокомандующего кубанцы выстроились для встречи с ним. «Мы замерли в ожидании... – вспоминал о встрече В. К. Леонтович[206]. – На крыльце дома показался невысокого роста человек в серой солдатской шинели и серой из искусственных

мерлушек папахе. Его суровое, калмыцкого типа лицо и пронизательные глаза выражали железную волю и непоколебимую решительность. Это был Корнилов. Рядом с ним стоял начальник его штаба генерал Иван Павлович Романовский. “Здравствуйте, казаки Кубанцы! – Рад вас видеть и – верю, что теперь мы честно и до конца выполним наш долг перед Родиной”»[207]. На краткое приветствие знаменитого вождя добровольцев кубанцы ответили дружным «Ура!».

Генерал Корнилов распорядился накормить казаков, а генерала Покровского пригласил к себе в комнату, где к тому времени собрались генералы Алексеев, Деникин, Эрдели и Романовский. А. И. Деникин так описывал этот долгожданный для всех присутствовавших момент: «...вошёл молодой человек в черкеске с генеральскими погонами – стройный, подтянутый, с каким-то холодным, металлическим выражением глаз, по-видимому несколько смущенный своим новым чином, аудиторией и предстоящим разговором. Он произнес краткое приветствие от имени кубанской власти и отряда, Корнилов ответил просто и сдержанно. Познакомились с составом и состоянием отряда, его деятельностью и перешли к самому важному вопросу о соединении»[208].

Генерал Корнилов потребовал полного подчинения себе всех сил Кубанской армии. Генерал Покровский скромно и тактично настаивал на том, что кубанские власти в соответствии с конституцией края хотят сохранить самостоятельность своей армии, которая будет в оперативном подчинении генералу Корнилову. Тут вступил в разговор генерал Алексеев и довольно резко высказал своё мнение.

«– Полноте, полковник – извините, не знаю, как вас и величать. Войска тут ни при чем – мы знаем хорошо, как относятся они к этому вопросу. Просто вам не хочется поступиться своим самолюбием»[209]. Единоначалие – азы военной науки, и генерал Корнилов непререкаемым тоном повторил своё требование:

– Одна армия и один командующий!

Генерал Покровский сослался на то, что он не уполномочен решать этот вопрос единолично, поэтому главная тема переговоров осталась открытой. Однако стратегическая обстановка требовала согласованности действий двух армий, и условились, что оба обоза под небольшим прикрытием расположатся в станице Калужской, а основные силы добровольцев и кубанцев совместно овладеют

станцией Новодмитриевской, где и произойдёт их фактическое соединение. Для демонстрации, чтобы ввести в заблуждение противника по поводу направления движения объединённых сил, к разъезду Энем направлялся кавалерийский отряд.

Выбор направления движения говорил о многом. Отход на Калужскую в горные малонаселённые районы обрекал бы армию на голод и, в конечном счёте, на распыление. Движение на Новодмитриевскую подчёркивало уверенность в своих силах и указывало на идею активной борьбы и на стремление овладеть Екатеринодаром. Добровольцы это понимали, и их боевой дух вырос. На выбранном пути их ожидали новые тяжёлые испытания.

Глава пятая

Штурм Новодмитриевской. Ледяной поход

Назначенное на 15 (28) марта соединение с кубанцами в Новодмитриевской приободрило добровольцев. Большинство из них невольно преувеличивало возможности объединённого отряда.

В частях из штаба армии был получен приказ – выступать на рассвете, всем сдать личные вещи в обоз, с собой брать только самое необходимое. Вывод ясен – предстояли тяжёлый переход и «жаркое» дело. И действительно, победа в тот день досталась добровольцам ценой сверхчеловеческих усилий, а погода резко менялась четыре раза: солнечное утро, дождь стеной, завалы снега, злой мороз, мгновенно сковавший всю округу льдом. Именно тот необыкновенный день дал походу легендарное название – Ледяной.

Всю ночь на 15 (28) марта непрерывно хлестал дождь. Ещё до рассвета началась подготовка к походу – предстоял тяжёлый переход по бездорожью, по сплошной воде и глубокой грязи. Раньше других встали артиллеристы. Для облегчения передков и зарядных ящиков они выючили лотки со снарядами на строевых лошадях. На дворе – пронизывающий ветер и злой, студёный дождь.

Генерал Марков проскакал на коне по расположению своих частей и «помог» подъёму. Вскоре все войска пришли в движение.

К утру тучи расступились, и выглянуло солнце. Добровольцы выдвинулись из аула Шенджий в тихое утро ранней весны. Многим из них тогда хотелось верить, что основные тяготы похода уже позади, что, соединившись с кубанцами, Добровольческая армия в ближайшее время овладеет Екатеринодаром и победоносно завершит свой многодневный и многотрудный путь. Но Всевышнему было угодно иное...

Солнце радовало добровольцев не долго. Армия прошла всего несколько вёрст, и тучи сплошь покрыли небо. Пошёл мелкий ледяной дождь, к полудню густо повалил мокрый снег. Армия двигалась по сплошному бездорожью – по пространству воды и жидкой грязи. Местами густой туман низко стлался над землею. Вскоре большие хлопья снега быстро покрыли белым покрывалом чёрные грязные

поля, затем посыпался град, который становился всё крупнее. Сначала не слишком сильный, ветер заметно окреп.

В авангарде шёл Партизанский полк. На расстоянии 2–3 вёрст от станицы Новодмитриевской – горная речка Чёрная, на её берегу находилась небольшая живописная усадьба в окружении огромных вековых деревьев. Здесь передовые казачьи дозоры вспугнули вражескую заставу. Партизаны появились так внезапно, что красные едва успели унести ноги, бросив на костре большой котёл только что сваренного супа. Изголодавшиеся казаки набросились на вкусную еду, и лишь появление генерала Богаевского заставило их прекратить это пиршество и двинуться дальше. И вовремя, – словно месть за потерянный обед, неожиданно с вражеского берега прилетел одиночный снаряд и упал прямо в костёр с котлом, убив одного и переранив несколько казаков.

А снег всё валил и валил. Мелководная в обычное время речка от выпавших осадков широко разлилась по берегам. Мост был то ли снесён бурными водами, то ли разрушен противником. Мощный грязный поток на глазах у добровольцев сорвал и унёс остатки настила моста. Противоположный берег крутой и высокий – удобен для обороны. Там располагалась застава красных при двух пулемётах, но бой она не приняла. При появлении добровольческих разъездов красноармейцы оставили свою выгодную позицию.

Погода продолжала портиться. Ударил мороз. То и дело грохотала красная артиллерия. Уставшие и вымокшие до нитки добровольцы теперь замерзли. Шинели превратились в ледяные панцири.

Колонна добровольцев уткнулась в реку и встала, сгрудившись на промёрзшем берегу. Две или три хаты маленького хутора – единственное укрытие от непогоды. «Я слез с лошади и с большим трудом пробрался в избу сквозь сплошное месиво человеческих тел, – писал А. И. Деникин. – Живая стена больно сжимала со всех сторон; в избе стоял густой туман от дыхания сотни людей и испарений промокшей одежды, носился тошнотный, едкий запах прелой шинельной шерсти и сапог. Но по всему телу разливалась какая-то живительная теплота, отходили окоченевшие члены, было приятно и дремотно.

А снаружи ломились в окна, в двери новые толпы.

– Дайте погреться другим, совести у вас нету»[\[210\]](#).

Из-за погодных условий положение Добровольческой армии оказалось крайне сложным. Мороз по-прежнему пробирал добровольцев до костей. Спасение в одном – перейти бурный полноводный поток и овладеть большой и богатой станицей Новодмитриевской. В противном случае – ночлег под открытым небом в мороз окончательно измотал бы людей и лошадей. Возвращение же в далёкие полупустые аулы тоже требовало немалых усилий. Отход подорвал бы боевой дух добровольцев, да и аулы наверняка тоже пришлось бы брать с боем.

Долго искали и не могли найти переправу. Генерал Корнилов отправил на её поиски всех своих конвойных офицеров. Всадники шли по тонкому льду у береговой кромки. Некоторые из них проваливались и вместе с конём падали в ледяную воду. Генерал Марков отловил местного жителя и использовал его в качестве проводника. Прибыл разъезд Кубанской армии и сразу поднял вопрос о переправе, поскольку и кубанской кавалерии, которая должна была ударить на Новодмитриевскую с юга, тоже преградили путь бурные воды реки. Генерал Марков отмахнулся от них, ответив довольно резко, что здесь переправляется пехота. Кубанцы уехали.

Проводника заставили разыскивать переправу. Наконец, после долгих поисков нащупали узкий брод, и небольшой конный отряд разведчиков Офицерского полка перебрался на вражеский берег^[37]. На крупах лошадей переправились несколько офицеров-пехотинцев. Они сразу же рассыпались в цепь и пошли вперёд. Пройдя около ста шагов, они залегли, образовав прикрытие для переправы. Генерал Марков громогласно скомандовал:

– Всех коней к мосту, полк переправлять верхом и на крупах!

Глубина на переправе в полкорпуса лошади, и одновременно могли идти только две, затем в поводу коней вели за новой партией пехотинцев. Попытались переправить орудие, но, войдя в воду, лошади внезапно шарахнулись и, запутавшись в постромках, свалились вместе с ездовыми в бурлящий поток. Новая заминка, а драгоценное время неумолимо шло.

На переправе сосредоточила огонь вражеская артиллерия. Смертоносные гранаты то перепахивали заснеженный берег, то падали в реку, поднимая высокие султаны тёмной воды. Один снаряд угодил прямо в костёр, разметав и покалечив столпившихся у огня

добровольцев, «...громадный столб пламени вздымается к небу, огненным снопом разлетаются искры, слышны стоны и проклятия, 4 убито и 22 ранено»[\[211\]](#).

Лошадей мало, да и те вскоре выбились из сил. Стало ясно – весь Офицерский полк не мог перейти реку подобно авангарду. Тогда генерал Марков показал пример и сам перешёл бурный поток вброд, а за ним и большая часть Офицерского полка. «Бывалые офицеры не теряли бодрого настроения и даже острили по поводу предстоящей холодной ванны, – вспоминал В. А. Ларионов. – Генерал Марков был тут же. Потирая руки, он шутил с офицерами. Потом первый прыгнул в воду, погрузился по пояс и быстро двинулся к другому берегу. За ним, держа винтовки над головой, переправилась вся офицерская рота. Было видно, как они рассыпались в цепь и исчезли в белой пурге»[\[212\]](#). Мокрые шинели марковцев покрылись ломкой ледяной коркой. Залепленные снегом и льдом, в сумерках, они шли вперёд, словно какие-то сказочные персонажи[\[38\]](#).

Усилилась стрельба. Левее Офицерского полка переправлялись корниловцы, а добровольческая артиллерия под огнём вражеских орудий стояла на месте, ожидая приказа переходить реку. Уже в сумерках вконец продрогшие юнкера-артиллеристы развели было костёр из сломанного забора, сразу же рядом разорвалась вражеская граната, тяжело ранив осколками в грудь юнкера Офендульева.

Быстро темнело. Только в пятом часу вечера подошла очередь переправляться головным частям Партизанского полка. Попытка генерала Богаевского построить мост из брёвен и плетней усадьбы окончилась неудачей. Бурлящие воды реки всё снесли. Переправа продолжалась на лошадях. Но после пяти-шести рейсов в ледящей воде выше брюха и с двумя всадниками на спине многие лошади окончательно теряли силы. «На моих глазах одна из них после бесплодных понуканий и ударов плетью просто легла в воду со своей ношей, – отмечал А. П. Богаевский, – и оба всадника, придавленные ею, едва не утонули у самого берега на глазах нескольких полузамерзших добровольцев, которые равнодушно смотрели на гибель своих товарищей... До такой степени безразличия дошли эти несчастные люди... Только мой резкий окрик вывел их из состояния какого-то оцепенения и заставил войти в воду и вытащить уже захлебывавшихся невольных купальщиков»[\[213\]](#).

Согласно замыслу командования, генерал Покровский должен был наступать со стороны слободы Григорьевской. Следовало сообща ударить по позициям красных, тянувшимся по окoliце станицы с заходами в окна и двери хат. «Наши пушки брошены, и нам придётся по погоде работать холодным оружием, – вспоминал И. А. Эйхенбаум, в тот день находившийся в рядах третьей роты Офицерского полка. – Когда стоим, особенно холодно. А когда ждём – вообще невыносимо. Некуда спрятаться от ветра, штык здесь не защищает. Ждём, когда двинемся вперёд»[214].

Время шло, а кубанцев всё не было. Добровольцы не знали, что кубанские части из-за погоды так и не переправились через реку и повернули обратно. «Это обстоятельство спасло большевиков от окружения и стоило нам потом двух лишних боёв и лишней крови, – сокрушённо отмечал А. И. Деникин. – Коннице, направленной в охват вправо, не удалось перейти речку, и к ночи она вернулась к общей переправе. Батарея с повреждёнными механизмами орудий застряла в поле... Марков решил:

– Ну вот что. Ждать некого. В такую ночь без крыш тут все подохнем в поле. Идём в станицу!»[215]

Не дожидаясь подкрепления, генерал Марков развернул против станицы Новодмитриевской части Офицерского полка и стал наступать в полном одиночестве и без артиллерии. В сумерках, держа в окоченевших руках винтовки, не стреляя, офицеры побежали к станице по густому месиву снега и грязи. Они то и дело проваливались и падали в укрытые льдом ямы, но вновь вставали и шли вперёд. Первая рота, не встретив сопротивления, ворвалась на окраину станицы. Видевшие её приближение красноармейцы не ожидали встретить добровольцев. «Некоторые из большевиков, думая, что это свои, кричат и подходят ближе, – вспоминал один из офицеров-марковцев С. М. Пауль. – Мы не стреляем, стоим и тоже молчим. Помню такую картину. Подходит один “товарищ”. Спрашиваем: “Какого полка?” – “N. пехотного Варнавинского полка, а вы какого полка?” – “Первого Офицерского”. Остолбенел, выронил винтовку из рук, рот раскрыл, руки расставил и так и застыл. Убили на месте»[216].

К тому времени добровольцам удалось благополучно переправить только одно 2-е орудие 1-й Отдельной батареи. И то оно смогло

сделать только один выстрел. «Наше орудие образца 1902 года после отката не накатилось обратно, – вспоминал И. Э. Лисенко[\[217\]](#), – то есть дуло орудия осталось под лафетом, и мы не могли продолжать огонь. То был единственный орудийный выстрел нашей армии в этом бою»[\[218\]](#).

Когда прошла оторопь от внезапного появления добровольцев, красные стали отчаянно защищаться. Начался жестокий штыковой бой за каждую улицу, за каждый дом. Чтобы посеять панику у красных, генерал Марков направил человек тридцать офицеров первой роты своего полка во вражеский тыл. Их место в наступающей цепи заняли подошедшие юнкера. «Прошли линию их цепи и батарею, – писал участник рейда С. М. Пауль. – Где-то на перекрёстке улиц за забором стоит человек: местный житель; что-то объяснил на предложенный ему вопрос. Капитан Некрашевич мигает, и один из офицеров, поручик Т., ударяет его штыком в спину, а потом, когда тот падает, штыком и прикладом добивает его в голову и грудь. Некрасиво и неприятно»[\[219\]](#).

Метрах в двадцати позади и сбоку от офицерского отряда в одной из хат находился вражеский штаб. Марковцы подошли вплотную к стенам дома и, перерезав телефонный провод, стали переговариваться с красными, затем швырнули в окна несколько ручных гранат и открыли огонь из винтовок. Из хаты доносились стоны и ответные выстрелы. Один из офицеров повалился в снег замертво.

Отряд пошёл было дальше, но, находясь во вражеском тылу, оказался в сфере ружейного огня наступающих цепей добровольцев и остановился. С перекрёстка улиц под прикрытием построек офицеры вели прицельную стрельбу по красной батарее и одиночным красноармейцам. Неожиданно из темноты на них выскочила молоденькая большевистская сестра милосердия. Она до смерти перепугалась, поняв, в чьих руках оказалась. Офицеры её успокоили и отправили в свой лазарет.

Повсюду в станице гремела беспорядочная стрельба, и кипел рукопашный бой. Командование красных пыталось организовать оборону, но это у них не получалось. Генерал Корнилов с несколькими чинам штаба и ординарцами поехал в станичное правление. «Командующий армией входил туда как раз в тот момент, – писал

А. И. Деникин, – когда из правления в другие двери выбегала толпа большевиков, встреченная в упор огнём...»[\[220\]](#)

Когда в станице довершали своё дело передовые добровольческие части, уже в полной темноте, у реки ещё ожидала приказа переправляться юнкерская батарея. Вскоре перестала ухать красная артиллерия, слышались лишь отдельные выстрелы и на излёте рыскали шальные пули. Пришло сообщение, что пехота вошла в станицу, и поступило распоряжение идти вперёд. Юнкера-артиллеристы с радостью бросились к реке и стали переправляться на уносах[\[39\]](#), выпряженных из зарядных ящиков. Ледяная вода доходила юнкерам до бёдер. Потащили к воде свои пулемёты и пулемётчики. Уже на окраине станицы случайный свинец ударил в висок командиру пулемётной команды поручику Гагеману. Он упал навзничь и скончался через несколько минут.

Всю ночь в станице не прекращалась стрельба. Всю ночь подтягивались от переправы добровольческие части. Кое-где в поле виднелись застрявшие в непролазной грязи брошенные орудия и повозки. К Новодмитриевской шли голодные, продрогшие, уставшие люди, равнодушные к свисту шальных пуль, которыми обильно посыпали завьюженное поле красные. Они засели где-то в стороне в далёкой рощице. Некоторые добровольцы настолько вымотались, что валились прямо в снег, рискуя замёрзнуть в ледяном поле. Кто-то равнодушно проходил мимо, кто-то советовал подбодриться, ведь станица и спасительный ночлег совсем рядом. А впереди сквозь пургу прорывался нескончаемый гул ночного боя.

Дорога к станице всё время поднималась в гору. Установленные у рощи два орудия постоянно стреляли по наступающим добровольцам. Один из снарядов зарылся в землю под ногами лошади генерала Тухачёва, но взрыва не последовало.

Несмотря на ожесточённое сопротивление, Офицерский полк во главе с генералом Марковым ещё до утра выбил главные силы красных за противоположную окраину станицы. Подошедшие с переправы юнкера и корниловцы успешно довершили начатое марковцами дело, сломив очаговое сопротивление оставшихся в станице разрозненных вражеских отрядов. «В холодной панике разваливается большевистское сопротивление, – свидетельствует И. А. Эйхенбаум, участник штурма Новодмитриевской в составе 3-й роты Офицерского

полка. – Пуля, штык делают своё дело. Саша напрасно опасался за скольжение своего штыка. “Проклятые кадеты”, которых не берёт ни холод, ни пуля, опять победители. Пленных много. Их по погребам и чердакам собирают три дня. Нас тревожат теперь ожившие насекомые и поспевшие убежать большевики, они делают налёты, диверсии и стреляют. Ещё долго приходится и штык, и ухо держать “востро”. Наконец и погода, и враг унимаются»[\[221\]](#).

Корниловский полк в 23 часа овладел юго-западной частью Новодмитриевской, при этом потеряв убитыми и ранеными 45 человек, и выставил заставы на слободу Григорьевскую. Добровольцы очень надеялись на помощь Кубанской армии, но кавалерия генерала Покровского, выступив из Калужской, из-за непогоды вскоре повернула обратно и в бою не участвовала.

Красные не желали мириться с потерей ночлега. Всю ночь их артиллерия била по Новодмитриевской, не давая покоя до крайности измотанным добровольцам. Утром они пошли в решительную атаку, но были отбиты с большими потерями. «На другой день на площади строят семь громадных виселиц, – вспоминал первопоходник Р. Б. Гуль. – На них повесили семь захваченных комиссаров»[\[222\]](#).

Начало светать. Отдохнувшие 3–4 часа марковцы готовились к зачистке селения. Прежде всего требовалось собрать разбросанные по северным кварталам станицы части Офицерского полка. Не обошлось без неожиданностей и курьёзов. Полковник Кутепов умывался после короткого сна, когда в хату стремительно вошёл brave солдат.

– Товарищи! – бодро крикнул он. – Где тут 3-я рота?

– Здесь 3-я рота! – не растерялся офицер, переглянувшись с полковником Кутеповым. – Проходи, располагайся!

Приняв винтовку у вошедшего, офицер поинтересовался:

– Тебе какую 3-ю роту? Здесь 3-я рота Офицерского полка!

Красноармеец ошеломлён от неожиданности...

По имевшимся у генерала Маркова сведениям, станицу оборонял отряд красных в 3000 штыков с артиллерией. С трёх сторон селение прикрывали линии окопов, и в тактическом отношении оно имело прекрасное расположение. Овладеть Новодмитриевской при других погодных условиях было крайне трудно. Получилось, что разгулявшаяся непогода помогла добровольцам. «Противник понёс

огромные потери убитыми – до 1000 человек, – писал В. Е. Павлов. – Захвачено 8 орудий, снаряды, госпиталь...»[223]

Пока добровольцы штурмовали Новодмитриевскую, обоз с лазаретом, прозванный в шутку «главными силами» армии, по дорогам и без дорог пробивался сквозь непогоду в Калужскую. В пути разыгралась трагедия.

Дорога почти всё время шла в гору. Тощие, голодные лошади, выбиваясь из сил, еле-еле тянули повозки, перегруженные разным скарбом и окоченевшими ранеными. Чтобы окончательно не замёрзнуть, утопая по колено в грязи, легкораненые плелись рядом с телегами. Рядом с ними шли сёстры милосердия: «...молоденькая гимназистка из Таганрога. Раненые звали ее тетей Наденькой, и нельзя было иначе назвать эту скромную девушку с ее печальными, кроткими глазами. Я видел ее после с широким шрамом на лбу от сабельного удара... Вот две сестры Татьяна и Вера Энгельгардт – в кожаных куртках и в высоких мужских сапогах. Весь поход они сделали пешком. В Новочеркасске в зале гостиницы я видел их хотя и просто, но всегда изящно одетыми, за столом в обществе наших офицеров. Воспитанность сказывается и в умении себя держать, и в их обращении, и в их речи. Теперь в больших сапогах, в засученных юбках среди пестрой толпы, шедшей с нами, они оказались также на своем месте. А были они институтками, воспитанницами Смольного... Когда я думаю о русских женщинах белого движения, передо мною встает образ Веры Энгельгардт, этой девушки-героини, замученной большевиками»[224].

Сначала крупными каплями хлестал ледяной дождь, затем мокрыми хлопьями повалил снег, его сменил крупный град. Дул резкий, пробиравший до костей, колючий ветер. Местами повозки переправлялись через широкие мутные потоки. Колёса тонули в них, и вода подпирала повозки, угрожая захлестнуть их.

К вечеру крепко подморозило. Обоз растянулся на несколько вёрст. «Наш серый ломовик с трудом вытягивал из ямы повозку, – вспоминал Н. Н. Львов. – По сторонам виднелись отставшие телеги. Лошади выбивались из сил. Группы раненых пешком брели по мерзлой слякоти. Грузёные фургоны застревали в промоинах. На дороге стали все чаще попадаться брошенные подводы без лошадей и брошенная кладь, сваленная в кучу»[225].

На дорогу опустились сумерки, стремительно темнело, а до Калужской ещё далеко. «В темноте первые крики: “Да подождите же, помогите подводу вытащить!” Но все спешат. Никто не слышит. Никто не помогает. Каждый погоняет своего возчика... Скорее... до хаты... согреться»[\[226\]](#).

Впереди, наконец, замаячили долгожданные огни. Вскоре подводы втянулись в станицу. Не дожидаясь распоряжений начальников и квартирьеров, обоз стал размещаться по хатам как попало. «Утром заговорили: “Подводы не все!” Поехали искать... Поздно... Восемнадцать раненых замёрзли... Завязли подводы, упали слабые лошади. Никто не помог: все торопились»[\[227\]](#).

Среди сотен и сотен смертей в те драматические дни командир 1-го батальона корниловцев полковник Булюбаш особенно запомнил одну... В Рязанской, или чуть раньше, к нему пришла девушка лет 20–22 необыкновенной красоты с просьбой принять её в 4-ю роту сестрой милосердия. Она была прекрасна, словно ангел, и полковник невольно залюбовался ею. Он хотел направить её к главному врачу полка, но девушка наотрез отказывалась и умоляла принять её именно в 4-ю роту. Он сразу угадал причину её горячей просьбы – дела сердечные, и не стал препятствовать.

Дня через три девушка была тяжело ранена в грудь навывлет. При отправке обоза в Калужскую адъютант полковника, поручик Н. упросил его разрешить сопровождать раненую сестру. Из-за ливней вода в низинах стояла так высоко, что порою заливала повозки. Попав на морозе в такую яму, девушка промокла до нитки, простудилась, и «...в станице Калужской на другой день сестра умерла, – сокрушённо писал Е. Г. Булюбаш. – Царствие ей Небесное и вечный покой. Последние минуты жизни её были окрашены присутствием любимого и любящего человека»[\[228\]](#).

Под вечер 16 (29) марта Новодмитриевскую опять громила красная артиллерия. Основательно перепахивая станичные улицы, иногда прилетали и шестидюймовые снаряды. Под покровом ночи со стороны слободы Григорьевской на селение пошли густые массы пехоты. Красные буквально зубами вцепились в Новодмитриевскую. Раскатисто громыхал отчаянный ночной бой. Темноту прошивали пулемётные строчки, вспыхивали ленты огней. «Противники сходятся на сто шагов. Слышны команды обеих сторон. Даже перекрикиваются:

– Ну, буржуи, сейчас вас оседлаем!

– Подождите, краснодранцы!..

Большевики ведут отчаянные атаки: Ново-Дмитриевскую им надо взять.

Добровольцы не сходят с места: Ново-Дмитриевскую им нельзя отдать»^[229]. Под утро волны красной пехоты отхлынули, но часть их вошла в станицу и зацепилась с помощью своих союзников из числа местных жителей, поскольку стрельба раздавалась по всему селению. Даже на крыльце штаба был убит один офицер. Красные не хотели мириться с поражением. Добровольцы их выкуривали из хат весь следующий день.

Квартира генерала Корнилова располагалась в центре станицы на церковной площади, в доме священника. Сюда 17 (30) марта на совещание по поводу соединения Кубанской и Добровольческой армий приехали кубанские представители: атаман полковник Филимонов, генерал Покровский, председатель Законодательной Рады Н. С. Рябовол, товарищ председателя Законодательной Рады Султан-Шажим-Гирей и председатель правительства Л. Л. Быч. В воспоминаниях А. И. Деникина говорится, что накануне совещания к генералу Корнилову, втайне от своего руководства, приезжали представители от кубанцев: «Выяснилось, что части Кубанского отряда “с оказией” прислали доложить, что они подчиняются только генералу Корнилову, и если их командование и кубанское правительство почему-либо на это не пойдут, то все они перейдут к нам самовольно»^[230]. Чтобы не подрывать принципов дисциплины, генерал Корнилов решил склонить кубанские власти к добровольному подчинению путём переговоров.

В доме священника, кроме командующего Добровольческой армией, кубанцев встретили генералы Алексеев, Деникин, Романовский и Эрдели. Таким образом, на совещании с обеих сторон присутствовало по пять человек. По приглашению генерала Алексеева, который председательствовал на встрече с кубанцами, с правом совещательного голоса присутствовал генерал Гулыга^[40].

«Начались томительные, долгие, нудные разговоры, – с горечью писал А. И. Деникин, – в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как “конституция суверенной

Кубани”, необходимость “автономной армии”, как опоры правительства и т. д. Они не договаривали ещё одного своего мотива – страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с Кубанским отрядом он не поглотил и их призрачную власть, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове»[\[231\]](#).

Кубанцы упорно настаивали на том, чтобы полностью сохранить Кубанскую армию в неизменном виде, отведя генералу Корнилову роль главнокомандующего. Но генерал Корнилов категорически отказался принять верховное командование над двумя крохотными «автономными» армиями, общей численностью меньше бригады.

В случае отклонения кубанцами его требований расформировать Кубанскую армию и влить её войска в Добровольческую он пригрозил увести свои части в горы. При этом в резких тонах он указал на бездействие генерала Покровского, когда ему была поставлена задача поддержать наступление Добровольческой армии на Новодмитриевскую. Тогда, ссылаясь на погодные условия – разлив рек и метель, кубанцы свою задачу не выполнили и добровольцам пришлось брать станицу самим.

«– Я не хочу, – заявил Корнилов, – чтобы командующие армиями угощали меня такими сюрпризами. Если соединение не будет полным, – говорил Корнилов, – то я уведу добровольцев в горы. Михаил Васильевич, – обратился он к генералу Алексееву, – ставьте вопрос о движении в горы.

Покровский пробовал возражать, заявляя, что он не понимает таких требований.

– Вы поймете, молодой генерал, – резко прервал его генерал Алексеев, – если хоть на минуту отрешитесь от своих личных честолюбивых интересов»[\[232\]](#).

Горячий спор продолжался, а залпы вражеской артиллерии настойчиво напоминали о суровой реальности. Несколько гранат разорвалось у самого дома, разломав во дворе ворота и забросав окна грязью, а шрапнельные пули прошли по крыше дома. За окраиной станицы разгорался бой. Красные делали очередную попытку выбить добровольцев из Новодмитриевской.

Наконец, сделав последнюю попытку отстоять свою точку зрения, кубанцы согласились на соединение армий, при этом Л. Л. Быч заявил, что снимает с себя любую ответственность за последствия такого

решения и устранился от последующей работы. Однако генерал Корнилов твёрдо потребовал от кубанского правительства исполнять свой долг.

– Ну нет! – вспыхнул он и, с присущим ему жестом – ударяя по столу пальцем с перстнем, непререкаемым тоном прибавил. – Вы не смеете уклоняться. Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией.

На этом спор прекратился. Кубанцы попросили разрешения переговорить между собой. Генерал Корнилов и представители Добровольческой армии вышли в другую комнату, где подготовили проект договора и передали его кубанцам.

В итоговой редакции соглашение было подписано сразу после обеда. Документ гласил: «1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения всех сил и средств признается необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная Рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзывается в состав правительства для дальнейшего формирования постоянной Кубанской армии.

Подлинное подписали: генерал Корнилов, генерал Алексеев, генерал Деникин, войсковой атаман полковник Филимонов, генерал Эрдели, генерал-майор Романовский, генерал-майор Покровский, председатель кубанского правительства Быч, председатель Кубанской Законодательной Рады Н. Рябовол, товарищ председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирей»[\[233\]](#).

На окончательном варианте третьего пункта договора настояла кубанская делегация, мотивируя своё мнение желанием морально удовлетворить генерала Покровского[\[41\]](#).

После подписания соглашения повеселевший генерал Корнилов некоторое время вёл доверительную беседу с кубанской делегацией, увлекательно рассказывая «быховскую историю». Разговор то и дело

прерывали доклады с фронта, а вражеские снаряды рвались у самого дома или на площади. Генерал Корнилов спокойно продолжал разговор. Вскоре он получил донесение, что красные ворвались в станицу. Бой шёл уже на её улицах, где повсюду жужжали шальные пули. Главнокомандующий тут же встал и отправился в штаб узнать, в чём дело. Вслед за ним уехал со своим конвоем генерал Покровский. Когда полковник Филимонов, Л. Л. Быч, Н. С. Рябовол и Султан-Шахим-Гирей вышли на улицу, то в стену дома священника с характерным визгом впились несколько пуль.

Красные вновь наступали на Новодмитриевскую от слободы Григорьевской и станицы Смоленской. Только к полуночи добровольцы смогли отбросить их и бой затих. Небольшие хутора, окружавшие станицу, оставались в руках у красных.

17 (30) марта из Калужской в Новодмитриевскую для соединения с частями Добровольческой армии стали прибывать кубанские войска: 1-й Кубанский стрелковый полк полковника Туненберга, пластунский батальон полковника Улагая[234], черкесский конный полк полковника Султан-Келеч-Гирея, инженерная рота генерала Хабалова, лёгкая батарея подполковника Полянского и конная батарея есаула Крамарова. Частям этим устроили парад. На нём особенно выделялся нарядный черкесский полк. Его разноцветные сотенные значки сразу приковывали внимание окружающих. Вместе с кубанцами 17 (30) марта в Новодмитриевскую вошли и «главные силы» Добровольческой армии – обоз.

После реорганизации Добровольческая армия имела в своём составе две пехотные и одну кавалерийскую бригаду.

1-я пехотная бригада под командованием генерала Маркова имела в своём составе: Офицерский полк; 1-й Кубанский стрелковый полк; 1-ю инженерную роту; 1-ю и 4-ю артиллерийские батареи.

2-я пехотная бригада под командованием генерала Богаевского включала в себя: Корниловский ударный полк; Партизанский полк; Пластунский батальон; 2-ю инженерную роту; 2-ю, 3-ю и 5-ю артиллерийские батареи.

Кавалерийская бригада генерала Эрдели включала в себя: 1-й конный полк, состоявший из всех кавалерийских частей Добровольческой армии; Кубанский полк (первоначально – дивизион); Черкесский полк; Конную батарею.

Чехословацкий батальон не включался в состав бригад.

Соединение Добровольческой армии и кубанских частей имело огромное значение для всего Белого движения на Юге России. «Порознь каждый отряд был слаб и осужден на гибель, – отмечал А. П. Филимонов, – вместе они составляли силу, способную на борьбу. Необходимо было только, чтобы физическое соединение отрядов сопровождалось бы духовным слиянием их руководителей, чтобы произошла органическая спайка двух групп, преследующих одну задачу – борьбу с большевиками»^[235].

Общая численность войск Добровольческой армии генерала Корнилова выросла до 6 тысяч штыков и сабель^[42], хотя и обоз тоже удвоился. Кроме того, присутствие в армии кубанского войскового атамана, правительства и Рады обещало привлечение свежих сил из казачьих станиц. Боевой дух армии значительно поднялся, а штаб твёрдо взял курс на активные боевые действия с ясной целью – овладеть Екатеринодаром, пробудить казачество и создать крепкую материальную базу для дальнейшей вооружённой борьбы.

Огромное значение имела и личность командующего Добровольческой армией генерала Корнилова, человека с легендарной боевой биографией, признанного всеми добровольцами вождем. Кубанский войсковой атаман А. П. Филимонов впоследствии писал о нём: «Корнилов, как всегда, был прост в обращении и легко завязывал беседу. Охотно говорил о походе своём из Ростова, о своих планах на будущее... “Если бы у меня теперь было 10 тысяч бойцов, я бы пошёл на Москву”. Я ему сказал, что после взятия Екатеринодара у него их будет трижды десять тысяч. Он задумчиво смотрел вдаль. Я внимательно всматривался в этого человека, с мелкими чертами лица, с маленькими руками и монгольскими глазами. Это был особенный человек, впечатление от него было особенное, незабываемое. Я радовался, что судьба наша в его руках, и верил ему»^[236].

Вовремя подоспевшие на выручку добровольцы спасли от развала и разгрома Кубанскую армию, раздираемую внутренними противоречиями и окружённую крупными силами красных. В дальнейшем, когда возникали осложнения в отношениях главного командования Вооружённых сил Юга России и Кубани, кубанцам напоминали о том, кому они обязаны своим спасением. Однако на самом деле спасение было обоюдным. Выдержавшая со дня ухода из

Ростова около двадцати тяжёлых боёв, почти не имевшая пополнения и постоянных источников материальных средств и боеприпасов, Добровольческая армия ежедневно таяла и к 17 (20) марта фактически превратилась в прикрытие огромного обоза с беженцами и ранеными.

Полные надежд обрести пристанище и отдых, добровольцы готовились к штурму Екатеринодара. Многие из них тогда искренне верили, что успешное завершение их суровых скитаний – вопрос нескольких дней. А впереди их ожидали – четырёхдневный неудачный бой на подступах к кубанской столице, гибель вождя – генерала Корнилова и продолжение многотрудного Ледяного похода.

Но добровольцы старались не всматриваться в туманное будущее. Ценой сверхусилий и огромных жертв отвоевав себе несколько дней передышки, они предавались праздничному настроению победы. «О, какое это радостное чувство, – восторженно вспоминал Н. Н. Львов. – Въезжаешь в селение, занятое с боя. На площади русское знамя, где вчера торчала красная тряпка... Офицерские золотые погоны: как гордишься ими в эту минуту. Как дорог безусый прапорщик. Как любишь мальчика-кадета. Он перескочил через забор и с веселым лицом подбегает к вам. На древке, воткнутом в плетень, размахнутое во всю ширь трехцветное полотнище трепещет и колышется по ветру... Сколько раз я видел на походе это знамя в руках всадника за генералом Корниловым и всякий раз испытывал те же чувства волнения»[\[237\]](#). Профессионализм и самоотверженность офицеров в сочетании с жертвенностью добровольческой молодёжи, казалось, могли творить чудеса.

Часть четвёртая

Осада Екатеринодара

Глава первая

Бои за Григорьевскую, Смоленскую и Георгие-Афипскую

В станице Новодмитриевской Добровольческая армия простояла с 16 (29) марта по 23 марта (5 апреля). Всё это время лагерь добровольцев обстреливала артиллерия со стороны Георгие-Афипской и Григорьевской. Первые 3 дня стоянки густые массы пехоты ежедневно атаковали станицу. Последнюю попытку взять реванш красные предприняли 18 (31) марта.

В тот день с самого утра наступление велось сразу с двух сторон – с севера, от Георгие-Афипской, и с юга и юго-запада, от Смоленской и Григорьевской. Атаки эти отбивала 2-я бригада генерала Богаевского, Партизанский полк со стороны Георгие-Афипской, а Корниловский и краснянцы – с противоположной стороны селения.

Несколько попыток красных войти в станицу с севера пресёк подполковник Миончинский метким огнём своей батареи. «Сидя вместе с ним на красной железной крыше одного из домов северной окраины станицы, где был его наблюдательный пункт, я с удовольствием следил за его удивительным управлением огнем своих двух пушек, стоявших где-то сзади на улице, – восхищённо писал о нём А. П. Богаевский. – Современный артиллерийский начальник мне всегда казался дирижером какого-то гигантского оркестра, однотонные могучие инструменты которого отвечают громом выстрелов и свистом снарядов на каждую команду по телефону – его дирижёрскую палочку»[\[238\]](#).

Вечером того же дня, около 20 часов, волны красной пехоты вновь покатались на станицу. Моряки и красноармейцы подошли вплотную к её окраине. 4 часа длился упорный бой, но красных отбросили и на этот раз. «В конце концов они утихомирились – дескать, с “кадетами” без крейсеров не совладать...»[\[239\]](#) К 23 часам наступила тишина. 9 человек убитыми и ранеными потеряли за боевой день корниловцы.

Чтобы обезопасить отдых армии и спокойно подготовиться к походу на Екатеринодар, главнокомандующий приказал генералу

Богаевскому силами его бригады очистить Григорьевскую и Смоленскую от красных.

22 марта (4 апреля) в 22 часа 2-я бригада выступила с южной окраины станицы. Не больше 12 вёрст отделяло Новодмитриевскую от Григорьевской, но дорога оказалась крайне тяжёлой – люди и лошади увязали в глубокой грязи, с трудом вытаскивая орудия, буквально тонувшие в широких лужах. Изношенная обувь быстро наполнялась ледяной жижей. По сведениям, полученным от местных жителей, Григорьевскую занимал крупный отряд красных.

Под утро, на подходе к слободе, шедший в голове колонны 1-й батальон корниловцев напоролся на линию окопов, откуда засвистел смертоносный свинец. До окопов оставалось всего 200 метров. Корниловцы залегли на открытом поле. Они не стали рыть окопы в сплошной грязи, да и шанцевого инструмента почти не было. От красных их отделяло какое-то препятствие, напоминавшее стену. Полковник Неженцев появился в 3-й роте и развернул карту, стремясь выяснить расположение корниловцев при свете электрического фонаря.

На свет стрельба участилась, но корниловцы продолжали верить в своё надёжное прикрытие. Лишь когда рассвело, выяснилось, что за стену они приняли полосу высокой нескошенной травы. «Только ночь спасла нас от громадных потерь... – вспоминал А. П. Богаевский. – Пули красных долетали в тыл и ранили людей и в резерве. На перевязочном пункте около моего штаба один раненый офицер был ранен вторично, а третьей пулей убит. Одна пуля попала в моего адъютанта Ж., лежавшего на бурке рядом со мной, но только контузила его»[\[240\]](#).

Шальная пуля ударила в ногу командиру 2-й роты капитану Минервину[\[241\]](#). Видимо опасаясь, что цепь отойдёт, а он останется, капитан стал громко кричать и просить вынести его. Лежавшие рядом в болотистой жиже офицеры отвечали:

– Подождите! Подождите, капитан!

Но он не мог, не хотел ждать! И он не стеснялся кричать и просить о помощи. Ведь он прекрасно знал, что смерть попавшего в плен корниловца не будет лёгкой...

Поручики Дрейман[\[242\]](#) и Ващенко[\[243\]](#) не выдержали, под жестоким огнём встали, подхватили своего командира и понесли. Пуля

настигла их, смертельно ранив, в живот навывлет – Дреймана, а у Ващенко застряла в мочевом пузыре. Оба скончались в мучениях.

Р. Б. Гуль записал рассказ сестры милосердия В. С. Васильевой-Левитовой о последних минутах жизни поручика Ващенко: «“Как он страдал. – Варя опять заплакала. – Его в хату принесли. Хата скверная, кровати даже нет. На стол положили. Он все время о матери... кричит: мамочка, милая, прости меня, мамочка, помолись за меня... мамочка, неужели ты не видишь – твой сын умирает... Меня вызвали из хаты. Я вернулась, а он уже умер... так, на столе...” Эраст Ващенко... Он единственный сын. Одинокая мать – жила только его любовью. Вспомнилась последняя встреча с ним в ауле. Эраст был усталый, измученный: “Как это все тяжело, как хочется отдохнуть, – говорил он, – мне кажется иногда, что я не выдержу больше...” Теперь он зарыт, как тысячи других...»[\[244\]](#)

Встречать утро в открытом поле было равносильно самоубийству. Поэтому, когда только-только начал заниматься рассвет, полковник Неженцев наметил направление удара и приказал атаковать. Кинжальный огонь не смог остановить корниловцев. Двести шагов привели их во вражеские окопы, где они дали волю штыку и прикладу. Взятые на штык пулемёты захлебнулись. Красные отчаянно сопротивлялись, но не выдержали рукопашной схватки и быстро отошли к станице Смоленской. Но победа досталась корниловцам дорого – из строя у них выбыло более 60 человек. Тогда же пал доблестный командир 5-й роты капитан Томашевский. Самые большие потери понесла 3-я рота, особенно юнкера.

Из-за усталости войск после трудного ночного перехода и кровопролитного боя генерал Богаевский решил не рисковать успехом штурма Смоленской и дал бригаде отдых до полудня. Главнокомандующему он отправил донесение с описанием минувшего боя и сообщением о тяжёлых потерях корниловцев, а затем распорядился выставить заставы на окраине селения от непрошенных гостей. Штаб бригады обосновался в доме священника.

«Бедный молодой батюшка от пережитых ужасов хозяйничания красных в станице, только что кончившегося боя производил впечатление полупомешанного, – вспоминал А. П. Богаевский. – Он без умолку говорил, суетился, всё время спрашивал, не придут ли большевики опять, и умолял нас не уходить из станицы. Между

прочим, он рассказал, что красные заставили его непрерывно служить молебн о том, чтобы они победили “кадет”, а когда он попытался уклониться от этого, они пригрозили ему расстрелом. Впоследствии я слышал, что несчастный священник всё же был убит ими через несколько дней после нашего ухода»[\[245\]](#).

После полудня 23 марта (5 апреля) лесной дорогой 2-я бригада двинулась к станице Смоленской, расположенной всего в 3-х верстах к северо-западу от Григорьевской. Она находилась в предгорном районе, на возвышенности, раскинувшись по обе стороны реки Афипс. В тактическом отношении станица представляла из себя выгодную позицию. В боевую часть генерал Богаевский на этот раз направил Партизанский полк во главе с генералом Казановичем, а корниловцы шли в арьергарде.

Погода наладилась. Выглянуло солнце, наполняя природу весенним теплом. Добровольцы шли бодро, после одержанной победы у них стало светлее на душе. Вскоре колонну 2-й бригады нагнал сам генерал Корнилов. Он горячо поблагодарил корниловцев за бой под Григорьевской и ускakasл обратно в Новодмитриевскую.

Берег реки, по которому двигалась 2-я бригада, на всём пути покрывал густой лес, поэтому артподготовку произвести не удалось. Выйдя к Смоленской, партизаны натолкнулись на крепкую оборону красных. Они хорошо укрепились на окраине станицы, на противоположном высоком берегу реки Афипс, и вели интенсивный ружейный и пулемётный огонь. Несколько попыток переправиться через реку принесли потери и окончились неудачей. Погиб командир 2-го батальона. Генерал Казанович сам находился в цепях, подбадривая партизан.

Положение спас капитан Бузун, который нащупал переправу у мельницы и со своей сотней воспользовался ею, чем решил исход боя. Так, ценой больших потерь и усилий, к концу дня красных удалось выбить из Смоленской. Иногороднее население станицы сочувствовало красным и встретило добровольцев недружелюбно. Чтобы получить ночлег и продовольствие, им пришлось даже пригрозить станичникам репрессиями. «Переночевали в зажиточном доме у веселой старухи казачки, еще помнившей рассказы своего отца о том, как “Шамяля брали”, и удивительно спокойно относившейся к

гражданской войне, как к уличной драке»[\[246\]](#), – с горькой улыбкой писал А. П. Богаевский.

Ночью командир бригады получил приказ – на рассвете выступить на Георгие-Афипскую и атаковать её одновременно с частями генерала Маркова. По разведанным, в Георгие-Афипской стоял сильный гарнизон, численностью свыше 5000 бойцов, с артиллерией и бронепоездами. Там же располагались обширные склады боеприпасов, так необходимые армии.

С первыми лучами солнца 2-я бригада выступила из Смоленской на Георгие-Афипскую. Пройдя всего версты три, её части неожиданно попали под свинцовый дождь с левого фланга. Выяснилось, что огонь открыл отряд красных, следовавший из станицы Северской в Смоленскую. Дорога тянулась левым берегом реки Афипс, и 2-я бригада оказалась прижата к ней.

Около часа красные вели наступление. Однако инициатива недолго оставалась в их руках. Меткий огонь казачьей батареи и натиск партизан, шедших в голове колонны, заставил неприятеля быстро отступить. Продолжая путь, 2-я бригада на непродолжительное время ещё раз попала под артиллерийский обстрел. Передовой отряд партизан обнаружил в отдельной усадьбе заставу матросов, человек десять. Казаки их пленили и расстреляли на месте. «Из большевиков, кажется, никто не возбуждал такой ненависти в наших войсках, как матросы – “краса и гордость русской революции”, – отмечал А. П. Богаевский. – Их зверские подвиги слишком хорошо были известны всем, и потому этим негодьям пощады не было. Матросы хорошо знали, что их ждет, если они попадут в плен, и поэтому всегда дрались с необыкновенным упорством, и – нужно отдать им справедливость – умирали мужественно, редко прося пощады»[\[247\]](#).

Операция по овладению Георгие-Афипской являлась первым этапом наступления Добровольческой армии на Екатеринодар. По замыслу штаба армии, двигаясь по разным берегам реки Афипс, 1-я и 2-я бригады должны были взять станицу в клещи. Роль главной ударной силы в предстоящей операции отводилась 1-й бригаде генерала Маркова. За 8 дней стоянки в Новодмитриевской её части хорошо отдохнули и пополнились.

Кавалерийская бригада генерала Эрдели направлялась к станице Елизаветинской с целью занять паромную переправу через Кубань.

Для связи между бригадами был возведён мост через Афипс.

От Ново-Дмитриевской до Георгие-Афипской – 8 вёрст. Генерал Марков получил приказ выступить с бригадой в ночь на 24 марта (6 апреля) с расчетом, чтобы появиться у Георгие-Афипской до восхода солнца и внезапно овладеть ею. Подход к станции при свете дня означал бы лобовые атаки мостов на железной дороге и грунтовом пути, оплаченные большой кровью. Однако операция с самого начала складывалась не по штабному сценарию...

Утром, около 6 часов, генерал Корнилов со штабом выехал из Ново-Дмитриевской по той же дороге, что и 1-я бригада. Главнокомандующий считал, что колонна генерала Маркова уже у станции и вот-вот должна вступить в бой. Каково же было его удивление, когда при выезде из Новодмитриевской штабная группа наткнулась на хвост 1-й бригады. Генерал Корнилов негодовал. «Маркову сильно попало за опоздание, – писал свидетель ночного марша С. М. Трухачёв, – и я не помню, чем он объяснил причины его»[\[248\]](#).

– Момент упущен! – раздражённо сказал главнокомандующий, подъехав к генералу Маркову. – Сергей Леонидович, ведь вчера я ясно показал вам на карте, какова местность возле Георгие-Афипской. Чтобы не понести излишних потерь, я приказал вам атаковать её во время темноты. Вы же не изволили исполнить свою задачу и ведёте сейчас людей на расстрел.

Серьёзных оправданий у генерала Маркова не было, да и слушать их главнокомандующий не желал, – ясно было, что банально проспали, теперь за это придётся платить кровью. Сухо приказав вести бригаду как можно быстрее, генерал Корнилов поскакал вперёд.

В авангарде колонны шёл Офицерский полк, который во время реорганизации армии в Новодмитриевской принял генерал Боровский. Его заместителем стал полковник Кутепов, а командирами батальонов – полковники Дорошевич и Назимов. Полк имел двухбатальонный состав, общей численностью до 800 штыков, при 12 пулемётах. В состав полка вошёл Юнкерский батальон, став 5-й и 6-й ротами, четырёхорудийная батарея подполковника Миончинского и Инженерная рота, переименованная из Технической. За Офицерским полком шли артиллеристы, затем Кубанский полк, силой до 1000 штыков, затем боевой обоз и Инженерная рота, замыкавшая колонну.

Штабная группа обогнала войска и вскоре выехала на залитую водой обширную поляну у самой Георгие-Афипской. К этому времени совсем рассвело. При таких условиях рассчитывать на успех лобовой атаки не приходилось. Для порчи железной дороги вперёд к Георгие-Афипской выслали два кавалерийских отряда подрывников, но взорвать пути удалось лишь со стороны Новороссийска.

Когда колонна 1-й бригады подтянулась к станции на расстояние не более 2-х вёрст, вдали уже виднелись станционные постройки и стоявшие на путях вагоны. Какой-то состав проскочил от Екатеринодара к станции, где царила подозрительная тишина. У железнодорожного переезда за полосой кустарника притаился бронепоезд.

Офицерский полк развернулся в боевой порядок и стал наступать правее станции, оставив в резерве юнкерские 5-ю и 6-ю роты, а левее, фронтом на станцию, выдвинулся Кубанский стрелковый полк. Добровольцы шли вперёд по открытой местности, кое-где покрытой мелким кустарником, не дававшим укрытия. В окружении конвоя из текинцев, к левому флангу войск подъехал генерал Корнилов со штабом. Над ним развевался русский национальный трёхцветный флаг. Добровольцев настораживало продолжительное молчание противника и его бронепоезда. Вскоре из-за домов выдвинулся ещё один бронированный состав.

Главкомандующий отдал несколько распоряжений генералу Маркову и поздоровался с войсками. Ему ответили не только добровольцы, но и красная артиллерия. В мгновение утренний воздух рассекли пулемётные очереди. «“Товарищи” подпускают голову нашей колонны на 1500 шагов и открывают огонь из восьми пулемётов, – вспоминал участник штурма С. М. Пауль. – Пристрелка плохая – бьют через головы. Артиллерия наша поворачивает, а мы, то есть пехота, рассыпаемся и залегает в ближайшую, довольно широкую канаву; на глубине вода. Уже есть убитые»[\[249\]](#).

В сфере пулемётного огня оказался штаб. Несколько текинцев повалилось с коней. Люди и орудия заметались по мокрому полю. К счастью, впереди, от станции вдоль железной дороги тянулся высокий вал со рвом, обращённый к путям. За ним и укрылись наступавшие цепи. Оказавшись под градом пуль, генерал Корнилов со штабом спешили и тоже залегли за валом, который надёжно защищал от огня

с фронта, но фланговые пулемётные очереди не давали поднять головы.

За цепями заняли позицию 4 орудия подполковника Миончинского. Опытные артиллеристы оказались не в ударе и не смогли заставить замолчать бронепоезда. «Бронепоезд наносил много вреда нашим тылам, – отмечал С. М. Трухачёв. – Один из его снарядов, попав в место расположения команды связи штаба, нанёс ей много потерь. Был убит начальник команды корнет Квартано, несколько человек из связи было убито и ранено»^[250].

Правофланговая 4-я рота получила приказ нащупать левый фланг обороны красных и обойти его, перерезав железную дорогу на Екатеринодар. Ротмистр Дударев под огнём повёл своих людей по кустарнику, но обнаружил перед собой сплошной фронт. В это время со стороны кубанской столицы подошёл состав с пехотой, и 4-й роте пришлось остановиться.

Наконец орудия подполковника Миончинского пристрелялись и заставили бронепоезда ездить по полотну, меняя позицию. Их огонь заметно ослаб и вёлся с перерывами.

– Перебегайте, пользуясь случаем, пока нет огня! – крикнул офицерам 1-й роты генерал Марков.

Поодиночке и группами, марковцы стали продвигаться вперёд. «Около 600 шагов всего лишь было до врага, цепи которого были замечены несколько впереди железнодорожной насыпи. Офицеры открыли ружейный огонь. Но как он был слаб по сравнению с огнём противника! По цепи приказание: “Перебежки по одному! Вперёд!” Уже расстояние сократилось почти наполовину, но красные не проявляли ни какой нервности и огонь их всё усиливался»^[251]. Марковцы опять залегли, вжатые в землю смертоносным свинцом. Некоторые офицеры отрыли себе окопы, однако смерть безжалостно выкашивала их ряды: погиб помощник командира 1-й роты штабс-капитан Никрашевич, смертельную рану в позвоночник получил поручик Фёдоров и вскоре скончался в мучениях, во время перестрелки упал, как подкошенный, прапорщик Пауль – пуля выбила ему правый глаз^[43]... Список убитых и раненых офицеров неуклонно рос. Большой кровью^[44] платила 1-я бригада за промах своего начальника.

Одетая в крутые берега река опоясывала окраину станицы, превращая позицию красных в неприступную крепость. Единственный мост через Афипс находился под прицелом бронепоездов и густых масс красной пехоты. Штабу армии стало окончательно ясно, что лобовая атака 1-й бригады захлебнулась. Любая попытка марковцев двинуться с места жёстко пресекалась пулёмётным и артиллерийским огнём, угрожая им полным истреблением. «Казалось, перейди красные в наступление своей подавляющей массой, и при поддержке огня своих бронепоездов, не удержаться цепям и не помогли бы им 5 и 6 роты, высланные на правый фланг полка, чтобы всё же охватить фланг противника»[\[252\]](#). Штаб всерьёз разволновался за исход операции, ведь 2-я бригада за последние двое суток выдержала два тяжёлых боя. Генерал Корнилов отправил генералу Богаевскому приказ – частям 2-й бригады как можно быстрее двигаться в обход Георгие-Афипской с запада.

Раздосадованный главнокомандующий резко бросил генералу Маркову:

– Сергей Леонидович! Я просил вас о ночном налёте, а вы закатили мне дневной бой!

Понимая, что успех дела зависит исключительно от действий 2-й бригады, около 13 часов генерал Корнилов со штабом отправился в Новодмитриевскую. Наскоро перекусив там, штаб помчался к бригаде генерала Богаевского, чтобы ознакомить его с положением дел и по возможности ускорить движение частей.

После 15 часов 2-я бригада подошла к Георгие-Афипской и с ходу удачно атаковала её западную окраину. Корниловцы подошли к станции, где их встретил крупный отряд красных с бронепоездом. «... Корниловцы залегли под убийственным огнем большевиков и не могли двинуться дальше, – вспоминал Б. И. Казанович. – Партизаны тоже залегли было в болотистой ложине к юго-востоку от станции железной дороги, но моего окрика: “Ну, что вы, утки, что ли, что полощетесь в болоте? Вылезай вперед на сухое!” – было достаточно, чтобы двинуть их вперед»[\[253\]](#). В то же время командир 3-го батальона корниловцев полковник Индейкин выдвинул во фланг пулемёты. Их меткий огонь окончательно сломил сопротивление гарнизона. Генерал Богаевский остался при батарее и управлял боем, поддерживая связь с 1-й бригадой, которая продолжала топтаться на месте. Когда, примерно

через час, штаб армии появился у генерала Богаевского, его части уже вошли в станицу, сея панику в рядах неприятеля.

Получив удар в спину, красные запаниковали и перестали держать фронт против 1-й бригады. «Смелой атакой моя бригада взяла станицу Георгие-Афипскую после энергичного обстрела её и, в особенности железнодорожной станции, нашей артиллерией^[45], – описывал кульминацию боя А. П. Богаевский, – от одного из снарядов, попавших туда, загорелся вагон с пушечными снарядами, который добровольцы едва успели потушить. Все же несколько снарядов, лежавших на земле, взорвались, и этим взрывом почти на клочки был разорван подвернувшийся кубанец с лошадью. Как только 2-я бригада захватила западную половину станицы и станцию, с востока ворвалась в нее и бригада Маркова, пользуясь тем, что растерявшиеся большевики стали метаться по станице и бросили оборону восточного моста, через который и вошла 1-я бригада»^[254].

Загоревшийся состав с боеприпасами в любой момент мог взлететь на воздух, и добровольцы, рискуя жизнью, бросились тушить и оттаскивать вагоны от опасного места. И им это удалось. В результате армия получила 700–800 артиллерийских снарядов и большое количество патронов.

Ещё совсем недавно крепкая оборона красных быстро развалилась. Один из бронепоездов ушёл на Екатеринодар, а другой, с командой матросов на борту, задержался верстах в двух за окраиной станицы, поливая свинцом из нескольких пулемётов 5-ю юнкерскую роту марковцев, которая обстреливала его с дистанции 200–300 шагов. В какой-то момент паровоз окутался густым облаком пара и встал. Почуввав удачу, юнкера бросились к составу и в короткой рукопашной схватке перебили всех матросов.

В это время в Георгие-Афипской шло истребление не успевших уйти из станицы красноармейцев. Они шарахались кто куда, прятались по домам и закоулкам, но мало кому удалось спастись от карающей руки добровольца. Ушедшие на Екатеринодар красные тоже не унимались. До позднего вечера их артиллерия обстреливала станицу.

После 18 часов для встречи главнокомандующего генерал Богаевский построил свою бригаду на площади у станции. «Здесь генерал Корнилов благодарность свою полку выразил в таких словах:

– Спасибо вам, Корниловцы, за вечное дело!

Теперь трудно даже представить себе, какое впечатление произвели эти слова нашего Вождя и Шефа полка на измученных боем ударников. У многих катились слёзы из глаз от восторга, и гремело торжественное “ура”»[255]. При взятии Георгие-Афипской у корниловцев выбыло из строя до 50 человек. Когда части построились на площади, то стало заметно, как мало осталось в строю тех добровольцев, которые вышли из Ольгинской. Теперь их ряды пополняли кубанцы.

«Полки как всегда соперничали в доблести, не омрачённой ревнивым чувством, – отмечал А. И. Деникин. – Когда Корнилов благодарил командира Партизанского полка, генерала Казановича, за взятие станицы, он ответил:

– Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Всем успехом мы обязаны Митрофану Осиповичу и его полку...»[256]

Оставленный в Новодмитриевской огромный обоз, где в походном лазарете одних раненых было около 700 человек, измучился в ожидании вестей об исходе боя. Сырым ранним утром он выдвинулся из станицы. Моросил мелкий дождь. Обозный поезд растянулся на несколько вёрст. Ехал он медленно, с продолжительными остановками. Как всегда, в тылу циркулировали противоречивые слухи то поговаривали, что наступление застопорилось, то утверждали, что победа близка.

Как только красные бросили фронт и началось их преследование, в тыл полетело распоряжение штаба – немедленно выдвигаться в Георгие-Афипскую. Обоз начал прибывать на станицу, когда бой ещё не закончился, и некоторые подводы попали под обстрел уходящего на Екатеринодар бронепоезда.

До самого утра подтягивались и устраивались в станице многочисленные повозки походного лазарета, гражданских беженцев и разнообразного обозного хозяйства. Из-за этих так называемых «главных сил» выступление армии сильно задержалось.

Глава вторая

Переправа через Кубань и начало осады Екатеринодара

Перед рассветом 25 марта (7 марта), для демонстрации, генерал Марков лично повёл батальон кубанцев и роту Офицерского полка вдоль полотна на Екатеринодар. Кубанцев он выдвинул к разъезду Энем, а марковцы свернули налево и, подойдя к Кубани, встали в нескольких верстах от железнодорожного моста. Роте отводилась роль заслона, на случай движения противника вдоль Кубани в сторону переправы у Елизаветинской.

Днём, по всем правилам демонстрации, кубанский батальон обозначил наступление на Энем. Красные приняли бой и подтянули подкрепление из Екатеринодара. Артиллерийским и пулемётным огнём, и манёвром, их поддерживал бронепоезд. Кубанцы остановились и ограничились перестрелкой, изображая готовность к наступлению.

Свернувшей налево в плавни роте марковцев отводилась роль заслона на случай движения красных вдоль правого берега к переправе. На своей позиции они простояли весь день 25 марта (7 марта), а ночью к ним приехал генерал Марков. В это время неожиданно посты сообщили о приближении какой-то колонны. Оказалось, что это из-под Энема пришёл кубанский батальон, которому следовало изображать подготовку к наступлению на железнодорожный мост. Оставшись одни перед фронтом красных, не имея связи, кубанцы занервничали и, решив, что про них попросту забыли, самовольно ушли к переправе.

В то же время в Георгие-Афипской интенсивно шла подготовка к походу на переправу у Елизаветинской. Но только после полудня боевые части стали выдвигаться из станицы, взорвав железнодорожный мост. В голове колонны шла 2-я бригада, за ней потянулись многочисленные и пёстрые «главные силы», а основная часть 1-й бригады оставалась в Георгие-Афипской до утра 26 марта (8 апреля) для прикрытия тылов армии. Штаб армии тоже заночевал в станице.

Наступать на Екатеринодар кратчайшей дорогой вдоль путей через разъезд Энем, а затем по железнодорожному мосту через Кубань не имело смысла. Позиция у железнодорожного моста являлась узким открытым дефиле^[46] с железнодорожным полотном. Вдоль него тянулась лента шоссе. Справа и слева простирались непроходимые кубанские плавни, запирая наступавшие на мост части в узкости и лишая их возможности обходного манёвра. Дефиле хорошо простреливалось как с фронта, так и с флангов. Весь фронт не превышал пятидесяти шагов. Соваться в такой узкий мешок было верхом безрассудства. К тому же на путях время от времени появлялся красный бронепоезд. Поэтому ещё в Новодмитриевской командование решило переправляться через Кубань паромом у Елизаветинской.

В начале пути армейская колонна двигалась вдоль железной дороги. Однако, подойдя к месту перестрелки кубанского батальона с красными, ей своим огнём стал угрожать бронепоезд, и генералу Богаевскому пришлось остановиться. Из эшелона высадились пехота и повела активные действия. Авангарду пришлось ввязаться в бой.

Стремясь не выдать истинное направление движения, колонна дождалась темноты и, под покровом туманной ночи, авангард свернул налево в плавни. За ним, по бездорожью, потянулась нескончаемая череда обозных повозок.

Лунный свет еле-еле мерцал во мгле. Дорога тянулась по болотистой местности, среди кочек, рытвин и обширных, коварных луж, в которых нередко скрывались глубокие ямы. Заросли мелкого кустарника и высокий камыш тоже затрудняли движение.

«Какой это был ужасный путь! – восклицал А. П. Богаевский. – Широко разливаясь по плавням, река Кубань затопила на много верст свой левый берег, и нам пришлось почти все время идти по воде, сбиваясь с дороги, попадая в ямы и канавы. Кругом в нескольких местах горели брошенные хутора, подожженные черкесами, шедшими впереди нас, и это еще больше увеличивало ужас этой мрачной ночи, точно целиком взятой из Дантова “Ада”...»^[257]

Сделав непродолжительную остановку в ауле Панахес, авангард двинулся дальше – до переправы оставалось около 10 вёрст. А. П. Богаевский спешил добраться до Елизаветинской, где следовало как можно быстрее закрепиться, пока красные не разведали обстановку и не начали активные боевые действия.

Тем временем обоз продолжал тащиться по бескрайним болотистым плавням. Много подвод отстало из-за поломок. Некоторые лошади, выбившись из сил, отказывались идти дальше, а наиболее ослабевшие валялись в болотистую жижу. В таких случаях люди бросали имущество и продолжали путь пешком. За обозом тянулся шлейф из оставших беженцев. Увязая в болотине, они медленно брели поодиночке или группами. На бездорожье особенно страдали раненые. Типичный случай описал Н. Н. Львов: «“Разрешите, господа, к вам поместить раненую. У нас повозка сломалась”, – говорит офицер. Он бережно укладывает женщину в нашу подводу. Это была молоденькая сестра милосердия. Она как-то беспомощно склонилась на солому и тихо стонала слабым, детским вздохом. Всю ночь мы промучились, пробираясь среди плавней»[\[258\]](#).

Лишь под утро голова обоза выбралась на сухую и ровную местность и вскоре достигла аула Панахес, где назначили днёвку. Весь день 26 марта (8 апреля) выдался ясным и почти безоблачным. На зелёном лугу вокруг аула раскинулся огромный пёстрый обозный табор. Насколько хватало глаз, солнечный свет широко разливался по синему небу, по изумрудной зелени лугов. Вдали отчётливо прорисовывался чарующий горный пейзаж. Очертания гор и снежные вершины приковывали взор. Вокруг обозного лагеря паслись стреноженные кони, пощипывая молодую, сочную травку. Всюду царило оживление, говор, дымы и треск костров. Скользившие в небе чайки напоминали о близости воды. Картины мирной жизни в ясный весенний день отвлекали добровольцев от мыслей о тяжёлых походных буднях и о том, что вот-вот на другом берегу Кубани начнутся многодневные кровопролитные бои...

Утром 26 марта (8 апреля) 2-я бригада начала переправляться через Кубань. Чуть раньше переправилась кавбригада генерала Эрдели. Плавсредств нашлось крайне мало. «У Елисаветинской был паром, подымавший нормально около 15 всадников или 4 повозки с лошадьми, или 50 человек, – пояснял А. И. Деникин. – Позднее откуда-то снизу притянули другой паром, меньшей подъёмной силы и с неисправным тросом, действовавший с перерывами. Был ещё десяток рыбацких гребных лодок. Этими средствами нужно было перебросить армию с её обозом и беженцами, в составе не менее 9000 человек, до 4000 лошадей и до 600 повозок, орудий, зарядных ящиков»[\[259\]](#).

В таких условиях переброска армии через Кубань являлась операцией не только трудоёмкой, но и крайне рискованной. Длилась она трое суток под угрозой со стороны левого берега, где красные владели железнодорожным мостом, и опасным давлением авангарда Екатеринодарской группировки на правом берегу. «Будь противник более активным, он мог бы легко прижать нас к реке Кубани с обеих сторон, и вся переправа могла бы окончиться катастрофой...»[\[260\]](#) – свидетельствовал А. П. Богаевский. Однако авантюрный замысел переправы оправдался.

В первый же день переправы кубанский атаман полковник Филимонов, Рада и штаб генерала Покровского устремились к парому. В Елизаветинской и ряде других правобережных станиц они надеялись поднять казаков на вооружённую борьбу. Однако управлявший переправой генерал Эльснер категорически отказал им, ссылаясь на распоряжение главнокомандующего. Двое суток они были вынуждены бездействовать. Когда же 28 марта (10 апреля) атаман с большим трудом один сумел перебраться на правый берег и пожаловался генералу Корнилову на начальника переправы, тот сухо ответил:

«– Генералу Эльснеру оставалось либо задержать Раду на той стороне, либо самому быть повешенным на этой стороне. Я не люблю, когда мои приказания выполняются неточно. Паром мал, а успех дела зависит от скорейшей переправы строевых частей.

Вслед за тем Корнилов сообщил, что на случай взятия Екатеринодара, что должно произойти дня через два, он назначает генерал-губернатором города генерала Деникина»[\[261\]](#).

Сначала, сбитые с толку демонстрацией кубанского батальона у разъезда Энем, красные стянули к железнодорожному мосту крупные силы. Рассчитывая принять главный удар, они окопались на этой сильной позиции. Когда же им стало известно истинное место переправы Добровольческой армии через Кубань, они продолжали действовать неуверенно и вяло, и атаковали Елизаветинскую с большим опозданием, когда на правый берег реки уже переправилась вся конница генерала Эрдели и 2-я бригада.

Первый, самый уязвимый день переправы 26 марта (8 апреля) прошёл на удивление, что называется, без сучка, без задоринки. Кавалерия с партизанами и корниловцами уверенно закрепились на правом берегу Кубани. В тот же день, около 17 или 18 часов,

переправился и главнокомандующий со штабом. «Как только приплыл паром с Корниловым, к самой реке по крутому спуску спустился крестный ход от станицы, очень многолюдный, в светлых облачениях, и встретил Корнилова молебствием»[\[262\]](#), – отмечал С. М. Трухачёв. Однако, по утверждению А. П. Богаевского: «Жители обширной, богатой станицы встретили нас спокойно – скорее с любопытством, чем с радостью»[\[263\]](#). Такое же мнение о настроениях станичников высказал М. Н. Левитов: «Казачи хотя и встретили нас колокольным звоном, – подмечал он, – особенно рады нам не были: с нашим приходом они должны были нарушить весь уклад своей жизни»[\[264\]](#). Тем не менее Елизаветинская дала армии многочисленное пополнение – около 5 конных и 4 пеших сотни.

Во время ночлега в Елизаветинской полковник Булюбаш стал невольным свидетелем трогательной сцены проводов молодых казаков в поход. Хозяйка дома, где он остановился, имела двоих сыновей лет 18–19. Проснувшись часа в 4 утра, полковник стал свидетелем материнских хлопот. Пока сыновья ещё спали, мать накормила и напоила их коней, приготовила всё необходимое для седловки. Заботливо, с любовью она собрала сёдла, перемётные сумы, вёдра... «Надо было видеть мать, пожилую женщину, её скорбное лицо, её глаза, полные слёз... И как она крестила сыновей, когда они выезжали со двора... Когда я пишу это, у меня невольно слёзы навёртываются на глаза и застилают их. И я не стыжусь этого. Это слёзы радости, что у наших казаков были такие матери...»[\[265\]](#)

Вечером 26 марта (8 апреля) передовые части красных подошли к Елизаветинской, но ограничились только перестрелкой со сторожевым охранением корниловцев, которая началась около 20 часов. Работа на переправе кипела круглосуточно. Ночь на 27 марта (9 апреля) прошла относительно спокойно. Лишь в 5 часов утра авангард красных предпринял попытку овладеть Елизаветинской. Атакуя сторожевое охранение корниловцев, он вёл сильный артиллерийский огонь по переправе и станице.

Штаб приказал генералу Богаевскому отбросить наседавшего неприятеля, угрожавшего сорвать переброску армии. К полудню полковник Неженцев задействовал все свои резервы, и командир 2-й бригады ввёл в дело Партизанский полк. Генерал Казанович, «несравненный таран для лобовых атак», по слову А. И. Деникина,

решительно повёл своих партизан вперёд и быстро обратил неприятеля в бегство.

Верстах в 8 от кубанской столицы красные закрепились на линии кирпичных заводов, где завязался упорный бой. Однако они не устояли перед наступательным порывом партизан и корниловцев, которые сбили их и с этой позиции, заставив отступить до предместья Екатеринодара, образцовой фермы земледельческо-ремесленной школы Екатеринодарского Экономического общества, стоявшей всего в 3 верстах от города. В порыве атаки 2-я бригада выбила красных и с этой линии, на некоторое время заняв ферму.

В боях за кирпичный завод и ферму в тот день особенно отличился прапорщик Зайцев. На боевом участке Партизанского полка он дерзко установил свой пулемёт на открытом месте, на вершине небольшого кургана. Имея отличный обзор, он весь день доставлял немало хлопот красным, срывая их планы точным огнём. Артиллерия красных буквально засыпала его гранатами, но тщетно – пулемётчик вновь и вновь открывал огонь, как только замечал в зоне досягаемости какую-нибудь компактную цель.

С командного пункта у кирпичного завода командир 2-й бригады долго с восхищением наблюдал виртуозную работу смельчака. «И действительно, она была великолепна, – восклицал А. П. Богаевский. – Вот выезжает у фермы красная батарея на позицию. Ленту – по ней. Падают несколько солдат, ранены две лошади, и “товарищи” сломя голову удирают к пушкам за рощу. Навстречу им показались какие-то повозки – не то обоз, не то зарядные ящики. Снова лента – и, переворачиваясь на поворотах, исчезает и этот обоз... То же случилось и с группой всадников, по-видимому, начальством, выехавшим на возвышенность у фермы. Пол-ленты – и “главковерхи” разлетелись стремительно в разные стороны» [\[266\]](#).

Когда генерал посетил позицию пулемётчика-виртуоза, то встретил там и обоих командиров полков с адъютантами. Рядом с ними, весело болтая с окружающими, сидела спиной к неприятелю и старательно набивала пулемётную ленту патронами совсем юная сестра милосердия – Вавочка, падчерица донского полковника Грекова и любимица всей Добровольческой армии. На строгий вопрос генерала, с обезоруживающей улыбкой и умоляюще сложив маленькие ручки, бесстрашная девушка попросила:

– Ваше превосходительство, позвольте мне остаться: здесь так весело.

Африкан Петрович разрешил ей, но только до своего ухода. Не состоявшая ни при одном лазарете, Вавочка часто появлялась в самых опасных местах, перевязывая раненых и помогая им. При острой нехватке бинтов, она рвала на лоскуты всё, что можно было из своей одежды. Несмотря на грубый походный быт, при Вавочке добровольцы не позволяли себе неприличной шутки или пошлого ухаживания. «Её нравственная чистота, весёлость и сердечная доброта вызывала общие симпатии, как к милому шаловливому ребенку, – с умилением подчёркивал А. П. Богаевский. – Часто заглядывала она и в мой штаб, всегда с весёлой шуткой или какой-нибудь безобидной выходкой, иногда жила по несколько дней. Нередко являлась в мужской одежде, так как юбку и косынку успевала уже порвать на бинты. Тогда офицеры дарили ей юбку, купленную тут же у хозяйки; и для неё это был очень приятный подарок»[\[267\]](#).

Красные артиллеристы пристрелялись, их снаряды падали всё точнее. Генерал Богаевский вовремя увёл с позиции прапорщика Зайцева лишних офицеров и Вавочку – следующая очередь гранат легла как раз в то место, где они лежали на вершине кургана. На будущее девушке он категорически запретил бывать в боевой линии. Она не послушалась и 29 марта (11 апреля) в поле за цепями партизан её нашли мёртвой с шрапнельными пулями в груди. В руке она держала маленькую куклу, шуточный подарок одного офицера...

До Екатеринодара рукой подать! Позже некоторые офицеры, участники атаки, утверждали, что в конце дня 27 марта (9 апреля) можно было войти в кубанскую столицу на плечах беспорядочно отступавших красных. Однако генерал Богаевский не решился на штурм города только своими силами, зная, что 1-я бригада и Черкесский конный полк остались на левом берегу Кубани. Поставленную ему задачу – отогнать красных от переправы – он счёл выполненной, к тому же из штаба армии других распоряжений не поступало. Оставив заслон на высоте кирпичных заводов, вечером генерал Богаевский отвёл бригаду в Елизаветинскую.

К 20 часам части 2-й бригады вернулись в станицу, которая была переполнена частично переправившимися с левого берега обозами и казаками, прибывшими из соседних станиц. Тогда же поредевшие

части корниловцев пополнили 300 пеших казаков, которых возглавил есаул Кисель.

Позже некоторые горячие головы упрекали генерала Богаевского в нерешительности. С точки зрения военной науки и здравого смысла он поступил правильно. Во-первых, самостоятельно принимать решение о штурме города не входило в его компетенцию. Поддайся он искушению, и полевого суда он мог бы избежать только в одном случае – в случае победы. Во-вторых, являлось чистейшей авантюрой на свой страх и риск атаковать в 10–15 раз превосходящего по численности противника, имевшего огромные склады боеприпасов, большое количество артиллерии, пулемётов и бронепоезда. Скорее всего, войдя в город, 2-я бригада оказалась бы в ловушке. У штаба армии на правом берегу Кубани почти не имелось частей для поддержки операции. Утомлённые после напряжённого боевого дня корниловцы и партизаны, с ограниченным боекомплектom, должны были бы в одиночку штурмовать множество городских объектов. Красные в этом случае получали прекрасную возможность разбить Добровольческую армию по частям, сначала 2-ю бригаду в городском бою, затем разгромить штаб армии и часть обоза, успевшую к концу 27 марта (9 апреля) переправиться в Елизаветинскую, а третьим ударом уничтожить части генерала Маркова, прикрывавшие обоз на левом берегу Кубани. В то же время надо признать, что История знает немало примеров, когда явные авантюры заканчивались головокружительной победой...

А был ли вообще шанс на успех у Добровольческой армии, и что для него мог сделать штаб армии? Думается, что такой шанс существовал. Не растрачивая драгоценное время на переброску обоза, быстро собрав на правом берегу все 3 бригады в один кулак, армия, несомненно, удвоила бы свои шансы на победу. В момент панического бегства авангарда красных из-под Елизаветинской на его плечах добровольцы вполне могли ворваться в Екатеринодар.

Казалось бы, вот она – старшая козырная карта! Но для этого пришлось бы оставить обоз на левом берегу без прикрытия. И в случае несчастья прижатый к реке, слабый заслон из технической роты, дружины легкораненых и других незначительных частей не выдержал бы сколько-нибудь серьёзного нажима. И тогда в руки к врагу попали бы 700 раненых. Мученическая смерть ожидала бы и медперсонал

походного лазарета, и беженцев, связавших свою судьбу с армией... Нет! На это Лавр Георгиевич пойти не мог, и не пошёл...

В результате гуманной позиции штаба армии по отношению к обозу, на обеспечение безопасности которого в начале операции отвлекалось до половины всех боевых частей, войска вводились в дело небольшими порциями, и собрать сильную ударную группу так и не удалось. По ряду причин, в основном тоже из-за нехватки сил в боевой линии, не был блокирован подвоз красными свежих частей по железной дороге. Сыграли отрицательную роль и другие промахи командования. Например, генерал Корнилов пренебрёг возможностью ускорить пополнение рядов армии казаками, используя авторитет кубанского атамана, Рады и штаба генерала Покровского.

Что ж, военная Удача, дама капризная и кровожадная. Она флиртует с авантюристами и циниками. Ей мало готовности к жертвенному подвигу. Ей подавай гекатомбу!..

После сравнительно лёгкой победы 2-й бригады над авангардом красных 27 марта (9 апреля), добровольцев почти поголовно охватила эйфория. Взятие кубанской столицы считалось делом решённым. Каких-нибудь 17 вёрст, и вот она, земля обетованная! Екатеринодар, город-сказка! Молочные реки, кисельные берега! Даже опытные военачальники, прошедшие горнило Великой войны, поддались общему настроению. То же чувство обманчивого воодушевления переживал и А. И. Деникин, отразивший его в воспоминаниях: «Переброшенный на правый берег громадный обоз – подвижной тыл армии, прижатый к реке, становился в полную зависимость от какой-либо случайности в изменчивой обстановке сражения. Для того, чтобы решиться на такую операцию, нужна была крепкая вера вождя в своё боевое счастье и в свою армию. Корнилов не сомневался. 27 марта мы беседовали в штабе о вопросах, связанных с занятием Екатеринодара, как о чём-то неизбежном и не допускающим сомнения... Даже люди с холодным умом, ясно взвешивавшие военно-политическое положение, не обольщавшиеся слишком радужными надеждами, поддавались невольно его гипнозу. А массы видели в нем конец своим мучениям, прочную почву под ногами и начало новой жизни. Почему – в этом плохо разбирались, но верили, что так именно будет»[\[268\]](#).

Пока боевые части готовились к решительному штурму города, на левом берегу Кубани жил своей жизнью пёстрый табор «главных сил»,

с нетерпением ожидая возможности перебраться на другой берег и обрести крышу над головой в богатой станице. Известие о том, что корниловцы и партизаны разбили красных на подступах к Елизаветинской и прогнали до самого Екатеринодара, быстро облетело обоз и многим вскружило голову. Видные политические деятели, седовласые старые генералы, словно дети, предавались мечтам, с надеждой вглядывались в манящую даль. «Я ходил на берег Кубани к переправе, – вспоминал своё возбуждённое состояние Н. Н. Львов. – С бугра был виден белый купол Екатеринодарского собора. Я долго стоял и смотрел. Казалось, блеск креста сверкал в солнечных лучах на куполе храма»[\[269\]](#).

Через день или два Н. Н. Львов перебрался в Елизаветинскую и поселился в хате доброй, сердобольной и набожной старушки-вдовы, сын и зять которой ушли сражаться под Екатеринодар. «Она была поглощена чувством тревоги за сына и только и думала о том, как бы поскорее увидеть его дома живым и здоровым, – с чувством писал Н. Н. Львов. – Показывая нам его портрет, стройного и красивого казака, она утирала слезы и жаловалась, зачем только его угнали опять воевать»[\[270\]](#).

– А нельзя ли как-то замириться? – то и дело спрашивала она офицеров и с надеждой вглядывалась в их лица.

Офицеры отвечали ей, что для обретения мира сначала надо разбить большевиков и выиграть войну. Немного помолчав, старушка вновь обращалась к кому-нибудь с главным вопросом. Вскоре в дом принесли её зятя, раненного под Екатеринодаром, и вдова ещё больше затосковала по сыну...

Из-за больших потерь утром 28 марта (10 апреля) Корниловский полк был сведён в два батальона. 1-й батальон принял полковник Индейкин, 2-й – есаул Кисель. Партизанский полк тоже сильно поредел в предыдущих боях. Тем не менее именно на эти полки генерал Корнилов возлагал главную надежду.

Головокружительная победа 2-й бригады в предыдущий день подталкивала штаб армии использовать удобный момент для штурма Екатеринодара. К тому же в Елизаветинской циркулировали слухи о панике у красных и будто бы уже начавшейся эвакуации их частей, что тоже подогревало наступательное настроение добровольцев. На самом

деле надеяться на успех в тот день можно было лишь при условии отправки на фронт всех боевых частей и при наличии большой удачи.

Ещё ночью генерал Богаевский получил из штаба приказ – с утра, при поддержке кавалерии генерала Эрдели, решительно атаковать неприятеля и овладеть Екатеринодаром.

Во исполнение приказа 28 марта (10 апреля) 2-я бригада перешла в наступление. Партизанский полк атаковал город с запада, корниловцы шли к Черноморскому вокзалу. Одновременно кавалерия генерала Эрдели стремилась охватить кубанскую столицу со стороны предместья Сады, и далее с севера и с востока перерезать Черноморскую, Тихорецкую и Кавказскую железнодорожные ветки, взяв город в кольцо, а также поднять казаков станицы Пашковской.

С самого начала боевой день у 2-й бригады не задался. По какой-то причине Корниловский полк своевременно не получил приказ и утром оставался в Елизаветинской. В результате генерал Казанович в одиночку атаковал позиции красных у фермы и прилегающих хуторов. Противник не выдержал крепкого удара Партизанского полка и к полудню отступил, зацепившись за окраину Екатеринодара.

Поле боя раскинулось на открытой, слегка холмистой местности с необитаемыми мелкими хуторами. Лишь в весеннее-летнее время, с началом полевых работ, горожане использовали их под дачи. Во время боёв эти постройки сильно пострадали, оказавшись на линии огня.

Ощущая огромное превосходство в численности, красные решили вернуть прежние позиции. Недолго ферма с хуторами оставалась в руках партизан – противник быстро подвёл многочисленные резервы, бросился в контратаку и отбил ферму. Его артиллерия работала безостановочно, не жалея снарядов.

Только в 14 часов корниловцы получили распоряжение выдвинуться на левый фланг Партизанского полка, который отходил под натиском врага. «Корниловцы вышли на окраину станицы с оркестром и развёрнутым Знаменем, – вспоминал участник боя М. Н. Левитов. – Генерал Корнилов сам направил полк для наступления, и здесь большинство из нас в последний раз видели нашего Вождя и Шефа полка. Под звуки оркестра полк развернулся в боевой порядок, стремительно перешёл в контратаку и стал теснить противника. Красные дрогнули и на всём фронте обратились в бегство. Тысячные толпы бежали от наших частей»[\[271\]](#). В этот момент на

помощь партизанам подошёл батальон Кубанского стрелкового полка полковника Улагая, и ферма с хуторами вновь отошла добровольцам.

Сельскохозяйственная ферма раскинулась на узком и длинном участке вдоль крутого берега Кубани. В северной её части находилась небольшая хвойная роща. Остальная площадь участка была покрыта редкими старыми деревьями и кустарником. Ближе к восточному краю располагался одноэтажный дом заведующего фермой и сарай. В доме находилось 6 комнат, разделённых просторным коридором. Дом, ставший последним пристанищем вождя добровольцев, занял штаб армии. Генерал Корнилов обосновался в угловой комнате, располагавшейся ближе к фронту. К ней прилегала перевязочная, а в третьей комнате находился телефон. Остальные комнаты занимали чины штаба. Около рощи биваком расположился генерал Богаевский со своими офицерами.

Стоял ясный солнечный день. Ферма располагалась на возвышенности, с которой открывалась панорама города, отчётливо просматривались контуры домов, Черноморский вокзал и кладбище.

В конце дня 28 марта (10 апреля) наступление 2-й бригады окончательно застопорилось. Её цепи залегли, натолкнувшись на хорошо оборудованные укрепления противника на окраине города. Здесь красные успели оборудовать полнопрофильные окопы с пулемётными гнёздами. Началась изнурительная перестрелка в невыгодных для добровольцев условиях. Особенно тяжёлое положение создалось на левом фланге 2-й бригады, на боевом участке Корниловского полка, где фронт опасно выгнулся назад. Особенно пострадала левофланговая 1-я офицерская рота корниловцев. Её участок смотрел на Черноморский вокзал. Около него расположились бронепоезда и вели убийственный огонь во фланг добровольцам. С фронта, с дистанции в 500 шагов, красные тоже поливали их свинцом из надёжных укрытий.

Офицеры лежали на открытом месте, в мелких окопчиках, оставленных боевым охранением противника. Под огнём их силы таяли на глазах. Следовало либо идти вперёд, либо отступать, оставаться на таком гиблом месте было смерти подобно. Командир роты поручик Фабер решил рискнуть и приказал атаковать. «Лихо все вскочили, не отставали от нас и казаки пополнения, и понеслись, — описывал атаку М. Н. Левитов. — Правда, чудеса бывают, но не всегда:

бронепоезда от Черноморского вокзала не только мешали нас с землёй, но и воодушевляли этим красноармейцев, видевших и без этого нашу малочисленность. Всё же мы, как камешки на решете веялки, катились вперёд, оставляя позади себя павших, но, не достигнув цели на каких-нибудь 150 шагов, пали и мы»[\[272\]](#). Тяжело раненный в живот, повалился на мокрую землю и командир роты. Почти все атаковавшие корниловцы оказались перебиты или переранены. Красноармейцы выскочили из окопов и бросились добивать раненых добровольцев, но огонь ротных пулемётов загнал их обратно в укрытия. Отстреливаясь, раненые стали отползать к своим. Только после 20 часов, уже в сумерках, когда утомилась артиллерия, раненых подобрали и отправили в Елизаветинскую.

За время похода потери Корниловского полка были огромны. От 1-го батальона чисто офицерского четырёхротного состава к утру 28 марта (10 апреля) оставалась одна рота, и то с пополнением из казаков, а после описанной атаки и от неё осталась лишь малая часть. Выбыли из строя по ранению и оба командира батальонов, полковник Индейкин и есаул Кисель.

Не намного лучше обстояли дела и в Партизанском полку. Генерал Казанович был ранен в плечо, но, преодолевая боль, он остался командовать полком. «Удивительный храбрец, не знавший чувства страха, бестрепетно не один раз водивший полк в атаку, — охарактеризовал его А. П. Богаевский, — он не был счастлив в боях: его победы давались ему ценою тяжких потерь...»[\[273\]](#) Во время боёв за ферму ранения получили полковник Улагай и есаул Лазарев. Погиб старый партизан, командир 1-го батальона капитан Курочкин, по словам А. П. Богаевского, «...очень симпатичный и скромный человек, необыкновенной храбрости. Это был тип капитана Тушина из “Войны и мира”»[\[274\]](#). Большинство раненых добровольцев мужественно переносили страдания. В этом отношении медперсоналу запомнился полковник Улагай, популярный среди кубанцев.

Сестру милосердия Т. В. Энгельгардт и личного врача генерала Алексеева доктора Н. Н. Кельина вызвали прооперировать тяжело раненного в живот. Они ожидали повозку, но к ним подъехал верхом раненый полковник Улагай, сидя на лошади по-дамски, заложив налево правую ногу. Повозку он уступил другим раненым. «Во время

извлечения пули и перевязки, без всяких хлороформов, он не испустил ни одного стога и только просил папиросы»[\[275\]](#).

В итоге боевого дня 2-я бригада овладела кирпичным и кожевенным заводами. На правом её фланге, на участке Партизанского полка, фронт растянулся и значительно выдвинулся вперёд. Кое-как добровольцы окопались, иногда голыми руками. Началась лёгкая перестрелка. Она не стихала до утра.

Более удачно в тот день действовал генерал Эрдели. После упорного боя, понеся ощутимые потери, он занял предместье Сады и добрался до станицы Пашковской.

Вечером штаб армии получил донесение, что части правого крыла фронта, партизаны, пластуны и подоспевший им на помощь батальон Кубанского стрелкового полка, под началом полковника Писарева с боем взяли кожевенный завод и ринулись дальше. От этих вестей маятник настроения в штабе резко пошёл вверх. Ферма ликовала – вновь никто в штабе не сомневался в падении красного Екатеринодара.

Главнокомандующий распорядился немедленно перенести штаб в отбитое у красных предместье. С трудом чины штаба уговорили его не спешить. Однако штабной комендант получил приказ к рассвету отправить вперёд квартирьеров. О той ночи А. И. Деникин вспоминал: «Разместились тесно – на полу, на соломе: в одной комнатке – Корнилов с двумя адъютантами, в двух – Романовский со штабом и команда связи, четвертая – для перевязочного пункта; в маленькой кладовке, рядом с комнатой Корнилова, поместился я с двумя офицерами. Весь коридор был забит мертвецки спящими телами. Богаевский со штабом расположился возле, в роще, под бурками»[\[276\]](#). На следующее утро выяснилось, что фронт не продвинулся вперёд и штаб остался на ферме. Никогда ещё сбитые с окраины красные не принимали бой на улицах населённого пункта, но штурм Екатеринодара оказался особым случаем...

Обоз, как всегда, питался противоречивыми слухами. Вечером того же дня располагавшемуся со своим штабом в Елизаветинской генералу Покровскому доложили, что город взят. Не проверив информацию, он немедленно отправил в Екатеринодар квартирьеров во главе с полковником Пятницким. Не замеченные на передовой, квартирьеры проскочили редкие добровольческие цепи и оказались у расположения красных, которые открыли по ним огонь. Тяжело

раненный полковник Пятницкий свалился с коня, а остальные разлетелись врассыпную. Красные подняли сильную стрельбу и долго не унимались. Воспользовавшись темнотой и переполохом, полковник Пятницкий сумел отползти к добровольческой позиции, где его подобрала санитары. Самовольные действия генерала Покровского вызвали справедливый гнев главнокомандующего.

Уже в ночь на 29 марта (11 апреля) полковник Писарев повёл партизан к ручью у артиллерийских казарм. Несколько раз он атаковал их, но за ручей так и не продвинулся. Его части понесли большие потери, а сам он получил ранение. Видимо, красные поверили в свои силы. На всём фронте они успешно оборонялись, иногда переходя в контратаки, не жалея боеприпасов, от которых ломились их склады. А боевой дух добровольцев быстро угасал. Всё меньше и меньше оставалось в строю старых добровольцев, а молодое пополнение из кубанских казаков не в силах было долго выдерживать напряжение ожесточённых боёв.

После переброски авангарда армии на правый берег Кубани генерал Корнилов впервые объявил мобилизацию. В Елизаветинскую стали стекаться казаки из соседних станиц Марьянской и Новомышастовской. Коней не хватало, и казаки пополняли пехоту, после короткой подготовки в роще у фермы. Вот что писал генерал Трухачёв о качестве казачьих формирований: «Направленные в полки, эти пополнения не увеличивали силы полков, а напротив, не привыкшие к тяжёлому пехотному бою, легко “драпали” и понижали стойкость частей. Под конец они стали разбегаться ещё в период обучения»[\[277\]](#). Давал о себе знать и острый снарядный голод. Патроны тоже приходилось экономить. Спасти положение могло только чудо, и оно, кстати, вполне могло произойти, о чём рассказ в следующей главе нашего повествования.

Глава третья

Бои 29 марта (11 апреля). Дерзкий рейд генерала Казановича

С утра 29 марта (11 апреля) по всему фронту гремела интенсивная перестрелка. Красные по железной дороге подтянули свежие резервы, вырыли линии окопов и прочно обосновались в них. О соотношении сил в тот день А. П. Богаевский писал: «По сведениям, полученным нами впоследствии, красных было в это время до 28 000 человек с 2–3 бронепоездами и 20–25 орудиями с огромным запасом патронов, ружейных и артиллерийских. И против таких сил со свободным тылом и возможностью неограниченных пополнений у нас было не более 3,5–4 тысяч бойцов и едва 1000 снарядов. Но все же сами большевики признавались потом, что четыре дня боя под Екатеринодаром стоили им больше 10 000 человек убитыми и ранеными»[\[278\]](#). При таких условиях даже напряжение всех сил армии не дало бы желаемого результата. Время было безвозвратно упущено, что и показали следующие дни екатеринодарских боёв. Об огромной силе артиллерийского огня красных хан Р. Б. Хаджиев писал: «Начиная с 29 марта большевики развили по всему фронту страшный огонь. Против нас было: 3 бронепоезда, 4 гаубицы и 12 лёгких орудий. Их снаряды в этот день иногда долетали до рощи, где помещался штаб»[\[279\]](#).

Однако штаб армии всерьёз надеялся овладеть кубанской столицей. Днём генерал Корнилов не раз поднимался на крышу сарая, стоявшего рядом с фермой, и, с биноклем в руке, подолгу смотрел в сторону железной дороги и Черноморского вокзала, где наблюдалось оживлённое движение. Он был уверен, что красные готовят эвакуацию города. Главнокомандующий твёрдо решил в 17 часов возобновить наступление на всём фронте.

В то же время о состоянии дел у противника в штаб поступали и тревожные сведения. «В этот день черкесы из аула Старобжегокай, лежащего на том берегу Кубани против фермы, – писал С. М. Трухачёв, – всё время вызывали нас голосом к берегу и сообщали, что к Екатеринодару движется по железной дороге со

стороны Новороссийска значительное подкрепление красных тысяч до 40»[280]. Но генерал Корнилов своё мнение не переменял.

С утра, не заходя в Елизаветинскую, от переправы к городу выдвинулись все части 1-й бригады, оставив обоз под защитой слабого прикрытия. У фермы Офицерский полк и Инженерную роту встретил сам генерал Корнилов со штабом.

Нервно размахивая нагайкой, широкой поступью подошёл и генерал Марков. Ещё издали он недовольно кричал:

– Чёрт знает что! Раздёртали мой Кубанский полк, а меня вместо инвалидной команды к обозу пришили. Пустили бы сразу со всей бригадой – я бы уже давно в Екатеринодаре был.

– Не горюй, Сережа, – отвечал ему генерал Романовский, – Екатеринодар от тебя не ушел.

Генерал Марков распорядился осмотреть оружие, при необходимости заменить трофейным, лежавшим у фермы, и обязательно иметь штык.

Наскоро подкрепившись «чем бог послал», через час, береговой дорогой марковцы тронулись в путь к кожевенному заводу. Вскоре их колонна попала под артиллерийский огонь, который вели не только городские батареи, но и орудия речной флотилии. Рассредоточившись, марковцы двинулись дальше без остановок. Миновав кожевенный завод, они четырьмя ротами заняли участок от Кубани до дороги на Елизаветинскую шириной более 2 вёрст, где сменили измотанные в боях части Кубанского стрелкового полка. В 600 шагах от них, за голым полем в окопах засели красные. Заметив движение на позиции добровольцев, они стали поливать их свинцом.

За правым флангом боевой линии генерал Марков поставил 6-ю роту, за левым – 4-ю, а Инженерную роту расположил у реки. В резерве остались и сменённые части кубанцев.

Боевой участок 2-й бригады находился слева, уступом сзади, поэтому левый фланг марковцев оказался под обстрелом.

До намеченной на 17 часов атаки оставалось около двух часов, и генерал Марков обошёл передовые роты – 1-ю, 2-ю и левофланговую 5-ю, инструктируя которую, он сказал:

– Сейчас будем брать артиллерийские казармы. Вы атакуете их в лоб, без задержек, без перебежек. Берегите патроны. Вашу атаку поддержат кубанцы.

В намеченное время взвод 1-й батареи открыл беглый огонь – всего 7 выстрелов.

– С Богом! Вперёд! – крикнул командир бригады.

Полковник Зотов поднял офицеров, и 5-я рота метнулась вперёд. За ней рванулись и две другие. Красные от неожиданности даже перестали постреливать, но когда марковцы пробежали половину пути, встретили их свинцовым ливнем, и 5-я рота прижалась к земле. Но им на помощь уже неслась цепь кубанцев, увлекаемая вперёд самим генералом Марковым.

Многие красноармейцы не выдержали и толпами побежали в тыл. Добровольцы ворвались в артиллерийские казармы, где сошлись с красными в рукопашной схватке. Прапорщик Гольдшмидт развернул один из брошенных противником пулемётов и полоснул очередью по спинам бегущих, другие офицеры подбирали на валу трофейные гранаты и забрасывали ими очаги сопротивления. 5-я рота пробилась на окраину казарм, обращённую к городу, и остановилась.

После взятия артиллерийских казарм Офицерский полк недосчитался около 200 человек убитыми и ранеными, кубанцы во время захвата казарм тоже понесли тяжёлые потери.

До Екатеринодара оставалось всего шагов 400. На его окраине пролегал следующий рубеж обороны. Справа от казарм в огородах, за живыми изгородями тоже окопались красные, а слева не было видно частей 2-й бригады, их наступление захлебнулось в самом начале атаки. Фронт 1-й бригады ещё больше выдвинулся вперёд, образуя выступ, особенно уязвимый с левого фланга.

Из трёх отправленных на соседний участок офицеров до генерала Казановича добрался только прапорщик Гольдшмидт, остальные погибли. Он сообщил о взятии Офицерским полком артиллерийских казарм и передал просьбу генерала Маркова продолжить атаку, чтобы сначала выровнять линию фронта, а затем совместными усилиями протаранить оборону красных.

Корниловцы располагались в овраге, по дну которого протекал ручей. Получив сведения об успехе марковцев, полковник Неженцев приказал своим усталым и поредевшим частям перейти в наступление на Черноморский вокзал. Цепь корниловцев поднялась было, но тут же ураганный огонь бронепоездов вдавил её в землю. Она даже не смогла выйти из оврага. Красные отгородились стеной огня. «При взятии

генералом Марковым артиллерийских казарм Корниловский полк не поддержал его вовремя, – писал хан Р. Б. Хаджиев, – так как в составе его было теперь очень много новичков кубанцев, которые, попав с места в карьер в такой переплёт, терялись и даже “пачками” бежали с фронта»[\[281\]](#). Узнав об этом, главнокомандующий выделил особый отряд, который отлавливал беглецов и отправлял их обратно на передовую.

Людские резервы были давно исчерпаны. Тогда полковник Неженцев использовал свой последний резерв – командирский авторитет, обаяние и личный пример. Он сам попытался поднять в атаку свою редкую цепь, «...но, раненный в голову, упал, поднялся, сделал несколько шагов и был убит второй пулей. Цепи снова залегли. Тело командира с трудом перетащили на холм, откуда он сошёл перед смертью»[\[282\]](#). Больше корниловцы не пытались атаковать, подняться ещё раз было выше их сил...

А в это самое время на правом крыле 2-й бригады, во главе 2-го батальона партизан, готовился к атаке генерал Казанович. Это была последняя свежая часть бригады. Отправив очередное распоряжение с последним ординарцем, преодолевая боль от раны в плече, с перевязанной рукой, генерал Казанович спустился со своего штабного холмика и решительно повёл цепь партизан к оврагу. На это движение красные мгновенно ответили пулемётными очередями, но удача улыбнулась партизанам, солнце на закате било пулемётчикам в глаза и прицел оказался слишком высок – пули роились над головами наступавшей части, не причиняя ей вреда. Цепь беспрепятственно достигла дна оврага, где находились уцелевшие после дневных боёв елизаветинские казаки, недавно влитые в Корниловский полк. Они встретили генерала словами:

– Здесь лежит тело убитого командира Корниловского полка, и мы не знаем, что нам делать.

– Идите со мной в Екатеринодар.

Отбросив сомнения, около сотни елизаветинцев усилили отряд генерала Казановича.

При подъёме партизан из оврага красные открыли было огонь, но вскоре прекратили стрельбу и откатились к городу, не оказывая упорного сопротивления.

Солнце садилось за горизонт. Смеркалось. Чтобы случайно справа не попасть под обстрел марковцев, генерал Казанович приказал офицерам часто выкрикивать команды, в которых звучало бы слово «партизаны», наподобие «равняйтесь, партизаны», «вперёд, партизаны». И не напрасно – вскоре из темноты раздался громкий окрик и вопрос:

– Что за партизаны?

– Партизанский полк, здесь генерал!

Вскоре из темноты к командиру полка подошёл полковник Кутепов, возглавлявший левое крыло 1-й бригады. В него входили части Офицерского и Кубанского стрелкового полков, перемешанные в пылу вечерней атаки. «Я спросил, где генерал Марков, и получил ответ, что он пошёл к своему правому флангу на участок генерала Боровского, – привёл в своих воспоминаниях рассказ Б. И. Казановича А. П. Богаевский. – Сказав полковнику Кутепову, что я сейчас атакую окраину города и проникну в глубь его по ближайшим улицам, я просил атаковать вслед за мной и правее меня; эту просьбу я просил передать и генералу Боровскому и их общему начальнику генералу Маркову. Полковник Кутепов обещал атаковать, как только я ворвусь в город»[\[283\]](#).

Задав цепям вектор движения по указаниям офицеров, уроженцев Екатеринодара, генерал Казанович двинулся вперёд. В первой линии шли 2-й батальон и 2-я сотня 1-го батальона, примкнувшая к отряду на позициях корниловцев. Во второй линии пошли елизаветинцы. У противника на окраине города оказались какие-то немногочисленные части. Они подняли беспорядочную ружейную стрельбу, а затем разбежались, открыв генералу Казановичу дорогу в город.

Такая лёгкая победа, вероятно, объясняется тем, что красные не ожидали боя, и многие из них ушли в город на отдых, оставив в окопах лишь заставы. Возможно, что атака совпала со сменой красных частей на передовой. Так или иначе, непробиваемая днём оборона красных пала почти без сопротивления.

Миновав линию окопов, партизаны оказались на улице Ярмарочной. Не встречая сопротивления, они осматривали соседние улицы и быстро продвигались в глубь Екатеринодара. На пути им встречались ни о чём не подозревавшие одиночные красноармейцы, которых партизаны отлавливали и приканчивали. Иногда попадались

разъезды. По одному из них открыли огонь, и он скрылся, тогда партизаны стали хитрить. Доверительными разговорами, обманом усыпляли их бдительность, окружали и без выстрела истребляли. Таким образом отловили 16 всадников.

На Ярмарочной улице находились казармы, в которых содержалось 900 пленных австрийцев. Их охраняли казаки, поставленные ещё Кубанским правительством, до прихода красных в город. Генерал Казанович дал указание караульной команде продолжать службу, а один из его офицеров даже расписался в книге.

Была уже глубокая ночь, и стрельба на фронте 1-й бригады затихла. Уверенный, что марковцы тоже продвигаются по одной из соседних улиц, чтобы наладить с ними связь, генерал Казанович распорядился временами кричать: «Ура генералу Корнилову!»

Дойдя до Сенной площади, отряд остановился, ожидая появления других добровольческих частей. На углу Ярмарочной улицы установили один пулемёт, а другой – на юго-западном углу площади. Под утро к позициям красных потянулись повозки, по большей части санитарные, но удалось захватить повозку с хлебом, несколько подвод с патронами и одну особенно ценную – с артиллерийскими снарядами.

Тем временем ночь проходила, а сведений о соседях не поступало. Обеспокоенный этим генерал Казанович отправил на разведку кавалерийский разъезд во главе с сотником Хопёрским. По возвращении он сообщил, что нигде не обнаружил добровольческих частей, а прорванный партизанами участок фронта занят крупными силами красных, которые не знали, что на самом деле творится у них в тылу.

В такой ситуации оставаться в центре города с отрядом в 250 бойцов при двух пулемётах было равносильно самоубийству. С восходом солнца партизан обнаружили бы и уничтожили без пользы для общего дела. Оценив обстановку, генерал Казанович решил до утра попытаться вывести отряд обратно к своим.

Время поджимало. В голове колонны генерал Казанович поставил партизан с пулемётами, затем елизаветинцев и в хвост определил захваченные повозки и лошадей. Отряд двинулся обратно по Ярмарочной улице в надежде проскочить в темноте тем же путём, что и вошёл в город. На расспросы командир приказал отвечать, что их часть входит в Кавказский отряд и идёт на передовую. От пленённых

красноармейцев было известно, что такой отряд недавно выгрузился на Владикавказском вокзале.

Везение и на этот раз не оставило генерала Казановича. Он благополучно вывел своих людей к линии обороны красных. Благополучно миновав место скопления их резервов, партизаны оказались на линии обороны. «Я рассчитывал, как только подойду вплотную к большевикам, броситься в штыки и пробить себе дорогу, – описывал этот тревожный момент сам Б. И. Казанович, – но большевики, мирно беседуя с нашими людьми, так с ними перемешались, что нечего было и думать об этом, принимая во внимание подавляющее численное превосходство противника. Надо было возможно скорее выбираться на простор»[\[284\]](#).

На удивление, всё шло как по маслу до того момента, когда через линию окопов потянулся обоз. Красноармейцы переполошились и подняли стрельбу, отрезав часть повозок. Оказавшись под огнём, драгоценная повозка со снарядами метнулась в сторону и застряла в канаве неподалёку от артиллерийских казарм. Пока её искали, генерала Казановича долго нервировали расспросы о судьбе 52 снарядов. Весть о них дошла даже до генерала Корнилова, что ярко иллюстрировало острый снарядный голод.

Первым встретил партизан полковник Кутепов, который по понятной причине особенно беспокоился об их судьбе. Генералу Казановичу он сказал, что, хотя и слышал удаляющиеся крики «ура», но не смог ночью организовать для атаки свои усталые и разнородные части. «Скоро подошёл и генерал Марков, – вспоминал Б. И. Казанович, – который сказал мне, что ничего не знал о моём предприятии и услышал о нём впервые, когда по его телефону передавали моё донесение в штаб армии. Он предложил мне сейчас же общими силами повторить атаку. На это я ответил, что время упущено, теперь уже светло, большевики предупреждены, подвели резервы, и атака на том же самом месте едва ли имеет шансы на успех»[\[285\]](#). Действительно, нельзя дважды войти в одну и ту же воду... Изнурённым ночным походом партизанам требовался отдых.

Исходя из воспоминаний генерала Казановича, получалось, что в неудаче повинен полковник Кутепов. Однако немыслимо, чтобы такой опытный и ответственный офицер не отправил генералу Маркову донесение о ночном рейде партизан. В этой связи интересно замечание

историографа марковцев В. Е. Павлова: «...левофланговые роты полка были готовы к продолжению наступления и недоумевали, не получая приказаний, и тем более потому, что стрельба со стороны города совершенно прекратилась»[\[286\]](#). Сведения о реакции на происходящее генерала Боровского в мемуарной литературе вообще отсутствуют. Что же касается командира 2-й бригады, то поддержать атаку генерала Казановича ему было попросту нечем.

Вечером 29 марта (11 апреля), ещё засветло, генерал Богаевский отправился на передовые позиции своей бригады. Попав под бешеный пулемётный огонь, до передовой он смог добраться только под покровом ночи. «Ощупью, ориентируясь по стонам раненых, добрался я до холмика с громким названием “штаб Корниловского полка” почти на линии окопов, – сокрушённо писал он. – Крошечный “форт” с отважным гарнизоном, среди которого только трое было живых, остальные бойцы лежали мёртвые. Один из живых, временно командующий полком, измученный почти до потери сознания, спокойно отрапортовал мне о смерти командира полковника Неженцева. Он лежал тут же, такой же стройный и тонкий; на груди черкески тускло сверкал Георгиевский крест»[\[287\]](#).

Впереди, всего в нескольких десятках шагов, располагалась линия обороны красных. Они заметили движение у корниловцев. Сразу же затрещал их пулемёт, осыпая роем пуль израненный за боевой день холмик, ставший командным пунктом полка. Несколько оставшихся в живых офицеров прильнули к земле, спасаясь от смертоносного свинца за трупами убитых боевых товарищей. Рядом с бездыханным телом полковника Неженцева вжался в землю и генерал Богаевский, слушая тихий доклад временно принявшего полк корниловца. После многочисленных жестоких боёв нечего было и думать продолжать атаки жалкими остатками полка.

О плачевном состоянии Корниловского полка свидетельствует и случай, приключившийся той ночью с доктором Крошечкиным и сестрами милосердия В. С. Васильевой-Левитовой и Таней. После отправки в Елизаветинскую очередной партии раненых они пошли на хорошо знакомые и многократно исхоженные ими позиции полка. В поисках раненых они наткнулись на троих солдат, оказавшихся красноармейцами. Медиков выручила ночь и находчивость доктора, который, выхватив револьвер, прикрывал бегство девушек. В

перестрелке пуля раздробила доктору предплечье^[47]. «Две же сестры, не найдя никого на позициях, пошли на молочную ферму, где был штаб Армии, и им удалось сообщить о положении полка генералу Корнилову...»^[288] В Партизанском полку насчитывалось едва 300^[48] бойцов, а в Корниловском в строю оставалось всего 65^[49] человек, к тому же до крайности измотанных трёхдневным боем и хроническим недосыпанием, не намного лучшим было состояние и 1-й бригады. Таким образом, красные могли оказаться не только на участке корниловцев, но, из-за больших интервалов между стрелками в цепи, могли беспрепятственно выйти в тыл к добровольцам.

«В упорных бесконечных боях за овладение городом, как тоненькая восковая свечечка на ветру, тают и без того поредевшие части добровольцев, – отмечал Б. А. Штейфон. – Слышен ропот: “Корнилов угробит всю армию!..”»^[289] Обескровленная Добровольческая армия всё больше втягивалась в мясорубку екатеринодарских боёв.

Уникальный эпизод с дерзким рейдом генерала Казановича вполне мог развернуть ситуацию в пользу добровольцев. Но, увы, чуда не произошло. Марковцы, по невыясненной причине, не поддержали партизан. Возможно, сыграло роль и то, что связь людьми не позволяла оперативно согласовать действия бригад, с учётом особенностей каждого участка фронта. А самое главное – к ночи 29 марта (11 апреля) у Добровольческой армии не было достаточно сил и средств для успешного штурма Екатеринодара. У красных было в 5–6 раз больше живой силы и почти неограниченное количество боеприпасов. Их артиллерия работала безостановочно, выпуская в день до 10 000 снарядов. На это добровольцам ответить было не чем. Например, в 1-й батарее подполковника Миончинского 30 марта (12 апреля) снарядов практически уже не было. «К вечеру в батарее оставалось 4 шрапнели и 3 гранаты, и пошёл слух, что перед атакой всех артиллеристов вооружат винтовками и, оставив караул у орудий, пустят: пеших – цепью в атаку, а конных – как конницу»^[290].

В походной обстановке, когда армия одерживала победы над превосходящим по численности противником, штаб активно использовал манёвр, фактор неожиданности. В период же осады кубанской столицы действия добровольческих частей стали предсказуемыми. В такой обстановке лобовые атаки на узком фронте в

несколько вёрст на хорошо укреплённую линию обороны не давали желаемого результата.

Глава четвёртая

Военный совет

Рано утром 30 марта (12 апреля) в штабе армии узнали о рейде генерала Казановича. Выяснилось, что город вот-вот должен был оказаться в руках добровольцев, но помешала роковая череда случайностей.

К этому времени на фронте оставалось: в 1-й бригаде около 1200 человек, а во 2-й – не более 500. Кавалерийская бригада генерала Эрдели не понесла больших потерь, однако в сложившейся обстановке она не могла сильно повлиять на ход боёв – её обход Екатеринодара не принёс фронту видимых плодов. Видя плачевное состояние армии, её ряды стали оставлять мобилизованные казаки. Некоторые добровольцы тоже стали покидать свои части, чего прежде не наблюдалось. Снарядный голод у артиллеристов-добровольцев принял крайнюю форму. На 10–20 выстрелов красных их пушки отвечали одним, а то и вовсе молчали. Число раненых в походном лазарете превышало 1500 человек.

Красные же не имели нужды в боеприпасах и, растерявшиеся в первые два дня боёв, теперь окрепли, почувствовав почву под ногами. Они постоянно подвозили подкрепления по железной дороге со станций Тихорецкой и Кавказской, а также из Новороссийска. А. И. Деникин писал о состоянии дел у противника: «Разведка штаба определяла в боевой линии до 18 тысяч бойцов при 2–3 бронепоездах, 2–4 гаубицах и 8—10 легких орудиях. Но отряды пополнялись, сменялись, прибывали новые со всех сторон. Позднее в Екатеринодарских “Известиях” мы прочли, что защита Екатеринодара обошлась большевикам в 15 тысяч человек, в том числе 10 тысяч ранеными, которыми забиты были все лазареты, все санитарные поезда, непрерывно эвакуируемые на Тихорецкую и Кавказскую»[\[291\]](#).

Шёл четвёртый день непрерывных боёв. Красные проявляли небывалое до той поры упорство, используя своё подавляющее преимущество в живой силе, бронепоезда и неистощимые запасы снарядов и патронов. Вся западная окраина города была занята их частями. Накапливали они силы и в огородах.

Позиции Офицерского полка в артиллерийских казармах находились всего в 400 шагах от неприятеля и были опасно выдвинуты вперёд, поэтому они подвергались обстрелу не только с фронта, но и с флангов. Слева от казарм через дорогу уступом назад располагался Партизанский полк. Ещё левее стояли корниловцы, числом в 65 штыков. Их положение оказалось наиболее плачевным – погиб полковник Неженцев, а его заместитель полковник Индейкин был ранен. К тому же среди оставшихся в строю корниловцев было несколько раненых, но отказавшихся идти в лазарет, были раненные в руку и стрелявшие здоровой рукой, был даже один офицер с выбитым глазом. С лёгкими ранениями у офицеров вообще не принято было покидать передовую.

«Когда Корнилову доложили о смерти Неженцева, – вспоминал А. И. Деникин, – он закрыл лицо руками и долго молчал. Был угрюм и задумчив; ни разу с тех пор шутка не срывалась с его уст, никто не видел больше его улыбки. Не раз он неожиданно прерывал разговор с новым человеком:

– Вы знаете, Неженцев убит, какая тяжёлая потеря...

И на минуту замолчит, нервно потирая лоб своим характерным жестом. Когда к ферме подвезли на повозке тело Неженцева, Корнилов склонился над ним, долго с глубокой тоской смотрел в лицо того, кто отдал за него свою жизнь, потом перекрестил и поцеловал его, прощаясь, как с любимым сыном...»[\[292\]](#) Смерть полковника Неженцева тяжёлым камнем легла на сердца не только корниловцев, но и многих старых добровольцев.

Корниловский ударный полк имел не только боевое, но и политическое значение. Понимая это, генерал Корнилов приказал пополнить его отрядом полковника Шкуратова в 350 казаков станицы Новомышастовской, а принял полк бывший командир лейб-гвардии Преображенского полка полковник Кутепов.

Однако на другой день, вопреки ожиданиям, вместо старых опытных пластунов в полк прибыло 1000 молодых необстрелянных казаков станицы Марьянской, при 13 офицерах. У самой передовой они попали под артобстрел. Впервые оказавшись под огнём, молодые казаки в панике разбежались кто куда. Выяснилось, что в станице они занимались только строевой подготовкой, а стрелять не умели. Для

обучения нужны были опытные стрелки-инструктора, 13 казачьих офицеров для этого было явно недостаточно.

Полковник Булюбаш обратился за помощью к командиру Партизанского полка генералу Казановичу.

– У меня от полка осталось только 12^[50] человек, – ответил он. – Можете взять всех.

В итоге за 8 часов опытные инструктора научили молодёжь основным приёмам и правилам стрельбы из винтовки. «В этот же вечер батальон казаков неоднократно участвовал в отражении конных атак противника со стороны садов г. Екатеринодара. Генерал Богаевский обратил внимание на столь успешную подготовку батальона»^[293].

На участке Офицерского полка вся площадь артиллерийских казарм насквозь простреливалась ружейным, пулемётным и орудийным огнём. Не слишком защищал от него и выдвинутый вперёд земляной вал. Красноармейцы обосновались в городских зданиях, из окон и с крыш вели прицельный огонь. Среди огородов, на расстоянии около 2000 шагов встал на позицию их артиллерийский взвод и безнаказанно осыпал казармы гранатами и шрапнелями. Марковцы молчали – сэкономили боеприпасы, лишь немногие, наиболее азартные из них, вступали в перестрелку. Прапорщик Дитман притащил на позицию матрас, примостился на нём и время от времени прицельно стрелял. Вскоре красные пристрелялись по нему и пули стали рвать матрас, пока командир роты не приказал прекратить стрельбу.

От не прекращавшегося весь день огня красных марковцы несли ощутимые потери. Один артиллерийский снаряд угодил в пулемётное гнездо, перебил и переранил весь расчёт. Осколком другой гранаты одному из добровольцев, кавказцу, срезало руку. «Сестра милосердия Шурочка, как все её называли, немедленно произвела операцию: перочинным ножиком она перерезала сухожилия, на которых ещё держалась рука, и перевязала раненого. Все поражались её самообладанию и хладнокровию»^[294]. Раненый кавказец мужественно переносил страдания. На глазах у всей роты уже был пример поручика Фёдорова, который, лишившись правой руки, не покидал строй и управлялся с карабином при помощи оставшейся левой и зубов.

В течение дня временами у красных замечались приготовления к атаке, но марковцы срывали их пулемётным и ружейным огнём. Хотя одна атака всё же получилась и красным удалось сбить с позиции 5-ю роту, но генерал Марков тут же появился среди отошедших добровольцев и организовал контратаку, которая вернула оставленную позицию.

Видя пассивность добровольцев, красные осмелели. После неудачной атаки на 5-ю роту они выдвинули свои части вдоль противоположного берега Кубани и стали обстреливать позиции 1-й бригады не только во фланг, но и в тыл. Теперь под обстрелом оказалась единственная дорога, которая в значительной степени была скрыта от наблюдения со стороны города. Одновременно красные активизировались и на других участках фронта.

Красные всё время подвозили свежие силы, и добровольцам надо было что-то предпринять, чтобы не упустить инициативу из своих рук.

30 марта (12 апреля) во второй половине дня на ферме в своей комнате генерал Корнилов собрал военный совет^[51]. На нём, кроме главнокомандующего, присутствовали генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков и Богаевский. Хотя на совете находились оба командира пехотных бригад, командира кавалерийской бригады генерала Эрдели среди присутствующих не было. Дело в том, что со штабами пехотных бригад и с обозом в Елизаветинской была установлена телефонная связь, а со штабом кавалерийской бригады поддерживалась связь людьми, и оперативно пригласить генерала Эрдели на военный совет не было возможности. К тому же к началу совещания штаб армии длительное время не получал от него донесений, и, разочарованный действиями конницы, генерал Корнилов уже не возлагал на неё больших надежд.

Из Елизаветинской на совещание также приехали кубанский атаман полковник Филимонов и председатель правительства Л. Л. Быч. Когда они подъехали к ферме, то попали под артобстрел, который не прекращался весь световой день. В зоне особого внимания красных артиллеристов находилась дорога на Елизаветинскую, поэтому находившийся поблизости офицер предложил атаману держаться левее, сказав, что только что на дороге снарядом разорвало на части кубанского есаула Шкуропатского.

Когда полковник Филимонов и Л. Л. Быч вошли в комнату главнокомандующего, все генералы были уже в сборе, лишь начальник штаба генерал Романовский куда-то отлучился. Комната была маленькая, тесная. На кровати и скамье не помещались все приглашённые. Генерал Марков полулежал-полусидел в углу, на полу, покрытом соломой. Помещение освещалось тусклым дрожащим светом двух-трёх восковых свечей. Выходившее в сторону неприятеля окно предусмотрительно занавесили циновкой. Когда генерал Романовский вернулся, главнокомандующий открыл совещание. «За ночь он весь как-то осунулся, на лбу легла глубокая складка, придававшая его лицу суровое, страдальческое выражение»[\[295\]](#).

Сначала о положении дел на фронте доложили начальник штаба и командиры пехотных бригад. Без прикрас и без ложной надежды на победу они рассказали об отчаянных лобовых атаках под свинцовым дождём и о взятых большой кровью рубежах обороны, о нескончаемых вражеских артобстрелах и об ураганном огне бронепоездов, о снарядном голоде и об огромных потерях в частях, особенно в 1-й бригаде, где Корниловский полк практически перестал существовать. Боевые действия на узком фронте сковали армию, лишая её манёвра. На третий день боёв лобовые атаки давали ничтожные результаты, сопровождаясь огромными жертвами, истощая и без того скудный арсенал армии. Сработал извечный третий закон Ньютона – действие равно противодействию, причём противодействие росло, а напор добровольцев ослабевал.

В то же время красные с лихвой восполняли свои потери, спешно подвозя свежие силы по железной дороге с трёх направлений – с Тихорецкой, Кавказской и от Новороссийска, обладая неистощимыми запасами снарядов и патронов. Растерявшись в первые два дня штурма, они окрепли и, видя малочисленность добровольцев, явно готовились к контратаке.

С тяжёлым сердцем писал А. И. Деникин о последнем военном совете генерала Корнилова: «Наши войска понесли тяжёлые потери, в особенности в командном составе. Части перемешаны и до крайности утомлены физически и морально четырёхдневным боем. Офицерский полк еще сохранился, Кубанский стрелковый сильно потрепан, из Партизанского осталось не более 300 штыков, еще меньше в Корниловском. Замечается редкое для добровольцев явление – утечка

из боевой линии в тыл. Казаки расходятся по своим станицам. Конница, по-видимому, ничего серьёзного сделать не может. Снарядов нет, патронов нет. Число раненых в лазарете перевалило за полторы тысячи»[296]. Перед самым совещанием адъютант главнокомандующего корнет хан Хаджиев передал ему от начальника обоза генерала Эльснера записку с сообщением, что в запасе у армии осталось всего 12 000 патронов.

Состояние духа у всех присутствующих было подавленное. Особенно сильное впечатление произвели доклады строевых начальников на кубанцев. Истинное положение дел на фронте предстало перед ними во всей своей неприглядной наготе. Находясь в тылу, в Елизаветинской, они были уверены, что город вот-вот падёт.

Несколько часов назад сопровождавший атамана член Кубанской Рады, в прошлом депутат IV Государственной Думы, Н. Н. Николаев, не доезжая вёрст пяти до фермы, повернул обратно, со словами:

– Знаете, Александр Петрович, я вернусь назад за вещами, не подлежит сомнению, что Екатеринодар сегодня возьмут...

И вот теперь, сидя на военном совете в тесной полутёмной комнатке и потрясённые услышанным, кубанцы осознали всю трагичность положения армии.

Опустив глаза, военачальники стали обмениваться мнениями. Во время безрадостной беседы генерал Марков, полулёжа на соломе, склонил голову на плечо генерала Романовского и, заснув, тихо похрапывал. Сказались бессонные ночи, нервное и физическое переутомление. Многие из присутствующих тоже были близки к тому, чтобы последовать его примеру. Генерала Маркова кто-то толкнул.

– Извините, ваше высокопревосходительство, – сказал он, – разморило – двое суток не ложился...

Неожиданно раздался грохот от разрыва снаряда и мощный удар в наружную стену сотряс здание. Оказалось, что крупный осколок гранаты плашмя ударился в стену, но не проломил её. Все присутствующие встрепенулись, вернувшись к суровой действительности. Сонливость как рукой сняло.

– К сожалению, я замечаю утечку в глубь тыла совершенно здоровых бойцов из рядов армии, не говоря о казаках, которые не хотят воевать и расходятся по станицам, – продолжил совещание главнокомандующий. – Наша конница, посланная в тыл большевикам,

ничего серьёзного не сделала и, пожалуй, не сделает^[52]. Число раненых с каждой минутой увеличивается, а медицинского персонала и медикаментов у нас нет!

Генерал Корнилов не возражал докладчикам, не пытался сгладить тяжёлую картину происходящего, да и нечем было.

– Положение действительно тяжёлое, – глухим голосом резко сказал он, нарушив гнетущую тишину, – и я не вижу другого выхода, как взятие Екатеринодара. Поэтому я решил завтра на рассвете атаковать по всему фронту.

Затем главнокомандующий предложил каждому участнику совещания высказаться по вопросу – продолжать осаду города или снять её, а если отходить, то куда? «Деникин и Романовский высказались за немедленный отход от Екатеринодара, считая взятие города делом безнадёжным, – писал А. П. Филимонов. – Богаевский полагал, что город взять можно, но удержать его нельзя. Разбуженный Марков заявил, что если он, генерал, так переутомился, что заснул на совещании, то каково же состояние рядовых бойцов. Он находил, что нужно отойти от города и двинуться по казачьим станицам в горы, в Терскую область»^[297].

– У нас ещё будут победы, – закончил свою речь генерал Марков.

Из речей высказавшихся военачальников следовало, что наступательный порыв частей прошёл и настал предел человеческих возможностей, что для овладения кубанской столицей в настоящее время нет ни сил, ни средств, а неудачный штурм грозит катастрофой.

Когда настал черёд давать заключение кубанцам, полковник Филимонов и Л. Л. Быч горячо и единодушно высказались за продолжение осады, считая, что отступление – худший вариант. Генерал Алексеев считал, что город надо штурмовать, но перед этим дать войскам передышку.

– Я полагаю, что лучше будет отложить штурм до послезавтра, – предложил он. – За сутки войска несколько отдохнут, за ночь можно будет произвести перегруппировку на участке Корниловского полка, быть может, станичники подойдут ещё на пополнение.

На самом деле предложение это являлось лишь скрытым колебанием и не давало армии ощутимых выгод. Трудно говорить о каком-то отдыхе частей, находившихся под обстрелом в цепях в боевой линии. Противник накопил свежие силы, и в случае контратаки войска

истратили бы последние боеприпасы. И что тогда – брать город голыми руками, на штык? Небольшие подкрепления могли подойти, но, оценив обстановку, многие находившиеся в строю казаки могли разойтись по домам. Отсрочка лишь несколько сглаживала психологический накал, не более того. Однако главнокомандующий без полемики, как-то сразу согласился с генералом Алексеевым.

– Итак, будем штурмовать Екатеринодар на рассвете 1 апреля, – подвёл он итог совещания, который, судя по всему, был им предреши́т.

Что вообще означал этот штурм? Лобовая атака измученных четырёхдневным боем людей, без артподготовки, без резервов, почти без патронов, на хорошо оборудованную позицию, на в десять, а может, и в двадцать раз сильнее́шего числом противника, сведения разведки были очень приблизительны... Акт отчаяния, почти наверняка обрекавший боевые части на гибель, а обоз и 1500 раненых – на плен и мученическую смерть...

Опытные военачальники, генералы Деникин, Романовский, Богаевский и Марков прекрасно понимали это, и, как могли, протестовали, предлагая тоже тяжёлый, но разумный вариант – отступление. Понимал, конечно, и генерал Алексеев, не мог не понимать, но почему-то встал на сторону вождя армии, бесповоротное решение которого можно было объяснить только глубочайшим психологическим срывом... На какое-то время в комнате воцарилось гробовое молчание. «Мы были собраны, по-видимому, не затем, чтобы узнать наше мнение по этому вопросу, – с горечью отмечал А. П. Богаевский, – хотя Корнилов и спросил его, а для того, чтобы внушить нам мысль о неизбежности этого штурма»[\[298\]](#).

Под занавес генерал Марков предложил, для подъёма боевого духа в частях, – всем начальникам, кубанскому атаману, правительству и Раде во время штурма идти впереди боевых цепей. Возражений не последовало.

Когда, понурые и усталые, участники совета разошлись, в комнате у главнокомандующего задержался генерал Деникин. По свидетельству А. И. Деникина, между ними состоялся следующий диалог:

– Лавр Георгиевич, почему вы так непреклонны в этом вопросе?

– Нет другого выхода, Антон Иванович. Если не возьмём Екатеринодар, то мне останется пустить себе пулю в лоб.

– Этого вы не можете сделать. Ведь тогда остались бы брошенными тысячи жизней. Отчего же нам не оторваться от Екатеринодара, чтобы действительно отдохнуть, устроиться и скомбинировать новую операцию? Ведь в случае неудачи штурм отступить нам едва ли удастся.

– Вы выведете.

А. И. Деникин встал и взволнованно проговорил:

– Ваше высокопревосходительство! Если генерал Корнилов покончит с собой, то никто не выведет армии – она вся погибнет.

В этот момент кто-то вошёл, разговор оборвался и навсегда остался неоконченным...

В тот же вечер с передовой в резерв прибыл генерал Казанович. В разговоре с ним главнокомандующий сообщил, что предстоит решающий штурм города, Партизанский полк будет в резерве, и в решительную минуту он двинет его вперёд. Генерал Казанович выразил уверенность в том, что атака удастся, раз сам генерал Корнилов лично будет ею руководить. На что главнокомандующий сказал:

– Конечно, мы все можем при этом погибнуть. Но, по-моему, лучше погибнуть с честью. Отступление теперь тоже равносильно гибели: без снарядов и патронов это будет медленная агония.

Генерал Марков вернулся в расположение своей бригады внешне в бодром состоянии и отдал приказ о подготовке к атаке, распорядившись, чтобы все имели на головных уборах белые нашивки. Однако на расспросы об итогах совещания полковнику Тимановскому и нескольким наиболее близким офицерам он сказал:

– Наденьте чистое бельё, у кого есть. Будем штурмовать Екатеринодар. Екатеринодара не возьмём, а если и возьмём, то погибнем.

Глава пятая

Гибель генерала Корнилова^[53]

Весь день и до ночи 30 марта (12 апреля) артиллерия красных свободно громила добровольческие позиции, берег Кубани и ферму. По дороге из городского предместья группами и поодиночке шли в тыл раненые. Большинство из них не понимало, насколько тяжёлым было общее положение армии, ведь осведомлённость их, как правило, не выходила за пределы роты или батальона. Лишь с левого фланга, где было особенно жарко из-за бронепоездов, тянулись подавленные и пессимистически настроенные добровольцы.

Сидя на берегу реки с тяжкими думами, генерал Деникин временами заговаривал с проходившими мимо ранеными. Они охотно вступали в разговор, подчас высказывая фантастическое понятие о ситуации на фронте. Унылые встречались редко – многие раненые, уже исстрадавшись, продолжали слепо верить в своего вождя. В их числе подошёл и хорошо знакомый генералу штабс-капитан Бетлинг, который рядовым добровольцем, в числе первых записался в армию. Одна его рука беспомощно болталась, перебита кость. На вопрос о положении на фронте он ответил:

– От красногвардейцев, когда идёшь в атаку, просто в глазах рябит. Но это ничего. Если бы немного патронов, а главное, хоть немножко больше артиллерийского огня. Ведь казармы брали после какого-нибудь десятка гранат...

Но негде было взять снарядов и патронов. Стоявшие впереди фермы и немного левее орудия подполковника Миончинского почти всё время молчали и были окутаны дымом от рвавшихся вокруг них гранат.

Ещё днём, с крыши фермы и стоявшего поблизости сарая, генерал Корнилов наблюдал в бинокль интенсивное движение за линией обороны противника, особенно слева, у Черноморского вокзала. Выглядело это так, будто красные готовились оставить город. Чтобы проверить своё предположение, после военного совета, примерно в 17 часов, главнокомандующий с адъютантом корнетом ханом Хаджиевым

отправился на наблюдательный пункт 1-й батареи, стоявшей в полуверсте слева от фермы.

Было ещё светло. «Выйдя из фермы, Верховный и я пошли по направлению Черноморского вокзала, – писал хан Р. Б. Хаджиев. – Не успели мы показаться в поле, как товарищи, заметив нас, открыли пулемётную и винтовочную стрельбу. Верховный, не обращая внимания, как всегда, всё шёл вперёд. Я, идя сзади его, читал молитву»[299]. Слева по ходу движения стояла на позиции батарея подполковника Миончинского. Когда главнокомандующий поравнялся с ней, один из офицеров батареи подбежал к его адъютанту со словами:

– Господин корнет, попросите Верховного от имени офицеров батареи вернуться, так как впереди обстрел ещё сильнее!

Но главнокомандующий продолжал идти вперёд. Вокруг жужжали пули. Нагнувшись, он уронил папаху и перепрыгнул через лужу. Она тут же вскипела, пропитая пулемётной очередью. Адъютант бросился на землю и обнял её, пережидая стрельбу.

– Ну что, Хан, жарковато? Не бойтесь, пули нас не тронут! – бросил генерал Корнилов, следуя к бугру, к наблюдательному пункту 1-й батареи.

Ему навстречу спустился подполковник Миончинский.

– Ваше высокопревосходительство, обстрел сильный, вы изволите рисковать! – взволнованно произнёс он.

– Ложитесь все, господа! – приказал главнокомандующий.

Сам же он стоял во весь рост, глядя в бинокль. В это время пуля срезала поручика, стоявшего за спиной адъютанта, и его бездыханное тело покатило к подножию холма. Подполковник Миончинский перекрестился. Мастер своего дела, не раз метким огнём сметавший с пути армии батареи красных и обращавший в бегство бронепоезда, теперь в ответ на вражеский огонь он ничего не мог предпринять. Его орудия молчали, оставив НЗ – 4 шрапнели и 3 гранаты.

– Нет, это не отступление, а просто демонстрация, – произнёс генерал Корнилов, не отрываясь от бинокля. – Они хотят сесть на наш левый фланг!

Стемнело, когда сумрачный и задумчивый главнокомандующий возвращался в штаб. Корнет Хан Хаджиев нарушил тяжкое молчание

вопросом: есть ли хоть капля надежды на взятие этого несчастного города?

– А что – сомнение? Хан! Мы должны его взять!..

На ферме генерал Корнилов сразу же связался по телефону с начальниками участков, сообщив им о демонстрации красных, и приказал быть бдительными, не разводить костры и ничего не варить.

Вкусив безнаказанность и пристрелявшись днём, батареи красных продолжали вести огонь и в темноте. Снаряды всё чаще рвались около фермы и в центре рощи. В штаб на перевязочный пункт ежеминутно прибывали раненые. Их тяжёлые стоны стояли в ушах штабных офицеров, напрягая и без того взвинченные нервы, иногда звуки эти сливались в одно могучее стенание...

Поднявшись на крышу фермы, генерал Корнилов увидел три длинных линии постоянно мигавших огней – так работали батареи противника.

– Да, много их скопилось там. Вот где кончаются их фланги! – проговорил он, вернувшись к себе в комнату и делая пометки на карте.

Всю ночь главнокомандующий почти не смыкал глаз, лишь на короткое время, иногда проваливаясь в тревожное забытьё. Не спалось и другим обитателям фермы.

Уже часов в 6 утра 31 марта (13 апреля), раньше обычного, батареи красных начали обстрел фермы и прилегающей территории. «В штабе всю ночь кипела лихорадочная работа, – вспоминал хан Р. Б. Хаджиев. – Вести с фронта приходили одна хуже другой. Лучшие начальники выбывают из строя. Верховный неразговорчив, мрачен и мечется, как раненый лев в клетке. Он то подходит к телефону, то выходит во двор и прислушивается к стрельбе, то, качая головой, снова возвращается в свою комнату и, опершись левым коленом на стул, схватившись руками за голову, застывает на некоторое время над картой»[\[300\]](#). Неоднократно он звонил генералу Маркову, который подтверждал усиление обстрела на любое движение на позициях его бригады.

Ночью к штабу привезли тело погибшего командира Корниловского полка, и в 6 часов главнокомандующий вышел, чтобы попрощаться с ним. Вместе с корнетом ханом Хаджиевым он направился в рощу, где под молодой елью, на траве лежал полковник Неженцев, покрытый с головы до колен знаменем. Рядом стоял

часовой корниловец. Генерал Корнилов крупным шагом подошёл к нему, откинул край знамени, прикрывавший лицо, и произнёс.

– Царствие небесное тебе, без страха и упрёка честный патриот, Митрофан Осипович! – глаза его при этом заблестели, а прилив крови сделал бледное лицо бронзовым.

Он круто развернулся и с опущенной головой, заложив руки за спину, крупным шагом направился к ферме. В это время шрапнели рвались над рощей, линией разрывов подбираясь к штабу. Одна из них рванула у самого входа, переранив трёх казаков, чистивших там пулемёт. Корчась в предсмертных конвульсиях, они попались на глаза генералу Корнилову, когда он последний раз входил в штаб навстречу своей судьбе.

Около 7 часов к главнокомандующему зашёл генерал Богаевский и доложил о его вечернем осмотре позиций 2-й бригады. Со слов А. П. Богаевского, генерал Корнилов «...сидел на скамье, лицом к закрытому циновкой окну, выходявшему на сторону противника. Перед ним стоял простой деревянный стол, на котором лежала развёрнутая карта окрестностей Екатеринодара и стоял стакан чая. Корнилов был задумчив и сумрачен»[\[301\]](#). Выслушав невесёлый доклад командира 1-й бригады, длившийся около получаса, главнокомандующий задал несколько вопросов и вновь погрузился в изучение карты. На прощание он сказал:

– А всё-таки атаковать Екатеринодар необходимо: другого выхода нет...

Генерал Богаевский вышел в коридор, где разговорился с одним из офицеров. Их беседа не длилась и пяти минут, когда дом потряс взрыв. С треском распахнулась дверь из комнаты генерала Корнилова, и в коридор хлынул поток белой известковой пыли. Вслед за адъютантом главнокомандующего генерал Богаевский влетел в комнату. «Корнилов лежал на полу с закрытыми глазами, весь покрытый белой пылью. Его голову поддерживал адъютант корнет Бек-Хаджиев; по левому виску текла струйка крови; правая нога была вся в крови; шаровары были разорваны. Корнилов тихо стонал. В комнате все было перевернуто вверх дном. В наружной стене немного выше пола, как раз против того места, где сидел командующий армией, видно было отверстие, пробитое снарядом, который, видимо, разорвался, ударившись в стенку за спиной Корнилова»[\[302\]](#).

За всё время осады Екатеринодара только один снаряд попал в здание штаба, угодив именно в комнату генерала Корнилова, и убил только его одного. Что это – роковая случайность или судьба? Многие события, проявленные в нашем физическом мире, остаются за гранью человеческого понимания...

Во время взрыва рядом с главнокомандующим находился корнет хан Хаджиев, принёсший ему чай. Вот его свидетельство об этом моменте[\[54\]](#) `type="note">`: «Он сидел за столом одетый в полушубок и папаху, собираясь, очевидно, после чая на позицию. На столе лежала какая-то бумага, на которой Верховный что-то писал. Как я узнал после, он писал резолюцию на донесении генерала Эрдели, который наконец откликнулся 31 марта. Между колен Верховного стояла его неизменная палка. Держа в одной руке чай, а в другой кусок белого хлеба, я собирался было перешагнуть порог, как вдруг раздался сильный шум и треск. Верховного швырнуло к печке, и он, очевидно, ударившись об неё, грохнулся на пол. На него обрушился потолок. Я пришёл в себя перед дверью комнаты связи. Открыв глаза, я увидел бегущих и прыгающих через меня людей»[\[303\]](#). Очнувшись, хан Р. Б. Хаджиев бросился в комнату главнокомандующего, наполненную чёрным, едким пороховым дымом и пылью. Вместе с полковником Ратмановым, корнетом Сердаровым и ещё одним офицером команды связи он вытащил генерала Корнилова за ноги из-под обломков.

Прибежавший врач тут же распорядился вынести едва дышавшего генерала Корнилова во двор, но и там было небезопасно – ураган артобстрела нарастал с каждой минутой.

Проходя мимо комнаты связи, генерал Богаевский услышал в шуме поднявшейся суматохи истеричные выкрики:

– Всё пропало. Корнилов убит!

Так объятый паникой штабной офицер сообщал о гибели главнокомандующего генералу Маркову. «Вырвав у него трубку, я очень невежливо обругал его и буквально вытолкал вон из комнаты, – писал А. П. Богаевский. – Но, к сожалению, тяжкое известие уже было передано на фронт»[\[304\]](#).

А на улице, спасаясь от взрывов, офицеры пытались протиснуть носилки с главнокомандующим в узкую дверь деревянного сарая с соломенной крышей. При попадании снаряда сарай легко мог вспыхнуть погребальным костром. Поэтому выскочивший из штаба

генерал Богаевский направил носилки на крутой берег Кубани, где находилась небольшая площадка, укрытая от артобстрела. Из рощи к носилкам стали сбегаться люди. Первым примчался начальник конвоя полковник Григорьев.

Ясное солнечное утро. На береговой площадке сидел генерал Деникин. При виде беспомощно лежащего на носилках главнокомандующего глаза его увлажнились. «На лице Верховного были видны мелкие ссадины и ранено было левое ухо, – вспоминал хан Р. Б. Хаджиев. – Врач Марковского полка, прибежав, принялся останавливать кровь, сочившуюся из левой руки, пробитой осколком снаряда, но уже было поздно!»[\[305\]](#) На вопрос генерала Деникина доктор отрицательно покачал головой, приоткрыв глаза умирающего, – последние секунды его жизни таяли. Ещё минуту-две раздавалось тяжёлое хрипенье, и генерал Корнилов скончался.

А вдали гремели раскаты орудийных залпов. Зловещая музыка артобстрела звучала, словно реквием для погибшего вождя Добровольческой армии.

Стоявшие у носилок офицеры рыдали, не скрывая слёз. Среди них слышались взволнованные голоса – умы будоражил главный вопрос...

– Я приму командование! – сквозь слёзы ответил генерал Деникин.

Глава шестая

Отступление

У штаба армии не было времени предаваться горестным раздумьям от тяжкой утраты. Обстановка на передовой предгрозовая – фронт и тыл добровольцев безнаказанно громили батареи красных. С часу на час ожидалась их новая, решительная контратака. Особенно рьяно противник действовал на левом фланге фронта, пытаясь его оседлать.

Ещё под покровом ночи красные атаковали артиллерийские казармы и потеснили 1-ю, 2-ю и 5-ю роты Офицерского полка, закрепившись в нескольких крайних зданиях. Попытка генерала Маркова отбить утраченную позицию завершилась неудачей. «Контратакующих встречает адский огонь, разрывы ручных гранат... – описывал отчаянную контратаку марковцев В. Е. Павлов. – Офицеры залегают. Стреляют по окнам зданий, но на вспышки их выстрелов летят гранаты и пули. Они прижаты к земле. Уже не подняться им. Отползают раненые. Их много»[\[306\]](#).

Из захваченных ими зданий красные перепахивали пулемётным огнём мёртвую зону, где, взывая о помощи, лежали раненые офицеры.

Итог ночи нерадостный – у марковцев огромные потери, особенно во 2-й роте, патроны на исходе. Десятки раненых, истекая кровью, встретили восход солнца в мёртвой зоне, под кинжальным огнём. Вынести их не удалось. Но и красные не рискнули продолжить наступление...

Необходимо было прекратить это избиение армии, это безумие.

Хотя в Елизаветинской до самого 31 марта (13 апреля) надеялись, что город вот-вот падёт, над обозом тоже сгущались тучи. Уже на второй или третий день боёв стало известно, что революционные отряды Таманского отдела двинулись в тыл армии. Для противодействия их силам 29 марта (11 апреля) генерал Покровский и полковник Науменко немедленно отправились поднимать казаков станиц Мариинской и Новомышастовской.

В первую очередь следовало закрепить документом главный вопрос и позаботиться об оставшихся в живых добровольцах.

Отошедший в вечность генерал Корнилов поступил бы так же... «Не было ни минуты колебания, – писал Антон Иванович Деникин. – Официально по званию “помощника командующего армией” мне надлежало заменить убитого. Морально я не имел права уклониться от тяжелой ноши, выпавшей на мою долю в ту минуту, когда армии грозила гибель»[\[307\]](#).

Уже через несколько минут после кончины генерала Корнилова начальник штаба принёс на подпись новому главнокомандующему краткое сообщение о постигшем армию несчастье, для передачи генералу Алексееву в Елизаветинскую, и приглашение прибыть в штаб. Чтобы подчеркнуть его главенствующую роль, генерал Деникин придал сообщению форму рапорта, предварив его фразой – «Доношу, что...». Документ гласил: «Доношу, что в 7 часов 20 минут в помещении штаба был смертельно ранен Генерал Корнилов, скончавшийся через 10 минут. Я вступил во временное командование войсками Добровольческой Армии. 31 марта. 7 часов 40 мин. № 75. Генерал Деникин»[\[308\]](#). В штаб также был приглашён и кубанский атаман.

Отвезти в Елизаветинскую тело отошедшего в вечность вождя армии генерал Деникин поручил адъютантам покойного корнету хану Хаджиеву и подпоручику Долинскому. Уложив на дроги тело генерала Корнилова, и прикрыв его буркой, пробитой снарядом^{[\[55\]](#)}, они пошли в Елизаветинскую. «За дрогами Дронов (конюх Верховного) вёл мрачного булана, который, как бы почуяв потерю великого седока, опустив голову вниз, шагал печально и медленно, – вспоминал хан Р. Б. Хаджиев. – Каждый из встреченных офицеров и солдат, увидя булана, не спрашивая у нас ни слова, подходил к дрогам и рыдал»[\[309\]](#).

Сначала штаб хотел до вечера скрыть трагическую новость, но она мгновенно облетела все боевые части. В считанные часы о гибели генерала Корнилова узнали все и на фронте и в тылу. Не удалось утаить её и от красных.

Потрясённая случившимся, армия тяжело переживала невосполнимую утрату. С погибшим вождём многие добровольцы связывали смысл борьбы, веру в победу и надежду на спасение в случае несчастья. Боевой дух войск рухнул. Стремительно распространялись тревожные слухи о свежих огромных силах

красных, берущих армию в кольцо, и о неминуемой её гибели. «Корабль, как будто, шёл к дну, и в моральных низах армии уже зловещим шепотом говорили о том, как его покинуть»[\[310\]](#).

Тем временем на фронте произошли перемены. На участке кавалерийской бригады красные перешли в наступление, пытаясь охватить левый фланг армии, с целью отрезать войска фронта от Елизаветинской и сбросить их в Кубань. Генерал Эрдели, контратакуя, попытался удержаться на своей позиции, но к середине дня вынужден был оставить предместье Сады. Чтобы спасти положение, штаб выдвинул к левому флангу свой последний резерв – три сотни партизан генерала Казановича.

Артобстрел фермы не ослабевал и, находясь под впечатлением от случившегося, генерал Деникин перенёс Ставку в поле, за рощу, к перекрестью двух дорог.

Во второй половине дня на ферму приехал генерал Алексеев и подошёл к новому главнокомандующему со словами:

– Ну, Антон Иванович, принимайте тяжелое наследство. Помогите вам Бог!

Они обменялись крепкими рукопожатиями.

Обсуждая проект приказа, начальник штаба и генерал Алексеев задумались, от чьего имени отдавать приказ.

– Подпишите «генерал от инфантерии»... – предложил генерал Романовский, – и больше ничего. Армия знает, кто такой генерал Алексеев.

Прилив чувств не позволил двум штабным офицерам записать приказ, и они вернули чистые листы. Тогда за дело взялся генерал Трухачёв, и вскоре документ был готов. Он гласил:

«1. Неприятельским снарядом, попавшим в штаб армий, в 7 ч. 30 м. 31 сего марта убит генерал Корнилов.

Пал смертью храбрых человек, любивший Россию больше себя и не могший перенести ее позора.

Все дела покойного свидетельствуют, с какой непоколебимой настойчивостью, энергией и верой в успех дела отдался он на служение Родине.

Бегство из неприятельского плена, августовское выступление, Быхов и выход из него, вступление в ряды Добровольческой армии и славное командование ею – известны всем нам.

Велика потеря наша, но пусть не смутятся тревогой наши сердца и пусть не ослабнет воля к дальнейшей борьбе. Каждому продолжать исполнение своего долга, памятуя, что все мы несем свою лепту на алтарь Отечества.

Вечная память Лавру Георгиевичу Корнилову – нашему незабвенному Вождю и лучшему гражданину Родины. Мир праху его!

2. В командование армией вступить генералу Деникину»[\[311\]](#).

Затем состоялся военный совет. У дороги, на откосе небольшой заросшей канавы, на бурках сели в круг генералы Алексеев, Деникин и Романовский, а также полковник Филимонов и Л. Л. Быч. Новый главнокомандующий коротко обрисовал общее положение армии. Оно значительно ухудшилось со времени предыдущего совещания – красные потеснили кавалерию, заняв Сады, и отбили у марковцев несколько зданий в артиллерийских казармах. Боеприпасы на исходе. Подсчёт потерь показал, что они значительно больше, нежели представлялось ранее. Однако наибольший урон измотанной физически и нравственно армии нанесла смерть генерала Корнилова.

Окончив преамбулу, генерал Деникин объявил о своём решении, в целях спасения армии, снять осаду Екатеринодара и, двигаясь крупными переходами, вывести её из-под удара. Его мнение не вызвало возражений. Оставалось выбрать наилучший маршрут движения, с учётом сведений кубанского атамана о переправах через реки и о настроениях станичников. Выбор оказался невелик. Армия оказалась в мешке, готовом вот-вот захлопнуться. На востоке – Екатеринодар, на юге – Кубань и единственная переправа. Отход на запад привёл бы в болотистую местность Таманского отдела с морем в тылу. Оставалось пробиваться на север через станицу Копанскую, в направлении к Медвёдовской, а затем идти на Дядьковскую. Однако чтобы ввести в заблуждение преследователей, у которых повсюду имелись свои глаза и уши, решено было официально сообщить о движении на станицу Старовеличковскую.

В разгар совещания на левом берегу Кубани появился горец из близлежащего аула Старо-Бжегокай. Он сообщил, что в поисках удобной позиции для батареи в аул приезжали красные. Стало ясно, что артиллерия противника очень скоро обрушится и на правый фланг фронта армии.

Сразу после военного совета генерал Деникин отдал приказ в ночь на 1 (14) апреля войскам Добровольческой армии скрытно оставить позицию и следовать на север, в направлении станицы Старовеличковской. Из-за упадка боевого духа в частях следовало, по возможности, избегать боя, ожидая, когда настроение людей придёт в норму.

События последних двух дней боёв поставили армию на грань катастрофы, особенно гибель любимого вождя, и в штабе беспокоились, как добровольцы воспримут новое назначение генерала Деникина.

В боевых частях армии его почти не знали. За несколько дней до оставления Ростова он кратковременно руководил войсками Таганрогского и Батайского направлений, но на фронте бывал лишь наездами. «В походе он с самого начала, оставшись недоволен, что Корнилов невнимательно отнёсся к его совету или мнению как помощника командующего армией, решил оставаться в тени, не высказывая своих мнений, если их не спрашивают, – отмечал С. М. Трухачёв. – Ездил он всё время в обозе, одет был в штатский костюм, а скоро заболел очень сильным бронхитом, так что на походе его тоже мало кто видел»[\[312\]](#).

К концу дня кавалерия вернулась из рейда в глубокий обход Екатеринодара и заняла Сады, где и заночевала. Одни устроились в летних домиках екатеринодарских садоводов, другие расположились под навесами и плетнями. Спали чутко, вполглаза.

Тогда же со штабс-ротмистром Сукачёвым произошёл трогательный случай^{[\[56\]](#)}, ярко иллюстрирующий отношение кавалериста к своему ближайшему боевому товарищу – коню, который не раз спасал его в трудную минуту от плена и гибели. Вражеская пуля на излёте ударила коню в копыто и застряла в нём. Штабс-ротмистр Сукачёв зубами вытащил её. Норовистый жеребец стоял при этом спокойно и мужественно переносил боль, дав залить рану йодом.

Противник активизировался. Ещё засветло передовые заставы отгоняли небольшие отряды красных, заседавшие от Тимашевки, а разведка донесла о многочисленном митинге в занятой красными станице Новотитаровской. На рассвете затрещали одиночные выстрелы в охранении, спугнув тревожный сон. 2-я сотня 1-го кавалерийского полка под командой лейб-гвардейца полковника Рашпиля, передав

лошадей коноводам, отправилась в пешем строю прикрыть дорогу от Новотитаровской в город.

Только цепь спешенных кавалеристов залегла в канавах по обе стороны дороги, за дачами и плетнями, как в 500 шагах от неё на дорогу высыпали красные. Добровольцы смели их залпами, но патронов оставалось в обрез – накануне их запасы отдали пехоте, оставив всего по 3 обоймы на человека, которые быстро иссякли. Красные отхлынули, но, видя редкую стрельбу, осмелели и пошли вперёд с криками:

– Кадеты, мать вашу перетак... Не уйдёте, гады, – всем кишки повыпустим, живыми пожжём...

Расстреляв почти все патроны, спешенные кавалеристы, пригнувшись, стали озиаться, ища глазами коноводов. Помощи нет, да её никто и не обещал... Наконец пришёл долгожданный приказ возвращаться, который они исполнили с великой радостью.

К полудню кавалерия полностью оставила Сады и отошла на поддержку арьергарда пехоты, застрявшей на кирпичном заводе. 1-й кавалерийский полк и полк, состоявший из пяти сотен мобилизованных казаков станиц Елизаветинской и Марьянской, стояли фронтом на восток. От взоров противника они укрывались за скирдами соломы и отдельными курениями. На небольшой возвышенности – генерал Эрдели со штабом и командиры полков, полковник Глазенап и подполковник Корнилов с ординарцами. Впереди перед фронтом бригады виднелись отряды красных, шедших на юг, во фланг и тыл отступавшей добровольческой пехоты.

Положение армии стремительно ухудшалось. Стремясь отрезать её пути отхода на Копанскую, весь правый фланг красных продвинулся вперёд. В связи с этим генерал Деникин приказал кавалерии генерала Эрдели утром 1 (14) апреля ударить из района Садов и отбросить противника как можно дальше на восток. Атаковать приходилось без разведки, по вязкой пашне, в лоб, на пулемёты, на густые массы пехоты и на бронепоезда. «Старый конник, генерал от кавалерии, понимал, что атака в конном строю железнодорожной станции, в районе которой находились два красных бронепоезда, бывшие по нашей пехоте, значило: для спасения пехоты конница должна была пожертвовать собой. И на глазах у старого генерала навернулись слёзы. Но приказ – есть приказ»[\[313\]](#). Вскоре начальство спустилось с

бугра и к полкам полетели ординарцы с приказом готовиться к атаке в конном строю.

Когда бригада развернулась для броска, до неприятеля оставалось около тысячи шагов. Два вражеских бронепоезда дали по кавалерии несколько выстрелов, но почему-то прекратили огонь и, выбросив клубы дыма, отошли на Екатеринодар. Пехота красных осталась на месте, рассыпавшись вдоль железнодорожного полотна, и не проявляла признаков беспокойства. Добровольцы надеялись, что перед ними части красной гвардии, состоявшей из разношёрстных команд рабочих, которые чаще всего не выдерживали серьёзного нажима регулярной конницы и быстро впадали в панику.

Буднично прозвучали команды к атаке. «Командир сотни, гвардеец полковник Рашпиль [\[314\]](#), выехал на уставную дистанцию вперед, – вспоминал участник атаки В. В. Черешнев, – повернулся в седле и, указывая в сторону противника, скомандовал: “Сотня в атаку! Шашки вон! Рысью! Марш!” – и сразу же поднял своего большого гнедого коня в свободную рысь, сверкнули наши шашки, и сотня двинулась за своим командиром» [\[315\]](#). Вскоре, когда конная лава увязнет на пашне, он падёт в числе первых.

Направление атаки – с запада на восток. Первые минуты атаки кавалерия неслась по твёрдому грунту. Противник стрелял редко, но пули уже рыскали в поисках случайной жертвы и иногда находили... Пройдя рысью 300–400 шагов, кони перешли на намёт, и только начали скакать, как влетели на вспаханное поле. Обильно политый дождями, запаханый кубанский чернозём стал западнёй для добровольческой кавалерии. А цепи красных словно этого и ждали, открыв шквальный огонь из винтовок, а с дистанции в 400 шагов ударили залпами.

Падали раненые лошади, валились в грязь всадники, но бригада продолжала сближаться с противником. Часть кавалеристов напоролась на болотистую низину и увязла в ней, став лёгкой мишенью для вражеских пуль.

Красные стояли в двух шеренгах, передняя вела огонь «с колена», а вторая – стоя. Их цепи местами сбивались в кучки, а кое-где в трёх-четырёх шагах друг от друга стояли одиночки. Всадники с нетерпением ждали – когда же пехота дрогнет и бросится бежать, но коса нашла на камень, и красные проявили редкую выдержку. Когда впереди замелькали их рыжие и чёрные папахи, кавалеристы поняли,

что перед ними вовсе не красная гвардия, а закубанские пластуны – регулярная казачья пехота. Вот почему красные так хладнокровно встретили добровольческие лавы.

«Тут, собственно, и погибла наша сотня, – сокрушённо писал В. В. Черешнев. – Пал Рашпиль, многие юнкера; получил рану в грудь и наш взводный, подъесаул Чигрин; рядом со мной был ранен в руку подъесаул Помазанов. Линия атакующих перестала быть линией: кто выбыл из строя по ранению, у кого упала лошадь, а кто и повод начал укорачивать, не видя рядом соседей. Нашей кучке – я, сотник Ярыш, прапорщик Кадушкин, урядники Скрыпник, Телеганов и Шрамко – нам повезло: грунт перед нами был выше и суше, чем у соседей, и коням было легче идти»[\[316\]](#). Наиболее везучие и отчаянные с криками «ура» наддавали ходу, но их «ура» быстро потонуло в криках противника.

Под кинжальным огнём атака захлебнулась. Не доскакав шагов 30–50 до вражеских цепей, иные повернули назад, а иные помчались вдоль фронта, ища спасения на выходе за фланг. Вперёд неслись лишь те, кто не мог или не хотел остановить разгорячённых коней, понимая, что показать спину противнику означало верную смерть. Поэтому только отдельные всадники врубились в ряды красной пехоты, и немногим из них после рубки удалось проскочить за вторую линию её цепей.

И всё же, ценой огромных потерь, кавалерия свою задачу выполнила – отвела удар противника от отступающей пехоты и растянутого на вёрсты обоза.

При отходе после атаки кавалеристам не удалось вынести убитых и раненых. Некоторые кавалеристы, в основном мобилизованные казаки, разуверившись в деле вооружённой борьбы, в суматохе боя решили разойтись по домам. В общей сложности в тот день конница недосчиталась около 300 человек. Сложили головы многие известные в армии офицеры. Среди них лейб-гвардии Казачьего Его Величества полка подъесаулы Плеве и Рыковский[\[57\]](#), бесстрашная баронесса София де Боде. В той же атаке погиб и юный князь Туркестанов.

Подвод для вывоза имущества и раненых не хватало. В окрестностях Елизаветинской уже появился противник, и, в условиях спешки, не удалось вывезти весь огромный лазарет. Начальник обоза генерал Эльснер, скрепя сердце, вынужден был оставить на попечение

станичников 64 тяжелораненых, а также врача и сестру милосердия, снабдив их денежными средствами, «...из 64 оставленных только 14 спаслись, остальных большевики зверски убили»[\[317\]](#), – писал А. И. Деникин.

Часов в 8 вечера 31 марта (13 апреля) обоз стал вытягиваться из Елизаветинской. В походном лазарете все, кто мог хоть как-то брести, ушли с обозом. «При выходе обоза с ранеными в станице стоял душераздирающий крик оставленных тяжелораненых... – возмущённо отмечал хан Р. Б. Хаджиев. – Имя нового командующего было так незначительно и непопулярно в армии, что такое маленькое лицо, как начальник обоза, не спрашивая разрешения командующего, оставил по своему усмотрению на растерзание большевикам раненых...»[\[318\]](#) Отданные в руки судьбы, понимая, что их ожидает жуткая расправа, тяжёлые лежащие вкладывали остатки сил в истошный вопль мольбы о помощи, но так и не смогли ни до кого докричаться.

На походе в лазарете не раз звучали горькие упрёки в адрес начальства:

– Корнилов скорее сам остался бы на растерзание большевикам, но раненых вывез бы в первую очередь!

Растянувшийся на несколько вёрст обоз прикрывал только чехословацкий батальон, и, чувствуя себя неуверенно под таким слабым прикрытием, генерал Эльснер спешил на соединение с боевыми частями.

Поздно вечером назначенная в авангард армии 1-я бригада двинулась на Копанскую. В голове шёл Офицерский полк. Чтобы скрыть отход армии, оставшиеся на фронте части 2-й бригады демонстративно открыли огонь. Опасаясь их ночной атаки, красные подняли ответную стрельбу. Их плотный огонь нанёс арьергарду добровольцев серьёзный урон.

После восхода солнца вдалеке замаячил вражеский бронепоезд, безрезультатно пытаясь с дистанции 8–9 вёрст достать своими шрапнелями добровольческую колонну. Часам к 10 утра авангард подошёл к Копанской, преодолев 21 версту. Начало отхода армии проходило удачно – активного преследования удалось избежать. Теперь следовало выбрать верный вектор дальнейшего движения.

С прекращением осады Екатеринодара красные становились хозяевами положения на Кубани. В соседней Ставропольской губернии

их власть держалась на штыках революционных частей бывшей 39-й пехотной дивизии.

Чтобы выйти из-под удара бронепоездов, следовало покинуть район, опутанный густой сетью железных дорог. Командование армией решило пробиваться в пространство между ветками Екатеринодар – Тихорецкая – Торговая – Царицын и Екатеринодар – Кавказская – Ставрополь – Дивное, свободное от железных дорог, где планировало встретить лучшие времена. Встав на перепутье трёх революционных войсковых группировок, Дона, Кубани и Ставрополя, занять наиболее выгодную в стратегическом отношении позицию. В случае опасности оттуда армия могла пройти в глубь калмыцких и прикаспийских степей.

Выбирая направление движения, штаб не знал, где конкретно в итоге можно будет остановиться, чтобы как следует отдохнуть и скомбинировать следующие боевые операции. «В исполнение своего решения генерал Деникин решил сегодняшний переход закончить в колонии Гначбау^[58], имея в виду на следующий день форсировать Черноморскую железную дорогу и после перехода через неё стать в остром углу между этой железной дорогой и линией Екатеринодар – Тихорецкая, в возможно безопасном удалении от обеих линий»^[319].

Сделав двухчасовой привал в Копанской, войска и штаб двинулись дальше. Тем временем стало известно, что Нововеличковская и Новотитаровская прочно заняты красными, и армия повернула на северо-запад, чтобы, дойдя до высоты колонии Гнадау, затем свернуть на неё.

Где-то далеко позади и справа гремел бой. Там в лобовых атаках погибала кавалерия генерала Эрдели, но измотанные физически и нравственно добровольцы не обращали на этот гул внимания и шли без остановок. На походе части перемешались, некоторые люди от усталости стали отставать. В голове колонны на подводе везли гробы с телами генерала Корнилова и полковника Неженцева.

Главнокомандующий понимали весь трагизм положения армии и не считал нужным скрывать его от кого-либо. Поэтому на тревожный вопрос кубанского атамана он ответил искренне, о чём А. П. Филимонов писал: «Когда я на одном из привалов 1 апреля подошёл к генералу Деникину и спросил его, как он расценивает

положение, он сказал: “Если доберёмся до станицы Дядьковской, то за три дня я ручаюсь, дня три ещё поживём!”»[\[320\]](#)

Стремясь оторваться от преследования, колонна шла максимально быстро. Но избежать боя не удалось. Слева, от станицы Андреевской, на дорогу двигался крупный отряд красных, о чём передовые конные разъезды доложили генералу Маркову. Он сам решил возглавить атаку и, развернув офицерские роты, энергично повёл их вперёд. Красноармейцы не ожидали такого напора и стали отходить не назад на станицу, а вправо, и наткнулись на черкесов, которые тут же врубились в их ряды. Растерявшись, красные бросились в разные стороны. Те из них, кто метнулся обратно, повисли на штыках марковцев. Патроны они берегли для другого случая.

Стремительная победа авангарда подняла добровольцам настроение, и они, голодные и уставшие, хорошо затянули песню. Когда марковцы вернулись на дорогу, то оказались уже в хвосте колонны.

Часть пятая

**Прорыв кольца окружения и
возвращение на Дон**

Глава первая

Днёвка в колонии Гнадау. Кризис добровольческой армии

Около 8 часов вечера авангард армии подошёл к реке Понура, за которой располагалась колония Гнадау. Мост через реку оказался взорван, а брода поблизости не оказалось. Не менее двух часов ушло на починку моста. Затем ещё около часа войска обходили болотину, и лишь после 11 вечера, пройдя за сутки более 50 вёрст, армия стала втягиваться в небольшую немецкую колонию в четыре десятка дворов с единственной улицей, пивоварней, маслобойкой и колбасным цехом.

В колонии главенствовали чистота и порядок. Белые каменные дома с зелёными ставнями под красной черепицей крыш, словно братья-близнецы, вытянулись по прямой линии. Дворы, сады и огороды тоже походили друг на друга.

Помещений хронически не хватало, и раненых не снимали с повозок. Обоз и войска сгрудились в тесноте единственной улицы. Среди различных повозок, артиллерийских двуколок и снарядных ящиков трудно было протиснуться. «Вошли в дом, битком набились в маленькую комнату, – вспоминал Р. Б. Гуль. – Усталые, голодные, нервноизмученные. Впереди – никакой надежды: строевые части уменьшились до смешного, Корниловский полк сведен в одну роту; с другими полками почти то же; снарядов нет, патронов нет; казаки разбегаются по домам, не желая уходить от своих хат. Настроение тревожное, тяжелое...»[\[321\]](#) Но, несмотря на тесноту и в домах и на улице, измученные до последнего предела добровольцы заснули богатырским сном.

Утром их разбудила артиллерийская канонада. Сначала стреляли 2 пушки, затем 4, позже 6, а около 15 часов колонию громили уже 10 вражеских орудий. Это авангард И. Л. Сорокина наступал со стороны Нововеличковской. Красные стремились взять колонию в огневое кольцо. В то же время их пехота стала охватывать колонию с востока. Ей навстречу выдвинулась 2-я бригада генерала Богаевского и приостановила наступление противника. Люди шли в бой неохотно, понимая, что в случае ранения их могут бросить на произвол судьбы.

Добровольческая артиллерия молчала – на всё про всё у неё оставалось 30–40 снарядов. Из-за отсутствия боеприпасов, оставили только 6 орудий, а остальные штаб приказал бросить, предварительно сняв с них замки и прицелы. Кроме того, произвели перераспределение мест в лазарете, и всех способных держать оружие выздоравливающих направили в строй. Беженцам оставили по одной подводе на 6 человек, остальные порубили. В результате обоз урезали на 200 повозок. Упразднили полковые оркестры. Музыкантов отправили на пополнение поредевших строевых рот, а музыкальные инструменты полетели в канаву, в грязь.

– Драпаем ведь, к чему нам медные трубы? Драпмарш, что ли, играть?.. – шутили любители мрачного юмора.

Генерал Деникин принял решение с наступлением темноты прорываться на станицу Дядьковскую, при этом следовало перейти железную дорогу у Медвёдовской.

Армия таяла на глазах. Если к началу штурма Екатеринодара в её рядах насчитывалось более 6000 бойцов, то в Гнадау пришло меньше 3000, причём почти половину из них составляли раненые. Наибольшие потери понёс Корниловский полк. В нём осталось едва 100^[59] человек, которые полковник Кутепов свёл в две роты и лично управлял ими, когда части 2-й бригады останавливали движение пехоты красных на Гнадау. Офицерский полк за Екатеринодарскую операцию^[60] потерял около 50 % личного состава – в строю находилось не больше 400^[61] человек. 1-я Инженерная рота имела в своих рядах 80 человек. Конница тоже потеряла не меньше половины кавалеристов. В то же время, по данным разведки армии, противник стянул к Екатеринодару от 40 000 до 50 000 штыков и сабель. Однако, несмотря на огромное превосходство в живой силе и артиллерии, при неограниченном количестве боеприпасов и продовольствия и при поддержке бронепоездов, находясь в обороне, красные одними ранеными потеряли до 10 000 человек.

Крайне тяжёлое положение армии заставило главнокомандующего отдать распоряжение полковнику Григорьеву и ротмистру Арону предать земле тела генерала Корнилова и полковника Неженцева, которые к тому же подавали признаки разложения. Гробы тайком вывезли в поле за околицу. Когда ротмистр Арон нарисовал план местности, первым для рытья могилы взял в руки лопату корнет Хан

Хаджиев, затем по очереди продолжили скорбную работу все чины текинского конвоя. Опасаясь актов вандализма со стороны красных, после погребения могилы заровняли.

Пристрелявшись, батареи красных безнаказанно засыпали шрапнелями и гранатами маленькую колонию. К вечеру артобстрел стал ураганным, превратившись в форменный расстрел, поскольку втиснутая в единственную улицу Гнадау армия представляла собой компактную цель.

Обоз и многие строевые части охватила жуткая паника. «Повозки опрокидываются, раненые вываливаются на дорогу, через них бегут, едут, скачут... – вспоминал тот день И. А. Эйхенбаум. – Вот пушка переехала разом двоих. Охи, истошные крики, револьверная стрельба для восстановления порядка, револьверная стрельба для прекращения мук и страха... Стреляют и в лошадей (не только пристреливают), и друг в друга, и в ездовых... Оглобли, лошади – в крови; колёса в мозгах, сплюснутые грудные клетки, по которым проехали и ещё едут пушки, у забора часть головы с развороченной челюстью, плечо с погоном...»[\[322\]](#)

Уставшие морально и физически, полуголодные, потерявшие всякую надежду на спасение люди поддавались самым нелепым слухам. Например, при участии матроса Баткина в частях распространялся слух, что генерал Романовский посылает к красным делегацию с просьбой пропустить армию за выкуп. «Уже все говорят о сдаче, передаются нелепые слухи. Раненые срывают кокарды, погоны, покупают, крадут у немцев штатское платье, переодеваются, хотят бежать, и все понимают, что бежать некуда и что большевики никого не пощадят. Трогаются без приказа подводы. Лица взволнованные, вытянутые, бледные. *“Да подождите же! куда вы поехали!”* – кричит раненый, ослепший капитан. Он побежал за подводой, споткнулся о бревно, с размаха падает, застонал. Его поднимают: *“вставайте, капитан”*. Не встает, молчит... *“Разрыв сердца”*, – говорит подошедший доктор»[\[323\]](#). Кроме того, поговаривали, что черкесы уходят в горы.

Раненный осколком гранаты в живот лейб-гвардии Санкт-Петербургского полка полковник Яковлев в отчаянии пустил себе пулю в лоб. Глубина падения духа была такова, что стрелялись не только

больные и раненые, но и среди здоровых несколько человек поставили точку в своей биографии.

Ещё одной приметой всеобщего развала стали празднующие группы добровольцев. Одна из них человек в 20, в поисках пива заполнила двор дома с пивоварней, где размещался штаб армии. Полковник Булюбаш получил приказ от командира Корниловского полка очистить штабной двор от посторонних. Не имея возможности применить силу, он тайком спустился в подвал дома и перерезал кишку, по которой подавался наверх хмельной напиток. История эта выглядит комично и могла бы быть смешной, если бы не была такой грустной, ведь в той нервной обстановке любой конфликт легко мог перерасти в вооружённое столкновение.

После полудня в течение 5–6 часов в штаб одно за другим поступали тревожные донесения. Наибольшей степени разложения достиг обоз, но и строевые части разъедала ржа паники. «Получаю, например, донесение, что один из полков конницы решил отделиться от армии и прорываться отдельно... – вспоминал один из самых тяжёлых дней похода А. И. Деникин. – Что организуется много конных партий, предполагающих распылиться... Входит бледный ротмистр Шапрон, адъютант Алексеева, и трагическим шепотом докладывает, что в двух полках решили спастись ценою выдачи большевикам старших начальников и добровольческой казны...»[\[324\]](#) Люди теряли самообладание. Получив недобрые вести, сводный офицерский эскадрон по собственному почину прибыл для охраны генерала Алексеева. Генерал Деникин от личной охраны отказывался, но полковник Тимановский на всякий случай приблизил к штабу армии надёжную 4-ю роту Офицерского полка и выставил караулы.

Несмотря на угрозу полной катастрофы и атмосферу развала, генералы Деникин и Романовский сохраняли хладнокровие и, сплотив вокруг себя офицеров штаба, разработали план прорыва армии из клещей войск И. Л. Сорокина.

Выходить при свете дня через узкую горловину из окружённой болотами «гнадауской бутылки» означало раскрыть свои карты и навлечь на себя ещё больший артиллерийский огонь, но и оставаться надолго в колонии было невыносимо из-за губительного артобстрела и возросшей паники. К тому же заложниками ситуации стали и жители колонии, подвергая опасности свои жизни и имущество.

Никогда ещё армия не была так близка к разгрому, как 2–3 (15–16) апреля. Многие добровольцы считали, что её распыление – вопрос 2–3 дней, а возможно, и нескольких часов. На стороне красных была сила – огромные людские и материальные ресурсы. Революционная власть укрепилась на огромных территориях. Даже командование армией допускало, что в случае неудачи придётся хотя бы на время склонить перед врагом знамя борьбы, трёхцветное национальное русское знамя.

Для спасения добровольцам, как воздух, необходима была победа. Будет победа, но воистину – перед рассветом сумерки сгущаются...

Глава вторая

Бой у станицы Медвёдовской. Подвиг генерала Маркова

В ожидании сумерек время словно бы остановилось. Ещё засветло, около 19 часов армия пришла в движение. Раздались команды:

– Обоз, вперёд!

Раненые приподнялись на повозках. В глазах у них читались надежда и тревога.

– Куда? Неужели прорвались? Быть не может!

Колонна пошла на северо-запад по Старовеличковской дороге. Противник заметил движение и перенёс артиллерийский огонь в ложину, где пролегала дорога. Однако сумерки мешали прицельной стрельбе, и снаряды ложились беспорядочно, не причиняя колонне особенного вреда, а наступившая темнота заставила 10 стрелявших орудий и вовсе замолчать.

Отколовшись от армии, в поисках личного спасения в колонии остался небольшой отряд во главе с генералом Гелленшмидтом. Как выяснилось позже, эти люди попали в окружение. Вряд ли кто-то из них смог выйти из огневого кольца живым.

Походный лазарет оставил в Гнадау несколько особенно тяжёлых раненых, которые, по мнению врачей, всё равно не перенесли бы походные условия, оставили и тела умерших, на их похороны не оставалось времени.

Безверие и паника настолько захлестнули кубанцев, что, унося ноги из колонии, кубанское правительство даже бросило казну, вывезенную из Екатеринодара. «К вечеру 2 или 3 апреля наш отряд получил приказание разобрать по сумам брошенную или оставленную “Кубанскую Казну”... ...и быть готовыми к немедленному выступлению. “Крыли” мы бросивших двуколки с казной, на чем свет стоит! Кони уставшие, голодные, а тут еще добавочная нагрузка»[\[325\]](#), – вспоминал М. Д. Гетманов.

В авангарде шла 1-я бригада, затем походный лазарет, обоз, чехословацкий батальон, а замыкал колонну арьергард – 2-я бригада.

Генерал Марков с группой верховых и конвоем почти в 100 шашек проскакал в голову колонны. Вместе с командиром 1-й бригады впереди колонны шли – генерал Боровский, полковники Тимановский, Туненберг, Бонин и Миончинский и чины штаба бригады. За ними следовали офицеры связи, конвой и конная команда подрывников. Затем – 1-я батарея, Офицерский и Кубанский стрелковый полки, а также артиллерийская рота.

Обоз вытянулся на добрые 8—10 вёрст. Несмотря на сокращение количества повозок и ревизию лазарета, «главные силы» по-прежнему оставались огромными и неповоротливыми. Если прежде генерал Корнилов лично регулярно инспектировал их, то после его смерти за порядком в обозе, как правило, следили лишь его начальники. Настроение у всех было подавленное.

«В обозе от порядка, который я привык видеть при Верховном, не было и следа, – писал хан Р. Б. Хаджиев. – Теперь здесь все были хозяева. Все ехали где и как хотели. Несмотря на то, что значительное число раненых было сокращено оставлением на произвол судьбы почти в каждой станице, якобы для уменьшения обоза, тем не менее этот обоз увеличился в несколько раз. Верховный всегда говорил: “Обоз только для раненых!..” Теперь же раненых бросили, а обоз был для здоровых и спекулянтов... Чтобы устроиться в нём, стоило только поговорить об этом с начальником обоза... поговорить через его адъютанта, который уж знал, как доложить своему начальнику»^[326]. Комментируя мнение хана Р. Б. Хаджиева, отметим, что у нового главнокомандующего, да и ни у кого другого из начальников, не было такого авторитета, каким обладал генерал Корнилов. Штаб армии, видимо, решил тогда, что отдавать распоряжения, которые почти наверняка не будут исполнены, означает расписаться в собственном бессилии. Находившуюся на волосок от гибели армию генерал Деникин спасал от развала и разгрома как мог и как умел и, в конечном счёте, спас...

При выходе из колонии за штабом и его конвоем в 20 шашек по собственной инициативе увязался большой кавалерийский отряд коней в 300–400. «Я стал рассматривать эту колонну и убедился, что циркулировавшие в колонии слухи о составлении конных партий для распыления не были ложными, – вспоминал С. М. Трухачёв. – Это были именно эти партии и разъезды, очевидно, не надеявшиеся, что

армия благополучно выскочит из Гначбау, и ставшие в голову колонны, чтобы при случае распылиться»[327].

В начале движения справа обнаружилось чьё-то присутствие. Не останавливаясь, генерал Марков направил туда конную сотню полковника Бобрышева, которая двинулась в густую темень с криками «ура», но никого не нашла и была отозвана к авангарду. Вскоре колонна круто повернула направо и двинулась в северо-восточном направлении на станицу Медвёдовскую. Для отвлекающего манёвра и порчи путей севернее Медвёдовской пошла кавалерия генерала Эрдели. С тем же заданием к югу от станицы двинулся Черкесский конный полк.

По счастью, ночь на 3 (16) апреля выдалась тёмная, луна появилась поздно, после полуночи, и армия шла, не тревожимая противником. Преодолев 24 версты, около 4-х часов утра, колонна остановилась. Вдалеке, у переезда, замелькали огни железнодорожной будки, что располагалась в версте от станции Ведмидивка. Генерал Марков направил к будке конных разведчиков, но не выдержал томительного ожидания и сам помчался вслед за ними. От лица арестованного дорожного сторожа он переговорил по телефону со станцией, успокоив встревоженных подозрительным шумом красноармейцев. На станции стояли 2 эшелона с пехотой и бронепоезд. Красные как будто успокоились, но пообещали на всякий случай прислать к переезду бронепоезд.

– Присылайте, товарищи, – согласился генерал Марков. – Оно будет вернее.

Внезапно появился шанс на спасение. Выпала козырная карта, а значит, игра не закончена! Неутомимый генерал Марков точными, отрывистыми фразами отдавал распоряжения.

Вдоль путей мгновенно рассыпалась и залегла офицерская цепь, оба орудия 1-й батареи подполковника Миончинского встали на позицию – одно перевезли через полотно и установили для стрельбы в упор сбоку, а другое поставили к углу будки для стрельбы вдоль полотна. Левее будки пристроились с «максимом» батарейные пулемётчики. Орудийные номера, вчерашние юнкера, слаженно окапывали сошник, снимали чехлы и подносили из передка бесценные, последние 4 гранаты.

Штабс-капитан Шперлинг сам встал к панораме. Нервным приглушённым окриком подполковник Миончинский отправил бесполезные передки куда подальше.

Не теряя времени, растянутые на 10 вёрст разношёрстные «главные силы» на переезде начали переправляться через пути. На это им требовалось не менее 2–3 часов. Только густая тьма спасла обоз от неминуемой гибели. Случись переправа часом позже, когда стало светать, и пулемётные очереди разнесли бы его в клочья.

Для овладения находившейся в полуверсте от переезда станицей главнокомандующий направил штабные конные команды во главе с подполковником Генерального штаба Ряснянским. Батальон Офицерского полка генерал Марков отправил к станции Ведмидивка, а инженерную роту, для порчи полотна в южном направлении.

5-я рота марковцев развернулась справа от полотна, а 4-я шла слева. На полпути к станции на 4-ю роту внезапно выскочил конный разъезд красных. В темноте противники стали переговариваться друг с другом, пытаясь определить, кто перед ними – свои или чужие. Наконец красные выдали себя, испросив пароль, которого у марковцев не было. В ответ им грянул ружейный залп, срезав несколько всадников, остальные скрылись.

Теперь о внезапном нападении на станцию нечего было и думать. Уже через несколько минут появился бронепоезд. Тяжело пыхтя, с потушенными огнями он медленно продвигался к железнодорожной будке и переезду. Свет от открытой топки зловеще скользил по полотну.

Желая задержать бронепоезд, ротмистр Дударев приказал открыть по нему огонь. Тут же над головами марковцев засвистели пулемётные очереди. Поезд ушёл, а офицеры снова рассыпались в цепь и двинулись на станцию, стремясь отсечь от бронепоезда вражескую пехоту. Вскоре она вдавила их в землю плотным огнём. Рота, как могла, окопалась, защитив себя с фронта, но офицеры понимали, что с первыми лучами солнца их позиция откроется и бронепоезд расстреляет их в спину. Ночь была уже на исходе, и их жизни зависели от исхода дела на переезде.

В ожидании окончания переправы и чтобы немного согреться, штаб армии с генералами Деникиным и Алексеевым заполнил путейскую будку. Прошло минут 30–40, и к переезду, крадучись, без

огней, подкатил бронепоезд. Когда он остановился неподалёку от будки, все штабные офицеры выбежали во двор.

Генерал Марков, размахивая нагайкой, бросился к паровозу.

– Стой, мерзавец! Куда прёшь! – рявкнул он. – Разве не видишь, что свои!

– Кто там?! – высунулся машинист, застопорив машину от неожиданности.

Генерал Марков молча метнул в него ручную гранату. На взрыв бронепоезд ответил ураганным огнём. Подал голос батарейный пулемёт и тут же заглох, а рядом с ним, изрешечённые пулями, корчились в судорогах батарейные пулемётчики, прапорщики Сергеев, Карсницкий, Кригер-Войновский и старший фейерверкер Воронов, а в пехотной цепи погиб прапорщик Жуikov.

Под градом пуль штабс-капитан Шперлинг поймал в панораму раненое бронированное чудовище и всадил первую гранату в паровоз. Орудийные номера жались к щитку, досылая последний снаряд. Бухнула вторая пушка, пробив броню вагона. «Грянул выстрел, граната ударила в паровоз, и он с треском повалился передней частью на полотно, – вспоминал горячку боя А. И. Деникин. – Другая, третья по блиндированным вагонам... И тогда со всех сторон бросились к поезду “марковцы”. С ними и их генерал. Стреляли в стенки вагонов, взбирались на крышу, рубили топорами отверстия и сквозь них бросали бомбы; принесли из будки смоляной пакли, и скоро запылали два вагона. Большевики проявили большое мужество и не сдавались...»[\[328\]](#)

Путейская будка со штабом армии оказалась в 10 шагах от бронепоезда. Одним снарядом красные могли обезглавить командование, но Всевышний не попустил, «...вагон с орудием не дошёл до нашей будки, и орудие имело такой малый горизонтальный обстрел, что не могло попасть в будку, – писал С. М. Трухачёв. – За ним стоял настоящий блиндированный вагон с пулемётами и коммунистами, а главное, на поезде были уже наши люди, и у паровоза суетился генерал Марков»[\[329\]](#).

В бронепоезде ехали матросы. Немногие из них нашли лёгкую смерть от добровольческой пули. Большинство моряков сгорело заживо, остальные выбросились из пекла на штыки Офицерского полка. О взятии их в плен не могло быть и речи.

Как только раздались первые выстрелы, генерал Богаевский из хвоста колонны помчался вперёд, торопясь на поддержку марковцев. С трудом двигаясь в темноте по вспаханному полю, он на полпути получил распоряжение от главнокомандующего – спешить на помощь. Встревоженный происходящим, многовёрстный обоз встал как вкопанный и замер в ожидании развязки.

Навстречу арьергарду несло несколько обезумевших обозных деятелей – случайных свидетелей схватки с бронепоездом. Они наперебой выкрикивали нелепые распоряжения, якобы отданные главнокомандующим, например – «конницу в атаку на бронепоезд» и тому подобные. Наиболее голосистых крикунов генерал Богаевский приказал конвою арестовать и передать на попечение М. В. Родзянко, чтобы тот их привёл в чувство.

Генерал Богаевский торопился, но в деле 2-я бригада поучаствовать не успела. К моменту её прибытия к переезду марковцы уже вытаскивали из бронепоезда драгоценные для армии снаряды и патроны, тушили вагоны и выносили раненых. Разгорячённый генерал Марков весело рассказывал окружившим его штабным офицерам подробности удачного боя. Во время рассказа счастливая улыбка не сходила с его лица. Счастливы были и все окружающие.

Когда завершилась кровавая свистопляска боя на переезде, генерал Деникин крепко обнял героя.

– Не задет?

– От большевиков Бог миловал, – улыбнулся генерал Марков. – А вот свои палят как оглашенные. Один выстрелил над самым моим ухом – до сих пор ничего не слышу.

На путях догорал искореженный бронепоезд. От грозного стального чудовища остались жалкие обломки и головешки. Чтобы пожар не перекинулся на вагоны с боеприпасами, офицеры их вовремя отцепили и стали лихорадочно переносить на подводы драгоценный груз, но рук не хватало. К повозкам с легкоранеными подбежал начальник 2-го отделения обоза полковник Кун и закричал:

– Господа, ради Бога! Скорей! Снаряды из вагонов вытаскивать! Кто может! Бегите! Ведь это наше спасение! Господа, ради Бога!

Многие раненые спустились с телег и, хромя, побежали тушить вагоны и вытаскивать снаряды. А вокруг гремел бой. Справа и слева от переезда развернулись добровольческие цепи, охраняя спасительную

горловину. По обе стороны полотна лежали убитые, но на них добровольцы не обращали внимания, едва успевая подхватывать раненых.

Забрезжил рассвет – следовало поторопиться с переправой «главных сил». Нескончаемая вереница обозных повозок суетливо мчалась через пути и дальше в станицу, где всё ещё шёл бой с отрядом красных, засевшем в садах и на восточной окраине Медвёдовской, у переправ через реки Кирпили и Кочеты. Они пытались запереть выход из станицы, взяв армию в мешок. Но очень скоро, не выдержав напора добровольцев, они бросились к своим на станцию, где стояло 2 эшелона с пехотой.

За станицей раскинулась болотина, и красным ничего не оставалось, как бежать вдоль фронта к станции. Ротмистр Дударев, лейтенант Ильвов и поручик Фёдоров бросились на левый фланг позиции 4-й роты и, устроившись в небольшой ложине, отстреливали бегущих красноармейцев. «Бежало красных так много, что, расстреляв все свои патроны, мы их собирали с валявшихся везде трупов, – вспоминал Б. Я. Ильвов. – Немало полегло тогда большевиков... до начала боя я еле двигался от усталости, но, вероятно, под влиянием нервного подъёма, всю усталость мою как рукой сняло...»[\[330\]](#)

На севере кипел бой за станцию. Несмотря на огромное численное превосходство, пехота красных не предпринимала активных действий, но интенсивно обстреливала тянувшийся через переезд обоз. Главнокомандующий приказал подвезти на рысях 2-ю батарею, а «главным силам» ускорить движение. Вдали бухнули взрывы – это кавалерия подорвала пути.

4-й и 5-й ротам марковцев из-за своей малочисленности не удавалось продвинуться вперёд к станции. Им на выручку подоспел генерал Боровский с другими частями Офицерского полка и стал уверенно наступать. Стремясь поддержать их, под огнём полковник Тимановский с трубкой в зубах подгонял залёгших было кубанцев.

В это время, пытаясь взять переезд в клещи, с юга подкатил новый бронепоезд и открыл стрельбу. Но окрылённые удачей артиллеристы подошедшей 2-й бригады дали несколько точных выстрелов трофейными снарядами. Бронепоезд задымил и убрался восвояси. Уже с безопасного расстояния он пытался ещё некоторое время обстреливать обозную колонну, но вреда ей не причинил.

Уже совсем рассвело, когда весь Офицерский полк развернулся фронтом на станцию Ведмидивку. Первой её атаковала 5-я рота, но, попав под плотный пулемётный огонь, с потерями отошла к кладбищу. Залегла и 4-я рота, шедшая левее, но левый фланг полка тремя ротами выбил красных из окопов и погнал по станции, дав волю штыку.

Отступающие толпами бросились к своим эшелонам. Один из них, выдвинутый в сторону переезда, не закончив выгрузку пехоты, стал отходить назад, и красноармейцы метнулись обратно к вагонам. Под огнём поезд едва успел проскочить уже захваченную марковцами станцию. Другой эшелон сразу дал быстрый ход, не дожидаясь свою пехоту, и многие оставшиеся красноармейцы искали спасение на другой стороне путей, где их настигли подоспевшие 4-я и 5-я роты.

Вскоре генерал Боровский с Офицерским полком и при поддержке кубанцев полностью овладел станцией, где красные понесли потери до 2000^[62] бойцов. Остальные разбежались кто куда, а кому повезло, успели вскочить в эшелоны и умчались в них на север, бросив на станции целый состав с боеприпасами и различным добром – обувью, бельём, сахаром, шоколадом и медикаментами. «Какое счастье! В этот день взято более 400 артиллерийских и около 100 тысяч ружейных патронов, – радостно писал А. И. Деникин. – По добровольческим масштабам на несколько боёв мы обеспечены»^[331]. Особенно ликовали артиллеристы.

Тут победителями овладел соблазн. Вместо преследования неприятеля голодные и оборванные офицеры кинулись к вагонам с вещами и провиантом, а иные в поисках трофеев разбрелись по станционным домам. Так, из 100 человек 1-й роты марковцев, потерявшей во время атаки 15 бойцов, на преследование врага на северную окраину Ведмидивки вышло всего около 20. Подобным образом действовали и остальные части. На станцию приехал главнокомандующий и, не стесняясь в выражениях, обрушился на штаб полка с требованием навести порядок в частях, памятуя, что побеждающий бывает особенно уязвим в момент самой победы...

Пока основная колонна армии дралась у переезда, за станицу Медвёдовскую и станцию, на севере кавалерийская бригада генерала Эрдели переходила полотно по железнодорожному мосту. Он располагался на большой высоте, а под ним река и болотистое озеро. Кавалерия змейкой шла по узкому мосту по двум настланным доскам.

Когда со стороны Медвёдовской раздались орудийные выстрелы, кони заволновались и движение замедлилось. У захода с насыпи на мост образовалась давка. «Лошади проваливались на мосту, калечились, застревали в форах (мостовых), – вспоминал Е. Г. Булюбаш, – а некоторые, кто бросился вправо от моста, попали в озеро-болото, где и тонули... Картина падения всадников на конях в озеро-болото была кошмарная: болото засасывало»[\[332\]](#).

Когда мост перешла половина бригады, с севера появился бронепоезд и своим огнём сильно потрепал конницу и внёс в её ряды ещё большую суматоху. Несколько снарядов попало в мост, сметая с него столпившихся кавалеристов, и они с отчаянными криками о помощи падали в пропасть, в болото, и тонули в нём. Выскочив с моста на насыпь, испуганные лошади сбрасывали седоков и мчались неведомо куда, вперёд, напролом...

В глухой ночи, прижатые вражеским огнём к узкому мосту, и кони, и люди, находились на грани помешательства. Уже за мостом к хану Р. Б. Хаджиеву подбежал шокированный происходящим бывший офицер конвоя и в красках рассказал, что у его лошади снарядом оторвало голову. А через некоторое время казак привёл ему его лошадь, целую и невредимую...

А главное, на огонь бронепоезда генералу Эрдели ответить было нечем. От дальнейшего избиения конницу спасли тучи, скрывшие луну, и бригада смогла завершить переход через мост. С восходом солнца она собралась в безопасном месте и двинулась на Дядьковскую, куда пришла чуть раньше основной колонны.

Глава третья

Трагедия раненых в станице Дядьковской

Прорвавшись через переезд, «главные силы» заполнили Медвёдовскую. Станица армию встретили радушно. Казачки выходили из домов и угощали уставших и голодных добровольцев кто чем мог, молоком, сметаной, хлебом. Однако находиться долго вблизи от железной дороги было рискованно, поэтому после короткого двухчасового привала армия тронулась в путь к станице Дядьковской.

На этот раз в авангарде шла 2-я бригада, за ней потянулись «главные силы», а их тыл прикрывал Кубанский стрелковый полк. В станице задержались марковцы, 1-я батарея и инженерная рота. Выслав разъезды, конный Черкесский полк оставался у переезда.

По прошествии часа оставшиеся в станице части построили на её окраине у дороги на Дядьковскую. В Офицерском полку к тому времени оставалось менее 300 бойцов, а во 2-й роте – всего 9.

Из станицы к построенным частям подъехала штабная группа верховых с развёрнутым трёхцветным русским знаменем. Впереди, в военной форме под расстёгнутым штатском пальто, с двумя орденами Святого Георгия – на шее и на груди, ехал главнокомандующий. После приветствия он выразил марковцам благодарность за одержанную блестящую победу. Особенно горячо генерал Деникин благодарил подполковника Миончинского и его артиллеристов, отметив их мужество, проявленное в схватке с бронепоездом. Затем он повернулся к генералу Маркову и воздал должное и ему. В заключении главнокомандующий подчеркнул огромное значение минувшего боя, что открыл армии дорогу к спасению и продолжению борьбы.

С серьёзными лицами слушали офицеры речь главнокомандующего. Ещё вчера многим из них казалось, что дело вооружённой борьбы погребено. Любимый вождь убит. Екатеринодар остался в руках у красных. Армия отступила. Раненые брошены. Боеприпасов нет... И вот – военная удача вновь улыбнулась добровольцам. Что это – счастливый случай? Окажись авангард у переезда на полчаса позже, и рассвет спутал бы все карты, позволив бронепоезду в упор расстрелять марковцев. Но не были случайностью

– решимость генерала Маркова и отчаянная доблесть Офицерского полка, а значит, не всё ещё потеряно...

После торжественной встречи с генералом Деникиным, марковцы двинулись в путь в арьергарде. Замыкал движение конный Черкесский полк.

Погода 3 (16) апреля стояла солнечная. В предвкушении желанного отдыха колонна быстро двигалась вперёд. А вокруг раскинулась весенняя, зеленеющая степь. Откуда-то пробовала дотянуться до армии вражеская артиллерия, вздымая взрывами чёрную землю, но далеко, не достать, и вскоре стрельба прекратилась...

Не преследуемая противником армия прошла 17 вёрст и вечером остановилась на днёвку в дружественной Дядьковской, где соединилась с кавалерией.

В станице – благодать! Селение богатое, просторное, многолюдное. Белые, чистые хаты. В садах яблони в цвету. Тихо. Мирно. По случаю праздника, народ нарядный. Встречать гостей на окраину сбежалась детвора. В разноцветных бешметах – мальчишки, а девочки – в ярких платочках мчались вприпрыжку за обозными подводами. Станичники приветливы и щедрЫ на угощение. На площади станичники встретили авангард крестным ходом. Все хотели видеть генерала Корнилова, но, узнав о его гибели, стали расходиться.

За время стоянки добровольцы хоть немного отдохнули и утолили голод. Но в станице надолго задерживаться нельзя, предстоял переход через Владикавказскую железную дорогу. Поредевшие части были сведены в более крупные. 2-я рота Офицерского полка, в которой оставалось всего 9 человек, пополнили в основном оставшимися без орудий артиллеристами, доведя численность до 50–60 штыков, после чего роту прозвали «артиллерийской». Возглавил её полковник Коротаяев.

Бой за Медвёдовскую имел колоссальное значение для поднятия боевого духа в армии. Сожжённый бронепоезд, обращённый в бегство враг и богатая добыча увеличили славу генерала Маркова и понемногу возвращали веру в нового вождя и его штаб. «Когда я в этот день обгонял колонну, – писал А. И. Деникин, – то по лицам добровольцев, по их ответам и разговорам почувствовал ясно, что хотя тяжёлая рана, нанесенная смертью любимого вождя, болит и заживёт не скоро, но что наваждение уже прошло; что по этой широкой кубанской степи,

под ясным солнцем идёт прежняя Добровольческая армия, сильная духом, способная опять бороться за Родину и побеждать»[\[333\]](#).

В Дядьковской главнокомандующему поднесли хлеб-соль. Звучали пышные приветственные речи. Но генерал Деникин не прочь был избежать торжественной процедуры, поскольку отлично знал, чем может обернуться станичной делегации столь тёплый приём «кадет», когда армия оставит селение. «В Дядьковской мы, между прочим, захватили начальника карательного отряда большевиков некоего Гриценко, – вспоминал С. М. Трухачёв. – Этот господин закапывал людей по горло в землю, отрезал у них уши, нос, губы, выкалывал глаза и затем так предоставлял их самим себе...»[\[334\]](#) Станичники поведали добровольцам леденящие душу подробности деятельности красных карателей. В рассказах этих проглядывал звериный оскал братоубийственной междоусобицы...

Будущее добровольцам представлялось туманным. Поговаривали о возможности податься к уральским казакам, заняв Астрахань, или двинуться в Персию, в земли, занятые английскими войсками. Людям хотелось отдыха, и они готовы были идти куда угодно и как можно быстрее, лишь бы оторваться от преследования.

И всё же после удачи у Медвёдовской дела армии пошли в гору. Получив боеприпасы и продовольствие, а также пополнение, обеспеченное мобилизацией, проведённой стараниями кубанского атамана и правительства края, добровольцы могли перейти к более активным действиям. Но для окончательного прорыва кольца вражеских войск требовалось значительно увеличить суточные переходы, посадив пехоту на подводы. Кроме того, вновь встал тяжёлый вопрос о сокращении «главных сил» и в первую очередь лазарета.

По этому поводу генерал Деникин созвал совещание старших начальников и некоторых общественных деятелей, в первую очередь поставив на обсуждение вопрос об оставлении в Дядьковской не способных вынести большие переходы тяжёлых раненых, приняв меры для их безопасности.

В лазарете лечилось не менее 1200 человек, а перевязочные материалы и лекарства почти иссякли, и смертность достигла огромных размеров. В случае отказа от идеи оставления тяжелораненых снижались скорость движения колонны и её

маневренность, что подвергало армию опасности окружения и разгрома.

Многие ответственные начальники, в том числе генералы Алексеев, Романовский и Марков, высказались за оставление, но некоторые говорили о гнетущем впечатлении, которое вызовет в армии очередной факт такого сокращения обоза. В частности, категорически против высказался генерал Казанович, заявив, что он дал обещание раненым партизанам не оставлять их, что и исполнил впоследствии. Принимая во внимание весь спектр мнений, после тяжёлых раздумий, генерал Деникин приказал раненых оставить.

Врачи составили список из 200 тяжелораненых, по их мнению, не способных перенести большие переходы. Станичный сбор принял их под своё крыло. Оставлены были врач, сёстры милосердия, деньги и несколько вывезенных из Екатеринодара революционных деятелей, в числе которых находился известный большевик А. А. Лиманский, обещавший оберегать раненых добровольцев.

По свидетельству А. И. Деникина: «Фактически осталось только 119 человек – остальные были увезены своими однополчанами. Впоследствии оказалось, что из оставшихся двое были убиты большевиками, шестнадцать умерло и сто один спасся»[\[335\]](#). Добровольно остался и матрос Баткин. За левые взгляды в армии его недолюбливали, а гвардейцы и вовсе ненавидели и не раз грозились повесить. После гибели генерала Корнилова его некому было защищать.

Очередное оставление тяжелораненых произвело на добровольцев тягостное впечатление, ведь каждый из них в любой момент мог оказаться в таком положении. Поэтому части предприняли немалые усилия, чтобы вывезти из Дядьковской своих однополчан, из числа 200 человек, назначенных остаться в станице, и вывезли около 80. Однако и состояние многих обитателей лазарета на походе тоже было невыносимым. Несколько человек скончалось в пути, не выдержав тряски на ухабистых дорогах без отдыха, медикаментов и должного ухода.

Некоторые трагические подробности пребывания раненых в Дядьковской после ухода армии раскрыл в своих воспоминаниях В. С. Эльманович. Во время ночного боя с бронепоездом у Медвёдовской мичман Эльманович получил пулевое ранение в грудь

навывлет. Свинец пробил верх правого лёгкого. На рассвете, когда переезд переходил арьергард, его подобрала молоденькая сестра милосердия, бывшая ростовская гимназистка. Она умело сделала перевязку, наложив тампоны на простреленные грудь и спину, остановив тем самым кровотечение.

В Дядьковской, в числе 12 тяжелораненых, его поместили в станичной школе. Всех 12 решено было оставить. К вечеру доктор стал им давать усиленную дозу морфия, после чего раненые забылись мёртвым сном.

На рассвете юной учительнице удалось растормошить мичмана Эльмановича и ещё двоих офицеров, капитана Марченко с перебитой правой рукой и прапорщика Чирикова, раненого в правую ногу. «Молоденькая казачка-учительница стоит посреди комнаты и плачет... – свидетельствует В. С. Эльманович. – Сквозь слезы она рассказала, что произошло, и, указав на 9 человек других, сказала, что они не проснутся. Как тяжело раненных, нас было решено оставить, предварительно усыпив, чтобы нас не замучили красные»^[336]. Рискую жизнью, сердобольная учительница предложила вывезти оставшихся в живых офицеров с помощью старого казака с повозкой. Прапорщик Чириков^[63] отказался, поскольку раздробленная берцовая кость правой ноги при малейшем движении причиняла резкую боль.

Беглецам повезло – красноармейцы входили в станицу с другой стороны, и им чудом удалось проскочить мимо их передовых разъездов, которые маячили по обеим сторонам дороги. Через 5–6 часов раненые догнали армию.

Вероятно, оставленных в других хатах раненых не усыпляли морфием, так как большинство из них остались в живых. «Несчастных, осуждённых на оставление, обманывали, уверяя, что их ещё возьмут с собой, – утверждал Б. Я. Ильвов. – И многие, по рассказам, убедившись в том, что их бросили, покончили жизнь самоубийством»^[337]. Прапорщика Пауля с выбитым пулей правым глазом сначала уложили было на подводу, но потом решили оставить в станице. Не сразу он осознал, что его бросили, а когда понял, то пришёл в ужас. Своё состояние он сам описал так: «Секунды тяжёлым молотом отзываются в голове. В правой руке сжимаю наган. Рука горит. При первом известии о приходе большевиков решил

застрелиться»[\[338\]](#). Лишь случай отвёл непоправимое. Уезжая из станицы, в хату заглянул доктор Трейман со словами:

– Кто хочет ехать?

– Вот, он сейчас застрелится, – указали на прапорщика Пауля раненые офицеры, хотя тот никому не говорил о решении покончить с собой, и доктор спас его, взяв в походный лазарет.

Вряд ли кто-то из добровольцев верил в копеечную мораль Гражданской войны...

Глава четвёртая

От Дядьковской до Успенской

Около 9 часов утра 5 (18) апреля армия покинула Дядьковскую. На этот раз в авангарде шёл Корниловский полк. Всю пехоту разместили на подводах, что позволило не только ускорить марш, но и сберечь людям силы на случай боя.

Предстоял переход через магистраль Владикавказской железной дороги. Штабу армии он внушал опасения, поскольку в двух её узлах, в Екатеринодаре и в Тихорецкой, сосредоточились крупные силы противника. По дороге курсировали бронепоезда, а большие массы пехоты красные могли в считанные часы перебросить в нужное место эшелонами. Во всех селениях они имели своих информаторов, так что легко могли просчитать маршрут движения добровольцев.

Учитывая вышесказанное, командование армии пошло на хитрость. В приказе, отданном накануне выступления, местом ночлега назначалась станция Березанская. Однако на плотине через речку Журавку поставленный штабом маяк повернул колонну на Журавскую, куда авангард подошёл к 16 часам. Как выяснилось позже, через свою агентуру красные быстро узнали о приказе и подготовили для армии ловушку у Березанской, вырыв линии окопов и согнав туда войска.

В станции Журавской добровольцы задержались всего на 5–6 часов и с наступлением темноты, в 22 часа, двинулись к магистрали чуть южнее станции Выселки, где красные их не ждали. Чтобы к неприятелю не просочилась информация об этом, кавалерия ко времени привала заблокировала все выходы из Журавской.

Двигаясь двумя колоннами, первым делом конница и Офицерский полк лихим налётом овладели станцией Выселки и разъездом к югу от неё и испортили там пути. Шедшая в авангарде 2-я бригада в полночь заняла средний переезд, затем выставила по обе стороны от него заслоны с артиллерией и обезопасила переправу ближней порчей рельс, открыв дорогу десятивёрстным «главным силам».

Соблюдая тишину, обоз покатыл через магистраль. На переезде генерал Деникин пропускал десятивёрстную колонну. Люди настороженно впивались глазами в темноту – не сверкнули ли огневые

зрочки бронепоезда, вслушивались в ночь, радуясь раскатам далёких взрывов. Это кавалерия подрывала пути.

– Помогай, Господи! – снимали шапки и широко крестились они, пересекая пути.

Переход магистрали произошёл без единого выстрела. Преодолев за сутки около 65 вёрст, 6 (19) апреля армия встала на ночлег в станице Бейсугской. На другой день предстояло новое испытание – прорыв из треугольника путей, для чего следовало сделать переход железнодорожной линии Тихорецкая – Кавказская. Эти узловые станции разделяло всего 60 вёрст, что позволяло красным нанести удары сразу с двух сторон.

И вновь штаб армии безупречно спланировал операцию. Согласно его замыслу, с утра 7 (20) апреля кавалерия произвела усиленные демонстрации в направлении станиц Тифлисской и Казанской, что спутало представление командования красных относительно направления движения армии. Тем временем основная колонна совершила стремительный марш на северо-восток и остановилась на привал в хуторе Владимирском, выставив кавалерийские заслоны против Кавказского и Тихорецкого узлов.

В ночь на 8 (21) апреля «главные силы» в третий раз подошли к магистрали между станциями Малороссийской и Мирской. «Пройдя только что перед этим железнодорожное полотно без боя, мы были уверены, что теперь-то красные не прозевают нас и что нам предстоит жестокий бой, – отмечал Б. Я. Ильвов. – Но каково же было наше удивление, когда с величайшими предосторожностями и в строжайшей тишине вышли мы на полотно и не обнаружили ни одного неприятельского солдата»[\[339\]](#).

Первым к железнодорожной будке подъехал генерал Марков с группой конных разведчиков и повторил трюк, отработанный у Медвёдовской, – арест сторожа и бодрая телефонограмма красным в Тихорецкую, что на переезде всё спокойно. И на этот раз добровольцам сопутствовала удача.

Когда весь огромный обоз переправился и пути переходил уже арьергард, раздался стремительно приближающийся характерный шум и темноту прорезали огненные глаза паровоза. Не сомневаясь, что это мчит высланный к переезду бронепоезд, добровольцы моментально рассыпались в цепь. Промчались минуты напряжённого ожидания, и

из темноты вынырнул не бронированный, а обычный товарно-пассажирский эшелон.

Закидав паровоз ручными гранатами и сделав несколько залпов из винтовок, добровольцы заставили его остановиться. «И в наши руки, без одной жертвы с нашей стороны, – писал Б. Я. Ильвов, – попало несколько вагонов отличных коней, разных припасов и несколько тут же вздёрнутых комиссаров»[\[340\]](#). Испортив пути, перегрузив нежданную добычу на подводы и взяв трофейных лошадей, арьергард помчался догонять колонну «главных сил». Уходя с переезда, генерал Марков велел сторожу:

– Передайте большевикам, что «кадеты» переправились через магистраль благополучно!

Вскоре к месту перехода подкатил бронепоезд и с безопасного расстояния попытался достать своей артиллерией добровольческий арьергард, но безрезультатно.

После 45 вёрст ночного марша на рассвете 8 (21) апреля армия вышла к Хопёрским хуторам, где и остановилась на отдых. Но вскоре обозначилось наступление вражеской пехоты, оперативно подвезённой в эшелонах к месту перехода. Вести упорный бой всего в 7 верстах от магистрали штаб армии посчитал нецелесообразным, и в ночь на 9 (22) апреля добровольцы покинули Хопёрские хутора. Сделав переход в 23 версты, в основном под покровом темноты, к полудню следующего дня армия пришла в большую и богатую станицу Ильинскую.

Железные дороги стали злейшим врагом армии, «...они сжимали нас в своих тисках, – вспоминал А. И. Деникин, – готовя тактические западни и окружения; простая сама по себе операция перехода осложнялась до крайности наличием 8—10-верстного обоза, который требовал для своей переброски сносной дороги, железнодорожного переезда и несколько часов времени. В нашем активе были, однако, манёвр и абсолютное повиновение войск, противопоставленное медлительной системе большевистского митингового управления»[\[341\]](#).

По обозу гуляла едкая шутка:

– В чём главное отличие добровольцев от большевиков?

– Большевики ходят вдоль железной дороги, а добровольцы – поперёк.

В Ильинской армия отдыхала 3 дня, с полудня 9 (22) до 12 (25) апреля. Пройдя от Екатеринодара за 9 дней около 220 вёрст, добровольцы выбрались из пут железнодорожных магистралей и получили возможность немного отдохнуть и спланировать дальнейшие действия.

В первый день стоянки противник не тревожил армию. Следующие 2 дня, 10–11(23—24) апреля, немногочисленная пехота красных безуспешно пыталась атаковать станицу со стороны станции Малороссийской, но была легко отброшена частями 2-й бригады, а кавалеристы генерала Эрдели, преследуя противника, заняли Дмитриевскую. Командование красных просчиталось, полагая, что после осады Екатеринодара Добровольческая армия потеряла боеспособность, и не преследовало её крупными силами. Советские газеты в те дни пестрели пышными сообщениями о разгроме «белогвардейских банд», рассеянных по горным районам.

Во время стоянки в Ильинской штаб армии получил сведения о восстаниях казаков на Дону и Кубани. Из станицы Прочноокопской приехали посланники, с приглашением идти к ним, в Лабинский отдел. Несмотря на то, что их восстание было жестоко подавлено, осталась тайная организация в Лабинском, Баталпашинском, Кавказском и в части Майкопского отдела. Остались тайники с оружием и проведена подготовительная работа для захвата Армавира, где имелись крупные склады боеприпасов, продовольствия и различного интендантского имущества. Одновременно с Дона доходили известия, что казачество поднялось повсеместно, захватив Новочеркасск.

Благие вести быстро разлетелись по лагерю. Добровольцы окончательно воспрянули духом. Находились горячие головы, упрекавшие штаб в медлительности и излишней осторожности. Чтобы выбрать направление движения, командованию требовалось убедиться в серьёзности полученных сведений. Поэтому на разведку в станицу Егорлыкскую отправили разъезд во главе с полковником Барцевичем.

Ещё больше удаляясь от железной дороги, 12 (25) апреля, преодолев 28 вёрст, около 18 часов армия перешла в гостеприимную станицу Успенскую и обеспечила свою безопасность заслонами у Дмитриевской и Расшеватской. По настоятельной просьбе кубанского атамана и правительства создавался отряд, способный стать ядром восстания лабинцев. Для этого в распоряжение генерала Покровского

штаб армии передал 4 сотни кубанцев и черкесов. Отряд сосредоточился в станице Расшеватской, ожидая окончательного решения плана дальнейших операций.

В направлении Новолокинской выдвинулся кавалерийский отряд под командованием генерала Эрдели и пластунский батальон полковника Улагая. По данным разведки, в Новолокинской находился штаб местных революционных частей и склад боеприпасов.

В 14 часов 13 (26) апреля в распоряжение генерала Эрдели штаб армии отправил часть корниловцев в 160 штыков под командованием капитана Скоблина, две роты 1-го батальона и одну 2-го. В 20 часов отряд прибыл к месту назначения, но штурм отложили, и утром 14 (27) апреля корниловцы вернулись в Успенскую.

Вечером того же дня капитан Скоблин получил приказ вновь идти с отрядом к Новолокинской, куда он и подошёл к 23 часам. Генерал Эрдели приказал в 2 часа ночи атаковать высоты у Допятовского хутора. Правее корниловцев должна была действовать кавалерия, а пластуны назначались в резерв. Однако атака началась только в 3 часа. «Пользуясь темнотой, корниловцы подошли к противнику почти на 50 шагов и, несмотря на ураганный ружейный и пулемётный огонь, ворвались в окопы и опрокинули в десять раз превосходивших их численностью красных, – вспоминал М. Н. Левитов. – Наши потери из 160 человек – 60 человек убитых и раненых»[\[342\]](#). В числе раненых оказались: полковник Зазулевский, есаул Милеев и штабс-капитан Голубятников.

Заплатив дорожную цену за взятие позиции, корниловцы не обнаружили склад боеприпасов и после 20 часов отправились в Успенскую на отдых. Операция эта имела значение демонстрации, укрепив командование красных в мысли, что армия намерена пробиваться на восток. В то же время генерал Деникин намеренно избегал тревожить неприятеля в северном направлении, отправляя к магистрали Тихорецкая – Торговая только разведчиков.

Тогда же, сделав в считанные дни стремительный пробег в 200 вёрст от Ильинской до Егорлыкской и обратно в Успенскую, в приподнятом настроении вернулся полковник Барцевич. С ним пришла сотня донских казаков. Привезённая отрядом новость потрясла добровольцев – военно-политическая обстановка на Дону

действительно резко изменилась, но красные угрожали залить кровью восставшие земли.

У всех на устах одно – всколыхнулся Тихий Дон! «Дон восстал, – писал А. И. Деникин. – Задонские станицы ополчились поголовно, свергли советскую власть, восстановили командование и дисциплину и ведут отчаянную борьбу с большевиками. Бьют челом Добровольческой армии, просят забыть старое и поскорее придти на помощь»[\[343\]](#).

Из советских газет добровольцы знали, что вся Россия признала новую власть, и лишь казачьи области, последняя пядь родной земли, ещё сопротивлялись. Ширилось восстание казаков вокруг Новочеркасска, а южные станицы были скованы войсками красных и местных большевиков.

Привезённые полковником Барцевичем сведения поставили командование армии перед выбором: идти на Дон или продолжать борьбу в Лабинском отделе Кубани. Движение на соединение с восставшими донцами давало возможность создать новую военно-политическую базу для решения общероссийских задач, а уход в предгорные районы сулил лишь продолжение партизанской войны и оторванность от внешнего мира. Командование армии приняло единодушное решение идти на Дон, того же мнения придерживался и генерал Алексеев.

Главкомандующий пригласил кубанских правителей, обрисовал им обстановку и объявил своё решение, которое они, хотя и с грустью, но приняли, отметив при этом, что многие их земляки могут отказаться покинуть с армией пределы родной области. Однако вскоре выяснилось, что их опасения по поводу кубанцев и черкесов оказались напрасными. Узнав о решении командования идти на Дон, переданные под начало генерала Покровского сотни решили не оставлять армию.

Глава пятая

Движение на Дон

Двигаясь на север, армии предстояло в четвёртый раз пересечь железную дорогу. Генерал Деникин назначил выступление на 16 (29) апреля после полудня, с расчётом, чтобы ночью скрыть направление движения и до первых солнечных лучей завершить переход магистрали между станциями Ея и Белая Глина.

В 14 часов красные стали наседать на станицу со стороны Расшеватской. До 20 часов их сдерживали части 2-й бригады, назначенные в арьергард. Затем корниловцы и партизаны снялись с позиции и последовали за армией.

Сначала колонна пошла на северо-восток, а когда стемнело, остановилась и повернула налево. Почти всю ночь армия плутала по дорогам и по бездорожью. Проводники сбились с пути, но под утро голова колонны вышла к глухому переезду и стала переходить магистраль.

Надежды добровольцев и на этот раз при переходе полотна избежать боя оказались тщетными. Когда шедшая в авангарде 1-я бригада подошла к путям, то в темноте отчётливо слышались шум и лязг поджидавшего их на переходе бронепоезда. Однако, убедившись в появлении колонны, он без выстрела быстро ушёл, дав возможность марковцам начать переправу.

Сбив слабый заслон красных, Офицерский полк перешёл магистраль и вскоре оказался перед новой позицией неприятеля, занятой крупными силами. Атакуя её, марковцы развернули свой фронт на 45 градусов вправо.

Кавалерия и часть авангарда образовали заслоны справа и слева от переезда, и подорвали пути. И многовёрстный обоз, где было 1500 только лазаретных подвод, помчался вперёд. По две в ряд крупной рысью мчались повозки по настилу, люди истово крестились, оставив рельсы позади. Развернув цепи и выкатив на позицию орудия, добровольцы с минуты на минуту ожидали нападения, но красные почему-то медлили.

Солнце взошло уже высоко, когда от Белой Глины подошли бронепоезд и эшелоны с пехотой. Выгрузившись из вагонов, она густыми массами двинулась по полю к переезду. Но наступление местной красной гвардии велось нерешительно.

Заходя левым флангом, Офицерский полк продолжал наступать и расчистил дорогу голове колонны. Однако его правифланговая 4-я рота, едва перейдя пути, оказалась под ударом и с фронта и с тыла, где её поливали свинцом пулемёты подошедшего на 400 шагов бронепоезда. К тому же перед фронтом полка заговорила вражеская батарея. Красные пытались загнать добровольцев в мешок. Но подполковник Миончинский под огнём хладнокровно развернул одно из своих орудий и несколькими выстрелами обратил бронепоезд в бегство.

После нескольких удачных выстрелов 1-й батареи волны пехоты тоже отхлынули. На фронте марковцев тоже наступил перелом – красные стали отходить к Горькой Балке. В разгар боя один из выпущенных с бронепоезда снарядов попал в ложбину, где пасся табун лошадей. Испуганные кони выскочили на возвышенность, и красные засыпали их снарядами, приняв табун за кавалерию. В итоге табун прибил к добровольческим цепям, где лошадей переловили, пополнив свой конский запас. Пропустив «главные силы» и немного выждав, арьергард снялся с переезда и под огнём бронепоезда последовал за колонной.

Голову обоза из Горькой Балки встретили огнём. Авангард спокойно развернулся в боевой порядок, а батарея открыла прицельную стрельбу. «И скоро нависшие было тучи рассеялись: выступление местных большевиков в Горькой Балке, яром большевистском притоне, оказалось не серьезным и скоро было ликвидировано...»[\[344\]](#) Первыми в село вошли черкесы, попавшие под обстрел из окон и с крыш домов, но они лихо расправились с нападавшими и в плен их не брали. Позже, при выходе армии из селения, за своих убитых исподтишка всадников черкесы жестоко отомстили, спалив несколько домов.

На въезде в село, у первой хаты лежала мёртвая женщина. Прапорщик Гуль, сидя на лазаретной подводе, поинтересовался про неё у проезжавших рядом верховых. «Верховой тронул коня, едет с подводой и рассказывает, перегнувшись с седла: “Эта, сволочь, выдала

наш первый разъезд; они у неё остановились – она их приняла хорошо, а сама к комиссару послала; их захватили, перестреляли, топорами перерубили; а когда второй разъезд утром приехал – опять к ней заехали, большевиками прикинулись, она и рассказала, как кадетов выдала... ну, вот и валяется...”»[345]

Со слов[346] С. М. Трухачёва, при въезде головы колонны в село женщина эта выскочила навстречу генералу Алексееву. И, хотя он был в военной форме при погонах, женщина, как сумасшедшая, принялась громко хвалиться тем, что выдала красным отставших от своих «кадет», которых те расстреляли и изрубили топорами. Найденные впоследствии тела погибших кавалеристов были изуродованы до неузнаваемости. Охрана генерала тут же схватила её и расстреляла.

От случая этого нещадно смердело какой-то бесовщиной. В тот день он не сходил с уст добровольцев, недоумевавших – какая сила толкала расстрелянную женщину не только участвовать в жестоком убийстве разъезда, но и с необъяснимым бесстрашием открыто похвалиться своим злодеянием перед вождём армии?

Шла Страстная неделя, и нечисть бесновалась... Согласно воспоминаниям А. И. Деникина, весной 1918 года на Кубани красные замучили 22 священнослужителей. Их обвинили в «сочувствии кадетам и буржуям», в осуждении большевиков на проповедях и в исполнении треб для проходившей через их селения Добровольческой армии. Повсеместно и широко практиковались аресты и издевательства над духовенством. Особенно отвратительную казнь красные совершили в станице Незамаевской, замучив священника Иоанна Пригоровского. «В ночь под Пасху, во время службы, посреди церкви красногвардейцы выкололи ему глаза, отрезали уши и нос и размозжили голову, – свидетельствовал А. И. Деникин. – С невероятным цинизмом они оскверняли храмы и священные предметы богослужения. Помню, какое тяжёлое впечатление произвело на меня посещение церкви в станице Кореновской после взятия её с боя добровольцами в июле: стены её исписаны были циничными надписями, иконы размалёваны гнусными рисунками, алтарь обращён в отхожее место, причём для этого пользовались священными сосудами...”»[347]

В Горькой Балке армия остановилась на большой привал. Всё время отдыха не прекращался бой к востоку от села. Немного

отдохнув, добровольцы двинулись дальше и к вечеру 17 (30) апреля подошли к станице Плоской, где и заночевали. Армия с боями преодолела за переход более 70 вёрст. Особенно устали кавалеристы, измотанные многочисленными разведками, демонстрациями, стычками и преследованием неприятеля. Из Плоской, с несколькими сотнями, генерал Покровский пошёл по северному району Ейского отдела для мобилизации казаков.

Тогда же с мольбой о помощи примчался разъезд от донцов. С севера и запада на задонские станицы надвигались крупные силы красных, теснявшие казаков. Торопясь им на выручку, после полудня 17 (30) апреля армия двинулась к селу Лежанка, памятному ей по бою 21 февраля (6 марта) и поздним вечером достигла цели. На этот раз Лежанка встретила добровольцев дружелюбно. Более того, жители выдали прятавшихся в селе большевиков и дали добровольцам небольшое пополнение.

Шла Страстная неделя. 18 апреля (1 мая), выставив завесу из кавалерийских разъездов и незначительное охранение, армия приводила себя в порядок в ожидании Святой Пасхи. Настроение у добровольцев было приподнятое – прорвано кольцо окружения, грядёт соединение с восставшими донцами, желанный всеми отдых и отправка раненых в госпитали Новочеркасска.

В то же время над Задоньем сгущались тучи. Крупные силы красных выбили казаков из Кагальницкой и Мечетинской. Донцам пришлось отойти к Егорлыкской, куда нацелился и противник. Обстановка требовала от штаба армии немедленных решительных действий для освобождения Задонья.

Но и в окрестностях Лежанки красные накапливали силы. Чтобы упредить их удар, штаб армии перед рассветом 19 апреля (2 мая) двинул на подводах часть Офицерского полка к селу Лопанка, находившуюся в 15 верстах от стоянки армии. После короткого встречного боя марковцы заняли село и к вечеру вернулись в Лежанку.

Тем же днём генерал Деникин отправил пряником на Егорлыкскую 1-й Конный полк полковника Глазенапа, приказав ему после соединения с донцами объединить командование над казачьим ополчением и наступать на север. В Егорлыкской добровольческую кавалерию встретили немногие оставшиеся в станице казаки с малолетними детьми. Не надеясь на свои силы, станичники с семьями

и скарбом схоронились в степи. Полковник Глазенап немедленно вернул их и, вооружив, присоединил к своему отряду.

Одновременно, для оттягивания сил красных от Егорлыкской, требовалось выйти им в тыл. С этой задачей вечером 19 апреля (2 мая) генерал Деникин отдал приказ 2-й бригаде наступать по направлению на посёлок Иловайский и на Гуляй-Борисовку.

Около полудня 20 апреля (3 мая) на подходе к Иловайскому корниловцы натолкнулись на противника. Развернув свой полк в боевую линию, полковник Кутепов коротким ударом отбросил красных и ворвался в посёлок, где корниловцы встали на привал. Видя движение 2-й бригады в тыл и фланг, противник поспешно отошёл к Гуляй-Борисовке. Взятые в плен красноармейцы говорили, что наступали они тремя колоннами числом около 4000, но «...когда их командующий узнал, что в Лежанке находится генерал Деникин, то отдал приказ об отступлении, а сам на автомобиле бежал»[\[348\]](#). Находившийся в окрестностях Иловайского отряд красных рассеялся.

В Великую субботу, 21 апреля (4 мая) в 5 часов утра 2-я бригада вышла к Гуляй-Борисовке и застала неприятеля врасплох, даже вырытые на окраине селения окопы оказались пустыми. Оказалось, что красные ожидали подкрепления и приняли колонну 2-й бригады за своих. Не теряя времени, Партизанский полк пошёл в обход слободы, а цепи Корниловского полка во главе с полковником Кутеповым стремительно ворвались в селение и в считанные минуты сломили разрозненное сопротивление, пленив больше сотни красноармейцев и взяв много трофеев. Не меньшая добыча досталась и партизанам.

Успех внезапного ночного налёта был обеспечен умелым командованием и боевой слаженностью корниловцев, при слабой организации сторожевой службы у красных. «Пленных сгоняли на площадь на краю села, – вспоминал Б. И. Казанович. – Вскоре их набралось у меня более 300. Здесь я впервые от начала 1-го похода получил приказание генерала Богаевского: по случаю страстной субботы, пленных не расстреливать»[\[349\]](#).

Получив удар 2-й бригады в спину, красное командование свернуло наступление на Егорлыкскую. Довольный действиями частей генерала Богаевского, главнокомандующий позволил им встретить Святую Пасху в Гуляй-Борисовке, хотя в Лежанке в то время создалась тяжёлая обстановка.

Уход из Лежанки бригады генерала Богаевского, вероятно, был истолкован командованием красных за начало отступления, поэтому с утра 20 апреля (3 мая) числом до 14 000 с артиллерией их части стали подбираться к «главным силам» армии. Обоз остался под прикрытием кавалерии генерала Эрдели и частей 1-й бригады, которая насчитывала не более 1500 человек. Наступление велось с юга, юго-востока, востока и отчасти северо-востока.

Артиллерия красных обрушила на Лежанку жестокий огонь. Особенно тяжело приходилось обозу, которому некуда было деться. Он терпел и ждал своей участи. Оборону села штаб армии поручил 1-й бригаде. В течение дня красные несколько раз отходили под короткими ударами частей генерала Маркова. «Цепи его были редки до крайности, чтобы оборонять сектор такого большого протяжения, – признавал С. М. Трухачёв. – Он говорил, что наших цепей совершенно не видно, на 10–20 красных приходится один наш»[\[350\]](#). В решающий момент боя марковцы выкатывали вперёд установленные на подводы пулемёты и останавливали густые цепи красных свинцовым ливнем.

Часов с 6 утра 21 апреля (4 мая) красные повели новое наступление на Лежанку. Артобстрел усилился. Видимо, зная расположение штаба армии, красные артиллеристы буквально засыпали снарядами прилегающий к нему район. Хотя дом был каменный, с толстыми стенами, и часть помещений являлись вполне безопасными, некоторые чины штаба предпочли переждать артобстрел в подвале.

Генерал Деникин стоял в маленьком деревянном домике, где он останавливался в феврале, когда армия следовала на Кубань. Дом этот тоже оказался в сфере жестокого огня, и генерал Трухачёв предложил главнокомандующему перейти в штаб. «Деникина я встретил у ворот и обратился к нему со своим предложением, – вспоминал С. М. Трухачёв. – Он согласился. Только мы вошли в коридор, где были расположены телефоны, как раздался оглушительный взрыв. Оказалось, что снаряд пробил крышу, а осколки его пробili доски, закрывавшие ход на чердак, и упали в телефонное помещение. Деникин сейчас же ушёл из штаба, а я чувствовал себя очень сконфуженным...»[\[351\]](#) В тот день в Лежанке никто и нигде не чувствовал себя в безопасности. Слепой случай мог сразить любого.

Несколько снарядов угодило в лазарет, перебив и переранив ожидавшихся развязки боя его обитателей.

Получив радостное известие, что Егорлыкская находится в руках у добровольцев и казачьего ополчения, главнокомандующий немедленно распорядился направить туда обоз и в первую очередь лазарет, чтобы вывести его из-под губительного артиллерийского огня.

Тем временем бой становился всё более горячим. Генерал Марков двинул в обход правого фланга красных 4-ю роту Офицерского полка, числом около 35 штыков.

На повозках ротмистр Дударев быстро доставил роту к назначенному месту. Под плотным пулемётным и ружейным огнём, по длинной и неглубокой ложбине рота вышла к маленькому хутору и выбила из него красных. Хуторок состоял из двух больших сараев, крытых соломой и обнесённых соломенной оградой, внутри которой стояло несколько больших стогов сена.

Выскочив на обращённую к противнику окраину хутора, рота оказалась за правым флангом густых пехотных цепей, шагах в 400 от них. Из тыла к цепям подтягивалось ещё около 1000 подкрепления, а на хуторок смотрели 3 вражеских орудия. Заняв удобную позицию, рота открыла бешеный ружейный огонь, подкреплённый очередями единственного пулемёта, и перебила часть оружейной прислуги и их лошадей.

Однако пушки успели открыть огонь, и хуторок полыхнул костром, в котором заживо сгорело несколько раненых добровольцев. В их числе погиб доблестный балтиец лейтенант Басов.

Добровольцам пришлось поспешно оставить горящий хутор. Отступая россыпью по ложбине к своим повозкам, 4-я рота могла оказаться лёгкой добычей для вражеской кавалерии, которая ринулась их преследовать. Но ротмистр Дударев и ещё 5–6 офицеров организовали прикрытие, прицельным огнём сняв с коней несколько кавалеристов. Лава повернула назад, но тут же тучей нависла вражеская пехота, штыков в 400–500.

Во время отхода вражеский свинец разворотил лейтенанту Ильвову кисть левой руки. Добравшись до повозок, 4-я рота умчалась в село. А на подступах к Лежанке в это время кипел упорный бой. Красные захватили кирпичный завод и вышли к окраине селения в районе кладбища. 1-я бригада отчаянно контратаковала. Не раз вперёд

выскакивали добровольческие тачанки и в упор расстреливали красных. Они сначала отходили, но вскоре, подтянув свежие силы, атаковали с прежним ожесточением. В разгар боя был ранен генерал Боровский, и марковцев возглавил полковник Дорошевич.

Согласно приказу главнокомандующего, походный лазарет кружным путём перемещался в Егорлыкскую, но делал это порциями, поскольку пехотные цепи красных подбирались к дороге. После полудня им удалось перерезать её, и большая часть «главных сил» застряла в Лежанке. Все раненые находились на повозках с винтовками в руках и с тревогой ожидали грядущей развязки.

Была Великая суббота, и в 14 часов в сельской церкви перед Пасхой спокойно шла служба. Под аккомпанемент артиллерийской канонады из алтаря возносились к Небу кроткие молитвы. Кроме причта и генералов Деникина и Алексева, в храме не было ни души. Вожди армии молились в одиночестве, пока к ним не подошёл с докладом адъютант генерала Маркова.

– Начинайте! – распорядился главнокомандующий, выслушав доклад.

Генерал Марков ввёл в дело свой последний резерв, Инженерную роту в 80 штыков. Оттеснив красных от дороги на Егорлыкскую, рота не смогла развить наступление против почти вдесятеро сильнее врага. И лишь когда с соседнего участка подошло ещё 50 марковцев, добровольцам удалось выбить неприятеля из кирпичного завода, где он бросил при отступлении 2 пулемёта и большой запас патронов. Походный лазарет поспешил продолжить переход в Егорлыкскую. Уход «главных сил» окончательно развязал руки бригаде генерала Маркова.

Наступление красных стало выдыхаться по всему фронту, однако только после 16 часов, с подходом отряда егорлыкских казаков, их удалось отбросить окончательно.

– Шашки вон, господа! – раздавалась команда в рядах кавалерии, и конные лавы погнали врага восвояси.

За боевой день 1-я бригада потеряла до 80 человек, из них 7 убитых в Офицерском полку, 8 убитых и 20 раненых в Инженерной роте. В бригаде образовался новый походный лазарет в 150 душ.

Вслед за «главными силами», когда исход боя уже решился, в Егорлыкскую отправился и штаб армии. Перед отъездом

главнокомандующий приказал генералу Маркову ещё на сутки задержаться в Лежанке, а затем пройти в Егорлыкскую через полустанок Целину, чтобы прогнать отряд анархистов, курсировавший на бронепоездах между Торговой и станцией Атаман.

Поздно ночью по дороге на Егорлыкскую штаб армии спешил к пасхальной заутрене. Высоко в небе таинственно мерцали звёздные миры. Справа маячил сполох пожарища. Его багрянец тускло освещал путь к новой заре. Там догорал кем-то сожжённый хутор. Кони перешли на шаг, гулко постукивая копытами по дороге.

Главнокомандующий и начальник штаба ехали рядом, вспоминая поход и рассуждая о его значении для армии и для дела вооружённой борьбы. С прорывом вражеского кольца раздвинулись горизонты возможностей. Освободив Задонье, армия получила тыл на подконтрольной ей территории. Ширилось восстание казаков и в других районах Дона и Кубани.

Генералы сошлись во мнении, что в походе армия духовно окрепла, характер добровольцев закалился. Благодаря общим усилиям, достигнут значительный успех и впереди замаячил выход на общероссийскую дорогу.

– Что же, Иван Павлович, как говорит внутренний голос – одолеем? – спросил главнокомандующий.

– Как сказать... – задумчиво рассуждал генерал Романовский. – Мне кажется, что теперь мы выйдем на большую дорогу. Но попадём в жестокую схватку между двумя процессами – распада и сложения здоровых народных сил. Они, по существу, будут бороться, а мы, в зависимости от течения их борьбы, одолеем или пропадём.

Глава шестая

Последние бои Ледяного похода

22 апреля (5 мая) День Святой Пасхи во всех добровольческих частях прошёл спокойно. Штаб армии, разношёрстные «главные силы» и часть кавалерии обосновались в Егорлыкской, 2-я бригада находилась в Гуляй-Борисовке. Оставленные в Лежанке полки 1-й бригады выставили заставы на случай нападения, но красные их не тревожили, отмечая Великий Праздник на расстоянии 15–20 вёрст.

После пасхальной службы марковцы похоронили своих боевых товарищей, погибших за несколько часов до Светлого праздника. Генерал Марков зашёл в свой обоз навестить раненых, которых набралось полторы сотни.

– Жаркое было дело, – сказал он про минувший бой, – ведь какая тучища их на нас навалилась, но не в первый раз нам бить эти банды...

В тот же день около 16 часов 1-я бригада тронулась в путь. В сумерках на хвост колонны выскочил грузовик с пулемётом и открыл по марковцам огонь, но одного выстрела из орудия оказалось достаточно, чтобы он умчался прочь.

На рассвете 23 апреля (6 мая) бригада генерала Маркова вышла к разъезду Прощальный на магистрали Торговая – Батайск. Сапёры подорвали пути у станции Целина, а основные силы бригады основательно испортили железную дорогу Прощального. Выворачивали целые звенья, жгли в огромных кострах шпал. Работа шла всю ночь.

Забрезжил рассвет, и появился вражеский бронепоезд, ударив по добровольцам из орудий и пулемётов. Пулевое ранение получил прапорщик Гемпель, а шрапнельный стакан с рикошета ударил в живот полковника Дорошевича, который громко и весело крикнул:

– Смотрите, как хорошо иметь большое брюхо, от которого шрапнельные стаканы отскакивают!

Однако ранение оказалось серьёзным, и в командование Офицерским полком вступил полковник Хованский.

Подполковник Миончинский быстро развернул свои орудия и несколькими выстрелами заставил бронепоезд держаться на

почтенном расстоянии от бригады. Закончив порчу путей, 1-я бригада двинулась в Егорлыкскую, куда пришла ещё засветло и расположилась на отдых.

С приходом армии на Дон обнадеживающие новости посыпались на штаб, словно из рога изобилия. 23 апреля (6 мая) пришло радостное сообщение, что в этот день отряд казачьего ополчения полковника Денисова овладел Новочеркасском. Однако глава представительства Добровольческой армии у донцов генерал Кисляков не считал их положение прочным. В своих донесениях он отмечал, что Донская армия пока ещё не сформирована, а казачье ополчение в боях часто не проявляло стойкость. В то же время ширились казачьи восстания, охватывая большую часть территории Дона.

Генерал Деникин не спешил перебраться в Новочеркасск, решив отправить туда лишь многострадальный походный лазарет. В армии вновь остро ощущалась нехватка боеприпасов. К тому же прибывало пополнение из казачьих станиц, а вооружить его было нечем.

Разведка доносила, что немцы заняли Ростов и красные, отступая с Дона, бросились вывозить захваченное ими всевозможное имущество, и вся Владикавказская железная дорога перегружена беженцами. Сообщалось также, что на узловой станции Сосыка накопилось много эшелонов с обмундированием и артиллерийским снаряжением.

Раздетая и лишённая снарядов армия остро нуждалась в новых трофеях. Возник соблазн неожиданным ударом овладеть станцией Сосыка и захватить богатую добычу и выйти в тыл стоявшей против немцев в Куцевке и Батайске армии И. Л. Сорокина. Так на карту Ледяного похода легла его заключительная боевая операция.

План операции держался в тайне, но слух о скором выступлении облетел армию, хотя о направлении и целях похода добровольцам не объявили. Первыми о поставленной задаче узнали 7 офицеров инженерной роты во главе с подполковником Александровым, которых генерал Марков отправил во вражеский тыл.

– На вас возлагается серьёзная задача, от которой зависит успех нашего набега на треугольник станций Крыловская, Сосыка-Ейская и Сосыка-Владикавказская, – напутствовал он офицеров.

Лазутчики должны были в ночь на 27 апреля (10 мая) подорвать пути у разъезда Хуторской на железной дороге на Ейск и перерезать

телефонные и телеграфные провода. В помощь им дали трёх проводников и сотню черкесов.

На рассвете 25 апреля (8 мая) армия двинулась в поход. 1-я бригада наступала на станции Сосыка-Ейская и Сосыка-Владикавказская, 2-я бригада шла к Крыловской, а кавалерия взяла направление на Леушковскую. После выхода на указанные рубежи, согласно замыслу штаба армии, ранним утром 27 апреля (10 мая) войскам следовало нанести удары одновременно.

Преодолев на подводах около 65 вёрст, к вечеру 25 апреля (8 мая) 1-я бригада и кавалерия прибыли на ночлег в Незамаевскую. Опасаясь за свою участь после ухода добровольцев, станичники упрашивали генерала Маркова оставить у них отряд. Он отказал, предложив им самим взяться за оружие для защиты селения, а лучше вступить в ряды армии.

В тот же день 2-я бригада с боем взяла Новопашковскую, а к 17 часам выдвинулась к занятой противником Екатериновской и атаковала её. Не выдержав напора добровольцев, уже в сумерках красные отошли на Крыловскую.

26 апреля (9 мая) части генерала Богаевского оставались в Екатериновской, получив подкрепление – сотню незамаевских казаков во главе с есаулом Калабушкиным. В течение дня красные попытались вернуть станицу, но безуспешно. Партизаны и корниловцы отбили все их атаки. Одновременно 1-я бригада на подводах покрыла около 30 вёрст и вечером остановилась в нескольких верстах от станции Сосыка-Владикавказская. Черкесские разъезды донесли, что станция занята крупными силами красных с бронепоездом.

С наступлением темноты генерал Марков развернул свои части. Офицерский полк – для штурма станции Сосыка-Владикавказская, а левее – кубанцев. Заняв станцию, бригада должна была заходить левым плечом вперёд и выйти к следующей станции Сосыка-Ейская.

Отряд подполковника Александрова скрытно пробрался к Владикавказской магистрали севернее станции Сосыка и в ночь на 27 апреля (10 мая) подорвал пути под самым носом у бронепоезда. Осыпаемый пулемётными очередями, он отошёл на соединение со своей бригадой.

Не дожидаясь рассвета, 1-я рота марковцев в 150 штыков пошла к станции, сбила заставу красных и на расстоянии 200 шагов напоролась

на картечь и пули бронепоезда. Потеряв 27 убитыми и 44 ранеными, рота отошла к своим.

Марковцы окопались и лежали под плотным пулемётным огнём, а на левом крыле бригады пошли вперёд кубанцы, заходя во фланг и тылседавшим красным. В критический момент батарея подполковника Миончинского заставила бронепоезд откатиться назад, чем был решён исход боя. На станции 1-я бригада захватила около 300 пудов пироксилина, медикаменты, обмундирование и различные товары, вывезенные красными из Ейска. Бронепоезд ушёл на север, успев проскочить Крыловскую до подхода к ней частей генерала Богаевского.

Генерал Марков с Черкесским дивизионом примчался на станцию Сосыка-Ейская, где также стояли эшелоны с различными припасами. Неожиданно к востоку от станции Сосыка появилась колонна пехоты и кавалерии. Оказалось, что свыше 500 казаков станицы Незамаевской поднялись на помощь добровольцам. Главнокомандующий приехал на станцию и, выдав им оружие, пополнил казаками ряды 1-й бригады. В то же время Офицерский полк занял Павловскую. Станичники вышли встречать добровольцев, но генерал Марков попросил их разойтись по домам, поскольку полк готовился покинуть селение. Шла Светлая седмица, и взятых в плен красноармейцев командир бригады приказал отпустить. Вечером в Павловскую подошёл и Кубанский полк, а в ночь на 28 апреля (11 мая) вся 1-я бригада двинулась дальше на север.

Одновременно с атакой частей генерала Маркова 2-я бригада в 6 утра 27 апреля (10 мая) наступала обходным движением на Крыловскую. Для прикрытия правого фланга и тыла бригады в Екатериновской остался один батальон, который вскоре подвергся нападению вражеской пехоты с фронта и завязал с ней перестрелку.

Когда основные силы бригады подошли к Крыловской, большая часть красноармейцев спала в эшелонах, не ожидая появления противника. Часть добровольческой артиллерии ударила во фланг и тыл наступавшим на Екатериновскую вражеским цепям, и те откатились на станцию Кисляковскую. На Крыловской поднялась суматоха. Повсюду раздавались крики, беспорядочная стрельба, свистки паровозов. Снаряды пробивали вагоны, из которых выбегали полусонные красноармейцы, спасаясь где кто мог. Три эшелона рванули на станцию Сосыка и попали в руки марковцев. Ещё четыре

состава отошли на север под прикрытие бронепоезда. Против него развернулся Партизанский полк.

Тем временем корниловцы заняли Крыловскую и принялись подсчитывать добычу и перегружать её на подводы. Кроме продовольствия и обмундирования, им досталось 2 орудия и некоторое количество патронов и снарядов.

В поисках реванша красные весь день 27 апреля (10 мая) пытались вернуть станцию, осыпая её снарядами с бронепоезда и атакуя густыми массами пехоты. Раненый генерал Казанович с огромными усилиями едва сдерживал их натиск. Стоявшие со штабом армии в станице Крыловской генералы Деникин и Романовский едва не погибли от вражеского снаряда, который смертельно ранил штабного адъютанта. Генералы в то время находились в соседней комнате, оказавшись на волосок от гибели.

Ввиду упорного сопротивления красных штаб армии решил завершить операцию и прекратить движение на Куцевку, в район дислокации армии И. Л. Сорокина. Утром 28 апреля (11 мая) 1-я бригада заняла станицу Ново-Михайловскую. Во второй половине дня, пройдя 6–7 верст, она уже была в Крыловской, севернее которой 2-я бригада вела упорный бой с бронепоездом и пехотой красных. Не задерживаясь на станции, генерал Марков повёл свои части на восток, через Екатериновскую в Новопашковскую, где и обосновался на ночь. В 18 часов 2-я бригада тоже оставила Крыловскую и выступила на подводах в Мечетинскую, имея в арьергарде Партизанский полк.

29 апреля (12 мая) 1-я бригада перешла в Гуляй-Борисовку, а 30 апреля (13 мая) – вернулась в Егорлыкскую и встала на отдых по квартирам. 2-я бригада под утро 29 апреля (12 мая) остановилась на привал в станице Кугоейской и в 11 часов двинулась дальше на Мечетинскую, куда пришла вечером того же дня около 17 часов, завершив поход.

Так завершилась заключительная боевая операция Ледяного похода. «Однако лихой набег этот не дал ожидаемых результатов, – отмечал А. П. Филимонов. – Большевики, по-видимому, успели вывезти наиболее ценные грузы по Черноморско-Кубанской железнодорожной ветке, и трофеи были очень незначительны. Число добытых снарядов едва превосходило расход, произведённый нами в бою»[\[352\]](#). К тому же армия понесла ощутимые потери. Например, в

Офицерском полку выбыло из строя около 100 человек, столько же потерял убитыми и ранеными Корниловский полк, а кубанцы недосчитались более 200 студентов, гимназистов и кадет екатеринодарской молодёжи. Тем не менее штаб армии считал, что операция в целом прошла удачно. Действуя на широком тридцативёрстном фронте, добровольцы сковали боями крупные силы войск И. Л. Сорокина, не дав им активно действовать против Новочеркасска.

Следует учесть, что операция протекала в критические для донской столицы дни. Словно в подтверждение донесений генерала Кислякова, красные с севера повели решительное наступление на Новочеркасск и 25 апреля (8 мая) уже ворвались в его предместье Хотунок, где сразу в нескольких местах вспыхнули пожары. Казаки уже готовились сдать город.

В начале наступления красных генерал Попов неожиданно получил сообщение от полковника Дроздовского, что он с отрядом спешит к нему на помощь. Сведения о дроздовцах у донского походного атамана были довольно приблизительные, и он не особенно рассчитывал на их поддержку.

Прибывший на Дон из Ясс для соединения с Добровольческой армией, отряд полковника Дроздовского тоже имел туманные представления о раскладе сил в казачьих землях. После неудачной попытки овладеть Ростовом, 23 апреля (6 мая) дроздовцы отошли в район станции Чалтырь, где в ночь на 24 апреля (7 мая) в штаб отряда явился казак-лазутчик с сообщением: «Корнилов убит, Добровольческая армия, истощённая Ледяным походом, не будучи в состоянии вести активную борьбу с большевиками – слабо обороняясь, подходила к границам Донской области. Донские же казачьи силы сконцентрировались в восточных степях и производили нападения на большевиков в направлении Новочеркасска и Александровска-Грушевска. 23 апреля Новочеркасск был взят, но на севере от него, а также в Ростове находились большие силы большевиков, которые стремились соединиться...»[\[353\]](#)

Узнав о тяжёлом положении казаков в Новочеркасске, полковник Дроздовский немедленно выступил им на выручку и утром 25 апреля (8 мая) с отрядом в 1000 штыков и сабель с артиллерией оказался в

семи верстах к западу от города, у Каменного Брода. Впереди наступавшего отряда шёл броневик «Верный».

В наиболее тяжёлый момент боя бронемашина врезалась в самую гущу вражеских резервов, а авангардная батарея метким огнём смяла фланг наступающей на город пехоты, обратив её в бегство. Казачья кавалерия обрушилась на отступающего врага с выходом в его тыл и довершила дело.

Вступление дроздовцев в Новочеркасск напоминало триумфальное шествие. Жители города восторженно встречали своих спасителей, осыпая отряд цветами. 26 апреля (9 мая) на площади Войскового Собора состоялся парад дроздовцев, который принимал генерал Краснов.

В день вступления в Новочеркасск, получив подтверждение сведений о гибели генерала Корнилова, полковник Дроздовский отправил телеграмму о своём прибытии в штаб Добровольческой армии, в Мечетинскую. Перечислив состав и имущество отряда, он сообщил генералу Деникину, что поступает в его распоряжение. Он также отметил, что отряд утомлён двухмесячным походом, но в случае необходимости готов незамедлительно принять участие в боевых действиях.

«В Новочеркасске как будто ничего не менялось, – вспоминал Р. Б. Гуль. – Опять на чистеньких улицах мелькают разноцветные формы военных, красивые костюмы женщин, несутся автомобили, идут казачьи части. Только раненые корниловцы явились диссонансом. Хромые, безрукие, обвязанные, с бледными лицами, идут они по шумящим, блестящим улицам... Но в лазарете белья не хватает, некоторые спят без простынь и одеял. Какие-то дамы, девушки, девочки хлопочут о питании, но до сих пор вместо хлеба за обедом дают хлебные крошки. В Ростове пущен лист сбора пожертвований в пользу “героев”, от ростовского купечества собрано... 470 рублей, а раненых прибыло всего тысячи две»[\[354\]](#).

Часто в госпиталях появлялись женщины с лицами, измученными душевной болью. Это матери разыскивали своих сыновей. Одни находили, другим сообщали о смерти, а иные оставались в неведении. У всех матерей в глазах стояли слёзы.

Одна из лечебниц располагалась на окраине города в здании Епархиального училища. Однажды туда пришла красивая девушка –

невеста убитого корнета Штейна. Она умоляла раненых офицеров рассказать о его гибели. Позвали ротмистра. Увидев её, он смутился.

– Я хочу всё, всё о нём знать, – настаивала невеста погибшего офицера.

И она узнала, что разъезд корнета Штейна был захвачен красными в Горькой Балке и весь изрублен топорами. На другой день, заняв селение, кавалеристы нашли изуродованные тела своих боевых товарищей и жестоко отомстили за них.

Ротмистр умолк, но овдовевшая невеста не уходила, она хотела знать больше об этой войне.

Конечно, он мог рассказать ей о вырезанных красными черкесских аулах и выжженных черкесами хуторах, о пленных офицерах, вкопанных в мерзлоту ещё живыми, и о приказе в плен не брать, о лобовых атаках на вдсятеро сильнее врага и о брошенных в станицах на жуткую смерть раненых... Многие мог поведать ротмистр красивой девушке, но он промолчал...

А она всё стояла и чего-то ждала. На её прекрасном лице читалось страдание.

– Спасибо, – нарушив тягостное молчание, сказала она и протянула на прощанье руку...

Завершился Ледяной поход, длившийся с 9 (22) февраля по 30 апреля (13 мая). Около 1050 вёрст прошла Добровольческая армия за 80 дней, из них 44 дня вела бои. Добровольцы отдыхали, залечивали раны и строили новые планы.

Ежедневно над Новочеркасском торжественно гудели соборные колокола, и люди на церковных службах, прославляя смертью смерть Поправшего, с надеждой на Спасение кротко и радостно обращались всем сердцем к Создателю.

А где-то далеко-далеко уже вздыхала артиллерия и залиристо лаяли пулемёты. Там отец лжи, князь мира сего возвращал в людских душах чёрное семя вражды, там гремел бой, где брат шёл на брата, а сын на отца.

Приложения

ПРИКАЗ [\[355\]](#)

Добровольческой Армии

г. Екатеринодар 499 Сентября 21 дня 1918

В воздаяние воинской доблести и отменного мужества, оказанных участниками похода Добровольческой Армии и Кубанского Добровольческого отряда, и понесённых ими беспримерных трудов и лишений, устанавливаю «Знак Отличия Первого Кубанского похода».

Знаком отличия награждаются все действительные участники похода, выступившие 9 февраля с.г. из Ростова н\д или 28 февраля сего же года из гор. Екатеринодара, или же вступившие в ряды Добровольческой Армии на походе ея в период времени до 15 апреля сего года при условии пребывания тех, других и третьих в рядах ея до 1-го мая сего года.

Лица, оставившие ряды Армии раньше 1-го мая сего года по случаю ранения, контузии или тяжкой болезни, удостоверенной надлежащим начальником, пользуются правом на награждение «Знаком Отличия» наравне с совершившими весь поход.

Знаки Отличия, заслуженные павшими на поле брани, передаются потомству или ближайшим родственникам для сохранения в память их, но без права ношения.

Бежавшие из Армии, как во время похода, так и после 1-го мая сего года, лишаются права на награждение их Знаком Отличия.

Списки лицам, награждённым Знаком Отличия по представлении их надлежащим начальством, объявляются в приказе по Армии.

Награждённым Знаком Отличия выдаются именные удостоверения за подписью лица, пользующегося властью не ниже начальника дивизии из участников Кубанского похода, с приложением действующей Казённой печати.

Удостоверения на погибших в боях выдаются тем лицам, коим передаётся, для сохранения в памяти, и самый Знак Отличия.

Чины Армии, виновные в самовольном присвоении или ношении Знака Отличия, подлежат ответственности по ст. 1416 Уложения о наказаниях. С усилением наказания по приказу Добровольческой Армии от 25 сентября сего года № 500.

«Знак Отличия Первого Кубанского похода» устанавливается двух степеней, 1-й и 2-й.

Знак Отличия 1-й степени состоит, согласно приложенного рисунка (рисунок будет разослан дополнительно), из меча, обвитого терновым венцом, и жалуются тем из участников Кубанского похода, кои, находясь в строю или в полевых штабах, принимали действительное участие в боях с большевиками в качестве рядовых бойцов или руководителей боёв и их ближайших помощников (начальники штабов, начальники отделов штабов, адъютанты, чины команд связи и т. п.), а также медицинский и фельдшерский персонал, санитары, сёстры милосердия, оказывавшие помощь раненым на самих полях сражения.

1-й Знак носится на Георгиевской ленте, украшенной розеткой из лент национальных русских цветов.

Знак 2-й степени ничем не отличается от Знака 1-й степени, носится на Владимирской ленте, также с розеткой из лент национальных русских цветов, и жалуются участникам Кубанского похода, не принимавшим участия в сражениях.

Знак Отличия Первого Кубанского похода носится на груди левее всех Степеней Георгиевского Креста и Георгиевской медали и правее всех прочих Знаков Отличия и медалей.

Подлинный подписал:

Командующий Армией

Генерал-Лейтенант Деникин.

ПРИКАЗАНИЕ

Главнокомандующего Вооружёнными Силами на Юге России
г. Екатеринодар № 8 23 января 1919 г.

1. Чины бывшего отряда полковника Кузнецова права на награждение Знаком Отличия 1-го Кубанского похода не имеют.

2. Чины других Кубанских военных организаций боровшихся в период времени от начала формирования их по день соединения с Добровольческой Армией, но не совершивших поход по маршруту Екатеринодар (28 февраля 1918 г.), Екатеринодар (28–31 марта того же года) Медведовская – Журавская – Ильинская – Успенская – Средне Егорлыцкое (Лежанка) – Мечетинская (1 мая 1918 г.), также не имеют права на награждение Знаком Отличия 1-го Кубанского похода.

3. По вопросу о награждении тем же Знаком тех из фактических участников 1-го Кубанского похода, кои попали во время его в плен к большевикам, разъясняется, что начальникам дивизий и лицам, равным им по власти, прежде чем выдать таким лицам удостоверение на право ношения Знака, надлежит исследовать: а) когда именно попал в плен участник похода; б) при каких обстоятельствах; в) не носило ли пленение характер добровольной сдачи; г) каким образом удалось при пленении избежать почти неминуемой при нынешнем характере войны, казни (обстоятельства эти подлежат особенно внимательному обследованию); д) каким образом освободился из плена; е) если бежал из плена, то где проживал после побега и чем занимался; ж) когда присоединился к Добровольческой Армии;

4. Офицерские и классные чины, как бывшего отряда полковника Кузнецова, так и других военных организаций, хотя и направленных для борьбы с большевиками, но не совершавших 1-го Кубанского похода по маршрутам: а) Ростов-на-Дону – Екатеринодар – Мечетинская и б) Екатеринодар – Мечетинская, прав на особое льготное производство не имеют с расчётки одного дня – за два (приказ Добровольческой Армии 1918 № 415)

5. Оставшиеся участники Первого похода в силу ранения или болезни в каком-либо пункте прохождения Добровольческой Армии, занятом затем большевиками, и впоследствии присоединившиеся к Добровольческой Армии, в период этого времени, при условии благоприятного последствия результатов каждого данного случая применительно к порядку, указанному в п. 3 сего приказа, рассматриваем как эвакуацию с применением в отношении зачёта её в ценз на выслугу преимуществ по льготному чинопроизводству и установлением старшинства в чине, ст. 1 приказа по В.В.[\[356\]](#) 1917 г. № 296.

6. Таким же порядком надлежит рассматривать время, проведённое в плену у большевиков и в каждом отдельном случае при соблюдении всех вышеуказанных условий в порядке ст. 1 приказа В.В. 1917 г. № 296, входить с ходатайством о зачёте этого времени на выслугу для льготного производства.

Подлинный подписал:

Генерал-Лейтенант Романовский

С подлинным верно:

Начальник Наградного Отделения

Полковник Яковлев

(по Управлению Дежурного Генерала)

(часть наградная).

ПРИКАЗ

Русскому Обще-Воинскому Союзу

г. Брюссель № 23 19 Августа 1939 г.

Согласно с постановлением Общего Собрания членов Союза, участников 1-го Кубанского Генерала КОРНИЛОВА похода, состоявшегося в Белграде 16 июля с.г., приказываю:

Дабы сохранить на вечные времена в назидание потомству память о 1-м Кубанском походе, распространить право ношения знака отличия этого похода 1 и 2 степени, после смерти награждённого знаком, на старшего из его прямых потомков, согласно особому положению, причём, дабы оградить достоинство знака от всевозможных случайностей, это право предоставлять не автоматически, а каждый раз по особому постановлению Главного Правления Союза, утверждаемому Начальником Начальником Русского Обще-Воинского Союза.

Главному правлению Союза участников 1-го Кубанского Генерала КОРНИЛОВА похода ныне же выработать положение, устанавливающее порядок передачи права ношения знака по наследству и, по его составлении, представить на утверждение мне.

Генерал-Лейтенант Архангельский.

Примечания

1 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 103

2 Эльманович В. С. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. № 12. Сентябрь. 1962.

3 **ПОТОЛОВ Николай Владимирович** (05(17).12.1887 – 19.09.1935, Франция) В 1907 г. Н. В. Потолов окончил Морской корпус в Санкт-Петербурге с производством в корабельные гардемарины. 13(26).04.1908 г. произведён в мичманы. В 1907–1909 гг. и в 1910, 1913 и 1914 участвовал в заграничных плаваниях на бронепалубном крейсере «Богатырь». В Калабрии и на Сицилии помогал пострадавшим при землетрясении, случившемся в Мессинском проливе 28.12.1908 (10.01.1909). 10(23).04.1911, произведён в лейтенанты. В 1914 зачислен в артиллерийские офицеры первого разряда. В Великую войну старшим артиллерийским офицером крейсера «Богатырь» участвовал в операциях против германского флота, в том числе в морском бою 19.07(01.08).1915 у восточного побережья острова Готланд, у маяка Эстернгарн. С. 30.07(12.08).1916 г. старший лейтенант. С осени 1916 по 1917 г. – старший офицер новейшего эскадренного миноносца «Азард», который в октябре 1916 г. вступил в строй и вошёл в состав 2-го дивизиона минной дивизии Балтийского флота. «Азард» в основном нёс дозорную и конвойную службы. «Революция прервала быструю карьеру этого блестящего, исключительно талантливого и энергичного офицера, – писал сослуживец Н. В. Потолова на эсминце «Азард» Н. Н. Лишин. – В нашем родном флоте ему несомненно принадлежала большая будущность. Весёлый, милый, глубоко-товарищеский характер его притягивал к себе всех... Острый на слово, любивший остроумную шутку и сам блестяще остроумный, он был ещё и талантливым поэтом-сатириком...» (Лишин Н. Н. Памяти друга // Морской журнал. № 12. 1935). После октябрьской революции и развала флота старший лейтенант Потолов уехал в Новочеркасск, где 02(15).01.1918 г. вступил в ряды Добровольческой армии и был направлен в морскую роту

капитана 2-го ранга Потёмкина. Участвовал в тяжёлых боях за Батайск в рядах Батайского отряда полковника Ширяева 01.02.1918 г. Отряд попал в окружение. Его остатки, разделившись на три группы, в ночь на 02(15).02.1918 г. смогли благополучно уйти из Батайска. Среди вышедших из окружения был и старший лейтенант Потолов, после чего он покинул ряды Добровольческой армии. «Потолов и Елачич не выдержали и ушли на Кавказ в Баку, – писал участник батайских боёв А. П. Ваксмут, – где Потолов потом служил у англичан в Персии» (*Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май 1962*). В феврале 1918 г. Н. В. Потолов пробрался в Баку. Поступил на службу к англичанам на Каспийскую военную флотилию. На английском корабле «Вентюр» участвовал в боевых действиях на Каспийском море. В дальнейшем служил в белых частях Восточного фронта. С конца 1919 г. служил на Сибирской флотилии. Произведён в чин капитана 2-го ранга. На 14(27).12.1920 г. – в должности начальника Морской учебной команды, затем состоял в штате Морского училища во Владивостоке. В декабре 1920 г. эвакуировался из Владивостока. Во время стоянки в Японии в городе Цуруга капитан 2-го ранга Потолов списался с корабля на берег. Перебрался в Шанхай, где совместно с лейтенантом Н. Н. Лишиным открыл рекламное агентство, затем поступил на службу в английскую таможню. На 31.01.1922 г. – командир английской таможенной канонерской лодки на реке Янцзы, где прослужил несколько лет. Близко знавший Н. В. Потолова по совместной службе на эскадренном миноносце «Азард» и у англичан на Каспийской флотилии, а также по совместной работе в рекламном агентстве в Шанхае, Н. Н. Лишин писал о нём: «Потолов поступил на таможенную службу и, быстро подвигаясь, затмевая иностранцев своими знаниями, своей энергией, своим шармом и весёлой серьёзностью, он дошёл до командования таможенной канонеркой» (*Лишин Н. Н. Памяти друга // Морской журнал. № 12. 1935*). С годами тропический муссонный климат сказался на здоровье, и он вынужден был выйти в отставку с таможенной службы, затем он перебрался во Францию, женился и на сбережения приобрёл небольшой хутор неподалёку от Вириньё. В последние 2–3 года жизни некоторое время находился в Эстонии, в Ревеле, где любил общаться в кругу бывших офицеров Русского Императорского флота. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, всегда

стремился к перемене мест, старался вести активный образ жизни. Летом 1934 г. приглашал друзей пойти с ним пешком в Венецию, но поход не состоялся. 19.09.1935 г. на 48-м году жизни Н. В. Потолов скоропостижно скончался на своём хуторе во Франции, о чём сообщил «Морской журнал» № 9 за 1935 г., издававшийся в Праге, а в № 12 за 1935 г. «Морской журнал» опубликовал статью о нём лейтенанта Н. Н. Лишина (*Лишин Н. Н. Памяти друга // Морской журнал. № 12. 1935*). 29.09.1935 г. опубликовала некролог и парижская газета «Возрождение», № 3770.

4 АДАМИДИ Виктор Анастасович (Анатольевич?) (2(15).02.1890 – 1(14).02.1918, Батайск) В. А. Адамиди окончил Морской корпус 10(23).04.1911 г. с производством в корабельные гардемарины. В 1912 г. произведён в мичманы. В 1912, 1913 и 1914 гг. мичман Адамиди служил на линейном корабле «Император Александр II» и проживал по адресу: г. Кронштадт, ул. Большая Екатерининская (ныне ул. Советская), дом Голубева (Весь Петербург, 1914). Произведён в лейтенанты 6(19).12.1915 г. После октябрьской революции и развала флота лейтенант Адамиди уехал в Новочеркасск, где в январе 1918 г. вступил в ряды Добровольческой армии. Он был направлен в морскую роту капитана 2-го ранга Потёмкина. 31.01(13.02).1918 г. морская рота вошла в состав Батайского отряда полковника Ширяева. 01(14).02.1918 г. в бою за Батайск, находясь в цепи прикрывавшей железнодорожную станцию, лейтенант Адамиди погиб, не дожив до своего 28-летия всего один день. Участник батайских боёв А. П. Ваксмут писал, что он был убит в самом начале боя: «Наша жиденькая цепь, находившаяся впереди станции, под натиском огромного количества красных – вероятно, несколько тысяч, под командой Сорокина – стала отходить на станцию, где были убиты Адониди (Адамиди. – *Примеч. авт.*) и мичман Петров» (*Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май. 1962*).

5 МЕЛЬНИКОВ Александр Никитич (24.01.1894 – 01(14).02.1918, Батайск) А. Н. Мельников окончил Морской корпус в 1915 г. Произведён в мичманы 30.07(12.08).1915 г. Служил на Черноморском флоте. После октябрьской революции и развала флота мичман Мельников пробрался из Крыма в Новочеркасск, где в январе 1918 г. вступил в ряды Добровольческой армии. Он был направлен в морскую роту капитана 2-го ранга Потёмкина. 31.01(13.02).1918 г.

морская рота вошла в состав Батайского отряда полковника Ширяева. 01(14).02.1918 г. мичман Мельников погиб в бою за Батайск. «Два взвода под командой Потолова были выдвинуты вне станции, – писал участник батайских боёв А. П. Ваксмут, – были отрезаны и пробивались сами в Ростов, здесь был убит Мельников» (Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май 1962).

6 Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май 1962.

7 Эльманович В. С. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. № 12. Сентябрь 1962.

8 Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май. 1962.

9 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 105–106.

10 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 106.

11 Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май. 1962.

12 Эльманович В. С. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. № 12. Сентябрь 1962.

13 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 108.

14 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 107.

15 Эльманович В. С. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. № 12. Сентябрь 1962.

16 Ваксмут А. П. Моряки у Корнилова // Вестник первопоходника. № 8. Май 1962.

17 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 109.

18 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 101.

19 **ПАУЛЬ Сергей Миронович.** С. М. Пауль, получив среднее образование, поступил в университет в г. Тарту, а затем, по военному времени, в Военное училище, откуда и был выпущен с производством в прапорщики. Участник Великой войны. После падения Временного правительства и развала Армии, в первой половине декабря 1917 г. приехал в Новочеркасск, где находились его родители и два младших брата-гимназиста. 23.12.1917(05.01.1918) г. поступил в Добровольческую армию генерала Корнилова, в 1-ю роту 1-го сводно-офицерского батальона полковника Борисова, в рядах которого участвовал в боях у станции Звереве (15–17(28—30).01.1918 г.) и у разъезда Гуково (20–21.01(02–03.02).1918 г.). 1-й офицерской ротой тогда командовал подполковник Н. Б. Плохинский (95 офицеров при 2-х пулемётах). 9(22).02.1918 вышел с Добровольческой армией из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. После переформирования Добровольческой армии 11–13(24—26).02.1918 в станице Ольгинской находился в рядах 1-й роты Офицерского полка генерала Маркова. 03(16).03 во время боя за станицу Выселки, будучи связным у полковника Тимановского, получил лёгкое пулевое ранение навывлет в правую ногу ниже колена. 11(24).03 вернулся из обоза в строй, в свою 1-ю офицерскую роту Офицерского полка. 15(28).03 во время атаки марковцами станицы Ново-Дмитриевской, с офицерским отрядом капитана Некрашевича численностью около 30 человек, действовал в тылу у красных (по особенно тяжёлым погодным условиям в тот день 1-й Кубанский поход получил название – Ледяной поход). 24.03(06.04).1918 г. в бою за станицу Георгие-Афипскую прапорщик С. М. Пауль был тяжело ранен пулей в голову. «Пуля попала в правый глаз, разбила глазную скуловую дугу, глаз увлекла с собою в рану, пробила обе челюсти и вышла под правым ухом» (Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 208). С. М. Пауль ослеп на правый глаз и оглох на правое ухо. Наскоро перевязанный, он оставался лежать в цепи и был повторно ранен низким разрывом шрапнели. Шрапнельная пуля пробила икру правой ноги. В станице Бейсугской после длительного перерыва сделали перевязку: «Перевязка не делалась несколько дней, гною несколько стаканов. Во время перевязки Полина Гавриловна пинцетом извлекла правый глаз,

который был вовлечён пулей во входное отверстие» (Пауль С. М. Указ. соч. С. 215). 02.05.1918 г. из Маныча приехал в сопровождении фельдшера полкового околodka в Новочеркасск, где в госпитале Общества донских врачей ему была сделана первая операция (неудачная). Последствия ранения были тяжёлыми – затронуты некоторые части мозга, и С. М. Пауль каждые три года был вынужден подвергаться операциям на мозге. Некоторое время жил в монастыре в Сербии. Вернувшись в Эстонию, в начале 1920-х гг. С. М. Пауль окончил физико-математический факультет Тартуского университета (до 1918 г. Юрьевский университет) и должен был остаться для подготовки к профессорской кафедре по химии. Вместо этого он ушел в Псково-Печерский монастырь, где пробыл послушником около трех лет и хотел остаться, но, по слову своего духовного наставника, старца иеромонаха Вассиана (скончавшегося иеросхимонахом Симеоном), не постригся в монахи. «Сергей Миронович, – сказал ему отец Вассиан, – гряди в мир, там такие люди куда нужнее, чем здесь. Учи самым примером жизни. А придет время, вернешься, если Господь благословит» (Большаков С.Н. На высотах духа. Делатели молитвы Иисусовой в монастырях и в миру. «Жизнь с Богом». Брюссель, 1991). Во время пребывания в монастыре С. М. Пауль писал воспоминания о 1-м Кубанском (Ледяном) походе. «Было в Сергее Мироновиче что-то от князя Мышкина из *Идиота* Достоевского, и еще больше от Алёши Карамазова. Как и последний, он никогда не заботился о том, что есть и что пить и во что одеться. И все как-то устраивалось к лучшему. О карьере никогда не думал, был прост, хотя высокообразован и начитан. Все, что имел, раздавал», – писал о нём С. Н. Большаков, автор книги «На высотах духа» (Большаков С.Н. Указ. соч.). Вернувшись из монастыря, С. М. Пауль служил управляющим химической лабораторией. В 1926 г. в Берлине увидели свет его воспоминания о 1-м Кубанском (Ледяном) походе (Пауль С. М. С Корниловым // Белое дело. Кн. III. Берлин, 1926). По свидетельству С. Н. Большакова, об уроках Гражданской войны С. М. Пауль говорил: «Да знаете ли еще, Сергей Николаевич, к какому я пришел выводу из гражданской войны? Насилием ничего не сделаешь. А с христианской точки зрения, вместо того, чтобы злобствовать и мстить, лучше подчиниться насилию. Оно не вечно, и оно более развращает насильника, чем его жертву. В гражданскую войну обе стороны творили всякие зверства. И какой

результат? Белые побиты, а красные поедают и уничтожают друг друга. И это только началось, а там какие чистки пойдут. Для нас все это должно отставить и помнить, что *Бог есть любовь*» (Большаков С.Н. Указ. соч.). Скончался С. М. Пауль в 1940-х гг.

20 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 183–184.

21 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 186.

22 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 184–185.

23 **НЕКРАШЕВИЧ** (? – 30.03(12.04).1918, г. Екатеринодар, Кубанская область). После падения Временного правительства и развала армии штабс-капитан Некрашевич приехал в Новочеркасск и в числе первых добровольцев вступил в Добровольческую армию. С. 15(28).11.1917 г. командир Офицерской роты. С. 15(28).12.1917 г. командир 1-й роты 1-го Офицерского батальона подполковника (полковника?) Борисова. 09(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в рядах Добровольческой армии. При переформировании Добровольческой армии 11–13(24—26).02.1918 г. в станице Ольгинской его рота вошла в состав Офицерского полка генерала Маркова. На март 1918 г. в 1-й роте Офицерского полка. Убит 30.03(12.04).1918 г. в бою под Екатеринодаром.

24 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 185.

25 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 91–92.

26 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М. Голос. 1993. С. 185.

27 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М. Голос. 1993. С. 186.

28 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 89.

29 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 93.

30 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 212–213.

31 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 121.

32 Долгополов А. Ф. От Отряд полковника Кутепова. Памяти первых добровольцев // Вестник первопоходника. № 13. Октябрь 1962.

33 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 221–222.

34 Долгополов А. Ф. От Таганрога до Ростова с отрядом полковника Кутепова // Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963.

35 Долгополов А. Ф. От Отряд полковника Кутепова. Памяти первых добровольцев // Вестник первопоходника. № 13 Октябрь. 1962.

36 Долгополов А. Ф. От Таганрога до Ростова с отрядом полковника Кутепова. // Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963.

37 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 229.

38 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 249.

39 **ГУЛЬ Роман Борисович** (01(13).01.1896, г. Пенза – 30.06.1986, г. Нью-Йорк, США). Р. Б. Гуль родился в Пензе в семье нотариуса Бориса Карловича Гуля (скончался в 1913 г.). Мать – Ольга Сергеевна (скончалась в 1938 г.). Детство прошло в Пензе и имении отца Рамзай в Пензенской губернии. Среднее образование получил в Пензенской 1-й мужской гимназии. В 1914 г. Р. Б. Гуль поступил на юридический факультет Московского университета. В августе 1916 г. призван на военную службу. После окончания Московской 3-й школы прапорщиков выпущен в 140-й пехотный запасной полк, расквартированный в Пензе. Весной 1917 г. с маршевым батальоном отправлен на Юго-Западный фронт, в 467-й пехотный Кинбурнский полк. Младший офицер роты, командир роты. После февраля 1917 г., в период «демократизации» армии был избран товарищем председателя полкового комитета (от офицеров). Осенью 1917 г. 467-й пехотный Кинбурнский полк стоял в Бессарабии. «Получил телеграмму: “Имение разграблено, проси отпуск”. Командир отпускает, обнимает, провожает. Еду в обоз второго разряда», – писал об уходе из армии Р. Б. Гуль (Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 8). Р. Б. Гуль уехал в Пензу к семье,

чувствуя усталость от фронта, политики и борьбы, желая обрести покой в кругу родных и близких. Но бурные революционные события заставили его задуматься о происходящем. «Я чувствовал всю шкурную мерзость всякой “политики”, – отмечал он. – Я видел, что у прекрасной женщины Революции под красной шляпой, вместо лица, – рыло свиньи» (Гуль Р. Б. Указ. соч. С. 10). 24.12.1917 г. (06.01.1918), в сочельник, бывший сослуживец, прапорщик Крутитский привёз ему письмо от командира 467-го пехотного Кинбурнского полка полковника Симановского: “...Корнилов на Дону. Мы, обливаясь кровью, понесём счастье во все углы России... Нам предстоит громадная работа... Приезжайте. Я жду Вас... Но если у Вас есть хоть малейшее сомнение, тогда не надо...” Я напряжённо думаю. День, два. Сомнение моё становится маленьким-маленьким», – вспоминал Р. Б. Гуль (Гуль Р. Б. Указ. соч. С. 10). 27.12.1917(09.01.1918) г. Р. Б. Гуль и ещё шесть офицеров, переодевшись в солдатскую форму и с солдатскими документами уехали из Пензы в Новочеркасск и в первых числах января записались в Добровольческую армию. В середине января, вместе со штабом Добровольческой армии, переезжает в Ростов. В рядах отряда полковника Симановского нёс караульную службу на ростовском вокзале, затем участвовал в боях у станций Горная и Сулин, затем на Таганрогском направлении на станции Хопры и у села Чалтырь. 09(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в арьергарде Добровольческой армии. При реформировании Добровольческой армии 11–13(24–26).02.1918 г. в станице Ольгинской отряд полковника Симановского влился в Корниловский полк, в котором Р. Б. Гуль служил вместе с родным братом Сергеем (доброволец С. Б. Гуль). 04(17).03.1918 г. в бою за станицу Кореновскую получил пулевое ранение в ногу. После окончания 1-го Кубанского (Ледяного) похода находился на излечении в Новочеркасске, в лазарете, располагавшемся в Епархиальном училище, затем с братом Сергеем перебрался к знакомым в станицу Каменскую, где окончательно поправил здоровье. В октябре 1918 г. уехал в Киев. Когда гетман генерал П. П. Скоропадский издал приказ о мобилизации офицеров, Р. Б. Гуль записался во 2-й подотдел (начальник гвардии полковник Сперанский) 2-го отдела дружины генерала Кирпичёва в Киеве. В ноябре 1918 г. участвовал в боях с петлюровцами на подступах к Киеву. После захвата города

С. В. Петлюрой стал военнопленным. Находился в заключении в Педагогическом музее, превращённом в тюрьму. В начале 1919 г., вместе с другими военнопленными из состава армии гетмана Скоропадского, был вывезен немецким командованием в Германию. Находился в лагере для военнопленных Дебериц, а затем в лагере для перемещенных лиц в Хельмштедте в Гарце. Работал дровосеком, обдирщиком коры. С 1920 г. Роман Гуль жил в Берлине, и в 1921–1923 гг. работал секретарём редакции журнала «Новая русская книга». В 1921 г. в Берлине увидели свет его воспоминания о 1-м Кубанском (Ледяном) походе: Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. Был участником сменовеховского движения, представители которого рассматривали НЭП как путь реставрации капиталистических отношений и склонялись к примирению и сотрудничеству с Советской Россией, считая, что большевистская власть переродилась и действует в национальных интересах России. Являлся членом берлинского Союза русских писателей и журналистов. В июле 1923 – июне 1924 г. редактировал еженедельное литературное приложение к газете «Накануне» (после отъезда в Советскую Россию предыдущего редактора А. Н. Толстого). Для московского Госиздата написал роман «Жизнь на Фукса» (1927). 15.06.1924 г. газета «Накануне» прекратила существование по причине финансовых трудностей и разногласий в редколлегии. Тогда же перестало выходить и литературное приложение к ней. Р. Б. Гуль некоторое время был корреспондентом советских газет. Сотрудничал с журналами «Жизнь», «Время», «Русский эмигрант», «Голос России» и с другими периодическими изданиями. В конце 1920-х гг. неоднократно встречался в Берлине с К. А. Фединым, был хорошо знаком с Н. Н. Никитиным и М. Л. Слонимским, И. А. Груздевым и Ю. Н. Тыняновым. После прихода национал-социалистов к власти в Германии летом 1933 г. Р. Б. Гуль подвергся аресту (как русский эмигрант, написавший книгу о русских террористах), был заключен в концентрационный лагерь, находившийся в центре Ораниенбурга, в здании бывшей фабрики (один из первых концлагерей, образованных нацистами), но в сентябре 1933 г. освобождён и сумел эмигрировать в Париж, где опубликовал документальное повествование о своём пребывании в концлагере «Ораниенбург»: «Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере» (1937). Сотрудничал в

«Последних новостях», «Иллюстрированной России», «Современных записках» и других периодических изданиях. Во время немецкой оккупации Франции, скрываясь от ареста, жил на ферме на юге Франции, работал на стекольной фабрике. Существуют сведения, что непродолжительное время был масоном. Присоединен 18.11.1945 г. к ложе «Юпитер» № 536 в составе Великой ложи Франции. Вышел в отставку из ложи 30.12.1946 г. В 1950-м переехал на жительство в США. Поселился в Нью-Йорке. С 1951 г. работал ответственным секретарём русскоязычного эмигрантского «Нового журнала», а после смерти 07.11.1959 г. главного редактора журнала М. М. Карповича возглавил это издание и оставался его главным редактором до самой своей кончины. Будучи редактором «Нового журнала», сумел привлечь к сотрудничеству со своим изданием лучших эмигрантских (а с середины 1960-х гг. и неподцензурных советских) литераторов. На протяжении полутора десятков лет – до появления в 1974 г. в Париже журнала «Континент» – «Новый журнал» являлся самым авторитетным печатным изданием русского зарубежья. В те же годы Р. Б. Гуль становится в российской эмиграции одной из самых заметных общественно значимых фигур. Он приобретает всё большую известность как редактор, литературный критик и писатель – автор мемуарной трилогии «Я унёс Россию. Апология эмиграции», созданной в поздние годы жизни. Скончался 30.06.1986 г. в Нью-Йорке после продолжительной болезни. Похоронен на кладбище Успенского женского Ново-Дивеевского монастыря в Нануэте, Нью-Йорк. Издания сочинений: Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Изд. С. Ефрона, 1921; Гуль Р. Б. Пол в творчестве. Берлин: Манфред, 1923; Гуль Р. Б. В рассеянии сущие: Повесть из жизни эмиграции 1920–1921. Берлин: Манфред, 1923; Гуль Р. Жизнь на Фукса: Очерки белой эмиграции. М.; Л.: Госиздат, 1927; Гуль Р. Б. Белые по Чёрному: Очерки гражданской войны. М. – Л.: Госиздат, 1928; Гуль Р. Б. Генерал БО. Берлин: Петрополис, 1929; 3-е переработанное изд.: Гуль Р. Б. Азеф. Нью-Йорк: Мост, 1959; Гуль Р. Б. Скиф. Берлин: Петрополис, 1931; 2-е переработанное изд.: Гуль Р. Б. Скиф в Европе: Бакунин и Николай I. Нью-Йорк: Мост, 1958; 3-е переработанное изд.: Гуль Р. Б. Бакунин. Нью-Йорк: Мост, 1974; Гуль Р. Б. Тухачевский. Красный маршал. Берлин: Парабола, 1932; Гуль Р. Б. Красные маршалы: Ворошилов, Буденный, Блюхер, Котовский. Берлин: Парабола, 1933;

Гуль Р. Б. Дзержинский, Менжинский – Петерс, Лацис – Ягода. Париж: Дом книги, 1936; Гуль Р. Б. Ораниенбург: Что я видел в гитлеровском концентрационном лагере. Париж: Дом книги, 1937; Гуль Р. Б. Конь рыжий. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952 (автобиографическое повествование от начала революции и до прибытия в Париж); Гуль Р. Б. Одвуконь: Советская и эмигрантская литература. Нью-Йорк: Мост, 1973; Гуль Р. Б. Одвуконь-2: Статьи. Нью-Йорк: Мост, 1982; Гуль Р. Б. Я унёс Россию: Апология эмиграции: В 3 т. Нью-Йорк: Мост, 1981–1989. Гуль Р. Б. Моя краткая автобиография // Новый журнал. 1995. № 200. С. 276–277; Гуль Р. Б. Письма писателям-эмигрантам (М. А. Алданову, В. В. Вейдле, А. В. Бахраху) / Публ. В. Крейда // Новый журнал. 1995. № 200. С. 278–295.

40 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 37–38.

41 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 199.

42 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 201.

43 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

44 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 99.

45 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

46 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

47 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

48 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

49 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 80–81.

50 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 99.

51 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 250.

52 Черепов А. Н. Зарождение антикоммунистической борьбы на Юге России // Вестник первоходника. № 75. Декабрь 1967.

53 Черепов А. Н. Зарождение антикоммунистической борьбы на Юге России // Вестник первоходника. № 75. Декабрь 1967.

54 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 40.

55 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 46–47.

56 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 84–85.

57 **МУХИН** (? – 9(22).03.1918 г., вблизи села Филипповское, Кубанская область). В январе 1918 г. полковник Мухин в Добровольческой армии генерала Корнилова, в офицерском отряде полковника Симановского. 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в арьергарде Добровольческой армии. При переформировании Добровольческой армии 11–13(24—26).02.1918 г. в станице Ольгинской отряд полковника Симановского влился в Корниловский полк. Командир 2-го батальона Корниловского ударного полка. «Встает в памяти бесстрашный полковник Мухин, – писал о нём Н. И. Басов, – который был недалеко от нашего взвода, с его хладнокровной командой, похожей больше на команду на учении, при учебной стрельбе, но не в цепи» (Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первоходника. № 7. Апрель 1962). Полковник Мухин погиб 09(22).03.1918 в бою за село Филипповское.

58 Черепов А. Н. Зарождение антикоммунистической борьбы на Юге России // Вестник первоходника. № 75. Декабрь 1967.

59 А.Д.В. Мои воспоминания 1917 год // Вестник первоходника. № 17. Февраль 1963.

60 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 84.

61 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 255.

62 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первоходник. № 5. Февраль 1972.

63 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

64 Гернберг С. Н. Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

65 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 256.

66 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 89.

67 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 256.

68 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 260.

69 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 235–236.

70 Лукомский А. С. Воспоминания // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 237.

71 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 114.

72 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 48–49.

73 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 49–50.

74 Глушков А. Н. Выступление в 1-й Кубанский поход // Вестник первопоходника. № 4. Январь 1962.

75 Глушков А. Н. Выступление в 1-й Кубанский поход // Вестник первопоходника. № 4. Январь 1962.

76 Глушков А. Н. Выступление в 1-й Кубанский поход // Вестник первопоходника. № 4. Январь 1962.

77 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 108.

78 **ЭЙХЕНБАУМ Иван Андреевич** (13(25).02.1895, около г. Риги, Лифляндская губерния – 12.11.1982, г. Буэнос-Айрес, Аргентина). И. А. Эйхенбаум родился примерно в 30 километрах от г. Риги. До семи лет находился на воспитании у бабушки и деда в глухой деревне Псковской губернии. Затем переехал в Санкт-Петербург, где получил среднее образование и поступил в один из ВУЗов, но штатская карьера не привлекала его. Он оставил учёбу и в 1913 г.

поступил вольноопределяющимся лейб-гвардии в Сапёрный батальон. В августе 1914 г. поступает в Иркутское военное училище. Пройдя четырёхмесячный ускоренный курс обучения, 01(14).12.1914 г. с производством в прапорщики был выпущен в 27-й Сибирский запасной батальон, расквартированный в г. Омске. В феврале 1915 г. прибыл на Юго-Западный фронт в 52-й пехотный Виленский Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича полк, находившийся в составе 8-й армии генерала Брусилова. Младший офицер 10-й роты. За годы Великой войны был трижды ранен. Награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В рядах 52-го пехотного Виленского полка до конца 1917 ш. После падения Временного правительства и развала армии, 21.12.1917(03.01.1918) г. капитан Эйхенбаум покидает полк и решает уехать из России в Америку. Он сел в поезд, который следовал на Дальний Восток, но около Челябинска переменил своё решение и пересел на другой поезд, что шёл на Юг России. На станции Лиски, был арестован и революционный трибунал приговорил его к расстрелу, но, по счастливой случайности, председателем трибунала оказался бывший солдат его роты, который спас ему жизнь, заявив, что И. А. Эйхенбаум его родной брат. В Ростове И. А. Эйхенбаум поступил в Корниловский полк на должность пулемётного унтер-офицера. «Я – пулемётный унтер-офицер, – вспоминал И. А. Эйхенбаум, – в строю ношу солдатские погоны с двумя нашивками. Это отчасти хорошо: забывается настоящий чин и живот подбирается лучше...» (Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 177). 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход с Корниловским полком, в тот день он дважды был ранен в правую руку. Во время похода зачислен во 2-е отделение гвардейского взвода 3-й роты Офицерского полка генерала Маркова. «Полковник Кутепов, старший гвардеец, дал своё согласие на мой приём во взвод; офицеры приняли: я начал службу в Гвардии, был ранен под Екатеринодаром в составе гвардейского взвода...» – писал И. А. Эйхенбаум (Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 225). Участвовал во 2-м Кубанском походе (июнь – ноябрь 1918). Награждён знаком отличия 1-го Кубанского похода 1-й степени (№ 438). После очередного ранения уехал в Симферополь, где в конце 1918 г. стараниями бывших

офицеров-виленцев воссоздавался 52-й пехотный Виленский полк. В нём И. А. Эйхенбаум командовал сначала ротой, затем батальоном, затем принял должность помощника командира полка. Произведён в полковники. Последний бой полковник Эйхенбаум принял в ноябре 1920 г. в Крыму, под Бахчисараем. В тот день Виленский полк сменил на передовой марковцев и преградил дорогу кавалерии С. М. Будённого. Эвакуировавшись из Крыма в ноябре 1920 г., находился в военном лагере в Галлиполи, затем на острове Лемнос. После чего И.А. Эйхенбаум уехал в Латвию. В 1922 г. поступил на службу в Латвийскую армию. На 21.02.1930 капитан И. А. Эйхенбаум в списках 8-го Даугавпилсского пехотного полка. 14.11.1936 г., будучи командиром роты связи этого полка, награждён орденом Трёх Звёзд 5-й степени. Получает высшее образование в Военной Академии и оканчивает технический институт. Готовится к занятию должности начальника военного хозяйства Латвийской армии. К 1939 г. – полковник. После включения Латвии в состав СССР уходит из армии и поступает на гражданскую службу. «Состоя, по назначению, главным инженером промышленного комбината, я каждый день лавировал между здравым смыслом, тюрьмой и пресловутыми планами и графиками», – писал И. А. Эйхенбаум о своей службе в советском учреждении (*Эйхенбаум И. А. Указ. соч. С. 251*). Если бы открылось его белогвардейское прошлое, то вряд ли он избежал бы тюрьмы. После прихода в 1941 г. немецких войск остался в Латвии. По приглашению знакомого немецкого офицера И. А. Эйхенбаум был в продолжительной поездке по оккупированным немцами пригородам Ленинграда. Побывал в хорошо знакомых и любимых с детства местах – Царском Селе, Павловске, Красном Селе, Стрельне, Сиверской... Впоследствии свои впечатления он отразил в автобиографических записках: «В оккупации: при большевиках и немцах». В конце Второй мировой войны, перед приходом в Латвию Красной армии, уехал в Вену, затем в Зальцбург, в лагерь для перемещённых лиц, затем перебрался в Аргентину, в Буэнос-Айрес. Принимал активное участие в общественной жизни Русского обще-воинского союза (РОВС). В 1966 г. в Буэнос-Айресе увидела свет брошюра «Великая Луцк-Черновицкая победа 1916-го года», написанная И. А. Эйхенбаумом в соавторстве с Е. Э. Месснером. На 09.09.1960 г. председатель Южно-Американского отдела Союза участников 1-го Кубанского похода

(состояло 23 человека). 29.08.1967 г. приказом № 82 председателя РОВСа генерал-майора В. Г. Харжевского И. А. Эйхенбаум был назначен начальником Отдела РОВСа в Аргентине. Давали о себе знать последствия семи ранений, полученных на фронтах Великой и Гражданской войн. После продолжительной болезни И. А. Эйхенбаум скончался 12.11.1982 г. в Буэнос-Айресе, о чём сообщил журнал «Часовой», март – апрель 1983 г., № 642. Автор мемуаров, изданных в России в 2015 г.: *Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера*. М.: ООО «Традиция», 2015.

79 *Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера*. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 185–186.

80 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов*. М.: Голос, 1993. С. 108.

81 *Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход*. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 54.

82 *Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым)*. Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 52–53.

83 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов*. М.: Голос, 1993. С. 115.

84 **МИОНЧИНСКИЙ Дмитрий Тимофеевич** (26.10(07.11).1889, Казань – 16(29).12.1918, под селом Шишкино, Ставропольской губернии) Отец: генерал-майор Т. А. Миончинский (23.02(07.03).1858 – 08(21).01.1916). Д. Т. Миончинский окончил Нижегородский графа Аракчеева кадетский корпус в 1906 и Михайловское артиллерийское училище в 1909 г., из которого был выпущен подпоручиком. В 1914 г. поступил в Николаевскую академию Генерального штаба. С началом Великой войны выходит на фронт старшим офицером 1-й батареи 31-й артиллерийской бригады. В 1914 г. командовал 5-й батареей 31-й артиллерийской бригады. Тяжело ранен в боях на реке Гнилой Липе 13(26).08.1914 г. После возвращения на фронт участвовал со своей батареей в тяжелых боях в октябре – ноябре 1914 г. на реке Сан. За эти бои 29.09.1915 г. поручик Миончинский был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени В 1916 г. был произведён в подполковники с назначением командиром 5-й батареи 31-й артиллерийской бригады. 12 (25) декабря 1917 г. присоединился к Добровольческой армии и через два дня был назначен командиром Сводной Михайловско-Константиновской батареи, которая сражалась в составе отряда есаула

Чернецова. 09(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в рядах Добровольческой армии. При переформировании Добровольческой армии 11–13(24—26).02.1918 г. в станице Ольгинской его батарея вошла в состав артиллерийского дивизиона полковника Икишева. После подписания 17(30).03.1918 г. между представителями кубанских властей и командованием Добровольческой армии договора о вхождении кубанских частей в состав Добровольческой армии и её реорганизации в связи с этим командовал 1-й офицерской батареей, входившей в состав 1-й пехотной бригады генерала Маркова. А. П. Богаевский писал о нём во время боя у станицы Ново-Дмитриевской: «Несколько атак противника было отбито почти исключительно артиллерийским огнем батареи полковника Миончинского. Сидя вместе с ним на красной железной крыше одного из домов северной окраины станицы, где был его наблюдательный пункт, я с удовольствием следил за его удивительным управлением огнем своих двух пушек, стоявших где-то сзади на улице. Современный артиллерийский начальник мне всегда казался дирижером какого-то гигантского оркестра, однотонные могучие инструменты которого отвечают громом выстрелов и свистом снарядов на каждую команду по телефону – его дирижерскую палочку. Миончинский, высокий, стройный, еще молодой полковник, был именно таким дирижером, замечательным «стрелком» в артиллерийском смысле этого слова» (Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 102). 08(21).07.1918 г., после того, как 1-я офицерская батарея была развёрнута в дивизион, был назначен его командиром и произведён в полковники. Смертельно ранен в бою под селом Шишкино 16(29).12.1918 г. Ставропольской губернии во время Второго Кубанского похода Добровольческой армии. Был похоронен в Екатеринодаре в усыпальнице Войскового Александро-Невского собора.

85 *Гернберг С. Н.* Выступление Добровольческой армии в первый Корниловский «Ледяной» поход // Первопоходник. № 5. Февраль 1972.

86 **ПЕТРОВ** (? – 09(22).03.1918, вблизи села Филипповское, Кубанская область). В январе 1918 г. штабс-капитан (капитан?) Петров в Добровольческой армии генерала Корнилова, в рядах которой 09(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход.

Во время реорганизации Добровольческой армии в станице Ольгинской 11–13(24—26) февраля 1918 г. был назначен командиром 6-й роты Корниловского ударного полка. Погиб 09(22).03.1918 г. в бою за село Филипповское.

87 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 112.

88 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 124.

89 *Пауль С. М.* С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 191.

90 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 126.

91 **ЛАЗАРЕВ Роман Григорьевич** (1893 г., хутор Поганов (Поганой), в юрте станицы Усть-Белокалитвенской, Область Войска Донского – лето 1920, г. Симферополь, Крым). В 1910 г. поступил в общий класс Новочеркасского казачьего юнкерского училища. По окончании трёхлетнего курса училища, 06(19).08.1913 г. портупей-юнкер Р. Г. Лазарев произведён в хорунжие и выпущен в 10-й Донской казачий генерала Луковкина полк. В рядах того же полка отправился на Великую войну. Удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени «За то, что в бою 24 февраля 1915 г. при с. Незвиска взял с боя действующий пулемет, защищаемый спешенными кавалеристами 8-го драгунского полка вражеской армии». В середине ноября 1915 г. отряд подъесаула Ф. Перфилова, состоявший из казаков 1-й Донской казачьей дивизии, совершил лихой рейд по вражеским тылам. В ходе ночного налёта на место отдыха немецкой части казаки в основном работали штыком и метали гранаты, особенно отличился хорунжий Лазарев (отряд уничтожил около 200 немецких солдат, было сожжено 27 жилых помещений, 10 больших стодолов с фуражом, взорвана походная кухня и 5 повозок с интендантским имуществом). После падения Временного правительства и развала армии вернулся на родной хутор. В декабре 1917 – январе 1918 г. есаул Р. Г. Лазарев – заместитель командира партизанского отряда полковника В. М. Чернецова. После разгрома отряда и гибели полковника

В. М. Чернецова есаул Р. Г. Лазарев на хуторе Поганов стал собирать новые силы. Во главе сформированной им полусотни он примкнул к Добровольческой армии, с которой ушёл в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Командир 2-й сотни Партизанского полка генерала А. П. Богаевского. Отличился в бою за Выселки 03(16).03.1918 г. Из воспоминаний А. П. Богаевского об этом бое: «Спокойно, как на учении, повёл свой отряд Роман Лазарев. Через несколько минут его цепь уже прорвалась в селение. Сильный ружейный огонь, неистовая ругань и зычный голос Лазарева нёсся оттуда» (Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 79). Однако доблестный и храбрый есаул Р. Г. Лазарев был известен и как хмельной дебошир. «Беспутный, но милый моему сердцу Роман», – писал о нём донской атаман П. Н. Краснов в одном из приказов по поводу его очередного дебоша, а один из тыловых начальников, жалуясь на Р. Г. Лазарева генералу А. П. Богаевскому, подметил: «В бою незаменим, в тылу невыносим...» Сам генерал Богаевский так охарактеризовал личные качества Р. Г. Лазарева: «Под командой и надзором начальника, которого Р. Лазарев уважал или боялся, он вел себя сравнительно прилично, и его дебоши не выходили за пределы допустимого... Но когда он становился почему-либо самостоятельным, то его выходки граничили уже часто с преступлением» (Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 105). Во время реорганизации Добровольческой армии в станице Ново-Дмитриевской, в период 18–20.03(31.03–03.04).1918 г., Партизанский полк принял генерал Б. И. Казанович, у которого сразу же произошёл крупный конфликт с есаулом Р. Г. Лазаревым, и он потребовал отдать его под суд. Генерал А. П. Богаевский на это не пошёл, но от командования 2-й сотней отстранил и оставил при своём конвое. Во время боёв под Екатеринодаром есаул Р. Г. Лазарев вновь возглавил 2-ю сотню Партизанского полка. 28.03(10.04).1918 г., во время боя за предместье Екатеринодара, образцовой фермы земледельческо-ремесленной школы Екатеринодарского Экономического общества, стоявшей всего в 3 верстах от города, есаул Р. Г. Лазарев был ранен. В Донской армии: войсковой старшина, командир отряда. Полковник (31.01.1919 г.). Весной и летом 1920 в Крыму находился в Донском офицерском

резерве. Летом 1920 г. в Симферополе, после очередного громкого пьяного инцидента, полковник Р. Г. Лазарев был отдан под военно-полевой трибунал. Согласно существующей версии, находясь под воздействием спиртного, полковник Р. Г. Лазарев сильно избил нанятого им извозчика, который впоследствии был найден мёртвым. Представители гильдии извозчиков обратились по поводу случившегося в комендатуру. Военно-полевой трибунал приговорил полковника Р. Г. Лазарева к расстрелу. Приговор был приведён в исполнение без задержек.

92 Ларионов В. А. Последние юнкера // Ураган. (Белогвардейский роман). М.: Вече, 2007. С. 270.

93 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 85.

94 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М., ООО «Традиция», 2015. С. 186–187.

95 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 112.

96 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 113.

97 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 59–60.

98 Лукомский А. С. Воспоминания // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 244.

99 Лукомский А. С. Воспоминания // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 246.

100 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 114.

101 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 191.

102 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 111.

103 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 63.

104 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 58.

105 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг.

Париж, 1962. С. 131–132.

106 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 269–270.

107 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 269.

108 Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 270.

109 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 116.

110 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 37.

111 Левитов М. Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 120.

112 Левитов М. Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж: 1974. С. 121.

113 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 117.

114 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 117–118.

115 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 66–67.

116 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 67–68.

117 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М., ООО «Традиция», 2015. С. 189.

118 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 119.

119 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 68.

120 Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 26.

121 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 193.

122 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 70.

123 *Гуль Р. Б.* Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 63.

124 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 126.

125 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 70.

126 *Трухачёв С. М.* Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 142.

127 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 121–122.

128 *Эйхенбаум И. А.* Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 192.

129 *Гуль Р. Б.* Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 65.

130 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 29.

131 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 30.

132 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 г.г. Париж, 1962. С. 137.

133 *Эйхенбаум И. А.* Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 192.

134 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 30.

135 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 30.

136 *Эйхенбаум И. А.* Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 191.

137 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 71.

138 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 73.

139 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 143.

140 Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 32.

141 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 198.

142 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 76.

143 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 140.

144 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк, Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 77.

145 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 76.

146 Булюбаш Е. Г. Мои воспоминания о Первом Кубанском генерала Корнилова походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 279.

147 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 78–79.

148 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 80.

149 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 198.

150 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 198–199.

151 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 79–80.

152 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 84.

153 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 85.

154 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 80.

155 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 80.

156 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 126.

157 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 79.

158 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 126.

159 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 79–80.

160 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 128.

161 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 129.

162 **МЯЧ Василий Павлович** (11(23).04.1893, Анапа, Кубанская область – 13.12.1966, Лос-Анджелес, штат Калифорния, США). Родился В. П. Мяч в Анапе, Кубанской области. Учился и вырос в Екатеринодаре. В декабре 1914 г. окончил ускоренные курсы в Чугуевском военном училище и был выпущен прапорщиком. В дальнейшем с декабря 1914 по 1917 г. служил в рядах 237-го пехотного Грайворонского полка. За годы Великой войны получил три ранения. Первый раз ранен в начале 1915. С 8(21).04.1915 г. находился в Киеве на излечении. На Северном фронте в Курляндии на Якобштадтском участке в бою у деревни Епукн 8(21).03.1916 г. прапорщик В. П. Мяч получил второе ранение. С. 07(20).11.1916 г., уже произведённый в подпоручики, В. П. Мяч поступил для продолжения лечения в Москве в госпиталь Московского технического училища. Третий раз ранен в 1917 г. Поручик (1917). С ноября 1917 г. в рядах Добровольческой армии. «Город Ростов – Таганрогские казармы... Мое внимание приковано фигурой стройного, высокого роста, в прекрасно пригнанном обмундировании, с претензией на щегольство, молодого офицера, командира 2-го взвода поручика В. П. Мяч. Таким он и остался у меня в памяти на все время» (*Басов Н. И.* Осиротевший взвод // Вестник первопоходника. № 65/66. Февраль – март 1967.);

«Поручик Мяч – молодой, представительный, стройный офицер, высокого роста, пропорционально сложен, блондин и большой щеголь. В отличном, хорошо пригнанном обмундировании: бриджи синего цвета, под офицерский китель, на левой стороне которого, на груди, знак военного училища, какого – не знаю. Вечно чисто выбритый, и создавалось впечатление, что будто он собирается идти в офицерское собрание, а никак не месить 20 или 30 верстную грязь. За плечом – русский карабин кавалерийского образца, на поясе в кобуре револьвер системы “Наган”. Я сказал бы, что это был один из самых серьезных молодых офицеров в нашей роте. Не знаю, был ли он кадровый офицер или военного времени, но, судя по всему его поведению, он скорее подходил к кадровому офицерству. В бою – выдержанный, хладнокровный, никогда не забывал о том, чтобы добиваться цели ценою минимальных жертв. Каждый солдат ему был дорог. Безрассудно взвод не поднимет, где надо залечь – заляжет, где надо выждать – выждет, но где нужен стремительный и быстрый удар, там уж не отставай!» (Басов Н. И. Ново-Дмитриевская // Вестник первопоходника. № 8. Май 1962), – писал о нём сослуживец Н. И. Басов. В начале января 1918 г. поручик В. П. Мяч в составе отряда полковника А. П. Кутепова принимал участие в первых боях под Матвеевым Курганом. 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход с Корниловским полком, командир 2-го взвода 6-й роты. Ранен при штурме Екатеринодара 30.03(12.04).1918 г. Во 2-м Кубанском походе командир 4-й сотни 2-го Сводно-казачьего полка. Одно время состоял адъютантом генерала В. Л. Покровского и в этой должности покинул Крым из Феодосии до августа 1920 г. на корабле «Силамет». Жил в Болгарии, продолжая активную борьбу с местными коммунистами. После гибели генерала В. Л. Покровского 9.11.1922 г. в болгарском г. Кюстендиле, В. П. Мяч был вынужден в том же 1922 г. переселиться в Югославию, где имел свое торговое дело. В годы Второй мировой войны служил в Русском корпусе в 1-м казачьем генерала Зборовского полку. В 1950 г. один из организаторов Калифорнийского отдела Союза первопоходников в Лос-Анджелесе, которых было 10 человек. Был бессменным секретарём правления Калифорнийского отдела Союза первопоходников, а в период с 1963 по 1966 г. являлся председателем его правления. С 1960 г. участвовал в издании журнала «Вестник первопоходника». Скончался после

продолжительной болезни 13.12.1966 г. в Лос-Анджелесе. Похоронен на инвалидном участке Голливудского кладбища 16.12.1966 г.

163 **БАСОВ Николай Иванович** (30.11(13.12).1903, Новочеркасск – 28.07.1975, Монреаль). Родился в семье офицера И. В. Басова. В 1913 г. поступил в Донской императора Александра III кадетский корпус в Новочеркасске. В декабре 1917 г. в четырнадцатилетнем возрасте кадет 5-го класса Н. И. Басов вступил в ряды Добровольческой армии. В январе 1918 г. участвовал в боях на Таганрогском направлении, а 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход с Корниловским полком, рядовым 4-го, а затем 2-го взвода 6-й роты. За боевые заслуги был награждён Георгиевским крестом 4-й степени. Эвакуировался из Крыма в 1920 г. В эмиграции сначала жил в Югославии, затем переехал в Прагу. Окончил Пражский политехникум. Получил диплом инженера. Работал на чехословацких и немецких железных дорогах. В 1942 г. работал в Линце (Австрия) на железной дороге. В 1948 г. переехал в Канаду. Служил на канадских государственных железных дорогах. Член Общекадетского объединения и корректор журнала «Кадетская перекличка». Автор воспоминаний о 1-м Кубанском (Ледяном) походе: «Кореновская», «Усть-Лабинская», «Ново-Дмитриевская». Состоял членом Общества русских инженеров в США. Скончался Н. И. Басов 28.07.1975 г. в Монреале. Некролог опубликовал журнал «Кадетская перекличка», № 13, 1975. Похоронен на кладбище Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле, в штате Нью-Йорк, США.

164 *Басов Н. И. Кореновская* // Вестник первопоходника. № 6. Март 1962.

165 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 132–134.

166 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 130.

167 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 130.

168 *Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход.* Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 85.

169 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 131–132.

170 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 194–195.

171 Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первопоходника. № 7. Апрель 1962.

172 **РАВИНСКИЙ** (? – 7(20).03.1918, станица Усть-Лабинская, Кубанская область). Поручик. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах 6-й роты Корниловского полка. После взятия 6(19).03.1918 г. Добровольческой армией станицы Усть-Лабинской, с разрешения командира 2-го батальона полковника Мухина, поручик Равинский и прапорщик Крановский остановились на ночлег не вместе со своей ротой, а в отдельной хате. Ранним утром 7(20).03.1918 г., уходя из станицы, корниловцы забыли о них. По сведениям, полученным добровольцами от местных жителей во время 2-го Кубанского похода, хозяин хаты, где ночевали поручик Равинский и прапорщик Крановский, выдал офицеров красным и те их расстреляли.

173 **КРАНОВСКИЙ** (? – 7(20).03.1918, станица Усть-Лабинская, Кубанская область). Прапорщик. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах 6-й роты Корниловского полка. После взятия 6(19).03.1918 г. Добровольческой армией станицы Усть-Лабинской, с разрешения командира 2-го батальона полковника Мухина, прапорщик Крановский и поручик Равинский остановились на ночлег не вместе со своей ротой, а в отдельной хате. Ранним утром 7(20).03.1918 г., уходя из станицы, корниловцы забыли о них. По сведениям, полученным добровольцами от местных жителей во время 2-го Кубанского похода, хозяин хаты, где ночевали прапорщик Крановский и поручик Равинский, выдал офицеров красным и те их расстреляли.

174 Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первопоходника. № 7. Апрель 1962.

175 Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первопоходника. № 7. Апрель 1962.

176 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 105.

177 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 201.

178 **КОРЕНЕВ** Александр. (? – 7(20).03.1918, около станицы Усть-Лабинской, Кубанская область). В ноябре – декабре 1917 г. или в

январе 1918 г. гимназист 8-го класса Московской гимназии А. Коренев вступил в ряды Добровольческой армии, с которой 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в рядах 4-го взвода 6-й роты Корниловского полка. 7(20).03.1918 г. во время перестрелки в бою под станицей Усть-Лабинской был убит пулей в сердце.

179 **ЕВДОТЬЕВ** (? – 9(22) или 10(23).03.1918, вблизи села Филипповское, Кубанская область). В ноябре – декабре 1917 г. или в январе 1918 г. поручик Евдотьев вступил в ряды Добровольческой армии, с которой 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода Н. И. Басов писал о нём: «Поручик Евдотьев – молодой офицер, весельчак, вечно подтянутый, в прекрасно подогнанном обмундировании, с претензией на шик. Каким я его увидел впервые в Таганрогских казармах в городе Ростове, таким он остался и в походе. Храбрый, хладнокровный в бою и беспощадный к врагу» (Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первопоходника. № 7. Апрель 1962.). 9(22).03.1918 г. в бою за село Филипповское, командир 3-го взвода 6-й роты Корниловского полка поручик Евдотьев был тяжело ранен в голову и вскоре скончался, не приходя в сознание.

180 **КАПРАНОВ** (? – 8(21).03.1918, около станицы Усть-Лабинской, Кубанская область). В ноябре – декабре 1917 г. или в январе 1918 г. прапорщик Капранов вступил в ряды Добровольческой армии, с которой 9(22).02.1918 г. вышел из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход в рядах Корниловского полка. Командир 4-го взвода 6-й роты. Вместе с прапорщиком Капрановым вышла в 1-й Кубанский поход и его невеста – Вера Покровская, гимназистка 8-го класса Ростовской гимназии. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода Н. И. Басов писал о нём: «Прапорщик Капранов, еще совсем молодой офицер, видно, был из одного из последних выпусков школы прапорщиков. Думаю, ему, наверное, не пришлось и побывать на фронте. Сужу по тому, что обмундирование на нем было почти все новое, начиная от пояса и погонного ремня и заканчивая светло-серой каракулевой офицерской папахой. Выше среднего роста, шатен и очень интересный, смело можно сказать – красавчик. Откуда он родом из России, не знаю. Взвод он принял в городе Ростове. В его взводе были старые ударники с германского фронта, типичные русские солдаты, за плечами которых было три года войны. Относились они и нему по-

отцовски и ласково его называли: “наш молодой”. Любили его и мы, молодежь, за веселость и за то, что он был такой, как мы» (*Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первоходника. № 7. Апрель 1962.*). Под вечер 8(21).03.1918 г. в бою вблизи станицы Усть-Лабинской прапорщик Капранов бросился в атаку, под кинжальным огнём красных он пробежал шагов двадцать и был сражен пулей в сердце. При отступлении корниловцы вынуждены были оставить тело прапорщика Капранова на поле боя.

181 **ПОКРОВСКАЯ Вера** (? – 8(21).03.1918, около станицы Усть-Лабинской, Кубанская область). Осенью 1917 г. В. Покровская училась в 8-м классе Ростовской гимназии. 9(22).02.1918 г. она вышла из Ростова в 1-й Кубанский (Ледяной) поход вместе со своим женихом, командиром 4-го взвода 6-й роты Корниловского полка, прапорщиком Капрановым. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода Н. И. Басов писал о В. Покровской: «Она была блондинка, среднего роста и очень красивая... Она была в солдатском обмундировании, которое, несмотря на то, что было сшито по ее размеру, совершенно не шло к ее хрупкой и нежной фигурке» (*Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первоходника. № 7. Апрель 1962.*). Под вечер 8(21).03.1918 г. в бою вблизи станицы Усть-Лабинской доброволец В. Покровская поднялась в атаку вслед за своим женихом и была смертельно ранена пулей в лоб. Она скончалась, не приходя в сознание. При отступлении корниловцы вынуждены были оставить тело В. Покровской на поле боя.

182 *Басов Н. И. Усть-Лабинская // Вестник первоходника. № 7. Апрель. 1962.*

183 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 144.*

184 *Басов Н. И. Ново-Дмитриевская // Вестник первоходника. № 8. Май, 1962.*

185 *Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первоходников, 1963. С. 92.*

186 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 145–147.*

187 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 149.*

188 *Ларионов В. А. Последние юнкера. // Ураган. (Белогвардейский роман). М.: Вече, 2007. С. 289.*

189 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 95.

190 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 96.

191 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 151.

192 *Ларионов В. А.* Последние юнкера. // Ураган. (Белогвардейский роман). М.: Вече, 2007. С. 290.

193 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 97.

194 *Эйхенбаум И. А.* Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 199–200.

195 **КУЗНЕЦОВ Константин Дмитриевич** (14(26).09.1882 – 03.1918, Туапсе?). Образование получил в Псковском кадетском корпусе. В службу вступил 31.08(13.09).1902 г. В 1904 г. окончил Михайловское артиллерийское училище с производством в подпоручики 09(22).08.1904 г. и выпущен в 6-ю артиллерийскую бригаду. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Поручик (10(23).08.1907). Штабс-капитан (07(20).05.1911). В 1911 г. окончил Императорскую Николаевскую военную академию (по 1-му разряду). Цензовое командование ротой отбывал в лейб-гвардии Финляндском полку (02(15).11.1911—11(24).11.1913). С. 06(19).12.1913 г. старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Капитан (06(19).12.1913). Участник Великой войны. В июне 1915 г. в чине капитана, старший адъютант штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии. Награжден Георгиевским оружием (Высочайший приказ (ВП) 14(27).06.1915). И.д. штаб-офицера для поручений при штабе 1-го армейского корпуса (с 13(26).12.1915). Штаб-офицер для поручений при штабе 2-го Туркестанского армейского корпуса (на 09(22).08.1916). С 24.09(07.10).1916 г. и.д. начальника штаба 2-й Кубанской пластунской бригады. Подполковник (1916). И.д. начальника штаба 29-й пехотной дивизии (назначен между 03.01. и 08(21).02.1917). Полковник (15(28).08.1917). С 16(29).10.1917 г. начальник штаба Кубанско-Терского пластунского корпуса. После падения Временного правительства и развала армии находился в Екатеринодаре. В феврале и начале марта командир кавалерийского дивизиона Кубанской армии. 28.02(13.03).1918 г. с частями Кубанской армии вышел из

Екатеринодара в 1-й Кубанский (Ледяной) поход. Из-за конфликта с командующим Кубанской армией полковником Покровским и разуверившись в успехе вооружённой борьбы, 09(22).03.1918 г. полковник Кузнецов оставил фронт и увёл свой дивизион в горы. Оставив Кубанскую армию без прикрытия, бросив на произвол судьбы атамана, правительство, Раду, многочисленный обоз с гражданскими людьми, больными и ранеными кубанцами, дивизион полковника Кузнецова стремился по горным дорогам уйти в безопасное место, чтобы затем укрыться в Абхазии. «...прикрывающий нас отряд Кузнецова отошёл в горы и создавалась опасность, что нас прижмут к Кубани и отрежут все пути отступления», – писал А. П. Филимонов. Кавалеристы полковника Кузнецова вышли к Грачёвскому (Тубинскому) перевалу, где из-за глубокого снега пришлось оставить лошадей, затем расположились на отдых в посёлке Грачёво. 10 (23) марта во время ночлега в посёлок внезапно ворвались красные. Полковник Кузнецов попал в плен, его доставили в Туапсе и там расстреляли в марте 1918 г. По версии, отражённой в воспоминаниях А. П. Филимонова, полковник Кузнецов попал в плен, его поместили в майкопскую тюрьму, а затем расстреляли.

196 ПУХАЛЬСКИЙ Федор Васильевич. В Кубанской армии поручик Ф. В. Пухальский с 05(18).02.1918 г. – в кавалерийской сотне имени войскового старшины Галаева. 28.02(13.03)1918 г. поручик Пухальский в рядах кавалерийского дивизиона полковника Кузнецова, вместе с частями Кубанской армии, правительством и Радой оставил Екатеринодар и вышел в 1-й Кубанский (Ледяной) поход на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. Когда 09(22).03.1918 г. полковник Кузнецов самовольно оставил фронт и увёл свой дивизион в горы, Ф. В. Пухальский остался с частями Кубанской армии. После подписания 17(30).03.1918 г. между представителями кубанских властей и командованием Добровольческой армии договора о вхождении кубанских частей в состав Добровольческой армии Ф. В. Пухальский находился в рядах кавалерийской бригады генерала Эрдели. Осенью 1919 г. командир Заволжского отряда «степных партизан». С. 06(19).03.1920 г. командир 1-го Уманского полка Кубанского казачьего войска (ККВ). В Русской армии генерала Врангеля командир пешей сотни Запорожского полка. В сентябре – октябре 1920 г. в Феодосии. Полковник. В эмиграции в

1963–1967 гг. в Лос-Анджелесе (США). Автор воспоминаний о гражданской войне: *Пухальский Ф. В.* Петроград и на Кубани // Вестник первоходника. № 17. Февраль 1963; *Пухальский Ф. В.* Разгром сводного конного корпуса тов. Жлобы // Первоходник. № 6. Апрель 1972. В 1972 г. в Лос-Анджелесе увидела свет работа: *Пухальский Ф. В.* Необыкновенная история. К вопросу авторства Трагедии казачества. Лос-Анджелес, 1972.

197 *Пухальский Ф. В.* Петроград и на Кубани // Вестник первоходника. № 17. Февраль 1963.

198 **СКОБЦОВ Даниил Ермолаевич** (15(27).12.1884, станица Брюховецкая, Кубанская область – 19.01.1969, Нуази-лё-Гран, пригород Парижа). Уроженец станицы Брюховецкой. Окончив Кубанскую учительскую семинарию в Екатеринодаре (1903–1905), Д. Е. Скобцов преподавал историю в станице Лабинской. В 1914 г. поступил на филологический факультет Московского университета. Из-за болезни и Февральской революции 1917 г., не окончив полный университетский курс, Д. Е. Скобцов вернулся на Кубань, в родную станицу, и активно включился в общественную жизнь. Вскоре Д. Е. Скобцова избрали войсковым контролёром и членом Лабинского исполкома. Будучи членом Рады, 28.02(13.03).1918 г. Д. Е. Скобцов вместе с частями Кубанской армии, правительством и Радой оставил Екатеринодар и отправился на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода. Принимал активное участие в парламентской жизни Кубани, оставаясь членом Рады. 13(26).05.1919 г. был назначен членом Кубанского правительства, возглавив ведомство земледелия. Перед самым приходом в Екатеринодар Красной армии, в марте 1920 г. уехал в Грузию, в Тифлис, где его ожидала жена и тёща. В Тифлисе 27.02.1921 г. у него родился сын Юрий. Затем Д. Е. Скобцов в составе комиссии генерала П. И. Кокунько по охране казачьих войсковых регалий эмигрировал в Турцию, в Константинополь. Некоторое время находился на острове Лемнос, где выпускал рукописный журнал «Вольная Кубань». К 1922 г. перебрался в Сербию, в Сремски-Карловцы, а в начале 1924 г. переехал с семьёй в Париж. Пытаясь проанализировать события революции и Гражданской войны, начал писать воспоминания. В 1926 г. в парижском историческом журнале «Голос минувшего на чужой стороне» появилась крупная статья

Д. Е. Скобцова «Драма Кубани» (Скобцов Д. Е. Драма Кубани (Ноябрь. 1919) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. Кн. 14. Париж). В 1931–1932 гг. в парижском журнале «Современные записки» (№ 47, 48) увидела свет первая часть романа Д. Е. Скобцова «Гремучий родник» (ностальгическое произведение о дореволюционной жизни на Кубани, о её природе, людях и особенностях быта). Отдельным изданием роман «Гремучий родник» вышел в Париже в 1938 г. Ещё в 1925–1929 гг. Д. Е. Скобцов написал книгу «Три года революции и Гражданской войны на Кубани», но опубликована она была лишь в конце его жизни, в 1962 г. в Париже (Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962). В годы Второй мировой войны, во время оккупации немцами Парижа, жена и сын Д. Е. Скобцова, Елизавета Юрьевна Скобцова (в девичестве Пиленко) и Юрий Даниилович Скобцов, участвовали во французском антифашистском Сопротивлении. 08.02.1943 г. Ю. Д. Скобцова арестовали и увезли в гестапо, а затем в концлагерь Компьень под Парижем (затем его перевели в Бухенвальд, потом в лагерь Дора, где он погиб в период с 01.02 по 10.02.1944 г.). А через 2 дня 10.02.1942 г. арестовали и Е. Ю. Скобцову и отправили сначала в пересылочный лагерь Роменвиль, а 26.04.1943 г. в концлагерь Компьень (в дальнейшем её увезли в концлагерь Равенсбрюк, где 31.03.1945 г., за неделю до освобождения лагеря Красной армией, Ю. Д. Скобцова была казнена в газовой камере). Скончался Д. Е. Скобцов 19.01.1969 г. в возрасте 84-х лет в русском пансионате для престарелых, в Нуази-лэ-Гран, под Парижем. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

199 Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. С. 78.

200 **БЫЧ Лука Лаврентьевич** (1870, станица Павловская, Кубанская область – 1945, Чехословакия). Окончив юридический факультет Московского университета, Л. Л. Быч получил место секретаря Новороссийской городской управы и через 2–3 года стал серьёзным кандидатом на выборную должность местного городского головы. Однако власти относились к нему настороженно, так как он считался человеком «левых убеждений», и потому путь продвижения в общественной деятельности на время ему был закрыт. В 1900 г. Л. Л. Быч перешел на частную службу в «Восточное общество

транспорта по Волге и Каспийскому морю», где вскоре был назначен директором бакинского отделения. Получив популярность в Баку, стал гласным городской Думы, а в 1912 г. был избран на должность бакинского городского головы. Л. Л. Быч много сделал для примирения основных национальных групп населения города, а также для решения вопроса о снабжении города пресной водой. Нашлись средства для продолжения строительства Баку-Шолларского водопровода (длина – 177 км) по проекту английского инженера В. Х. Линдлея. Строительство началось в январе 1904 г. и, с большими перерывами, завершилось в конце 1916 г. Первая питьевая вода по Баку-Шолларскому водопроводу поступила в Баку 21.01(03.02).1917 г. и город, всегда страдавший от недостатка питьевой воды, стал снабжаться ею в изобилии. После Февральской революции 1917 г., по назначению Временного правительства, Л. Л. Быч занял пост уполномоченного по снабжению продовольствием Кавказской армии. Для этого ему пришлось отказаться от всех других должностей. После падения Временного правительства и развала армии, он возвратился на Кубань. В середине ноября 1917 г. он стал председателем Кубанского правительства. «Кубанское правительство, Законодательная, а потом и Краевая Рады... резко отмежевались от советской России. Единодушие и твёрдость, с которой кубанцы стали на этот путь, во многом обязаны Л. Л. Бычу», – отмечал А. П. Филимонов (*Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 133*). Когда в декабре 1917 г. остро встал вопрос формирования Кубанской армии, Л. Л. Быч отказал командирам добровольческих отрядов капитану Покровскому и войсковому старшине Галаеву в материальной поддержке. «...капитан-лётчик Покровский обратился к Правительству с просьбой разрешить ему формировать особый отряд “Защиты Учредительного Собрания”. Быч ему тоже отказал, – вспоминал Д. Е. Скобцов, – а правительству доложил: – Пусть едет к себе в Нижегородскую губернию формировать такие отряды...» (*Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. С. 67*). Однако после побед добровольческих отрядов у разъезда Энем 22.01(04.02).1918 и у станции Георгие-Афипской 24.01(06.02).1918 г., оценил их боеспособность. В дальнейшем согласился с назначением полковника Покровского на должность командующего Кубанской армией, а во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода, вместе с

А. П. Филимоновым и полковником Савицким, 13(26).03.1918 г. подписал приказ о производстве полковника Покровского в генерал-майоры. Правда, кроме признания заслуг В. Л. Покровского, «производство Покровского Быч признал необходимым для поднятия престижа командующего Кубаенской армией перед генералами Добровольческой армии», – отмечал А. П. Филимонов (Филимонов А. П. Указ. соч. С. 166). 28.02(13.03).1918 г. Л. Л. Быч вместе с частями Кубанской армии, правительством и Радой оставил Екатеринодар и вышел в 1-й Кубанский (Ледяной) поход на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. 17(30).03.1918 г. в станице Ново-Дмитриевской входил в делегацию из пяти представителей кубанской власти, подписавшую договор с командованием Добровольческой армии, согласно которому Кубанская армия переходила в полное подчинение генералу Л. Г. Корнилову, который наделялся правом реорганизовывать её по своему усмотрению. Вернувшись в Екатеринодар, оставался во главе Кубанского правительства. Стремился сочетать интересы Кубанского края со взглядами и требованиями Добровольческой армии, особенно в вопросах о взаимоотношениях с Доном, Украиной и Германией, о взаимоотношениях с другими разноплеменными соседями казачьих земель, о правах Кубани, провозгласившей свою Конституцию, о создании сильного и суверенного Юго-Восточного Союза, об отдельной Кубанской армии, о снабжении добровольцев и т. п. У главного командования Вооружённых сил Юга России (ВСЮР) имел репутацию украинофила. На новых выборах войскового атамана в декабре 1918 г. потерпел неудачу. Атаманом вновь был избран А. П. Филимонов. После этого Л. Л. Быч отказался и от обязанностей председателя правительства, оставаясь рядовым членом Законодательной Рады. В начале 1919 г. Краевая Рада назначила его главою делегации на Версальскую мирную конференцию. Вследствие острых разногласий с главным командованием ВСЮР, а в дальнейшем, в связи с приходом на Кубань Красной армии, Л. Л. Быч остался в эмиграции. С 1922 г. в Чехословакии Л. Л. Быч преподавал «муниципальное право» слушателям Украинской сельскохозяйственной академии в Подебрадах, а в дальнейшем стал ректором академии. Скончался в 1945 г. в Чехословакии.

201 **ФИЛИМОНОВ Александр Петрович** (14(26).09.1866, станица Григорополисская, Кубанская область – 04.08.1948, г. Осиек, Югославия). Казак станицы Григорополисской. Младший сын участника Кавказской войны 1817–1864 гг., Крымской войны 1853–1856 гг. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., подполковника П. В. Филимонова. А. П. Филимонов получил образование в Киеве, во Владимирском Киевском кадетском корпусе, который окончил в 1884 г. В службу вступил 27.08(08.09).1884 г. В 1886 г. окончил 3-е Александровское военное училище в Москве, из которого был выпущен хорунжим (11(23).08.1886) в 1-й Екатеринодарский конный полк Кубанского КВ (Казачьего Войска). Сотник (07(19).08.1889). И.д. помощника атамана Баталпашинского отдела (12(24).12.1895 по 23.09(06.10).1900). Подъесаул (06(18).05.1998). Есаул (06(19).05.1900). Награждён орденом Святого Станислава 3-й степени (1906). Окончил Александровскую военно-юридическую академию в Санкт-Петербурге и одновременно прошёл двухлетний курс Императорского Археологического института, а также двухлетние курсы по русской истории у авторитетного историка профессора С. Ф. Платонова. В сентябре 1906 г. на судебном процессе А. П. Филимонов, по назначению, выступал защитником кубанских артиллеристов, не пожелавших стрелять по казакам при усмирении восстания 2-го Урупского полка, который 16(29).12.1905 г. отказался выполнять полицейские функции и подавлять выступление рабочих в Тбилиси, а затем направился в станицу Гиагинскую, где приступил к самочинной демобилизации и выдвинул ряд политических требований, но после артобстрела 07(20).02.1906 г. сложил оружие и сдался. В марте 1906 г. А. П. Филимонов представлял защиту на судебном процессе над 21-летней эсеркой-террористкой М. А. Спиридоновой, которая 16(29).01.1906 г. на вокзале Борисоглебска смертельно ранила советника тамбовского губернского правления Г. Н. Луженовского, выпустив в него пять пуль. Войсковой старшина (06(19).12.1907). Кандидат на военно-судебную должность при военном прокуроре Московского военно-окружного суда. Помощник военного прокурора Одесского военно-окружного суда (30.06(13.07).1907 г. по 21.08(03.09).1908 г.). Помощник военного прокурора Московского военно-окружного суда (21.08(03.09).1908 по 04(17).07.1911). Награждён орденом Святой Анны 3-й степени (1909). С.

04(17).07.1911 г. атаман Лабинского отдела Кубанского КВ. За время управления Лабинским отделом (до мая 1917 г.) активно развивал вверенную ему территорию. Например, 20.10(02.11).1913 г. в г. Армавире проходил созванный по инициативе А. П. Филимонова сельскохозяйственный съезд. В нём участвовали станичные атаманы, учителя, агрономы и представители кооперации. На съезде обсуждалось строительство новых дорог, борьба с градом, учреждение станичных страховых обществ, дальнейшее распространением в отделе среднего и высшего образования. Полковник (01(14).12.1912). Награждён орденом Святого Станислава 2-й степени (Высочайший Приказ 02(15).09.1915). В 1917 г. избран председателем Кубанского краевого правительства, а 10(23).10.1917 г. стал первым выборным Кубанским войсковым атаманом. Особое внимание уделял Кубанской армии, формирование которой шло с большим трудом. В декабре 1917 г. материально поддержал и ввёл в состав Кубанской армии два партизанских добровольческих отряда, которые были образованы по инициативе их командиров – войскового старшины П. А. Галаева и капитана В. Л. Покровского (до этого Кубанское правительство отказывалось финансировать эти формирования). Именно эти отряды в конце января 1918 г. спасли белый Екатеринодар, сначала разгромив 22.01(04.02).1918 г. превосходящие силы красных у разъезда Энем, а затем одержав победу у станицы Георгие-Афипской 24.01(06.02).1918 г. 28.02(13.03).1918 г. А. П. Филимонов вместе с частями Кубанской армии, правительством и Радой оставил Екатеринодар и отправился на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. 17(30).03.1918 г. в станице Ново-Дмитриевской входил в делегацию из пяти представителей кубанской власти, подписавшую договор с командованием Добровольческой армии, согласно которому Кубанская армия переходила в полное подчинение генералу Л. Г. Корнилову, который наделялся правом реорганизовывать её по своему усмотрению. Занимал умеренную позицию по отношению к сепаратистам, не одобряя суровых мер, применяемых к ним главным командованием Вооружённых сил Юга России (ВСЮР). В 1919 г. Кубанской Радой произведён сначала в генерал-майоры, а затем в генерал-лейтенанты. На фоне обострившихся противоречий кубанских властей с генералом А. И. Деникиным и главным командованием ВСЮР 10.11.1919 г.

генерал-лейтенант А. П. Филимонов добровольно сложил с себя полномочия Кубанского войскового атамана. С 1920 г. в эмиграции проживал в Югославии. После кончины 02.06.1943 г. генерала Б. И. Казановича, являлся председателем главного правления Союза участников 1-го Кубанского (Ледяного) похода. В конце Второй мировой войны переехал в г. Осиек, где скончался на 82-м году жизни 04.08.1948 г. Автор книг: «Разгром Кубанской Рады» (Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922) и «Кубанцы» (Белое дело. Т. 2. 1927).

202 *Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 163–164.*

203 *Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 165.*

204 **УСПЕНСКИЙ Николай Митрофанович** (09(21).12.1875, станица Каладжинская, Кубанская область – 17(30).12.1919, г. Екатеринодар). Из казаков станицы Каладжинской, Лабинского отдела, Кубанского казачьего войска (ККВ). Общее образование получил в Ставропольской классической гимназии. В службу вступил 09(21).09.1894 г. В 1897 г. окончил Михайловском артиллерийском училище. Из училища выпущен с производством в хорунжие (13(25).08.1897). Служил в 1-й и 3-й Кубанских казачьих батареях. Сотник (12(24).08.1899). Подъесаул (12(25).08.1903). Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1905 г. окончил Николаевскую академию Генерального Штаба (по 1-му разряду). Капитан (28.05(10.06).1905). Цензовое командование сотней отбывал в 1-м Лабинском полку ККВ (26.09(09.10).1906—27.12.1908(09.01.1909). Помощник старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа (ВО) (26.11(09.12).1908—15(28).11.1911). Помощник делопроизводителя Азиатской части Главного штаба с 15(28).11.1911. Подполковник (06(19).12.1911). До 06(19).12.1914 г. и.д. делопроизводителя Азиатской части Главного штаба. Участник Великой войны. Полковник (06(19).12.1914) с назначением и.д. начальника штаба 5-й Донской казачьей дивизии с 06(19).12.1914 г. На 12(25).08.1915 г. и.д. начальника штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии. Командир 1-го Хопёрского полка ККВ (04(17).09.1915—24.01(04.02).1917 г.). Начальник штаба 4-й Кубанской казачьей дивизии с 24.01(04.02).1917. Командующий Кубанской казачьей отдельной бригадой с 19.06(02.07).1917. С. 01(14).11.1917 г. и по

05(18).03.1918 г. – военный министр в кубанском правительстве. Был категорически против назначения полковника Покровского на должность командующего Кубанской армией. «Категорически возражал против назначения Покровского наш член Правительства по военным делам полковник Успенский и даже заявил, – отмечал Д. Е. Скобцов, – в случае назначения Покровского, он, Успенский, просит Атамана освободить его от должности члена правительства по военным делам» (Скобцов Д. Е. Три года революции и гражданской войны на Кубани. Париж, 1962. С. 69). 28.02(13.03).1918 г. полковник Успенский вместе с частями Кубанской армии, правительством и радой, оставил Екатеринодар и вышел в 1-й Кубанский (Ледяной) поход на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. Входил в группу старших кубанских офицеров, не признавших авторитет командующего Кубанской армией полковника Покровского. В Добровольческой армии – командир сводной казачьей дивизии. С. 06(19).12.1918 в резерве чинов при штабе Главнокомандующего Вооружёнными силами Юга России (ВСЮР). Генерал-майор (18(31).12.1918). В Кавказской Добровольческой армии генерала Врангеля, командир бригады Кавказской конной дивизии под Царицыном, затем начальник 1-й конной дивизии с 23.05(05.06).1919. В июне 1919 до прибытия из Добровольческой армии генерала Топоркова временно командовал 4-м конным корпусом (1-я конная и Сводно-Горская дивизии). С 23.10(05.11).1919 г. состоял в распоряжении войскового атамана ККВ, одновременно был членом Кубанского правительства и преподавателем Александровского военного училища. С 31.10(13.11).1919 г. в резерве чинов ККВ. 11(24).11.1919 г. избран войсковым атаманом ККВ. Умер от сыпного тифа в Екатеринодаре 17(30).12.1919 г.

205 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 166.

206 **ЛЕОНТОВИЧ Владимир Константинович.** Окончил Одесское военное училище в 1905 г., из которого был выпущен подпоручиком. На 1909 поручик. В декабре 1917 г. – январе 1918 г. В. К. Леонтович начальник штаба добровольческого отряда капитана Покровского в Екатеринодаре. С февраля 1918 штаб-офицер для поручений при командующем Кубанской армией. 28.02(13.03).1918 г. с частями Кубанской армии вышел из Екатеринодара в 1-й Кубанский

(Ледяной) поход. В Добровольческой армии офицер штаба генерала Покровского. Во ВСЮР и Русской армии до эвакуации Крыма. Полковник. В ноябре 1920 г. подлежал эвакуации на корабле «Херсон». В эмиграции в Германии, затем в США. Автор воспоминаний о начале Гражданской войны на Кубани, которые впервые были опубликованы в Берлине в 1923: *Леонтович В. К. Первые бои на Кубани*. Мюнхен: Молодая Россия, 1923.

207 *Леонтович В. К. Первые бои на Кубани*. Мюнхен: Молодая Россия, 1923. С. 85–86.

208 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 157.

209 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 157.

210 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 160.

211 50 лет верности России. 1917–1967. Издание марковцев-артиллеристов. Париж, 1967. С. 98.

212 *Ларионов В. А. Последние юнкера*. // Ураган. (Белогвардейский роман). М.: Вече, 2007. С. 292.

213 *Богоевский А. П. 1918 год. Ледяной поход*. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 101.

214 *Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера*. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 205.

215 *Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова* // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 161.

216 *Пауль С. М. С Корниловым* // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 204.

217 **ЛИСЕНКО Иван Эрастович**, (1899 – 17.01.1969, г. Сан-Франциско, штат Калифорния, США). Родился в семье генерала Э. М. Лисенко. И. Э. Лисенко окончил кадетский корпус и поступил в Константиновское артиллерийское училище. В октябре 1917 г. И. Э. Лисенко – юнкер Константиновского артиллерийского училища. Участник боев в Петрограде, защищал Зимний дворец и Инженерный замок. В Добровольческой армии генерала Л. Г. Корнилова с ноября 1917 г. в сводной Михайловско-Константиновской юнкерской батарее. Участник рейда партизанского отряда полковника В. М. Чернецова.

Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода в 1-й офицерской батарее. С 12(25).02.1918 г. прапорщик. Осенью 1918 г. в 1-й батарее, на 21.03.1919 г. в 1-м легком артиллерийском дивизионе. Был ранен в голову. В июле 1919 г... командир орудия 1-й батареи в Марковской артиллерийской бригаде. В сентябре 1920 г. штабс-капитан 4-й батареи той же бригады. До эвакуации Русской армии из Крыма находился в Севастопольском морском госпитале. Эвакуирован в ноябре 1920 г. на корабле «Румянцев». Галлиполиец. Осенью 1925 г. в составе Марковского артдивизиона в Чехословакии. Капитан. Получил высшее образование, работал на строительстве дорог. В 1944 переехал во Францию, затем переселился в США. Член отдела Общества галлиполийцев. Скончался 17.01.1969 г. в Сан-Франциско (США), о чём сообщил журнал «Часовой», Париж – Брюссель, 1969, № 513.

218 Лисенко И. Э. Ново-Дмитриевка // Вестник первоходника. № 10. Июль 1962.

219 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 204.

220 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 162.

221 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 205–206.

222 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 113.

223 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 182.

224 Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 44–45.

225 Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 53.

226 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 112.

227 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 112–113.

228 Булюбаи Е. Г. Мои воспоминания о Первом Кубанском генерала Корнилова походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 296.

229 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин, Издательство С. Ефрона, 1921. С. 114.

230 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 162.

231 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 163.

232 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 168.

233 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 169.

234 **УЛАГАЙ Сергей Георгиевич** (1875 – 29.04.1944, г. Марсель, Франция). Окончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1897) с производством в чин хорунжего. Принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Участник Великой войны. 17(30).01.1917 г. войсковой старшина Улагай был награждён орденом Святого Георгия 4-й степени «за то, что в бою 26 июня 1916 года, командуя тремя сотнями и пулемётным взводом, под сильным артиллерийским, ружейным и пулемётным огнём переправился с сотнями и пулемётным взводом вплавь через три рукава р. Стоход у д. Рудни-Червище и быстро окопался на неприятельском берегу, перед проволочными заграждениями врага, немедленно открыв по нему самый напряжённый огонь; эта лихая переправа сотен, руководимых их доблестным начальником, много способствовала переправе нашей пехоты, сравнительно с малыми потерями, и дала возможность ей закрепиться на неприятельском берегу». Весной 1917 г. С. Г. Улагай был произведён в полковники и назначен командиром 2-го Запорожского казачьего полка. В сентябре 1917 г. арестован по делу генерала Корнилова, но ему удалось уехать на Кубань. В ноябре 1917 г. кубанский войсковой атаман А. П. Филимонов поручил полковнику Улагаю формирование добровольческих частей, но он с этой задачей не справился. «Дело организации добровольцев было поручено мною молодому и популярному герою германской войны полковнику Улагаю, – вспоминал А. П. Филимонов. – К сожалению, этот доблестный, впоследствии очень прославившийся кавалерист не оказался хорошим организатором и, провозившись около месяца с этим делом, заявил мне, что он в него не верит, так как в добровольцы записываются

только одни офицеры, что рядовые казаки добровольцами служить не хотят, что специально офицерские организации не будут встречать сочувствия в населении и потому все дело обречено на гибель... Жаль было потерянного времени, и приходилось вновь искать подходящих людей» (Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 143). А. П. Филимонов желал, чтобы полковник Улагай возглавил Кубанскую армию, но тот не верил в дело вооружённой борьбы. «Естественным и желательным для меня кандидатом на пост командующего армией оставался по-прежнему полковник Улагай, – писал А. П. Филимонов, – но он, как и раньше, не верил в дело и, назначенный в помощь полковнику Лесевицкому в качестве начальника кавалерии, потерпел неудачу и возвратился в Екатеринодар в еще более пессимистическом настроении, чем ранее» (Филимонов А. П. Указ. соч. С. 152–153). 28.02(13.03).1918 г. полковник Улагай вместе с частями Кубанской армии оставил Екатеринодар и вышел в 1-й Кубанский (Ледяной) поход на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. Входил в группу старших кубанских офицеров, не признавших авторитет командующего Кубанской армией полковника Покровского. Во время 1-го Кубанского похода – командир пластунского отряда (пешего и конного отряда в составе Кубанского правительственного отряда. После подписания 17(30).03.1918 г. между представителями кубанских властей и командованием Добровольческой армии договора о вхождении кубанских частей в состав Добровольческой армии «улагаевский» пластунский отряд вошел во 2-ю бригаду генерала Богаевского, как «пластунский батальон полковника Улагая». Тяжело ранен во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода (находясь уже в составе Добровольческой армии). После излечения от ран в июле 1918 г. полковник Улагай по личному распоряжению генерала Деникина принял командование большей части отряда полковника Шкуро. Этот отряд был переформирован им во 2-ю Кубанскую дивизию. В конце августа 1918 г. 2-я Кубанская дивизия полковника Улагая нанесла тяжелое поражение Красной армии в районе Благодатное, что помогло окружить Ставрополье севера. В ноябре 1918 г. был произведен в генерал-майоры. В декабре 1918 г. дивизия генерала Улагая, под общим командованием генерала Врангеля, участвовала в освобождении Терской области и овладела городом

Святой Крест. Здесь в начале 1919 дивизия была переформирована во 2-й Кубанский корпус, в составе 2-й, 3-й Кубанской дивизии и 3-й Кубанской пластунской бригады. В районе Ремонтная к северу от Маныча генерал Улагай разгромил корпус Думенко и в начале мая 1919 успешно участвовал в сражении под Великокняжеской, а затем, в июне 1919 г., – в наступлении на Царицын. Летом – осенью 1919 г. генерал Улагай командовал 2-м Кубанским корпусом в составе Кавказской армии генерала Врангеля, а затем генерала Покровского. Генерал-лейтенант. В конце октября 1919 г. отказался от командования 2-м Кубанским корпусом и сдал его генералу Науменко. В начале декабря 1919 новый командующий Добровольческой армии генерал Врангель вызвал его в Ставку и возложил на него командование конной группой, находившейся в составе переброшенных из Кавказской армии кубанских дивизий и 4-го Донского корпуса генерала Мамонтова. Убедившись в малочисленности кубанских частей и малой боеспособности корпуса Мамонтова, генерал Улагай дважды доложил генералу Врангелю о небоеспособности конной группы, сдал ее полковнику Костикову (все кубанские части были переформированы в одну бригаду) и выбыл 10(23).12.1919 г. в Екатеринодар, где заболел тифом. В начале 1920 г. принял от генерала Шкуро командование Кубанской армией. Отошел с ней на Черноморское побережье в район Туапсе – Сочи и прибыл в Крым, куда генерал Деникин вызвал его для участия в Военном совете, собранном для выбора нового Главнокомандующего. В начале апреля 1920 г., когда командование Кубанской армией было передано Кубанскому атаману генералу Букретову, генерал Улагай был зачислен в распоряжение Главнокомандующего генерала Врангеля. В конце июля 1920 г. генерал Улагай был назначен генералом Врангелем командующим десантом на Кубань. Группа войск под командой генерала Улагая удачно высадилась на берегу Азовского моря у Приморско-Ахтырской и, сравнительно быстро, в первых числах августа продвинулась в направлении к Екатеринодару и заняла станицу Брюховецкую. Однако из-за разногласий с начальником штаба генералом Драценко, отсутствия связи с генералом Бабиевым, нанесшим сильное поражение одной из красных дивизий, и прибытия в Красную армию значительных подкреплений генерал Улагай в середине августа принял решение об отходе. Генерал барон

П. Н. Врангель так оценивал личные качества генерала Улагая: «Генерал Улагай мог один с успехом *объявить сполох*, поднять казачество и повести его за собой. За ним должны были, казалось, пойти все. Отличный кавалерийский начальник, разбирающийся в обстановке, смелый и решительный, он во главе казачьей конницы мог творить чудеса. Я знал его отрицательные свойства, – отсутствие способности к организации, свойство легко переходить от большого подъема духа к унынию». Генерал Врангель был вынужден послать на самолете в штаб десантной группы генерал-квартирмейстера Русской армии генерала Коновалова с тем, чтобы тот навел порядок и организовал отход для посадки на корабли. Несмотря на значительные потери войск в группе генерала Улагая, она вернулась в Крым в увеличенном составе. К ней присоединились около 10 000 казаков. Следствием неудачного десанта явилось отчисление из Русской армии генерала Улагая. После прорыва Красной армии через Перекоп в ноябре 1920 г. Генерал Улагай в составе Русской армии был эвакуирован из Крыма в Турцию. В эмиграции генерал Улагай проживал сначала в Сербии, а затем во Франции, где обосновался в Марселе. Там он собрал казачью цирковую труппу верховых наездников. С ней он гастролировал по Европе и Америке. Скончался С. Г. Улагай 29.04.1944 г. в Марселе, о чём сообщила газета «Казачья лава», Берлин, 1944, № 10. Похоронили его в Марселе, на кладбище Сен-Пьер. 22.01.1949 г. останки генерала Улагая были перенесены на русское кладбище в Сен-Женевьев-де-Буа.

235 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 164.

236 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 171–172.

237 Львов Н. Н. Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 59–60.

238 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 102.

239 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 225.

240 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С.

108.

241 **МИНЕРВИН Михаил Михайлович** (? – 23 января 1949 г. в Тарбе (Тарб) (Франция). Окончил Сибирский кадетский корпус, затем Павловское военное училище (1908). Капитан 2-го Сибирского стрелкового полка. В Добровольческой армии в Корниловском ударном полку. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода: командир 2-й роты полка. Ранен в ногу в ночном бою под утро 23 марта (5 апреля), на подступах к слободе Григорьевской. Во ВСЮР и Русской армии в Корниловской дивизии до эвакуации Крыма. Полковник (с 5 (18) ноября 1919 г.). На 18 декабря 1920 г. в 9-й роте Корниловского полка в Галлиполи, с 24 декабря 1921 г. командир 12-й роты того же полка. Осенью 1925 г. в составе Корниловского полка в Болгарии. В эмиграции во Франции. Умер от разрыва сердца, накануне отъезда в США, 23 января 1949 г. в Тарбе (Франция), о чём сообщили парижская газета «Русская мысль» в № 110, 1949 и журнал «Часовой», № 296, 1950.

242 **ДРЕЙМАН** (? – 23.03(05.04).1918, слобода Григорьевская, Кубанская область). Поручик. В Добровольческой армии в Корниловском полку. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах 3-й роты. Убит в ночном бою под утро 23 марта (5 апреля), на подступах к слободе Григорьевской. Пуля смертельно ранила поручика Дреймана в живот навывлет, когда он вместе с поручиком Ващенко выносил из боя раненого в ногу командира 3-й роты капитана Минервина.

243 **ВАЩЕНКО Эраст** (? – 23.03(05.04).1918 г., слобода Григорьевская, Кубанская область) 27.12.1917(09.01.1918) г. поручик Ващенко и ещё шесть офицеров, переодевшись в солдатскую форму и с солдатскими документами, уехали из Пензы в Новочеркасск. В первых числах января он записался в Добровольческую армию. Участник 1-го Кубанского (Ледяного) похода в рядах 3-й роты Корниловского полка. Смертельно ранен в ночном бою под утро 23 марта (7 апреля), на подступах к слободе Григорьевской. Пуля ударила поручика Ващенко в спину и застряла в мочевом пузыре, когда он вместе с поручиком Дрейманом выносил из боя раненого в ногу командира 3-й роты капитана Минервина. В тот же день он скончался от полученной раны.

244 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 115.

245 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 109.

246 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 110.

247 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 110.

248 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 171.

249 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 207.

250 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 171.

251 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 г.г. Париж, 1962. С. 189–190.

252 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 г.г. Париж, 1962. С. 190.

253 Казанович Б. И. Партизанский полк в первом Кубанском походе // Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963.

254 Богаевский А. П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 111.

255 Левитов М. Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 151–152.

256 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 166–167.

257 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 112.

258 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 65.

259 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 167.

260 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 114.

261 *Филимонов А. П.* Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 173.

262 *Трухачёв С. М.* Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 172–173.

263 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 113.

264 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 156.

265 *Булюбаш Е. Г.* Мои воспоминания о Первом Кубанском генерала Корнилова походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 299.

266 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 115.

267 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 116.

268 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 168–169.

269 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 66.

270 *Львов Н. Н.* Свет во тьме. Очерки Ледяного похода. Сидней, 1972. С. 67.

271 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 156.

272 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж. 1974. С. 157.

273 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 120.

274 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 120.

275 *Суворин Б. А.* За Родиной. Париж. 1922. С. 101.

276 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 173.

277 *Трухачёв С. М.* Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 175.

278 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 121.

279 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 435.

280 *Трухачёв С. М.* Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 174.

281 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 436.

282 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 122.

283 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 124–125.

284 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 127.

285 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 128.

286 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 197.

287 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 122–123.

288 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 158–159.

289 *Штейфон Б. А.* Генерал А. П. Кутепов // Генерал Кутепов. М.: Посев. С. 22.

290 50 лет верности России. 1917–1967. Издание марковцев-артиллеристов. Париж, 1967. С. 104.

291 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 178–179.

292 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 176.

293 *Булюбаш Е. Г.* Мои воспоминания о Первом Кубанском генерала Корнилова походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 303.

294 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 198.

295 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 179–180.

296 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 179.

297 *Филимонов А. П.* Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 174.

298 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С.

130.

299 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 436–437.

300 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 440.

301 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 130.

302 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 131.

303 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 442–443.

304 *Богаевский А. П.* 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 132.

305 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 443.

306 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 г.г. Париж, 1962. С. 200.

307 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 187.

308 *Левитов М. Н.* Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 165.

309 *Хаджиев Р. Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 444.

310 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 184.

311 *Деникин А. И.* Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 187–188.

312 *Трухачёв С. М.* Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 176.

313 *Гетманов М. Д.* Первый Корниловский поход (воспоминания участника) // Вестник первопоходника. № 2. Октябрь 1961.

314 **РАШПИЛЬ** **Георгий Антонович** (02(14).04.1877, станица Георгие-Афипская, Кубанская область – 31.03(13.04).1918, под г. Екатеринодаром). Родился Г. А. Рашпиль в станице Георгие-Афипской, Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска (ККВ). Общее образование получил в Кубанском Александровском реальном училище (1896). В 1898 г. окончил Николаевское кавалерийское училище с производством в хорунжие и был выпущен в 1-й Таманский полк ККВ. Служил в Закаспийской области (Асхабад). В 1902 г. произведён в сотники. В 1904 г. откомандирован лейб-гвардии во 2-ю Кубанскую казачью сотню Собственного Его Императорского Величества (Е.И.В.) конвоя, В 1907 г. произведен в подьесаулы. На Великую войну вышел в составе Е.И.В. конвоя. В 1916 г. был произведён в есаулы, командовал лейб-гвардии 1-й Кубанской казачьей сотней. Награждён Георгиевским оружием с надписью «За храбрость» (Высочайший Приказ (ВП) 04(17).10.1916) «за то, что 5 июня 1916 года при движении 2-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска на Глибоку, выдвинувшись вперед по приказанию начальника дивизии и услышав перестрелку, повел рысью 1-ю сотню Собственного Его Императорского Величества Конвоя на выстрелы. Выяснив, что перестрелку ведет 4-я сотня названного полка с прикрытием большого обоза противника, есаул Рашпиль вышел на левый фланг обоза, спешился и с криком “ура” бросился вместе с 4-й сотней полка в атаку на прикрытия, которое было частью уничтожено, а частью бежало в соседний лес. В обозе оказалось около 400 подвод с лошадьми, 2 тяжелых орудия с лафетами и зарядными ящиками, и находилось много патронов и интендантского имущества». Удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени (ВП 04(17).10.1916) «за то, что 10 июня 1916 года, во время выполнения 2-м Кизляро-Гребенским полком Терского казачьего войска задачи – обойти противника, занимавшего Кимполунг и взять город – перевалив с 1-й сотней Конвоя Его Величества в пешем строю лесистый горный хребет левее 1-й сотни названного полка и выбив из леса противника, услышал сильную стрельбу справа, куда решил идти на выручку, но едва цепями бросился вперед, как был обстрелян пулеметами противника с левого фланга. Есаул Рашпиль, несмотря на сильный огонь противника,

бросился в штыки на действующий пулемет, который и взял вместе с пулеметчиками, рассеяв и переколов прикрытие. Очистив таким образом себе дорогу, он с сотней бегом двинулся дальше по направлению боя и вышел во фланг противнику, атакованному в это время 1-й сотней 2-го Кизляро-Гребенского полка Терского казачьего войска. Благодаря выходу его во фланг, противник дрогнул и бежал. В этом бою сотней есаула Рашпиля, совместно с 1-й сотней 2-го Кизляро-Гребенского полка, было взято в плен 38 офицеров и 700 нижних чинов». После Февральской революции 1917 г., 15(28).03.1917 г. полковник Рашпиль назначен временным командиром Конвоя Верховного Главнокомандующего. С переформированием конвоя в Кубанский и Терский гвардейские казачьи дивизионы, 14(28).06.1917 назначен командиром Кубанского гвардейского казачьего дивизиона. После падения Временного правительства и развала армии уехал в Екатеринодар. С конца 1917 г. в Кубанской армии. 28.02(13.03).1918 г. полковник Рашпиль вместе с частями Кубанской армии, правительством и Радой оставил Екатеринодар и вышел в 1-й Кубанский (Ледяной) поход на соединение с Добровольческой армией генерала Л. Г. Корнилова. После подписания 17(30).03.1918 между представителями кубанских властей и командованием Добровольческой армии договора о вхождении кубанских частей в состав Добровольческой армии, полковник Рашпиль находился в составе кавалерийской бригады генерала Эрдели. Погиб 31.03(13.04).1918 г., во время кавалерийской атаки на позиции красных, прикрывая отход Добровольческой армии от Екатеринодара. После занятия Добровольческой армией Екатеринодара, в августе 1918 тело полковника Рашпиля было найдено и с воинскими почестями перезахоронено на городском кладбище кубанской столицы.

315 Черешнев В. В. Конница под Екатеринодаром // Вестник первопоходника. № 9. Июнь 1962.

316 Черешнев В. В. Конница под Екатеринодаром // Вестник первопоходника. № 9. Июнь 1962.

317 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 195.

318 Хаджиев Р. Б. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 446.

319 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 179.

320 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 178.

321 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 127.

322 Эйхенбаум И. А. Сражатели. Записки пехотного офицера. М.: ООО «Традиция», 2015. С. 220.

323 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 129.

324 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 191.

325 Гетманов М. Д. Первый Корниловский поход (воспоминания участника) // Вестник первопоходника. № 2. Октябрь 1961.

326 Хаджиев Р. Б. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 455.

327 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 183.

328 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 193.

329 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 183.

330 Ильвов Б. Я. Воспоминания о Первом Кубанском («Ледяном») походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 352–353.

331 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 194.

332 Булюбаиш Е. Г. Мои воспоминания о Первом Кубанском генерала Корнилова походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 306.

333 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 194.

334 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 185.

335 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 196.

336 Эльманович В. С. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. № 12. Сентябрь 1962.

337 Ильвов Б. Я. Воспоминания о Первом Кубанском («Ледяном») походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 353–354.

338 Пауль С. М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 211–212.

339 Ильвов Б. Я. Воспоминания о Первом Кубанском («Ледяном») походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 354.

340 Ильвов Б. Я. Воспоминания о Первом Кубанском («Ледяном») походе // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 355.

341 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 197.

342 Левитов М. Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 172–173.

343 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 203.

344 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 208.

345 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 139–140.

346 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 189–190.

347 Деникин А. И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 200.

348 Левитов М. Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 174.

349 Казанович Б. И. Партизанский полк в первом Кубанском походе // Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963.

350 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 190.

351 Трухачёв С. М. Воспоминания за период борьбы с большевиками на Юге России // Первые начавшие: К столетию первого Кубанского («Ледяного») похода. М.: НП «Посев», 2018. С. 191.

352 Филимонов А. П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 180.

353 Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин: Книгоиздательство Отто Кирхнер и К°, 1923. С. 135–136.

354 Гуль Р. Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 156–157.

355 Рукописные копии приказов находятся в действующем архиве РОВСа (г. Санкт-Петербург).

356 Военное ведомство.

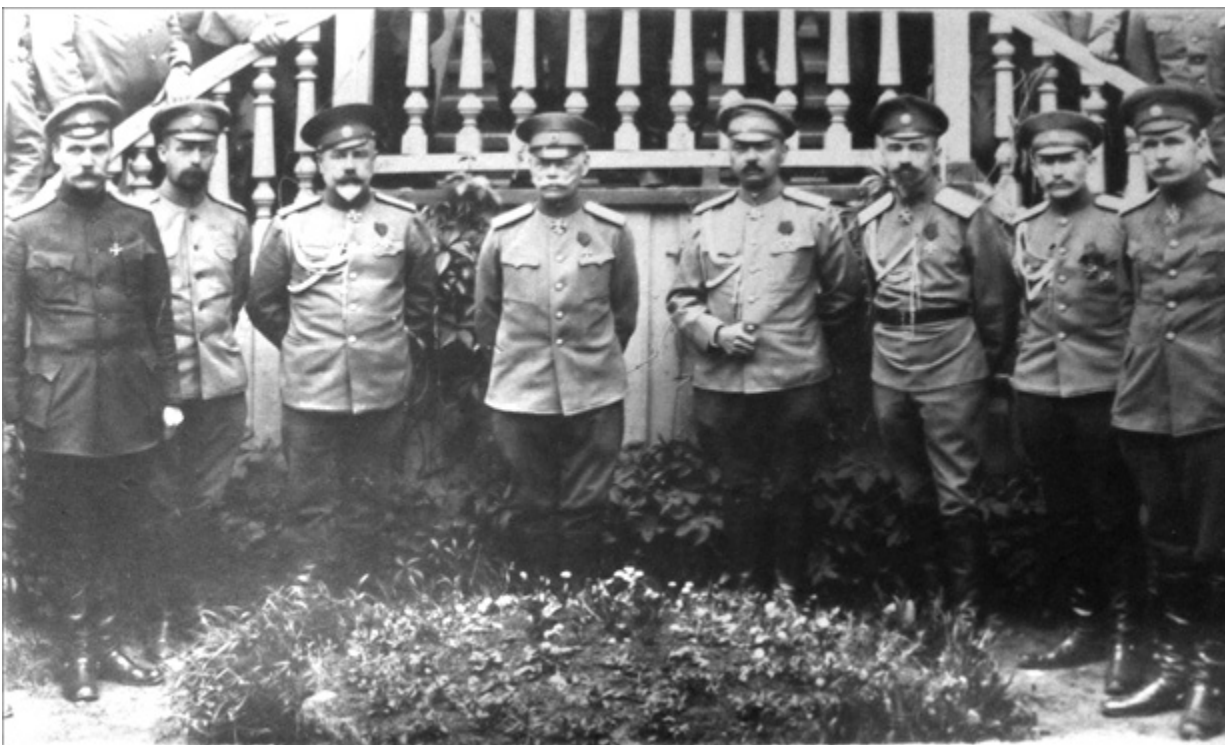
Иллюстрации

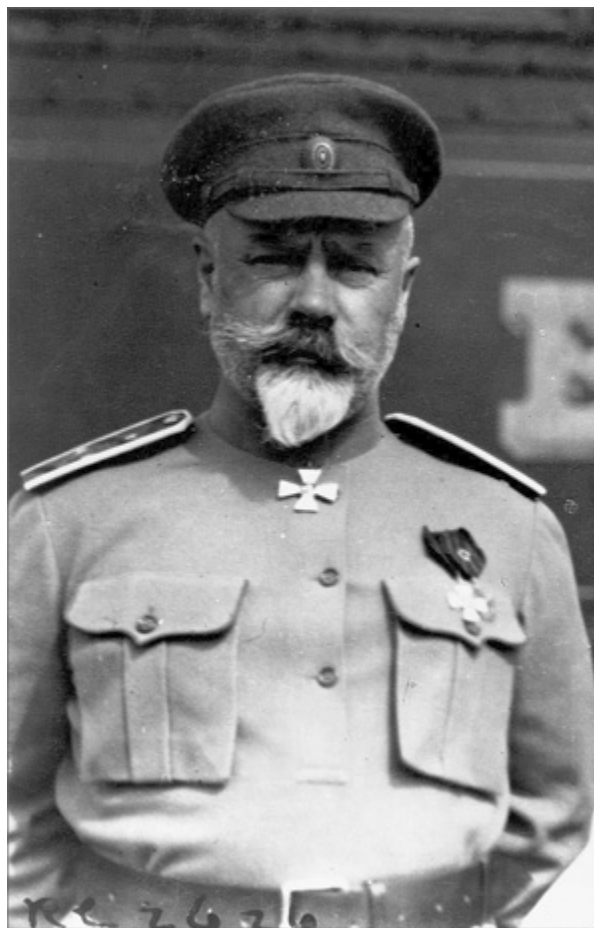
Л. Г. Корнилов

И. А. Эйхенбаум с сестрой милосердия. 1916 г. Из действующего архива РОВСа. СПб.

Генералы А. И. Деникин, М. В. Алексеев и С. Л. Марков в Ставке.
1917 г.

А. И. Деникин

В. М. Чернецов

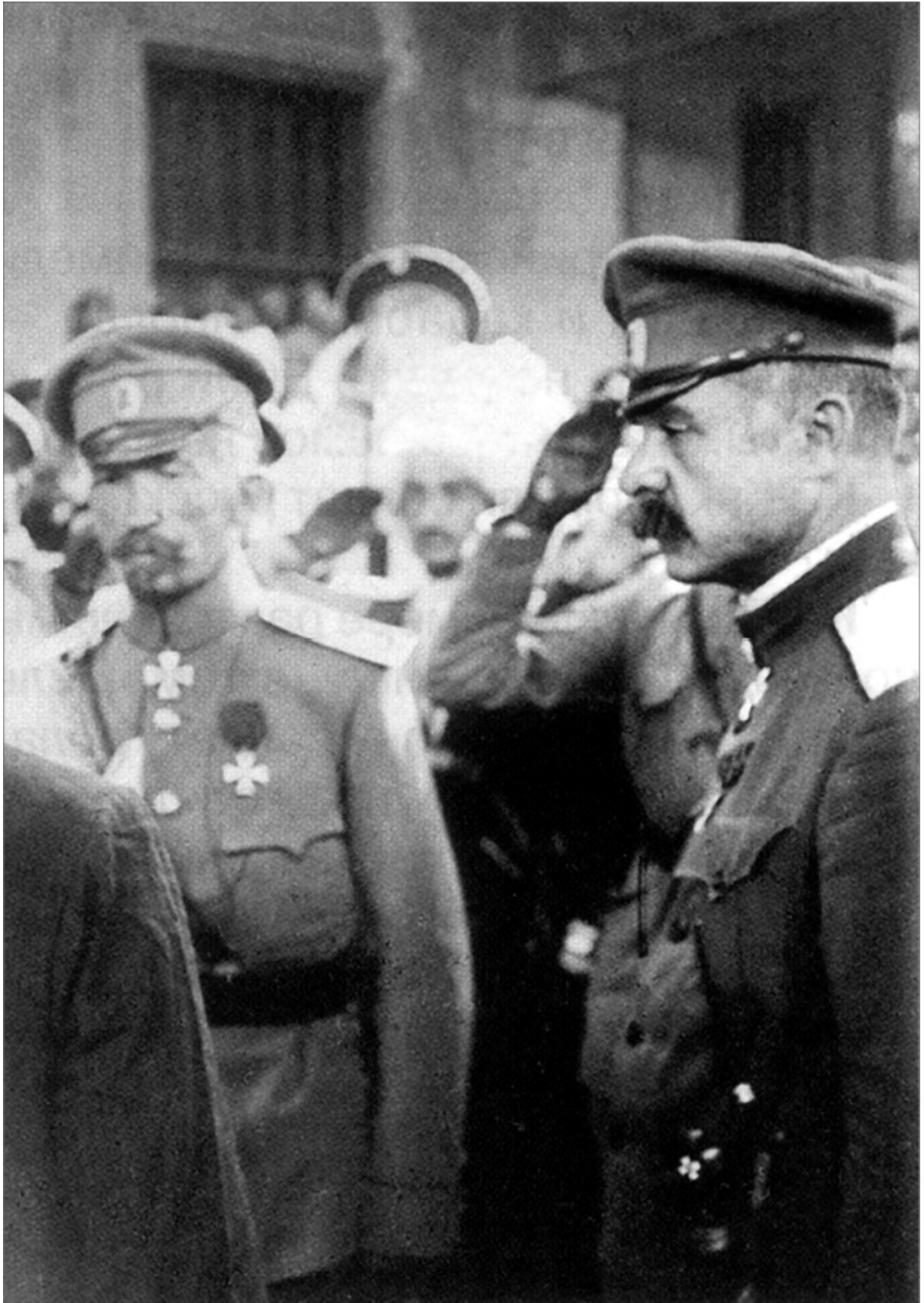
А. И. Богаевский

И. Г. Эрдели

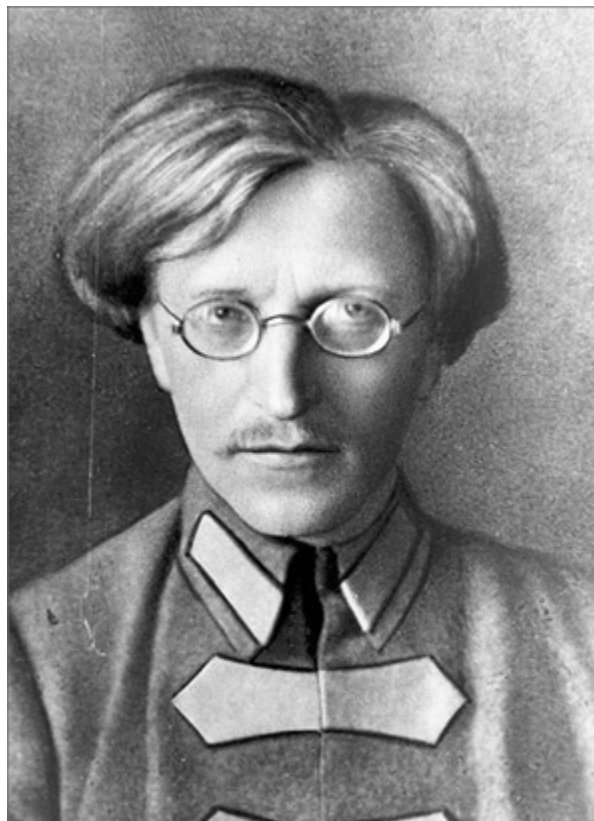
М. В. Алексеев и сопровождающие его чины

Л. Г. Корнилов и А. М. Каледин

Генерал А. П. Кутепов

В. А. Антонов-Овсеенко

Ф. Г. Подтелков

Красногвардейский отряд во главе с Р. Ф. Сиверсом. 1918 г.

Екатеринослав в 1918 г.

Таганрог в 1918 г.

Ростов-на-Дону в начале XX в.

Встреча А. И. Деникина на вокзале в Ростове-на-Дону. 1918 г.

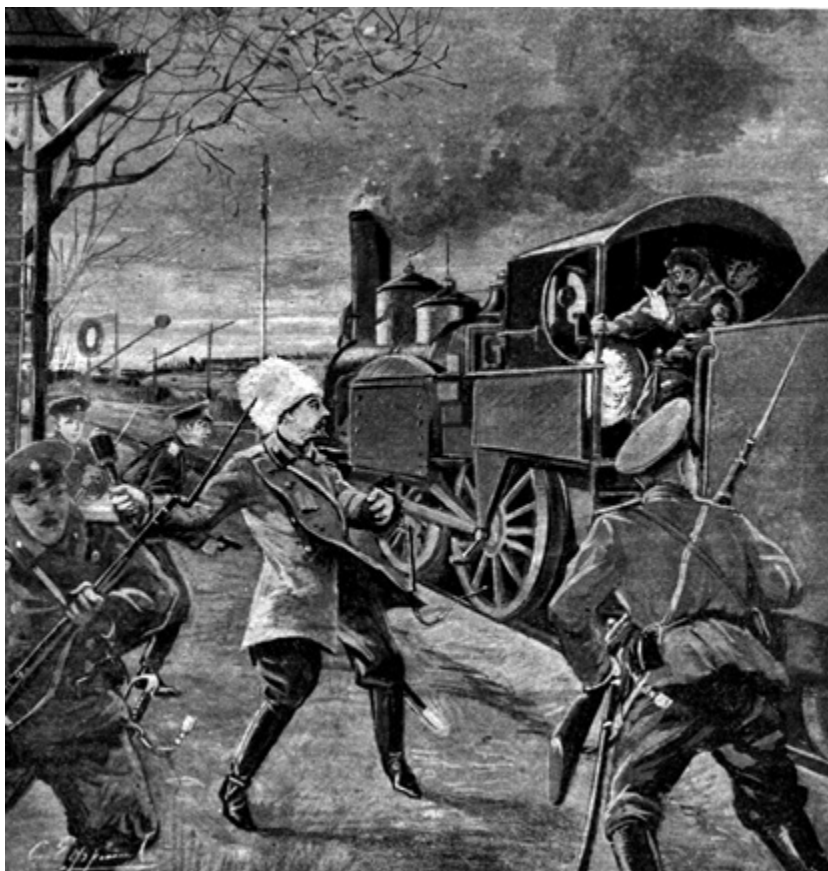
Казачья пулемётная команда (станция Усть-Лабинская)

Марковцы-пулеметчики

С. Л. Марков в рабочем кабинете

Подвиг генерала Маркова. Иллюстрация из журнала «Часовой»

Дом, в котором был убит Л. Г. Корнилов

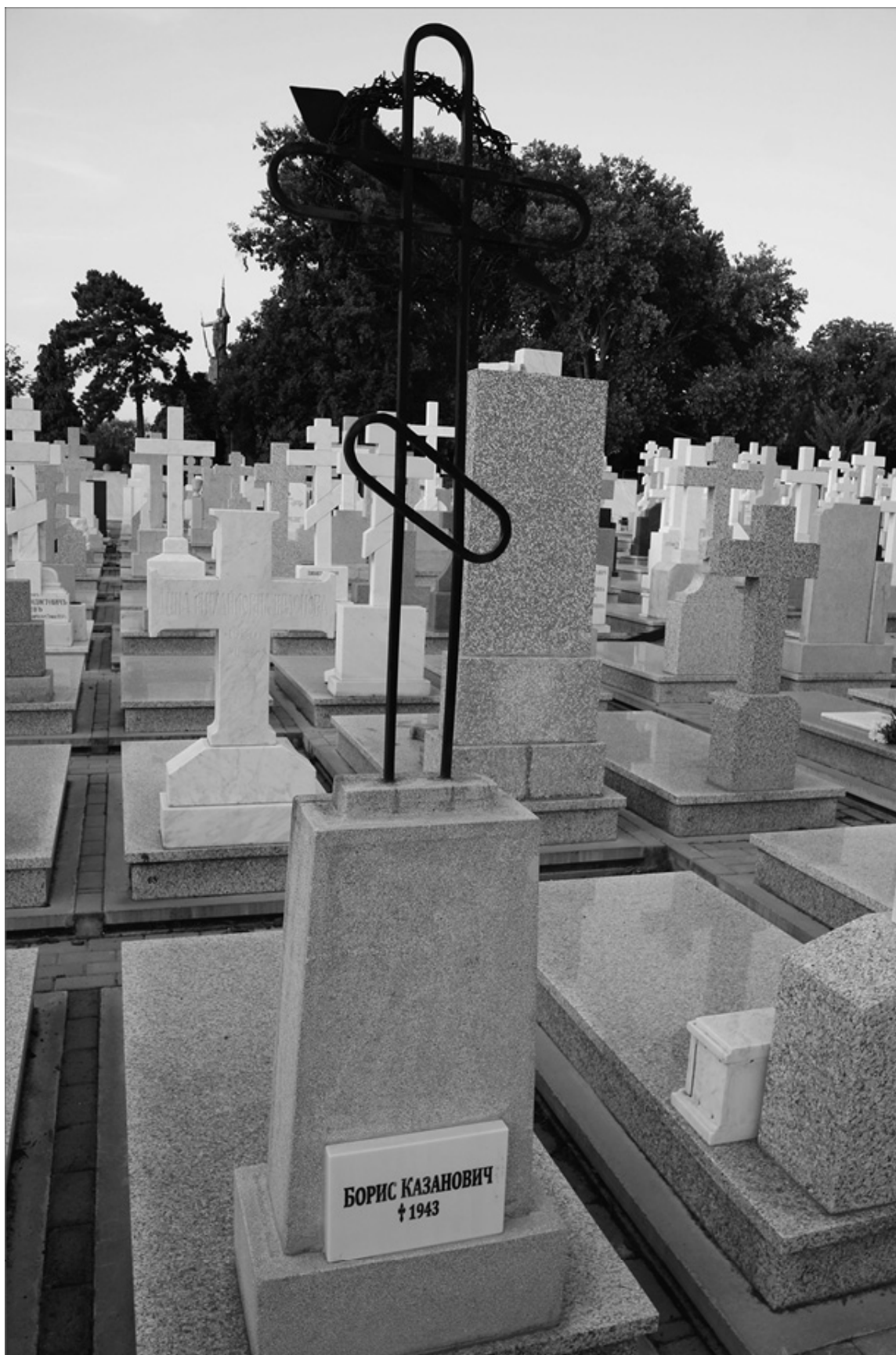
Вынос гроба с телом С. Л. Маркова из Войскового собора.

Первопоходники в Белграде. 1926 г.

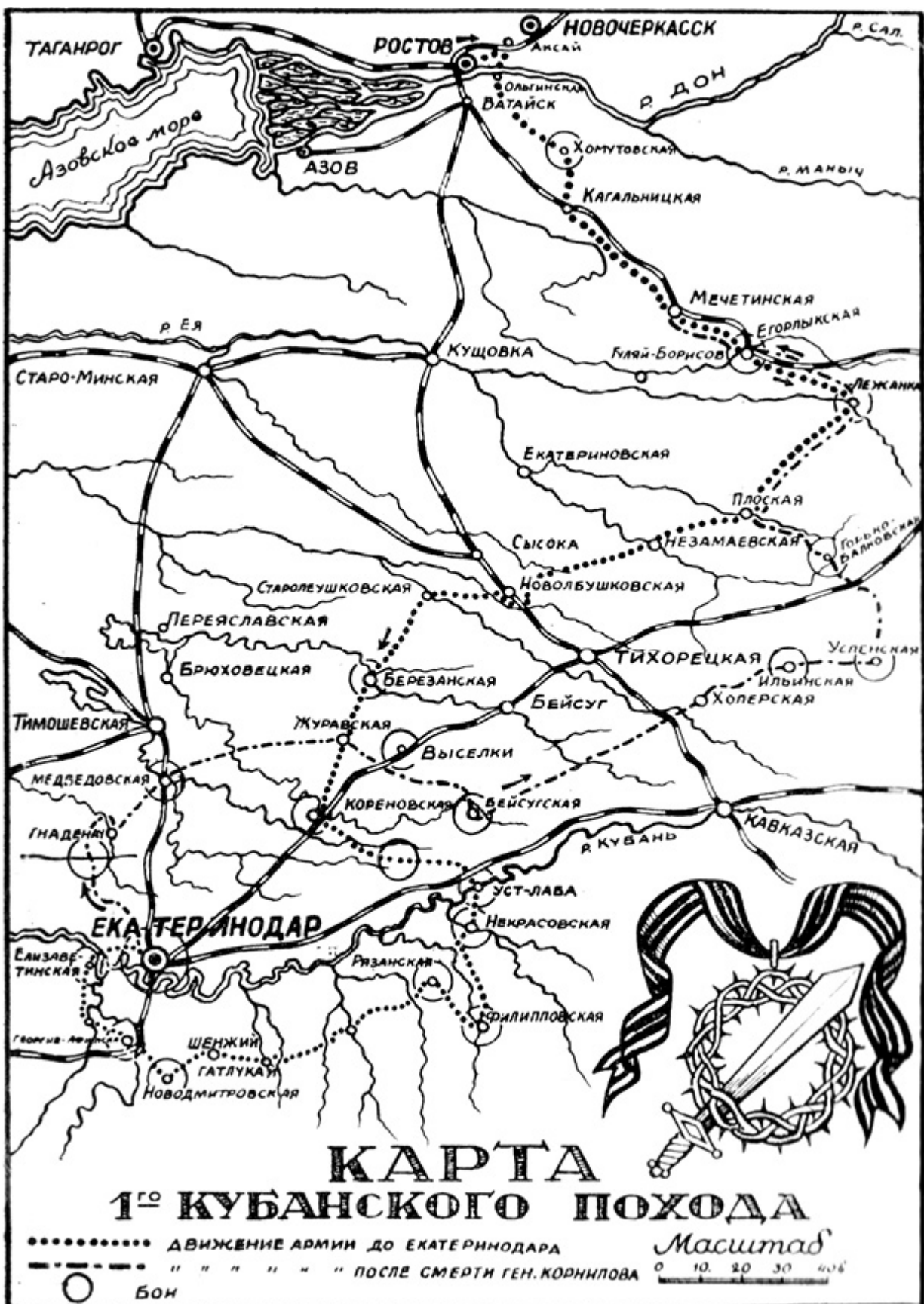
Дроздовцы в эмиграции

Могила генерал-лейтенанта Б. И. Казановича. Белград

Могила первоходника Г. М. Гротенгельма. Белград

Карта 1-го Кубанского похода

notes

Примечания

Иначе этот боевой эпизод описан в воспоминаниях В. С. Эльмановича: «...произошел замечательный курьез, так как снаряд, выпущенный их пушкой, попал в их же паровоз, и в облаках пара, при воплях раненых, он с трудом попятился и уже больше не показывался. По-видимому, красные артиллеристы приняли свой паровоз за наш, то есть “свои своих не познаша”» (Эльманович В. С. Морская рота Добровольческой армии // Вестник первопоходника. № 12. Сентябрь 1962). – Примеч. авт.

Так в тексте. – Примеч. авт.

«Будущий “президент Донской республики”» – с нескрываемым сарказмом писал о нём А.И. Деникин. – Примеч. авт.

На тот момент ещё 80 чинов батальона находилось в различных командировках. – Примеч. авт.

Данные о потерях с обеих сторон, о трофеях, о количестве пленных, приводятся по материалам В.Е. Павлова (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 92). Однако данные эти расходятся с данными, что приводит в своих воспоминаниях участник боя С.М. Пауль: «В этом бою мы потеряли четырёх офицеров убитыми; потери “товарищей” достигали полутора человека, и большинство из них расстрелянными» (Пауль С.М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 185). Сведения о трофеях в этих источниках тоже отличаются. Если В.Е. Павлов писал о 13 захваченных пулемётах, то С.М. Пауль отмечал, что добровольцам досталось 5 пулемётов (2 «Максима» и 3 «Кольт-Браунинг»), а 8 остальных красные сумели увезти с собой в поезде (Пауль С.М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 185) – Примеч. авт.

1-го офицерского батальона, 2-го офицерского батальона, юнкерского батальона, Георгиевского батальона, Корниловского полка, инженерной роты, морской роты, кавалерийского дивизиона полковника Гершельмана. – Примеч. авт.

Р.Б. Гуль писал, что «священника станицы Гниловской, взяв станицу, повесили большевики» (Гуль Р.Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 38). – Примеч. авт.

Черепов А.Н. Зарождение антикоммунистической борьбы на Юге России // Вестник первоходника. № 75. Декабрь 1967. На самом деле партизанский отряд сотника Грекова прибыл в распоряжение генерала Черепова позже, утром 4 (17) февраля. – Примеч. авт.

В.А. Антонова-Овсеенко ошибочно указывает дату 5 (18) февраля (Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Том первый. М., 1924. С. 250). – Примеч. авт.

Станция Хопры была занята красными 4 (17) февраля. – Примеч.
авт.

Здесь и далее имеется в виду полковник Симановский. – Примеч.
авт.

Накануне решающего боя за Ростов генерал Корнилов не стал отстранять полковника Симановского от командования отрядом, в котором он пользовался уважением среди офицеров, а уволил его в резерв уже в самом начале 1-го Кубанского похода, в станице Ольгинской, во время реорганизации Добровольческой армии. Не получив никакой должности, весь поход он провёл в обозе, а затем уехал в свой родной город Полтаву, где был убит на улице во время какого-то выступления солдат местного гарнизона. – Примеч. авт.

Имеется в виду генерал А.А. Боровский. – Примеч. авт.

Не предупредив добровольцев, донская батарея снялась и ушла, а на её место красные установили свои орудия. – Примеч. авт.

Отрывок из стихотворения участника Степного похода отряда генерала Попова Н.Н. Туроверова «Не выдаст моя кобылица...» (1931). – Примеч. авт.

Состав и численность Корниловского Ударного полка указаны по материалам книги: Левитов М.Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 113. – Примеч. авт.

Ещё 20 пулемётов, находившихся у корниловцев ко времени реорганизации Добровольческой армии в станице Ольгинской, были переданы ими в другие части – Примеч. авт.

После производства 12 (25) февраля всех юнкеров Добровольческой армии в офицеры 1-ю юнкерскую батарею переименовали в 1-ю офицерскую. – Примеч. авт.

В мемуарной литературе встречается разная информация о численности отряда генерала Попова – от 1500 до 2000 бойцов, например, А.И. Деникин и А.П. Богаевский указывали – 1500, а А.С. Лукомский – около 2000. – Примеч. авт.

Подробно история эта описана А. С. Лукомским в его воспоминаниях, впервые увидевших свет уже в эмиграции (Из воспоминаний генерала А. С. Лукомского. Архив русской революции. Берлин, 1921. Том II; Берлин, 1922. Том V, VI). – Примеч. авт.

На стихи известного в первой половине XIX века русского писателя и драматурга М. Н. Загоскина (1789–1852), за исторические произведения при жизни снискавшего славу «русского Вальтер Скотта». – Примеч. авт.

Это был прапорщик 491-го Варнавинского полка барон Борис Николаевич Лисовский. – Примеч. авт.

Н.Н. Львов был депутатом Государственной Думы I, III и IV созывов, где занимал ряд ответственных должностей. – Примеч. авт.

По свидетельству В.Е. Павлова, Офицерский полк потерял убитыми 4 офицеров, все из взвода поручика Кромма (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 136).

Потери красных убитыми – 540 человек, а добровольцев – 3 офицера 1-й роты Офицерского полка, привёл в своих воспоминаниях С.М. Пауль (Пауль С.М. С Корниловым // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 196). Р.Б. Гуль назвал цифру – 507 убитых красноармейцев (Гуль Р.Б. Ледяной поход (С Корниловым). Берлин: Издательство С. Ефрона, 1921. С. 72). – Примеч. авт.

Стихотворение А.Ю. Петухова «Хорунжий» (2018). – Примеч. авт.

Дина Романовна Дюбуа, сестра милосердия 3-й роты
Корниловского Ударного полка. – Примеч. авт.

За оставление Выселок без приказа и без боя полковника Гершельмана генерал Корнилов хотел отдать под суд, но после настойчивых просьб некоторых начальников ограничился отрешением его от должности. – Примеч. авт.

Вагенбург – передвижное полевое укрепление из повозок. –
Примеч. авт.

Обоз принял за вражескую кавалерию три сотни казаков, высланных на помощь генералу Корнилову станицей Брюховецкой. – Примеч. авт.

Потери Добровольческой армии по данным А.П. Богаевского, приведённым в книге: Богаевский А.П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 83. – Примеч. авт.

По сведениям А.И Деникина, к концу «Ледяного похода» количество больных и раненых превышало 1500 человек. (Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 132). – Примеч. авт.

Во 2-м Кубанском походе открылось, что поручик Равинский и прапорщик Крановский остановились на отдых и заснули в доме неказака, а тот утром выдал офицеров красным, которые их расстреляли. – Примеч. авт.

4 Командир 3-го взвода 6-й роты Корниловского полка. Н.И. Басов дал его портрет: «Поручик Евдотьев – молодой офицер, весельчак, вечно подтянутый, в прекрасно подогнанном обмундировании, с претензией на шик. Каким я его увидел впервые в Таганрогских казармах в городе Ростове, таким он остался и в походе. Храбрый, хладнокровный в бою и беспощадный к врагу... обладал неплохим голосом и был вечным запевалой в роте. За плечами у него была не винтовка, как у всех офицеров в роте, а мексиканский карабин. Попав в пределы Кубанской области, он сразу преобразился. На нем был уже бешмет и черкеска с вшитыми наглухо погонами поручика. Талия его была перетянута кавказским пояском с хорошим набором ручной работы, у него был не менее хороший кинжал, кавказская шашка и хорошо сидящая на голове низкая каракулевая папаха». (Басов Н.И. Усть-Лабинская // Вестник первопоходника. № 7. Апрель 1962). – Примеч. авт.

320 человек. В ауле Ассоколай большевиками убито 305 человек и т. д. – Примеч. А.И. Деникина.

Через двое суток, 13 (26) марта, в аул Шенджий пришла Добровольческая армия и остановилась там на ночлег. – Примеч. авт.

В воспоминаниях участников похода некоторые события описаны по-разному. Например, по поводу данного эпизода в книге А.П. Богаевского «1918 год» сказано: «Генерал Марков перебрался на другой берег с небольшой частью своего полка, ещё когда цел был мост» (Богаевский А.П. 1918 год. Ледяной поход. Нью-Йорк: Издание Музея белого движения Союза Первопоходников, 1963. С. 100). А.И. Деникин в книге «Борьба генерала Корнилова» пишет следующее: «Наконец марковские конные разведчики перешли реку вброд у снесённого моста» (Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 160). – Примеч. авт.

Этот и подобные ему эпизоды боя за станицу Ново-Дмитриевскую послужили поводом для генерала Маркова в публичной лекции в Новочеркасске впервые назвать 1-й Кубанский поход «Ледяным»

Унос – пара лошадей, обычно первая, в запряжке четверкой и более. – Примеч. авт.

Генерал Гулыга не пошёл из Екатеринодара с Кубанской армией, а уехал в Ейский отдел, где случайно встретил части Добровольческой армии и примкнул к ней. «Впоследствии генерал Алексеев говорил мне, – писал А.П. Филимонов, – что Гулыга аттестовал всех правителей Кубани очень не лестно и что это будто бы и обусловило холодность нашей первой встречи» (Филимонов А.П. Кубанцы // Ледяной поход. М.: Голос, 1993. С. 167). – Примеч. авт.

По свидетельству А.И. Деникина, 3-й пункт договора в дальнейшем создавал «большие осложнения во взаимоотношениях между главным командованием и Кубанью» (Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 164). – Примеч. авт.

По данным А.И. Деникина (Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 165). – Примеч. авт.

«Пуля попала в правый глаз, разбила глазную скуловую дугу, глаз увлекла с собою в рану, пробила обе челюсти и вышла под правым ухом», – писал в своих воспоминаниях С.М. Пауль (Пауль С.М. С Корниловым // *Ледяной поход*. М.: Голос, 1993. С. 208). – Примеч. авт.

По данным В.Е. Павлова, потери Офицерского полка в бою за Георгие-Афипскую составили около 150 человек (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 191). – Примеч. авт.

Летописец марковских частей В.Е. Павлов иначе, чем А.П. Богаевский, описал момент кульминации боя, утверждая, что именно батарея подполковника Миончинского метким огнём отогнала бронепоезд и подожгла склад с боеприпасами (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 190).

Дефиле (в военном значении) – узкий проход между препятствиями (горами, озёрами, болотами, лесами и т. п.), обычно используемый для пассивной или активной обороны. – Примеч. авт.

После 1-го Кубанского похода доктор Крошечкин скончался от этой раны в Новочеркасске. – Примеч. авт.

По свидетельству генерала Казановича, к началу осады Екатеринодара в Партизанском полку насчитывалось около 800 бойцов, то есть за 3 дня боёв из строя выбыло 500 человек, почти 2/3 личного состава (Казанович Б.И. Партизанский полк в Первом Кубанском походе // Вестник первопоходника. № 16. Январь 1963). – Примеч. авт.

По данным М.Н. Левитова (Левитов М.Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж. 1974. С. 159). – Примеч. авт.

Вероятно, Б.И. Казанович имел в виду число оставшихся в строю старых партизан, воевавших с начала похода. — Примеч. авт.

Военный совет описан по воспоминаниям А.И. Деникина, А.П. Богаевского и А.П. Филимонова. – Примеч. авт.

Генерал Корнилов был очень недоволен действиями кавалерии под Екатеринодаром и лично генералом Эрдели. По свидетельству его адъютанта корнета хана Хаджиева, ночью после военного совета главнокомандующий в сердцах обронил фразу: «Этакий неудачник Эрдели! Куда его ни пошли, всюду неудача!» (Хаджиев Р.Б. Жизнь и смерть генерала Корнилова. М.: Вече, 2014. С. 440). Вероятно, генерал Корнилов имел в виду не только малоэффективные действия кавалерийской бригады в екатеринодарских боях, но и не принёсшую желаемых плодов поездку генерала Эрдели в Екатеринодар ещё до выхода Добровольческой армии в 1-й Кубанский поход. – Примеч. авт.

Последние часы жизни и гибель Л.Г. Корнилова описаны по воспоминаниям его адъютанта хана Р.Б. Хаджиева, всё это время неотлучно находившегося рядом с ним, а также по мемуарам других свидетелей его кончины: А.И. Деникина, А.П. Богаевского и С.М. Трухачёва. – Примеч. авт.

Несколько иначе описывает момент взрыва А.И. Деникин, который в это время вышел из штаба и сидел на берегу Кубани: «В момент разрыва гранаты в дверях появился Долинский, которого отшвырнуло в сторону. Когда затем Казанович и Долинский вошли первыми в комнату, она была наполнена дымом, а на полу лежал генерал Корнилов, покрытый обломками штукатурки и пылью. Он еще дышал... Кровь сочилась из небольшой ранки в виске и текла из пробитого правого бедра» (Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова // Генерал Корнилов. М.: Голос, 1993. С. 183). – Примеч. авт.

Во время взрыва бурка лежала на кровати, на которой сидел генерал Корнилов. – Примеч. авт.

Случай этот описан в воспоминаниях Л.П. Сукачёва (Сукачёв Л.П. От Двинска до Дона в международном спальном вагоне (продолжение) // Вестник первоходника. № 30. Март 1964).

Имеется в виду Яков Фёдорович Рыковский, а его брат подъесаул лейб-гвардии Казачьего полка Фёдор Фёдорович Рыковский в тот день остался невредим. – Примеч. авт.

Правильное название немецкой колонии – Гнадау. Топоним «Гначбау» первоначально появился в результате опечатки на «Карте района проектируемой линии Черноморско-Кубанской железной дороги» 1910 г. В дальнейшем эта ошибка перекочевала в некоторые воспоминания белоэмигрантов, где встречаются и другие неправильные названия этого населённого пункта, например «Гнаденау» и др. – Примеч. авт.

К началу боя за Григорьевскую Корниловский полк насчитывал около 1000 человек. Под Екатеринодаром полк дважды пополнялся мобилизованными казаками: 300 и 350 человек. В колонии Гнадау в строю осталось 100. Таким образом, в екатеринодарских боях корниловцы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести 1550 человек (в число потерь входят казаки, которые разошлись по домам в основном в последние 2 дня боёв и во время отхода к Гнадау). Приводится по данным М.Н. Левитова (Левитов М.Н. Корниловский Ударный полк 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1974. С. 167). – Примеч. авт.

В Екатериновдарскую операцию входили бои за станицы Григорьевскую, Смоленскую, Георгие-Афипскую и осада Екатеринодара. – Примеч. авт.

За Екатеринодарскую операцию Офицерский полк потерял около 350 человек, из них 80 убитыми и до 50 пропавшими без вести. Состав рот на 2 (15) апреля: 1-я рота – 100, 2-я рота – 40, 3-я рота – 100, 4-я рота – 50, в 5-й и 6-й ротах по 40. Приводится по данным В.Е. Павлова (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 208). – Примеч. авт.

Приводится по данным В.Е. Павлова. В том же источнике указано, что потери Офицерского полка составили 15 человек убитыми и около 60 раненых (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 годов. Книга первая 1917–1918 гг. Париж, 1962. С. 216). – Примеч. авт.

Прапорщика Чирикова красноармейцы пощадили. В дальнейшем раненую правую ногу ему ампутировали. – Примеч. авт.